

ИЛЛЮСТРАЦІЯ ДЛѢ ВСѢХЪ
ИЗЪ
ЖИЗНИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

КНИГА ДЛѢ
ВЗРОСЛЫХЪ И
ДѢТЕЙ.



Съ 200 Гравюрами на деревѣ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1874.





ПЛЮСТРАЦІЯ ДІЯ ВСЬХЪ

ІЗЪ

ЖИЗНИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 6 февраля 1874 г.

ИЛЮСТРАЦІЯ ДЛЯ ВСѢХЪ

ИЗЪ

ЖИЗНИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

СЪ 200 ГРАВЮРАМИ НА ДЕРЕВѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ВЪЗОРЯЗОВА И КОМП. (ВАС. ОСТРОВЪ, 8 ЛИЦІИ, № 45).

1874.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

1314-12



2011249859

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.		СТР.
1. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, съ 10 рисунками, <i>Н. Лайбова</i>	1	8. Петербургъ Зарѣчный, съ 26 рисунками, <i>И. Досъдова</i>	139
2. Картины русскаго Сѣвера, съ 23 рисунками, <i>О. А. Оедорова</i>	15	9. Кое-что о Сибири, съ 17 рисунками, <i>Ю. В.</i>	165
3. Ревель и Гельсингфорсъ, съ 31 рисунками, <i>В. В. Толбина</i>	35	10. Петербургскій день при Петрѣ I (1723 годъ), съ 8 рисунками, <i>А. Б.</i>	179
4. Хуторянскіе друзья, съ 7 рисунками, <i>Г. П. Данилевскаго</i>	77	11. Очерки Киргизской Стени, съ 1 рисункомъ, <i>И. И. Михайлова</i>	201
5. Два дня въ Баку, съ 4 рисункомъ, <i>А. В.</i>	101	12. Нижній-Новгородъ, съ 10 рисунками.	209
6. Державинъ, съ 9 рисунками	111		
7. Коясвецъ и Валаамъ, съ 12 рисунками, <i>А. И. Томина</i>	123	Кромѣ того между статьями размѣщены листки изъ альбома художника и шутки пера и карандаша — всего 42 рисунка.	

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.



мя Пушкина извѣстно каждому читающему Русскому. О немъ было писано у насъ очень много, и еще недавно, при новомъ изданіи его сочиненій, представленъ русской публикѣ

блѣй томъ матеріаловъ для его біографіи, собранныхъ г. Анненковымъ. Въ нихъ можно почерпнуть довольно много любопытныхъ данныхъ для характеристики Пушкина, и мы стараемся воспользоваться важнѣйшими изъ нихъ для нашего очерка, имѣющаго въ виду именно характеристику поэта, такъ какъ собственно біографія его всемъ извѣстна, и притомъ, какъ у большей части писателей, не богата событіями, имѣющими внѣшній интересъ.

Пушкинъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Это обстоятельство, само по себѣ совершенно ничтожное въ жизни поэта, заслуживаетъ нашего вниманія потому, что самъ Пушкинъ придавалъ ему весьма большое значеніе. Онъ съ наслажденіемъ занимался своей генеалогіей, гордился своимъ *шестисотлѣтнимъ* дворянствомъ, осуждалъ одного изъ своихъ родственниковъ за то, что онъ подписался подъ

грамматой объ уничтоженіи мѣстничества, зло смѣялся надъ тѣми, для которыхъ все равно,

«Кто-бъ ни былъ ихъ родоначальникъ,
Мстиславъ, Князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ»,

и писалъ, что только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго: такъ образованный Французъ или Англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, гдѣ упомянуто имя его предка, но у Калмыковъ нѣтъ ни дворянства, ни исторіи. Впрочемъ поэтъ, простирая свое генеалогическое пристрастіе слишкомъ далеко, нѣсколько преувеличивалъ древность своего рода, возводя его къ прусскому выходцу Радши, пріѣхавшему въ Россію во время Александра Невскаго. Отъ этого Радши Пушкины ведутъ свой родъ вмѣстѣ со многими другими родами; настоящій же родоначальникъ фамиліи Пушкиныхъ былъ нѣкто Григорій Пушка, жившій, по нѣкоторымъ соображеніямъ, въ началѣ XV вѣка. Съ этого времени и начинаются упоминанія о Пушкиныхъ въ историческихъ памятникахъ.

Со стороны матери родъ Пушкина также замѣчателенъ. Прадѣдъ его, по собственнымъ словамъ Пушкина, былъ сынъ одного владѣтельнаго африканскаго князька, попалъ въ Константинополь амманатомъ, а здѣсь, осьми лѣтъ отъ роду, купленъ русскимъ посланникомъ и отосланъ въ подарокъ Петру Великому. Петръ очень полюбилъ его, и въ русской службѣ Негръ Ганнибалъ дослужился до чина генералъ-аншефа. Сынъ его, Осипъ Абрамовичъ, служилъ во флотѣ и былъ женатъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной. Дочь ихъ, Надежда Осиповна, вышла потомъ за Сергѣя Львовича Пушкина, и отъ этого брака, 1799 г., 26-го мая, родился Александръ Сергѣевичъ. Гор-

дася своимъ родомъ, поэтъ нерѣдко съ замѣтнымъ услажденіемъ упоминаетъ также и о своей *африканской* крови.

Отецъ Пушкина былъ богатый помѣщикъ, получившій блестящее французское образованіе, веселый, остроумный, жившій въ отставку въ Москвѣ, въ то время, какъ родился нашъ поэтъ. О домашнемъ воспитаніи молодого Пушкина мы знаемъ очень немного, но, судя по общимъ чертамъ, сохраннымъ въ воспоминаніяхъ его родственниковъ и друзей, можемъ думать, что въ немъ таится начало и основаніе многихъ качествъ, въ послѣдствіи отличавшихъ поэта. По тогдашнему обыкновению, его образованіе предоставлено было иностраннымъ гувернерамъ, по большей части — Французамъ, и между ними поналось нѣсколько эмигрантовъ; въ семействѣ господствовалъ французскій языкъ; домъ С. А. Пушкина былъ открытъ для всѣхъ эмигрантовъ и библіотека его была наполнена французскими книгами, конечно, подѣляя общему настроенію. Все это способствовало тому, чтобы развить въ воспріимчивой натурѣ Пушкина—веселость, любезность, остроуміе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему то безпечное легкомысліе, ту небрежную поверхностность, которая старается обходить серьезные теоретическіе вопросы жизни. Значеніе этихъ чертъ въ Пушкинѣ мы еще увидимъ. Съ этимъ направленіемъ соединялась природная лѣнь и беззаботность поэта, которая въ дѣтствѣ его выражалась чрезвычайной неповоротливостью, сидячестью и молчаливостью. Родные сочли это признакомъ слабости и тупости умственныхъ способностей, что для нихъ еще болѣе подтверждалось странною угрюмостью и робостью ребенка, которая, можетъ быть, и произошла вслѣдствіе привычки слышать о себѣ постоянно невыгодное мнѣніе. Большое вліяніе могъ также имѣть здѣсь и характеръ отца Пушкина, вспыльчивый и раздражительный, можетъ быть, не разъ дававшій себя знать мальчику. Говорятъ, что Пушкинъ, чтобы избавиться отъ требованій — быть поживѣе, убѣгалъ не рѣдко къ своей бабушкѣ, залѣзалъ въ ея рабочую корзинку и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, смотря на ея работу. Начиная съ семилѣтняго возраста, его характеръ начинаетъ измѣняться: живая натура поэта вступаетъ въ свои права, освобождаясь отъ робкой лѣнны и сосредоточенности. Но тѣмъ не менѣе впечатлѣнія дѣтства оставили въ немъ слѣды на всю жизнь. Недовѣрчивость къ силѣ собственной мысли, отвращеніе отъ упорной работы надъ теоретическими вопросами, уклончивость и нерышительное поведеніе въ практическихъ сношеніяхъ съ людьми произошли весьма естественно изъ первыхъ отноше-

ній Пушкина къ своему семейству. Въ послѣдствіи, сознавши свои духовныя силы, высоко поставленный во мнѣніи общества, онъ научился уважать себя болѣе, научился даже презирать *толпу*; но недостатки легкаго французскаго воспитанія помѣшали и здѣсь. Пушкинъ остановился на внѣшности, не нашелъ въ себѣ того, что составляетъ истинную силу человеческой личности и, сѣмѣвши сдѣлаться до нѣкоторой степени независимымъ отъ частныхъ вліяній, не могъ освободиться отъ тяготившаго нѣкоторыхъ привычекъ жизни. Говоря о домашнихъ вліяніяхъ на Пушкина, нельзя умолчать о нянѣ его, Аринѣ Родіоновнѣ. Она была для своего питомца представительницею русской народности: она ему передавала волшебныя сказанія русской старины, знакомила его съ русской рѣчью, внушала ему народныя чувства и воззрѣнія. Ей же, можетъ быть, обязанъ онъ отчасти своимъ суевѣріемъ, которое обнаруживалъ во многихъ случаяхъ жизни. Такъ онъ участь своего таланта соединялъ съ силою какого-то перстня, вѣрилъ счастью серебряной копѣечки, бывшей у него; вѣрилъ предсказаніямъ, придавалъ таинственное значеніе дню Вознесенія, въ который онъ родился, и проч. Впрочемъ это опять могло быть естественнымъ слѣдствіемъ его страстной, впечатлительной натуры, не направляемой строго — логическимъ развитіемъ. Въ первые годы молодости по этому же самому, конечно, онъ позволилъ себѣ слишкомъ увлечься разсѣянными свѣтами, но уже въ послѣдніе годы жизни онъ совершенно предался религіозному направленію.

Между тѣмъ съ семи лѣтъ Пушкинъ быстро развивался. Прежняя неповоротливость замѣнилась даже рѣзвостью. Чтеніе было его любимымъ занятіемъ; онъ пожиралъ книги, и, по замѣчанію Сергія Львовича, на 11-мъ году зналъ уже наизусть всю французскую литературу. Блестящее общество, собиравшееся въ домѣ Пушкиныхъ, то-же не осталось, конечно, безъ вліянія на развитіе способностей молодого Пушкина. Скоро онъ началъ и самъ составлять французскіе стишки, въ подражаніе тому, что читалъ и слышалъ: онъ устроилъ съ сестрой своей нѣчто въ родѣ театра и импровизировалъ для него комедійки. Прочитавши «Гепріаду», онъ написалъ даже поэму *Joliade*, въ 6 пѣсняхъ, содержаніемъ которой была война карлицъ и карликовъ во времена Дагоберта. Но по-русски во все это время Пушкинъ почти ничего не писалъ.

Двѣнадцати лѣтъ Пушкинъ, при содѣйствіи В. О. Малиновскаго и А. И. Тургенева, поступилъ въ Царскосельскій Лицей, только-что учрежденный въ то время (1811). Здѣсь скоро развились главныя черты характера Пушкина. Его живость и вѣтрость вы-

звали его острый умъ на насмѣшки надъ товарищами, за что сначала его не любили и прозвали Французомъ; но, съ другой стороны, добродушіе и искренность его не могли не найти отзыва въ кружкѣ товарищей, и, дѣйствительно, лицейскія привязанности всегда были дороги сердцу Пушкина. Скоро проявилась въ немъ и

любовь къ литературѣ: въ Лицеѣ издавалось при немъ нѣсколько рукописныхъ журналовъ, въ которыхъ помѣщались его стихи. Особенно славились въ кругу товарищей его эниграммы. Въ наукахъ же точныхъ и требующихъ умственного усилія Пушкинъ всегда отставалъ. Еще въ дѣтствѣ плакалъ онъ надъ четырьмя правилами Арифметики; а въ Лицеѣ вотъ какъ аттестовалъ его Кунцынъ въ 1814 г.: «весьма понятенъ, замисловатъ и остроуменъ, но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому

усилія его очень невелики, особенно по части Логикѣ». Эта замѣтка дѣлаетъ честь проницательности доброго профессора.

За-то литературой Пушкинъ занимался усердно, вмѣстѣ съ своими друзьями, особенно съ Дельвигомъ. Дельвиго убадиль-было его заниматься нѣмецкой литературой: но Пушкинъ скоро бросилъ ее, вѣроятно потому, что это занятіе требовало *сильнаго напряже-*

нія. Любимой его литературой оставалась по-прежнему французская, и отчасти итальянская, съ которой онъ познакомился еще дома. Въ Лицеѣ онъ, кажется, занимался и латинью. Здѣсь онъ велъ нѣкоторое время свои записки, сохранившіеся отрывки которыхъ показываютъ, что уже въ то время онъ

серьезно занятъ былъ литературой и предпринималъ много литературныхъ трудовъ въ разныхъ родахъ. Такъ хотѣлъ онъ писать *ироническую* поэму «Игорь и Ольга», писалъ романъ «Фотама, или разумъ человѣческій», начиналъ какую-то комедію, задумывалъ представить картину Царскаго Села. Все это осталось неисполненнымъ или неоконченнымъ. Между-тѣмъ Пушкинъ не переставалъ во все время лицейской жизни писать мелкія лирическія стихотворенія, въ подражаніе — частію французскимъ поэтамъ, частію Державину, Батюшкову, Жуковскому, тогдашнимъ ко-

рифеемъ нашей поэзіи. По большей части — это легкія, остроумныя шутки, посланія къ друзьямъ и піески въ томъ неопредѣленно-эротическомъ родѣ, какой могъ быть доступенъ мальчику, знавшему наслажденія и страданія любви по прочитаннымъ романамъ да по празднымъ мечтамъ воображенія. Первое напечатанное его стихотвореніе было: «Къ другу-стихотворцу» (Вѣстн. Евр. 1814 г., іюль, № 13), и затѣмъ въ про-



Церковь въ Царскомъ Селѣ и арка между дворцомъ и зданіемъ, въ которомъ помѣщался Лицей.

долженіе 1814—1817 г. стихи его постоянно помещались въ Вѣстникѣ Европы, Россійскомъ Музеумѣ, Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Наблюдателѣ. Замѣчательно, что въ то время Пушкинъ не увлекся одоніемъ, которое тогда еще господствовало. Между лицейскими стихотвореніями его находимъ только три или четыре піесы возвышенно-браниаго содержанія. Это, конечно, даетъ очень выгодное понятіе о поэтическомъ тактѣ молодого Пушкина, который уже и въ это время успѣлъ написать нѣсколько піесъ, ярко отличающихся и по стиху, и по способу представленія предметовъ отъ всего, что было донего. Стихотвореніе «Лицинію», написанное въ 1815 г., отличается даже благородствомъ и силою мысли болѣе, чѣмъ нѣкоторыя изъ зрѣлыхъ созданій Пушкина, въ которыхъ онъ, переставая быть просто художникомъ, рѣшался затрогивать высшіе общественныя вопросы. Впрочемъ, судя по тому, что въ одинъ годъ съ «Лициніемъ» написалъ Пушкинъ

нѣмъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», «Наполеонъ на Эльбѣ» и др., можно думать, что и тогда поэтъ не былъ слишкомъ преданъ мыслямъ, выраженнымъ имъ въ стихахъ своихъ. Вѣроятно, это было у него просто мгновенная вспышка, не мѣшавшая его мирно-эпикурейскимъ наклонностямъ, которыя рѣшительно преобладаютъ въ общей массѣ его лицейскихъ стихотвореній. Изрѣдка появляется въ нихъ оттѣнокъ элегической грусти, которая впоследствии такъ превосходно завершала часто его живые порывы и придавала такую поэтическую прелесть его изображеніямъ. 9 іюня 1817 г. Пушкинъ былъ выпущенъ изъ Лицея, а 13 іюля опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. На лѣто, впрочемъ, онъ отправился въ свое псковское имѣнье, Михайловское, ко-

торое потомъ играло такую важную роль въ его поэтической жизни. Три года затѣмъ онъ прожилъ въ Петербургѣ, предаваясь всѣмъ увлеченіямъ и изнѣщавъ молодости. Онъ былъ въ это время принятъ въ кругъ петербургскихъ литераторовъ какъ уже извѣстный писатель. Еще въ Лицеѣ напутствованный благословеніемъ Державина, ободренный потомъ благосклонностью Карамзина, юноша-поэтъ скоро обратилъ на себя вниманіе Жуковского и другихъ заслуженныхъ писателей, введенъ былъ въ Арзамасское Общество литераторовъ, познакомился съ Катенинымъ, котораго онъ всегда чрезвычайно уважалъ, какъ умнаго критика. Въ 1820 г. явилась его поэма «Русланъ

и Людмила», по прочтеніи которой Жуковский подарилъ Пушкину портретъ свой съ надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя», хотя, собственно, произведеніе это и не заслуживало еще такой восторженной похвалы. При всемъ стараніи поддѣлаться подъ задрусскихъ



Сельцо Михайловское.

народныхъ сказокъ, оно очень мало имѣетъ въ себѣ народнаго и довольно бѣдно въ поэтическомъ отношеніи. Впрочемъ поэма эта, начатая еще въ Лицеѣ, окончена была уже на Кавказѣ. Въ Петербургѣ же Пушкинъ въ это время писалъ мало, да и то большею частію такіа стихотворенія, которыхъ нельзя было печатать и которыхъ впоследствии онъ самъ стыдился. Это были, большею частію, такіа эпиграммы и разныя піески нескромнаго содержанія. Въ 1820 г. перевели его въ службу на Кавказъ. Послѣдующія произведенія поэта доказали, что обнаруженное имъ направленіе не было глубоко въ его душѣ, а привилось къ нему только вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, не могшихъ не подѣйствовать на страстную, пламенную натуру его.

Пять лѣтъ провелъ Пушкинъ на югѣ Россіи, подарившемъ его многими прекрасными вдохновеніями. Большую часть этого времени прожилъ онъ въ Кишиневѣ и Одессѣ, что впрочемъ не мѣшало ему странствовать по Крыму и Бессарабіи, присматриваясь къ тамошнимъ Цыганамъ и Грекамъ.

Это время осталось памятнымъ для его развитія. Онъ много писалъ здѣсь и скоро приобрѣлъ громкую славу на Руси. Въ 1822 г. явился его «Кавказскій Пастырь», въ 1824 — «Бахчисарайскій Фонтанъ». Пастырь стоитъ уже выше Руслана, хотя и о немъ еще самъ Пушкинъ говоритъ впоследствии: «все это слабо, молодо, незрѣло; но многое угадано и выражено вѣрно».

Наэтойпеснѣ, равно какъ и на Гирѣ, замѣтны еще слѣдывлія Байрона. Тогда же начаты «Онегинъ» и «Цыганы». Лирическія произведенія во все это время безъ перерыва печатались въ журналахъ, и въ 1826 г. явилась въ печати первая часть собранія ихъ.

Въ концѣ 1824 г. прѣхалъ онъ въ свое Михайловское и здѣсь въ уединеніи Псковской Губерніи прожилъ до 1826 г. Здѣсь посѣтили его друзья и, между прочими, Языковъ. Во все это время онъ очень много работалъ. Здѣсь были написаны шесть главъ Онегина, «Графъ Нулинъ», начаты «Борисъ Годуновъ». Лирическія стихотворенія, относящіеся къ этому году, поражаютъ отѣнкомъ тихой грусти, которая съ этихъ поръ дѣлается неразлучной спутницей его музыки. Особенно поражаетъ этимъ трогательнымъ чувствомъ стихотвореніе—19-е октября.

Во время пребыванія своего въ псковскомъ уединеніи Пушкинъ особенно обратился къ изученію русской народности. Онъ неоднократно посѣщалъ въ это

время Псковъ, молился въ его монастыряхъ (Печерскомъ и Ситогорскомъ, возлѣ самаго Пскова), разсматривалъ памятники его исторической древности на мѣстѣ перваго водворенія князей русскихъ (въ Изборскѣ), и тѣмъ приготовлялъ уже себя къ тому дѣлу, которое потомъ ему должно было выполнить въ отношеніи къ поэтическому и историческому изображенію судебъ Россіи. Но особенно занимало его въ то время наблюденіе надъ языкомъ и нравами народа. Онъ, переодѣтый, ходилъ даже иногда по базарамъ псковскимъ для изученія живой народной рѣчи. Кромѣ того онъ собиралъ тогда народныя пѣсни и записывалъ сказки, которыя сказывала ему няня

Арина Родионовна.

3-го сентября 1826 г. Пушкинъ перѣхалъ въ Москву. Всѣмъ здѣсь онъ принять былъ съ энтузіазмомъ. Его долгое отсутствіе еще увеличило его славу, какъ поэта, и придало особенный интересъ его личности.

Въ упоеніи славы, дружбы и свѣтскихъ веселостей провелъ онъ всю эту зиму, почти не трогая пера. Съ 1827 г. онъ принялъ дѣятельное участіе въ новомъ журналѣ, предпринятомъ г. Погодинымъ — Московскомъ Вѣстникѣ. Въ этомъ же году издалъ онъ своихъ «Цыганъ»; въ 1828 г. явились три главы Онегина; въ 1829 г. — «Полтава», поразившая всѣхъ стальною крѣпостью и силою стиха, и двѣ книжки лирическихъ стихотвореній. Слава его достигла высшей степени. Каждое новое его произведеніе мгновенно разлеталось по всѣмъ концамъ Россіи, читалось, переписывалось, заучивалось. Книгопродавцы на-перерывъ покупали его произведенія и платили ему по 10 рублей за стихъ. Такимъ образомъ Пушкинъ съ справедливою гордостью могъ сказать о



Печерскій Псковской Монастырь.

себѣ, что онъ одинъ изъ первыхъ у насъ развилъ книжную торговлю.

Въ 1829 г. Пушкинъ еще разъ съѣздилъ на Кавказъ и возбудилъ всеобщія ожиданія новыхъ твореній, посвященныхъ интересной странѣ. Дѣйствительно, плодомъ этой поѣздки было — «Путешествіе въ Арзрумъ» и стихотворенія: «Донъ», «Делибашъ», «Монастырь на Казбекѣ», «Кавказъ», «Обвалъ».

Въ 1830 г. конченъ Онѣгинъ и изданъ «Борисъ Годуновъ», это величайшее драматическое произведеніе русской литературы, хотя и погрѣшающее въ невольной идеѣ, въ которой Пушкинъ суетвѣрно сѣдоваль Карамзину. Въ этомъ же году Пушкинъ принималъ большое участіе въ основаніи Литературной Газеты Дельвигомъ. Вообще 1830 годъ весьма замѣчателенъ въ жизни Пушкина, какъ поэта и какъ человека. 21-го апрѣля этого года онъ сдѣлался счастливымъ женихомъ Н. Гончаровой, которую узналъ и полюбилъ еще въ 1828 г. Въ августѣ же онъ долженъ былъ, по хозяйственнымъ дѣламъ, ѣхать въ нижегородскую свою вотчину, село Бордино. Здѣсь застала его холера и онъ принужденъ былъ пробыть тамъ до декабря. Это время было для него временемъ самой плодотворной дѣятельности. Въ три осенніе мѣсяца написаны: «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Каменный Гость», «Лѣтопись села Горохина», повѣсти Бѣлкина и около 30 мелкихъ стихотвореній. Онѣгинъ оконченъ здѣсь же.

Наконецъ въ февралѣ 1831 г. совершилась свадьба Пушкина въ Москвѣ. Скоро послѣ того перѣхалъ онъ въ Петербургъ и здѣсь принялся за собраніе матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. Между тѣмъ

въ то же время привлекъ его вниманіе одинъ изъ любопытѣйшихъ эпизодовъ русской исторіи — бунтъ Пугачева, и въ слѣдующіе два года онъ написалъ его исторію и повѣсть изъ того же времени — «Капитанскую Дочку». Вообще Пушкинъ склоняется теперь все болѣе къ эпосу и болѣе начинаетъ писать прозой. Онъ самъ говорилъ, что лирическія піесы можно писать только до 35 лѣтъ, когда еще чувства свѣжи и молоды. Къ 1832 году относятся также «Дубровский» и «Русалка».

Въ 1833 г. Пушкинъ совершилъ поѣздки въ Казань и Оренбургъ для собранія на мѣстѣ свѣдѣній о Пугачевѣ. Лѣтомъ этого года перевелъ онъ «Пѣсни западныхъ Славянъ», а

осенью кончилъ «Мѣднаго Всадника». Къ тому же году относятся, вѣроятно, статьи, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «Мыслей надорогъ».

Въ слѣдующіе два года Пушкинъ напечаталъ въ Библіотекѣ для Чте-



Святогорскій Монастырь.

нія — «Пиковую Даму», «Кирджали» и «Гусара». За послѣднюю піесу, въ которой между прочимъ мастерски очерченъ типъ стараго гусара, онъ получилъ отъ Смирдина 2000 рублей. Тогда же выдалъ онъ 4-ю книжку своихъ стихотвореній и написалъ «Египетскія Ночи».

Послѣдній годъ жизни поэта занятъ былъ изданіемъ журнала, о которомъ давно онъ думалъ и хлопоталъ, но котораго все не успѣвалъ начать. Приступивъ наконецъ къ изданію Современника, Пушкинъ съ увлеченіемъ принялся за него, желая сдѣлать изъ него изданіе съ благороднымъ, серьезнымъ тономъ и характеромъ, которое могло-бы противодѣйствовать легкому, насмѣшливому взгляду на литературу, развивавшемуся тогда въ Библіотекѣ для Чтенія. Въ журналѣ

Пушкина приняли участіе Гоголь, Жуковский, Князь Вяземскій. Самъ издатель чрезвычайно много работалъ для журнала, помѣщая въ немъ особенно много прозаическихъ статей.

Стихотворенія Пушкина въ послѣднее время отличаются особенно религіознымъ характеромъ. Онъ даже занимался въ это время переложеніемъ житій Святыхъ и чуть-ли не участвовалъ въ составленіи «Словаря Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви». Онъ обыцалъ идти еще дальше по этому пути; но судьба не дала ему выразить этого направленія ни въ какомъ великомъ изданіи. Страшный ударъ поразилъ поэта въ то самое время, какъ онъ готовился изумить Рос-
сію новыми
твореніями, какихъ отъ него не ожидали.

27-го января 1837 онъ раненъ на поединкѣ Георгіемъ Геккерномъ (Дантесомъ) и 29 скончался. Грустно разсказывать трагическую исторію его кончины; впрочемъ

описаніе ея читала уже вся Россія въ дивномъ письмѣ Жуковского къ отцу поэта. Въ послѣдніе дни жизни поэта русская публика выказала къ нему свое участіе. Во время предсмертной агоніи домъ его съ утра до вечера полонъ былъ народомъ и цѣлыя толпы стояли на улицѣ, желая имѣть извѣстіе о его положеніи. Тысячи народа собрались въ день его погребенія, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на своего любимого поэта. Тѣло Пушкина предположено было отправить въ Святогорскій Успенскій Монастырь, находящійся въ четырехъ верстахъ отъ Михайловскаго. Для избѣжанія шумнаго многолюдства при про-
водахъ тѣло отправили въ самую полночь, и объ этомъ знали только немногіе, самые близкіе друзья его. А. И. Тургеневъ проводилъ его до послѣдняго жилища.



Святогорскій Монастырь и могила Пушкина.

Прошло 20 лѣтъ со времени смерти великаго поэта. Умолкли личныя страсти и предубѣжденія противъ него, охладѣли и пламенныя увлеченія тогдашнихъ юношей. Русская публика привыкла къ имени Пушкина, какъ своего великаго, національнаго поэта. Она до сихъ поръ его перечитываетъ и наслаждается живою прелестью его стиховъ. Она теперь еще лучше понимаетъ его, нежели въ то время, когда новостъ и блескъ его произведеній, ослѣпляя всѣ глаза и увлекающая всѣ сердца, препятствовали холодному, правильному разсмотрѣнію сущности характера его произведеній. Теперь для Пушкина настало потомство. Не тѣ уже мы, каковы были четверть вѣка тому назадъ.

Безцѣльное направ-
леніе ис-
ключитель-
ной худо-
жественно-
сти для но-
ваго поко-
лѣнія—уже
прошед-
шее, имѣю-
щее только
свою долю
историче-
скаго зна-
ченія. Въ
этомъ про-
шедшемъ
яркой звѣз-
дой кра-
суется

Пушкинъ,
и заря но-

ваго литературнаго движенія, конечно, не потемнѣетъ еще его блеска. Еще мы можемъ имѣть любоваться; еще мы чувствуемъ и на себѣ отраженіе того блеска, который недавно былъ восхваляемъ, какъ солнечное сіяніе. Теперь мы понимаемъ возможность инаго, еще болѣе яркаго и благотворительнаго свѣтила на горизонтѣ русской поэзіи,—свѣтила, въ лучахъ котораго потонуть всѣ наши звѣзды. Но пока оно взойдетъ, у насъ еще долго будутъ ярко блестѣть лучи поэзіи Пушкина.

Значеніе Пушкина огромно не только въ исторіи русской литературы, но и въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ первый приучилъ русскую публику читать, и въ этомъ состоитъ величайшая его заслуга. Въ его стихахъ впервые сказала намъ живая рус-

ская рѣчь, впервые открылся намъ дѣйствительный русскій міръ. Всѣ были очарованы, всѣ увлечены мощными звуками этой несслыханной до тѣхъ поръ поэзіи. Прежде того поэты русскіе въ наемномъ восторгѣ воспѣвали по заказу иллюминаціи, праздники и другія событія, о которыхъ сами не имѣли никакого понятія и до которыхъ цѣлому народу не было никакого дѣла. Потомъ, освободившись отъ этого шутяскаго занятія, эти почтенные люди обратились къ гуманнымъ идеямъ, но, по обыкновенію, поняли ихъ совершенно отвлеченно отъ жизни и начали строить зданіе золотого вѣка на грубой почвѣ. Такимъ образомъ литература удари-

лась въ сентиментальность: оставляя въ сторонѣ существенныя бѣдствія, плакали надъ вымышленнымъ горемъ; преклоняясь предъ господствующимъ порокомъ, казнили порокъ небывалый и вѣнчали идеальную добродѣтель. Убѣдившись наконецъ въ безплодности этого слезнаго направленія, съ начала нынѣшняго столѣтія поэзія наша рѣшается сознаться, что дѣйствительный міръ не такъ хорошъ, какъ она его изображала. Но за то она нашла утѣшеніе намъ въ какомъ-то другомъ, эвирномъ, туманномъ мірѣ, среди тѣней, привидѣній и прочихъ призраковъ. Она

грустила о чемъ-то, темно и вяло воспѣвала и нѣчто, и туманную даль, стремилась къ чему-то невѣдомому. Пзъ земныхъ предметовъ она удостоивала воспѣвать только *возвышенныя* чувства, да эротическій разгулъ. Пушкинъ въ первые свои годы заплатилъ дань каждому изъ этихъ направленій, но скоро онъ умѣлъ освободиться отъ нихъ и создать на Руси свою самобытную поэзію. Воспитанный въ семействѣ и въ жизни, учившійся въ то время, когда послѣ событій отечественной войны Русскіе стали приходить къ самосознанію, имѣвшій случай войти въ соприкосновеніе со всѣми классами русскаго общества, — Пушкинъ умѣлъ постигнуть истинныя потребности и истинный характеръ народнаго быта. Онъ присмотрѣлся къ русской природѣ и жизни и нашелъ, что въ нихъ есть много истинно-хорошаго и поэтическаго.

Очарованный самъ этимъ открытіемъ, онъ принялся за изображеніе дѣйствительности, и толпа съ восторгомъ приняла эти дивныя созданія, въ которыхъ ей слышалось такъ много своего, знакомаго, что давно она видѣла, но въ чемъ никогда не подозрѣвала столько поэтической прелести. И Пушкинъ откликнулся на все, въ чемъ проявлялась русская жизнь; онъ обозрѣлъ всѣ ея стороны, прослѣдилъ ее по всѣхъ степеняхъ, во всѣхъ частяхъ, ничему не отдаваясь исключительно. Мы не считаемъ этой разнохарактерности, этого отсутствія рѣзко обозначеннаго направленія особеннымъ достоинствомъ поэта, какъ хотѣли нѣкто-

рые; но мы убѣждены, что это было необходимымъ явленіемъ, принадлежащимъ самому времени. Такъ было у насъ съ наукой, когда первый русскій ученый, открывшій намъ, что есть науки, долженъ былъ самъ сдѣлаться и химикомъ, и физикомъ, и историкомъ, и политико-экономомъ, и ораторомъ, и въ добавокъ еще — пѣнгомъ. Такъ было при началѣ нашей поэзіи, когда въ одномъ лицѣ могъ совмѣщаться одонисецъ, баснописецъ, сатирикъ, элегистъ, трагикъ, комикъ и проч. Такъ было и теперь при открытіи дѣйствительности: это былъ еще новый, неизвѣданный міръ; трудно было рѣшиться из-



Гусаръ.

брать въ немъ что-нибудь одно. Нужно было попробовать много разныхъ дорогъ, прежде чѣмъ остановиться на какой-нибудь изъ нихъ. Все привлекало къ себѣ, все казалось столь прекраснымъ, что невольно вырывало сладкіе звуки восторга и очарованія изъ молодой груди поэта. И толпа внимала ему съ благоговѣйной любовью: для нея этотъ стихъ, эти образы были свѣтлымъ воспоминаніемъ того, о чемъ до сихъ поръ она не смѣла и думать, какъ о пошлой прозѣ, какъ о житейскихъ дразгахъ, отъ которыхъ надобно стараться держать себя подалыше. И въ этомъ-то заключается великое значеніе поэзіи Пушкина: она обратила мысль народа на тѣ предметы, которые именно должны занимать его, и отвлекла отъ всего туманнаго, призрачнаго, болѣзненно-мечтательнаго, въ чемъ прежніе поэты находили идеалъ красоты и всякаго

совершенства. По этому не должно казаться страннымъ, что *очарованіе* нашимъ бѣднымъ міромъ такъ сильно у Пушкина, что онъ такъ мало смущается его

было бы и бесполезно: немногіе избранные тогда поняли бы его, а масса осталась бы при своихъ мечтаніяхъ. Теперь же стихъ Пушкина приготовилъ форму,



Цыганское семейство.

несовершенствами. Въ то время нужно было еще показать то, что есть хорошаго на землѣ, чтобы заста-

вить которой уже могли потомъ явиться высшія созданія, а его вліяніе на публику сдѣлало ее способнѣе



Цыганскій таборъ, съ древней гравюры.

вить людей спуститься на землю изъ ихъ воздушныхъ замковъ. Время строгаго разбора еще не наступало, и Пушкинъ не могъ вызвать его ранѣе срока. Да это

къ принятію и пониманію этихъ созданій. Она поняла уже цѣну жизни въ сладкозвучныхъ строфахъ Пушкина, и теперь самое горькое негодованіе на житей-

скую пошлость только подвинетъ людей къ исправленію, а не унесетъ ихъ отъ земной дѣйствительности въ надзвѣдныя пространства.

Такъ теперь смотримъ мы на историческое значеніе поэзіи Пушкина. Но въ его время нельзя еще было ясно понять этого, и онъ самъ не сознавалъ вполне своего назначенія. Это, конечно, и не могло быть иначе: какъ поэтъ, Пушкинъ прежде всѣхъ самъ долженъ былъ увлечься тѣмъ, чѣмъ увлекалъ другихъ; какъ поэтъ извѣстнаго времени и народа, онъ долженъ былъ прежде всего принадлежать своему времени, своему народу. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ титаническихъ натуръ, которыя, сознавъ свое разумное превосходство, становятся надъ толпою въ уединенномъ величіи, не наклоняясь до ея понятій, не возбуждая ея сочувствій, довольные только собственной силою. Нѣтъ, Пушкинъ шелъ въ уровень съ своимъ вѣкомъ. Не смотря на свои увѣренія о презрѣніи къ толпѣ, онъ угождалъ ей; иначе нельзя было-бы объяснить того громаднаго успѣха, какимъ онъ пользовался въ публикѣ. Она никогда не награждаетъ особенной любовью того, что выше ея понятій. Оцѣнка гениевъ, опередившихъ свой вѣкъ, совершается въ потомствѣ.

Впрочемъ и Пушкинъ не всегда слѣдовалъ своему правилу:

«Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай—деспотъ межъ людей.»

Его богато одаренная, пламенная и благородная натура не всегда подчинялась требованію обстоятельствъ. Даже можно сказать больше: вематриваясь ближе въ субъективный характеръ поэзіи Пушкина, мы находимъ въ немъ постоянное искаженіе чего-то, неудовлетворимое настоящимъ. Его лирика полна грусти, и если эта грусть не глубока, если она тотчасъ же разсѣвается принужденной улыбкой, то причина этого всего болѣе, конечно, заключается въ легкости теоретическаго образованія поэта, при которомъ онъ не могъ даже задать себѣ серьезнаго вопроса о томъ, что за идея лежитъ въ основаніи его грустныхъ порывовъ. Но для насъ грусть поэта понятнѣе теперь, чѣмъ для него самого. Мы видѣли, въ жизни его было время, когда ему были новы всѣ впечатлѣнія бытія,

«Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь.»

Живописная природа Кавказа и Тавриды скоро замѣнила для него всѣ внутренніе вопросы. Отстранивъ

отъ себя всякую внѣшнюю цѣль, всякое постороннее стремленіе, онъ заключился въ тѣсномъ кругѣ исключительнаго служенія искусству, въ сферѣ чистой художественности. Онъ прекрасно выполнялъ свою задачу. Напрасно старался онъ оправдывать себя тѣмъ, что служеніе музъ не терпитъ суеты. Напрасно онъ бросалъ въ толпу презрительный вопль:

«Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?»

Напрасно потому — что не толпа, а внутреннее сознаніе тревожило его благородную душу, и эти тревоги тяжело отзываются въ его произведеніяхъ. Онъ появляется на краткое мгновеніе, но тѣмъ болѣе имѣютъ для насъ значенія, что каждый разъ поэтъ ничѣмъ не разрѣшаетъ своихъ сомнѣній и страданій, а отдѣляется отъ нихъ шуткой или усиленіемъ забыть ихъ. Такимъ образомъ грустное чувство безпрестанно возобновляется у него съ новою силою и даетъ намъ видѣть, что онъ не былъ доволенъ своей ролью безпечнаго художника. «Я разумѣю ничтожность жизни», говоритъ онъ, «и мало къ ней привязанъ я...» Онъ называетъ свѣтъ пустымъ и боится, чтобы душа его не охладѣла въ мертвящемъ упоеніи свѣта. Онъ жалѣетъ о своей молодости:

«Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана...
Что наши лучшія мечтанья,
Что наши свѣжія желанья
Пстлѣли быстрой чередой.»

Онъ трепещетъ и проклинаетъ, вспоминая о своей прошедшей жизни; онъ страдаетъ при мысли о томъ, что пережилъ свои мечты. Онъ изнемогаетъ подъ этимъ страданіемъ, говоря:

«Цѣли нѣтъ передо мною
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.»

Его послѣднія элегіи полны жгучей, безотрадной горести. Онъ чувствуетъ, что жизнь не даетъ ему успокоенія и говоритъ:

«Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнующее море.»

И какимъ отчаяніемъ отзываются самые звуки надежды, которыми онъ хочетъ утѣшить себя:

Но не хочу, о други, умирать...
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, — мнѣ будутъ наслажденія
Средь горестей, заботъ и тревоженія:
Порой опять гармоніей упьюсь.
Надъ вымысломъ слезами обольюсь...

Какое жалкое утѣшеніе! Только тотъ, въ комъ убита всякая вѣра въ дѣйствительное счастье, можетъ мечтать о томъ, какъ онъ будетъ наслаждаться вымыслами. И это намѣренное желаніе обольщать себя составляетъ главный недостатокъ Пушкина. Онъ не находилъ выхода изъ своихъ сомнѣній и восклицалъ:

«Ты низкихъ истинъ мнѣ дороже
Настъ возвышающій обманъ,»

и — успокоивался... но не на долго.

Въ послѣднее время своей жизни онъ нашелъ болѣе прочное успокоеніе — въ религій. Здѣсь, конечно, должно было послѣдовать полное примиреніе; здѣсь былъ конецъ тревожной борьбы. Мыснимаемъ несправедливымъ мнѣніемъ тѣхъ, которые предполагаютъ, что Пушкинъ могъ еще въ послѣдствіи явиться намъ въ новомъ, еще невиданномъ свѣтѣ, съ плодами новаго самобытнаго развитія. Нѣтъ, онъ уже пришелъ къ своей пристани, измученный битвою жизни. Онъ могъ подарить намъ много новыхъ, высоко художественныхъ произведений; но къ характеру его поэзіи нельзя уже было предвидѣть новаго, высшаго развитія.

Но, смотря на свои понятія объ искусствѣ, какъ цѣли для себя, Пушкинъ умѣлъ однако понимать и свои обязанности въ отношеніи къ обществу. Въ своемъ «Памятникѣ» онъ ставитъ себя въ заслугу не художественность, а то,

«Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.»

Замѣтимъ также, что Пушкину принадлежитъ мысль

«Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», и что онъ вызвалъ Гоголя на обработку этихъ сюжетовъ. Это показываетъ, что въ его душѣ всегда таилось сознаніе того, что нужно для нашего общества.

Въ образахъ, созданныхъ самимъ Пушкинымъ, дѣйствительно можно видѣть нѣкоторыя затаенныя мысли, очень гармонирующія съ его настроеніемъ вѣчнаго, неудовлетворяемаго безпокойства. Его Онегинъ не просто свѣтскій фатъ; это человѣкъ съ большими силами души, человѣкъ, понимающій пустоту той жизни, къ которой призванъ онъ судьбою, но не имѣющій довольно силы характера, чтобы изъ нея выбраться. Его Алеко — тоже своего рода Онегинъ,

бѣжавшій отъ свѣта къ Цыганамъ съ тѣмъ — же похвальнымъ намѣреніемъ, съ какимъ Крыловскій волкъ бѣжалъ въ Аркадію. И поэтъ съ замѣтной любовью описываетъ цыганскій таборъ, простую жизнь и нравы Цыганъ, какъ —



Изборскъ.

бы стараясь обмануть собственное чувство. Но Алеко и здѣсь встрѣчаетъ горе и измѣну. Конечно, это его вина болѣе, нежели тѣхъ, къ которымъ онъ пришелъ и которыхъ счастье разрушилъ; но поэтъ какъ-будто радъ этому случаю успокоить себя мыслью, что на землѣ нигдѣ нѣтъ счастья. И вотъ онъ пишетъ свой грустный эпилогъ:

«Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдныя сыны,
И подъ изданными шатрами
Живутъ мучительные сны», и проч.

Для своего успокоенія онъ не хочетъ понять даже образъ, имъ самимъ созданный.

Мы не хотѣли писать разбора всѣхъ произведеній

Пушкина, и потому читатель не будетъ, конечно, обвинять насъ за то, что мы ни слова не сказали о многихъ изъ замѣчательныхъ твореній поэта. Говоря о нихъ, нельзя ограничиться нѣсколькими словами, а предѣлы нашей статьи очень не велики. Впрочемъ, если-бы мы и пустились въ подробный разборъ, то, конечно, ничего новаго не могли-бы сказать послѣ замѣчательныхъ статей о Пушкинѣ, писанныхъ Бѣлинскимъ, въ Отеч. Зап. 1843—1846 г. Мы ограничились только общими замѣчаніями о характерѣ поэзіи Пушкина, особенно лирической, которая представляетъ болѣе возможности слѣдить за направленіемъ и духовнымъ развитіемъ самого поэта, и, перечитавъ его, мы можемъ сказать теперь, съ полнымъ уваженіемъ къ славному имени: Пушкинъ оказалъ благотворное вліяніе, обративши взоръ народа на дорогу,

по которой должны были пройти другіе. Онъ не высказалъ полнаго смысла явленій русской природы и жизни, но за-то со стороны формы онъ сдѣлалъ изъ нихъ все, что можно было сдѣлать, не касаясь внутренняго содержанія ихъ. И оттого-то послѣ Пушкина уже не могло удовлетворять простое изображеніе предмета; отъ поэта потребовали, чтобы онъ далъ смыслъ описываемымъ явленіямъ, чтобы онъ умѣлъ схватить въ своихъ твореніяхъ не одни видимыя отличія предмета, но и самый его внутренній характеръ. Вслѣдствіе этихъ требованій явился новый періодъ литературы, котораго полнѣйшее отраженіе находимъ въ Гоголѣ, но котораго начало скрывается уже въ поэзіи Пушкина.

И Лайбовъ.

23 сент. 1856.

ЛІСТЫ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Пейзажъ на Гваделупѣ.



Остатки замка Килиппли въ Морбиганскомъ Департаментѣ.



Этюдъ леса.

КАРТИНЫ РУССКАГО СѢВЕРА.

1.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ПОСЕЛЯНЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.



Въ свадебныхъ обрядахъ поселянъ Архангельской Губерніи донинѣ еще сохраняются слѣды древнихъ обыкновений. Эти слѣды наиболѣе обнаруживаются въ суевѣріи и безчисленныхъ предразсудкахъ, которыми сопровождаются у крестьянъ празднества со дня помолвки жениха съ невестою до самой свадьбы.

Трудно опредѣлить, въ какомъ именно уголкѣ обширной Архангельской Губерніи наиболѣе замѣтенъ въ свадебныхъ обрядахъ отпечатокъ *старинны глубокой*, потому что эти обряды до того разнообразны по различнымъ уѣздамъ, что часто во многомъ представляютъ какъ бы совершенно иную картину. Такъ, напримѣръ, свадебные обряды крестьянъ терскаго берега (*) далеко не сходятся съ обрядами празднованія свадьбы у поселянъ, живущихъ по рѣкѣ Вагъ, Шенкурскаго Уѣзда. Мы займемся здѣсь описаніемъ послѣднихъ, во-первыхъ потому, что они болѣе общи съ другими уѣздами, во-вторыхъ потому, что терскій берегъ составляетъ какъ-бы отдѣльную область, известную подъ именемъ *Бѣлаго моря*.

Нѣтъ сомнѣнія, что весенніе хороводы и посидѣлки во многомъ снособствуютъ каждому молодому парню избрать себѣ изъ среды касатокъ подругу жизни. Если выборъ сдѣланъ и къ браку нѣтъ препятствій, тогда приступаютъ къ сватовству, обязанность котораго возлагается обыкновенно на родственника или

родственницу жениха, а если ихъ нѣтъ, то на кого-нибудь изъ соседей.

Сватовство. И вотъ въ день, назначенный для сватовства, избранный свать приходитъ въ домъ жениха. Едва онъ переступилъ порогъ, какъ всѣ бросаютъ свои занятія, садятся и приглашаютъ садиться и гостя. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ гость встаетъ первый и, кланяясь, проситъ у родителей благословенія ихъ сыну жениться. Родители изъявляютъ согласіе и, подойдя къ образамъ, зажигаютъ передъ иконою свѣчу. Наступаетъ минута молитвы, послѣ которой свать, взявъ жениха за руку, беретъ свою шапку и, поклонившись образамъ, отодвигаетъ столъ ближе къ срединѣ комнаты,—доказательство, что сватовство состоится, иначе онъ не пошелъ бы и сватать. Затѣмъ онъ молча удаляется и направляетъ шаги свои прямо къ дому невесты. Войдя въ избу, перекрестясь и поздоровавшись съ родителями невесты, свать кладетъ шапку и рукавицы свои на *воронѣц* (*), а не на лавку, какъ это обыкновенно бываетъ,—явный знакъ для хозяевъ, что къ нимъ пришелъ не простой гость, а именно свать. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, свать приступаетъ къ дѣлу, расхваливаетъ жениха, называетъ его молодцемъ изъ молодцевъ и на всѣ разпросы отвѣчаетъ не запинаясь и не лазя за словомъ въ карманъ. Если родители невесты не прочь отъ такой партіи, то тотчасъ-же и изъявляютъ свое согласіе; если же, по чему-либо, партія кажется имъ

(*) Терскій берегъ есть часть западнаго берега Бѣлаго моря отъ рѣки Варзуги до Трехъ-Острововъ; а по инымъ не много далѣе до Святаго Носа, откуда къ западу идетъ уже мурманскій или русскій берегъ.

(*) По «Опыту Областнаго Вѣлкорусскаго Словаря», изданнаго Имъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, слово *воронѣцъ* означаетъ брусъ, ставимый у печи, на которомъ утверждаются полѣны въ крестьянскихъ избахъ. Это объясненіе не вѣрно. *Воронѣцъ* не брусъ, а полка, проходящая вдоль по избѣ отъ печнаго столба къ передней стѣнѣ.

не подѣласть, то, вмѣсто прямого отказа, просятъ отложить сватовство до инаго времени, ссылаясь въ этомъ случаѣ на молодыя лѣта дочери. Въ случаѣ же согласія на бракъ, родители съ той и другой стороны взаимно условливаются черезъ того же свата о днѣ для *рукобитья*.

Рукобитье. Въ условленный день женихъ въ сопровожденіи одного свата является въ домъ невесты. Встрѣченный на крыльцѣ ея родителями, онъ вмѣстѣ съ ними входитъ въ избу и, сотворивъ крестное знаменіе, садится за накрытый уже столъ. По зажженіи свѣчей передъ иконой всѣ встаютъ съ мѣстъ и трижды творятъ земные поклоны. Затѣмъ отецъ невестинъ и сватъ, перекрестясь, схватываются правыми руками поближе къ локтю, и притомъ схватываются не обнаженными руками, а захвативъ предварительно въ горсть концы своихъ рукавовъ. Кто-нибудь изъ постороннихъ или мать невесты, ударивъ по рукамъ, разнимаютъ ихъ. Тогда женихъ беретъ поднось и на немъ подаетъ родителямъ невесты по стакану привезеннаго съ собою вина. Наполнивъ снова стаканъ, онъ идетъ съ нимъ въ ту комнату, гдѣ ждетъ его невеста со своею сватьею, которая, большею частію не кто иная, какъ *божатка* (ея крестная мать). Здѣсь женихъ въ первый разъ видитъ свою избранницу, какъ невесту, и притомъ видитъ ее не въ нарядѣ праздничномъ, а въ обыкновенномъ ея будничномъ платьѣ. Въ удовольствіе его она обязана выпить поднесенный ей стаканъ вина и тогда уже получаетъ отъ жениха пряникъ и кольцо, какъ первый задушевный подарокъ милаго. Откланявшись, женихъ возвращается въ прежнюю комнату и по старшинству продолжаетъ подчивать родныхъ своей невесты, причемъ каждый и каждая поздравляютъ его, какъ жениха. Въ заключеніе всего садятся за столъ, назначаютъ день для *сватанья*, угощаются чѣмъ Богъ послалъ и наконецъ расходятся по домамъ. На прощаньи женихъ и сватъ получаютъ въ подарокъ изъ рукъ невестинной матери *бранья полотенца*.

Отъ рукобитья до сватанья. Со дня рукобитья до сватанья обыкновенно проходитъ недѣли полторы или двѣ. Засватанная дѣвушка во все это время ведетъ жизнь затворническую: не только никуда не выходитъ, но даже и дома постороннимъ никому не показывается; случается, что даже съ домашними своими она не садится за общій столъ. Къ довершенію всего она повязывается *кукушкой*, т.-е. нечесанную голову свою она покрываетъ сложеннымъ накрестъ и подвязаннымъ подъ щеками платкомъ.

У родителей жениха и невесты начинаются приготовления: варятъ пиво, навѣщаютъ дальнихъ родствен-

никовъ и созываютъ ихъ на сватанье. Для подарковъ жениховой роднѣ родители невесты закупаютъ *скройки* (*). Отецъ жениха, а иногда и самъ женихъ, извѣщаетъ священника о начатомъ дѣлѣ, условливается съ нимъ о днѣ вѣнчанія и приглашаетъ его быть на *сватаньѣ*, ибо на Вагѣ почитается за величайшій стыдъ, если женихъ пріѣдетъ на *сватаньѣ* безъ священника.

Сватанье. Наканунъ *сватанья* начинаютъ собираться въ домъ жениха его родственники. Крестные отецъ и мать непременно должны быть тутъ. О нихъ хлопчутъ больше всего. Если же ихъ нѣтъ уже въ живыхъ, то, по крайней мѣрѣ, родные умершихъ обязаны явиться. Основаніемъ этому служитъ то, что крестный отецъ всегда бываетъ *тысяцкииъ*, а божатка (крестная мать)—*сватьею* по жениху. Остальные родственники называются *поѣзжанами*. Когда всѣ соберутся, то ожидаютъ священника. По приходѣ послѣдняго всѣ усаживаются за столъ, заблаговременно накрытый: на первомъ мѣстѣ садится священникъ, за нимъ тысяцкій, отецъ жениха, женихъ и сватья, а тамъ, по старшинству, и прочіе родственники. Мать жениха за столъ не садится и на сватанье не ѣздитъ. Впрочемъ за столъ садятся только для виду, потому что, спустя немного, всѣ опять встаютъ съ своихъ мѣстъ, и тогда уже женихъ, по порядку и по старшинству кланяясь всѣмъ въ ноги, подноситъ каждому поочередно по стакану вина, за что каждый изъ поѣзжанъ, въ свою очередь, кладетъ ему на поднось нѣсколько денегъ. Священникъ, надѣвъ эпитрахиль и взявъ крестъ, поетъ приличный стихъ, — большею частію: *Достойно есть*, осѣняетъ жениха и весь поѣздъ крестомъ и допускаетъ всѣхъ къ цѣлованію его. Въ это время женихъ принимаетъ благословеніе отца и матери, отъ перваго иконою, а отъ послѣдней, какъ водится, хлѣбомъ и солью.

Въ числѣ поѣзжанъ самое главное, самое необходимое лицо, по мнѣнію поселянъ, — знахарь, колдунъ, такъ называемый *дружка*. Безъ дружки или знахаря нельзя и думать начинать свадьбу. Гдѣ хочешь возьми его, но чтобы онъ тутъ былъ непременно, иначе не обойтись безъ *порчи*. Во время сборовъ къ поѣзду, особенно, когда женихъ одѣвается, знахарь лихо разыгрываетъ свою роль: то къ одному, то къ другому подойдетъ съ нашептываніемъ разныхъ словъ, то одному, то другому предлагаетъ онъ какіе-то корешки, привѣсы ко кресту и проч. Присѣсть ему нѣтъ времени: каждую братину пива, каждый штофъ вина,

(*) *Скройки*—четверть аршина шелковой матеріи, изъ котораго можно сшить головной уборъ — *сборникъ*.

каждое кушанье онъ долженъ одуть, оговорить, отвѣдать прежде другихъ. Наконецъ, втроятно, уставъ отъ хлопотъ, онъ начинаетъ торопить поѣзжанъ. И вотъ поѣзжане хватаются за шанки, крестясь переступаютъ чрезъ порогъ, выходятъ на улицу и размѣщаются по повозкамъ, провожаемые и напутствуемые домашними съ пивомъ, виномъ, пирогами и прочимистряпаньями. Лишь только всѣ уѣхали, повозки разомъ трогаются съ мѣста и только звукъ множества колокольчиковъ, ширкунцовъ и позвонковъ далеко разноситъ гулъ свадебнаго поѣзда. Впереди всѣхъ, верхомъ, на лучшемъ конѣ, ѣдетъ дружка, съ кожанною черезъ плечо сумою, въ которую положено вино, кулебяки и проч., и тутъ же, между прочимъ, находятся его *снадобья*. Дорога хотя не дальняя, а безъ хлѣба-соли не ѣздить. За нимъ въ одной повозкѣ священникъ съ жениховымъ отцемъ, въ другой — женихъ съ тысяцкимъ, въ третьей — сватья съ проводниками и т. д., попарно и остальные поѣзжане.

Въ домъ невесты собрались своимъ чередомъ ея родственники и знакомые. Невѣста находится особо съ божаткою, которая бываетъ по ней сватьею. Если божатки нѣтъ, мѣсто ея занимаетъ ближайшая изъ родственницъ невесты.

Въ этотъ день до пріѣзда жениха невеста никому изъ знакомыхъ не показывается: даже изъ родныхъ

только самые близкіе могутъ видѣть ее, и то не тотчасъ по приходѣ ихъ въ домъ, а спустя нѣсколько времени, чтобы не приключилось ей, какъ говорится, чего-либо худаго съ вѣтру. Между тѣмъ берутъ братыню воды изъ колодца и становятся ее на *полани* или, вообще, на такое мѣсто, чтобы женихъ, входя въ избу, непременно прошелъ подъ нею, преклоня го-

лову, и этою-то водою умывается невеста, наряжаясь на *выводъ*. Потомъ стелятъ на столъ браную скатерть и на одинъ конецъ ея кладутъ два хлѣба, одинъ на другой, вѣсомъ съ пудъ или болѣе, называемыхъ *столовниками*, которые уже, по окончаніи свадьбы, снимаются со стола и разрѣзываются по частямъ; далѣе устанавливаютъ прочее приготовленное кушанье и все это сверху накрываютъ другою скатертью.

Едва слышатъ звонъ колокольчика приближающагося женихова поѣзда, тотчасъ же спѣшатъ затворить ворота. Когда же

дружка постучится въ кольцо, хозяева и гости выходятъ въ сѣни и, отворивъ ворота, привѣтливо встрѣчаютъ жениха и его поѣзжанъ. Въ это время сватья находитъ случай показать невестѣ ея жениха, но всегда такъ, чтобы невеста сама не была взаимно имъ видима. Между тѣмъ всѣ, вѣдѣ за священникомъ, входятъ въ избу и садятся за столъ: будущій тестъ, начиная съ церковнаго пастыря, подаетъ поочередно каждому по стакану пива.



Дѣвушки окрестностей Архангельска.

Обычай — увидѣть невесту патоцакъ, запрещаетъ гостямъ преждевременно касаться до стоящихъ на столѣ яствъ. Тогда свать и сватья жениха попеременно начинаютъ просить отца и мать *вывести* ихъ дочь-невесту *на избу* (*), и эта просьба ихъ повторяется пять или шесть разъ. Наконецъ родители, какъ-бы уступая ей, приглашаютъ священника и родныхъ своихъ въ покой невесты, которая, по обыкновенію, въ это время лежитъ на постели, въ худомъ платьѣ, покрытая одной или двумя шубами. Вставъ и испросивъ благословенія у священника и приложась ко кресту, невеста кланяется въ ноги сперва родителямъ, а потомъ и прочей роднѣ своей. Послѣ того всѣ удаляются въ прежнюю комнату. Тогда-то невестина сватья приноситъ извѣстную воду, умываетъ и одѣваетъ невесту въ лучшее платье, не жалѣя бѣлизъ и румянъ, со всѣми тонкостями сельскаго туалета. Замѣчательно, что невеста, одѣваясь, каждую вещь, начиная съ чулка, надѣваетъ перекрестясь. Коль скоро невеста совсѣмъ одѣта, то отецъ, мать и сватья выводятъ ее на избу. Всѣ четверо становятся среди комнаты и молятся Богу; потомъ сватья съ невестою кланяется въ поясъ на всѣ четыре стороны. Поѣзжане встаютъ съ мѣстъ и тысяцкій, обращаясь къ родителямъ невесты, спрашиваетъ ихъ — нравится ли имъ женихъ, а невестина сватья вопрошаетъ отца жениха: хороша ли невеста? Послѣ взаимнаго одобренія, священникъ, надѣвъ эпитрахиль и взявъ крестъ, начинаетъ пѣть задостойникъ: *О тебѣ радуется*. — Въ это время женихъ съ тысяцкимъ выходятъ по *солнцу* изъ-за стола и первый изъ нихъ, подойдя къ своей невестѣ, становится съ нею въ рядъ по правую руку. По окончаніи пѣнія стиха, женихъ съ тысяцкимъ, невеста со сватьею, ея родители и отецъ жениха прикладываются ко кресту. Затѣмъ невеста, обмѣнявшись съ женихомъ поцѣлуемъ, каждому изъ присутствующихъ подноситъ по рюмкѣ вина. Странно, что въ этомъ случаѣ всегда выбирается самая маленькая рюмочка, и чѣмъ она менѣе, тѣмъ лучше. За невестой подучетъ женихъ и подноситъ привезенное имъ вино уже не рюмочкой и не рюмкою, а большимъ стаканомъ, и подноситъ его всѣмъ, начиная отъ взрослыхъ до дѣтей. Не приведи Богъ при этомъ кого-либо обойти: большіе тотчасъ разсердятся, а у малыхъ не обойдется безъ слезъ. Во все это время невеста кланяется въ поясъ и только съ окончаніемъ подчиванья уходитъ со сватьею обратно въ свой покой. Тогда всѣ садятся за столъ и принимаются за яства.

(*) *Вывести на избу*—значить пригласить въ ту комнату, гдѣ сидятъ женихъ.

Выводъ невесты всегда стараются окончить при дневномъ свѣтѣ, и если опоздаютъ, то это считается за дурное предзнаменованіе... Пока гости пируютъ, невеста разряжается: платье надѣваетъ попроще и на голову родъ колпака. Въ этомъ новомъ нарядѣ она, закрывъ лице руками, въ сопровожденіи двухъ *плачей* (пѣвуньей), отправляется въ другую половину дома, гдѣ ожидаютъ ее ея подруги, но не въ нарядахъ и не за столомъ, а просто по лавкамъ. Невеста, входя, садится подъ среднее окно, а по сторонамъ ея садятся сопровождающія ее плачи. Потомъ приходитъ мать и покрываетъ ей голову чистою скатертью; тогда невеста, трижды поклонясь матери въ ноги и обнявъ ее, опять садится на прежнее мѣсто. Пѣвуньи между тѣмъ начинаютъ *причитать* (приплакивать) отцу и матери, т. е. распѣвать особые на этотъ случай плачи; во время этихъ плачей невеста принимается *убиваться*, т. е. выражать свою горестъ разными движеніями: сложивъ крестообразно руки, она бьетъ себя по колѣнямъ, кланяется и падаетъ на полъ. Иная, бѣдняжка, до того усердно бьется, что послѣ на рукахъ ея оказываются синія пятна. Но едва невеста, убиваясь, увидитъ мать свою, то тотчасъ падаетъ ей въ ноги, обнимаетъ родимую, а дѣвушки-пѣвуньи продолжаютъ причитать другіе плачи. Мать, освободясь изъ объятій дочери, уходитъ. Тогда пѣвуньи, снявъ съ невесты скатерть, покрываютъ ее шелковою тафтою.

Этой тафты невеста не спинаетъ до самаго вѣнца и даже спитъ подъ нею. Одинъ изъ родственниковъ приноситъ братиню пива, подаетъ ее невестѣ и она передаетъ эту братиню пѣвуньямъ и кланяется имъ въ ноги. Пѣвуньи, принявъ ее, начинаютъ пробовать пиво и потомъ снова принимаются за плачи.

Когда гости во время стола начинаютъ ѣсть мясной пирогъ (куккуй), то будущая теща приноситъ дары и начинаетъ дарить полотенцами тысяцкаго и всѣхъ поѣзжанъ по старшинству; жениха же даритъ послѣдняго шелковымъ платкомъ и притомъ такимъ, чтобы будущая молодая могла носить его за лучший. Этотъ платокъ обыкновенно кладется на стаканъ пива, которое женихъ выпиваетъ, а платкомътираетъ усы и ротъ. Во время раздачи даровъ дѣвушки, сидящія у невесты, поютъ приличные на этотъ случай пѣсни, извѣстныя подъ именемъ свадебныхъ. Послѣ стола женихъ и поѣзжане отправляются на другую половину со *здарьемъ* къ невестѣ. Отецъ жениха, тысяцкій и прочіе поѣзжане дарятъ ее деньгами, за что она въ свою очередь подаетъ имъ по стакану пива и кланяется каждому въ ноги. Причитанья идутъ своимъ чередомъ.

Послѣдній дарить невѣсту ея женихъ. Взявъ подарокъ невѣста подаетъ ему стаканъ пива и кланяется въ ноги; женихъ ступаетъ правою ногою на ея фату и пьетъ пиво изъ принятаго имъ стакана какъ можно медленнѣе: невѣста во все это время лежитъ у него въ ногахъ. Опорожнивъ стаканъ, женихъ приподымаетъ свою возлюбленную и, поцѣловавъ ее три раза, выходитъ со всѣми поѣзжанами, но не въ тотъ покой, гдѣ обѣдали, а въ другой, иногда на повѣть. Здѣсь поѣзжане, распростясь съ хозяевами, разѣзжаются по домамъ: остаются только женихъ и тысящикъ. Провожая женихову сватью, невѣстина мать посылаетъ съ нею въ подарокъ свекрови полное блюдо печенья, быв-

шаго на столъ, которое тщательно завертывается въ конецъ холста. Печенье называется *хлѣбниками*, а холстъ *горшечникомъ*. Надо полагать, что холстъ называется такъ потому, что онъ дарится съ цѣлю — употребить его на *омънку* или тряпицу, которую обвертываютъ руки, когда вынимаютъ изъ печи горшки.

Этимъ кончается *сватанье*.

Дѣвичникъ. По отѣздѣ гостей собравшіяся дѣвушки переодѣваются въ лучшія платья, разукрашенные и входятъ къ невѣстѣ и вмѣстѣ съ нею садятся за столъ, исключительно для нихъ приготовленный. Начинается дѣвичникъ. Невѣста беретъ братиню пива и отдаетъ ее старшей подругѣ; эта, отвѣдавъ его, передаетъ братиню слѣдующей по себѣ подругѣ, и такъ идетъ далѣе до послѣдней. Во время этой круговой невѣста выходитъ изъ-за стола, за одинъ разъ кланяется всѣмъ въ ноги, опять садится къ столу, только ближе къ пѣвуньямъ и нѣсколько поодаль отъ прочихъ. Пѣвуньи начинаютъ припѣвать пѣсни случившимся тутъ сосѣдямъ и дѣвушкамъ, за исключеніемъ родственниковъ невѣсты. Тотъ, которому поютъ пѣ-

ню, подходитъ къ невѣстѣ и даритъ ее деньгами. Между тѣмъ входитъ женихъ и присоединяется къ гостямъ: на этотъ разъ онъ не пользуется никакимъ особеннымъ почетомъ. Передъ отѣздомъ своимъ онъ снова даритъ невѣсту деньгами, а она отдариваетъ его рубашкою, которая и надѣвается имъ подъ вѣнецъ.

По прекращеніи пѣсенъ приходитъ мать невѣсты со старшею по ней сестрою, а если сестры нѣтъ, то съ одною изъ ея любимыхъ подругъ, и приносятъ съ собою *почѣлокъ*, головной уборъ, родъ вѣнка, надѣваемый сверхъ повязки, т. е. уборъ, состоящій изъ широкой, въ ладонь, ленты, повязываемой на лобъ. Не-

вѣста встаетъ, беретъ отъ матери почѣлокъ, а передъ нею становится подошедшая сестра или подруга. Надобно замѣтить, что еще ранѣе, въ то время, когда невѣста начинаетъ *убиваться*, къ ней подъ ноги стелютъ коверъ, для того, чтобы она не ушибалась, падая на полъ. Невѣста стоитъ на этомъ коврѣ, а сестра или подруга ея не-



Свадебная процессія.

редъ нимъ и плача начинаютъ причитать. Это называется *отдавать крѣсоту*. Въ образѣ этой-то крѣсоты свадебныя пѣсни оплакиваютъ дѣвичью жизнь невѣсты; съ крѣсотою невѣста прощается, какъ съ сокровищемъ, которое она невозвратно теряетъ и какъ-бы передаетъ ее на храненіе своей сестрѣ или подругѣ, которая послѣ причитаній принимаетъ почѣлокъ и уноситъ его съ собою. Тогда дѣвушки садятся за ужинъ и невѣста ихъ угощаетъ. Послѣ ужина дѣвушки ложатся спать, а какъ дѣвичникъ оканчивается обыкновенно передъ самымъ утромъ, то невѣста ложится, не раздѣваясь.

Свадьба. Отдохнувъ немного, невѣста и ея подруги снова принимаются за пѣсни, — и это продолжается до самаго пріѣзда жениха за невѣстой. Едва

женихъ вошелъ въ комнату, сватья беретъ невѣсту подъ руку и уводитъ ее на другую половину. Дѣвушки съ плачами провожаютъ ее, а женихъ съ поѣзжанами садятся за столъ, заранѣе для нихъ накрытый. Пока они сидятъ за столомъ, дѣвушки одѣваютъ невѣсту и поютъ пѣсни. Напримѣръ, заплетая косу, поютъ:

«Вечеръ мою косоньку
Матушка плела;
Сегодня мою косоньку
Дѣвицы плетутъ» и т. д.

Когда скоро невѣста совершенно одѣта, сватья кладетъ ей за пазуху нѣсколько пряниковъ, которыми молодая должна поподчивать будущаго супруга, когда они останутся одни въ опочивальнѣ. И вотъ братья или двое изъ близкихъ родныхъ берутъ ее подъ руки и ведутъ въ комнату къ жениху. Дѣвушки идутъ вслѣдъ и поютъ. Женихъ, увидя невѣсту свою, встаетъ изъ-за стола, подходитъ къ ней, беретъ за руку, ведетъ къ столу и садится съ нею рядомъ на лавку, покрытую ковромъ. Теща подноситъ жениху братиню пива, обернутую платкомъ; женихъ отпиваетъ пива, беретъ платокъ и, опустивъ въ братиню нѣсколько денегъ, обратно передаетъ ее тещѣ, которая въ свою очередь передаетъ дѣвушкамъ, поющимъ въ это время пѣсню въ похвалу жениховой щедрости. Потомъ отецъ беретъ образъ, а мать со стола хлѣбъ и благословляютъ жениха и невѣсту. Снаряжая ихъ къ вѣнцу, дѣвушки опять поютъ пѣсни. Когда женихъ и невѣста усядутся въ повозки, чтобы ѣхать къ вѣнцу, женихъ, вышедши изъ своей повозки, кланяется тещѣ и тещѣ, и проситъ ихъ пожаловать къ нему, послѣ вѣчанья, хлѣба-соли откушать; это называется звать на *почѣстье*. На этомъ основаніи и пиръ, даваемый на второй и третій день послѣ свадьбы родителями или родственниками новобрачной, въ который родственники новобрачнаго имѣютъ предпочтеніе и угощаются, называется *почѣстьемъ*. Проводивъ жениха и невѣсту къ вѣнцу, дѣвушки принимаются за яства и въ заключеніе расходятся по домамъ. По пріѣздѣ въ церковь, обыкновенно къ началу обѣдни, на панерти сватья расплетаетъ невѣстѣ косу и у самаго затылка связываетъ волосы лентою. Въ церкви женихъ становится по правую, а невѣста по лѣвую руку. Послѣ службы снимаютъ съ невѣсты фату, а послѣ вѣнца снова накрываютъ ее фатою. Отъ вѣнца ѣдутъ прямо въ домъ новобрачнаго.

Не мѣшаетъ замѣтить, что во время проводовъ въ повозку невѣсты ставятъ *коробью* съ дарами, да кладутъ двѣ подушки и перинникъ, который сватья уже

въ домъ жениха набиваетъ *левой* или *макиной*, не задолго до того времени, какъ молодыхъ уводятъ въ опочивальню.

Въ домъ жениха молодыхъ встрѣчаютъ свекоръ съ образомъ, свекровь съ хлѣбомъ, старшая, если есть, невѣстка съ братинкою пива, а одинъ изъ дальнихъ родственниковъ бросаетъ въ нихъ *жито*. Затѣмъ благословляютъ ихъ, вводятъ въ избу и усаживаютъ за столъ. Лишь только они усядутся, какъ обѣ сватьи подходятъ къ молодой, берутъ ее подъ руки и ведутъ *окручать* (*) въ другую комнату; молодой провожаетъ ихъ. Невѣста, раздѣвшись, умывается, бѣлится, румянится, снова одѣвается и, если богата, наряжается въ другое платье. Сватьи расчесываютъ ей волосы, заплетаютъ въ косицы и на голову надѣваютъ парчевой *сборникъ*. Въ продолженіе этого туалета молодая лакомится сладостями и, имѣя на колѣняхъ своихъ свекровино или деверино дитя, лелѣетъ и забавляетъ его. Когда сборникъ одѣтъ — является молодая: имъ подають зеркало, въ которое они оба вдругъ смотрятся и охорашиваются. Вслѣдъ за этимъ молодую накрываютъ фатою и обратно ведутъ къ столу. Тутъ свекоръ беретъ пшеничный пирогъ, кладетъ на него нѣсколько денегъ, и, концомъ его ловко задѣвъ за фату молодой, отбрасываетъ покрывало въ сторону, причемъ подучаетъ отъ молодой въ подарокъ платокъ. Это называется *вскрыть молодую*. Молодая опять встаетъ изъ-за стола, каждому изъ гостей подноситъ по стакану пива, каждому кланяется въ ноги и съ каждымъ три раза цѣлуется. Между тѣмъ пріѣзжаютъ тещѣ и тещѣ на *почѣстье*. И тогда все, кромѣ молодыхъ, садятся за свадебный столъ, который продолжается необыкновенно долго. Молодымъ же накрывается особо столъ тамъ, гдѣ ихъ *окручали* и они обѣдаютъ съ одного прибора. Когда подають щи, то молодой подноситъ каждому по рюмкѣ вина, а молодая за нимъ кланяется: когда же подчуютъ *хлѣбный* (пирожный), то молодая подноситъ вина, а молодой кланяется. Подъ конецъ обѣда приносятъ горшокъ крупяной каши: послѣдній изъ гостей, на долю котораго придутся остатки этого кушанья, обыкновенно бросаетъ пустой горшокъ на печь и приговариваетъ: *сколько черепъ, столько ребятъ молодых!* — Этимъ оканчивается обѣдъ, символически называемый *отворотнымъ столомъ*, послѣ котораго молодая отделяется отъ прежней ея семьи. Послѣ стола сватьи начинаютъ готовить молодымъ брачную постель и вносить въ опочивальню

(*) Женщина, которая на свадьбѣ, послѣ вѣчанья, наряжаетъ невѣсту въ поевникъ, т. е. *окручаетъ* голову невѣсты, называется *кручельница*.

коробью съ дарами. Въ опочивальню молодыхъ провозжаютъ торжественно: впереди всѣхъ идетъ свекръ съ образомъ, за нимъ слѣдуютъ остальные родственники; только тестъ и теща остаются съ гостями. Въ спальнѣ у новобрачныхъ снова вышиваютъ по рюмкѣ вина и принимаютъ подарки отъ молодой: свекръ, свекровь, крестный и деверь получаютъ сшитыя рубашки; золовки — холсты, какъ говорится, на рукава, и если онѣ дѣвицы, то по лентѣ и по платку; замужнія же — скройки; прочіе родные получаютъ локтей по пяти или семи холста. Замѣчательно, что холсты,



даримый родитѣ, не разрѣзывается предварительно на куски; напротивъ, сватья, стоящая подлѣ молодой, вынимаетъ трубу (конецъ) за трубою, мѣрять на локоть и, отодравъ, подаетъ новобрачной, которая уже дарить съ челобитьемъ. Отдаривъ всѣхъ, молодые остаются одни. Молодая должна разуть молодого. Въ старину въ лѣвый сапогъ молодого клали плетку, а въ правый — деньги; первое уже вышло изъ употребленія, а послѣднее и до сихъ поръ строго соблюдается.

Хлѣбины. День послѣ свадьбы для новобрачныхъ — день отдохновенія и покоя. На слѣдующій, а иногда и позже, молодые съ родителями и родственниками отправляются къ тестю и тещѣ на *хлѣбины*. До этого времени молодая не наряжается ни на какую работу; за то послѣ *хлѣбинъ* все хозяйство поручается ей и она въ теченіе перваго года ежедневно должна стлать и убирать постель для свекра и свекрови. На хлѣбинахъ разрѣзываются извѣстные *столовики*, но ими подчуютъ только однихъ молодыхъ. Гости пируютъ, пьютъ вино, пиво, но все это запросто, безъ



всякихъ особенныхъ обрядовъ. Подъ вечеръ молодая, забравъ остальные свои пожитки, уѣзжаетъ обратно съ своею новою родней. При этомъ случаѣ родители надѣляютъ дочь свою по силѣ и возможности и отпускаютъ ее съ благословеніемъ и пожеланіемъ всѣхъ благъ въ ея супружеской жизни. Съ этихъ поръ она вступаетъ въ права свои, какъ полная хозяйка дома, помощница и подруга своего мужа. И если между ею и мужемъ водворяется согласіе, то счастье ея упрочено и она во всемъ довольна своимъ положеніемъ.

СТАРИННЫЕ НАРОДНЫЕ ТАНЦЫ.



Старинный національный Полонезъ.



Старинный Лангзаммеръ Шахтельвальсъ.



Старинный національный Мазуръ, когда онъ началъ входить въ моду въ высшемъ кругу.



Козачекъ при дворѣ польскаго пана (въ XVII столѣтіи).

ПРАЗДНОВАНИЕ МАСЛЯНИЦЫ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

В общественныхъ забавахъ и увеселеніяхъ Русскаго Народа существуетъ столько патріархальности, освященной вѣками, и столько символическаго значенія, искаженнаго временемъ, что наблюдатель часто теряется въ догадкахъ и, не постигая сущности въ народныхъ забавахъ, мало сочувствуетъ непритворной веселости ихъ соучастниковъ. Но едва ли най-

знаменателенъ по своему значенію, исполненному оригинальности, и вполне соответствующему понятіямъ жителей сѣвернаго края, богатаго рыбными промыслами и славящагося холмогорскимъ скотомъ. Порядочный величины катеръ (по тамошнему, *большой карбасъ*), испещренный разноцвѣтными флагами, развѣвающимися на мачтахъ, на вершинахъ которыхъ



дется человекъ, способный порицать то, что характеризуетъ заветную старину и олицетворяетъ быть народа. Какъ ни страненъ кажется обрядъ празднованія масляницы въ Архангельскѣ, тѣмъ не менѣе онъ

красуются разные атрибуты сырной недѣли, и обставленный шестью съ чучелами, изображеніями бѣдныхъ Самоѣдовъ въ ихъ національных костюмахъ,—вотъ эмблема масляницы прибрежныхъ жите-

телей Блага Моря, отважных Архангелогородцев. Если этот катеръ знаменуетъ *рыбную масляницу*, то атрибуты ея, разумѣется, рыбы, тщательно развѣшенные на оконечностяхъ шестовъ и около флаговъ, въ различныхъ направленіяхъ; если же этотъ катеръ олицетворяетъ *мясную масляницу* (заговѣнье), то атрибуты ея птицы, битые телята или бараны, шкуры животныхъ и тому подобное. Та и другая *масляница* устраивается на полозьяхъ и, запряженная пятью лошадьми, съ крикомъ, шумомъ, гамомъ развѣзжаетъ по городу. Первый поѣздъ ея начинается въ воскресенье мяснаго заговѣнья, вскорѣ послѣ обѣдни. Масляница, загроможденная людьми, вооруженными барабаномъ и разнаго рода духовыми инструментами, подъ предводительствомъ двухъ конныхъ паяцовъ, одѣтыхъ въ алыя мантии, сопутствуемая толпою народа и вереницею саней, совершаетъ поѣздъ свой по всеѣмъ частямъ города, останавливаясь, по временамъ, предъ домами лицъ, или болѣе другихъ пользующихся извѣстностью въ Архангельскѣ, или болѣе зажиточныхъ. Каждая остановка сопровождается пѣснями подъ аккомпанементъ трубы и барабана. Народъ глазѣетъ, отпуская кой-какія остроты; ребятишки снуютъ изадъ и впередъ, заглядывая на паяцовъ и восхищаясь ихъ костюмами. Но вотъ показывается посланный отъ виновника серенады и, вручая возницѣ, т. е. правящему масляницей, приличное вознагражденіе, останавливается на минуту, погруженный въ отрадное созерцаніе. Лишь только мелкая или крупная монета достигла своего назначенія, какъ громкое ура! словно ракетный взрывъ, оглашаетъ воздухъ. Затѣмъ поѣздъ отправляется далѣе. Странствующая такимъ образомъ масляница около шести часовъ возвращается на постой, или, лучше, на отдыхъ, къ рынку, и тутъ-то начинается кутѣжъ на вырученные деньги. Кромѣ

этихъ двухъ масляницъ по улицамъ иногда показываются и другія, значительно меньшія въ размѣрахъ, которыя управляются ватагою мальчугановъ. Развѣздъ масляницы повторяется четыре раза въ недѣлю: въ воскресенье, мясное заговѣнье и послѣдніе три дня сырной недѣли. Надо замѣтить, что рыбная масляница пользуется большимъ почетомъ, нежели мясная: она и огромнѣе, и тщательнѣе разукрашена; дуги у лошадей перевиты вязигой! Въ прежніе годы дуги не перевивались не вязигой, а соломой. Можно полагать, что обыкновение идеализировать на этотъ ладъ масляницу первоначально появилось у архангельскихъ рыбаковъ: это отчасти доказываетъ ихъ большой карбасъ — фундаментъ символической масляницы. Вообще, на сырной недѣлѣ Архангельскъ значительно оживляется: веселость замѣтна общая. Во многихъ домахъ подбавны горы или, какъ выражается простой народъ, *горки*, хотя бы онѣ были и довольно высоки. Горы эти обставлены по самый раскатъ елью или сосною. Впрочемъ народъ охотнѣе ѣздитъ кататься съ горъ за рѣку, по болѣе части въ деревню Нижнее Ладино, отстоящую отъ города почти въ пяти верстахъ. Поѣздка туда совершается обыкновенно на оленяхъ. За какой-нибудь гривенникъ (на масляницѣ, разумѣется, дороже) Самоѣдъ въ своемъ національномъ *совикѣ* охотно сажаетъ сѣдока въ свои низенькія санки, нѣчто въ родѣ салазковъ, и четыре оленя, поощряемые прикосновеніемъ длиннаго шеста (называемаго *хорѣемъ*) и безпрестаннымъ нуканьемъ: «хай! хой! хой! хай!...» мчатъ васъ по рыхлому снѣгу съ быстротою изумительною. Ъзда на оленяхъ — просто наслажденіе! Никакія катанья съ горъ не сравнятся съ тѣмъ удовольствіемъ, которое ощущаете вы, катаясь на оленяхъ подъ однообразное нуканье огрубѣлаго Самоѣда.





МАСЛЯНИЦА

въ Петербургѣ.



ЛІСТОКЪ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Краковякъ на празникѣ у карпатскихъ горцевъ.

МЕЗЕНСКІЕ САМОѢДЫ.

Полоса земли отъ рѣки Мезени до Уральскаго Хребта, между границами Вологодской Губернии и водами Сѣвернаго Океана, извѣстна подъ общимъ названіемъ *Мезенской Тундры*. Огромное это пространство, начиная съ южныхъ предѣловъ по направлению къ сѣверу, покрыто непроходимыми лѣсами.

Сильные холода, продолжающіеся здѣсь почти восемь мѣсяцевъ, постоянно бываетъ сѣверное сіяніе, называемое туземцами *сполохами* (*). Лѣтомъ же не существуетъ почей и мѣсяца на четыре унылая степь нѣсколько оживляется, показываются болотныя травы, бѣлый и красный мохъ застилаютъ равнину и разбѣ-



Самоѣды.

Лѣсъ мало по малу исчезаетъ и открывается необозримое пространство тундры. Тундра представляетъ безпредѣльную степь, во многихъ мѣстахъ пересѣкаемую каменными горами и плоскими земляными возвышенностями. На огромной равнинѣ, образуемой тундрою, вѣтеръ не встрѣчаетъ себѣ преграды. Зимой онъ производитъ страшныя метели или *пурги*. Въ

жавшіеся потоки рѣкъ оживляютъ эту угрюмую страну сѣвера.

Коренными обитателями тундры на пространствѣ между рѣкою Мезенью и Ураломъ считаются Само-

(*) Слово *сполохъ*, употребляемое въ единственномъ числѣ, означаетъ въ Архангельскомъ Уѣздѣ тревогу, набатъ. — Бить, ударить *сполохъ*.

бды. Надо полагать, что они перекочевали изъ-за Уральскаго Хребта и суть единоплеменники сибирскимъ Самоѣдамъ, кочующимъ у Березова, Обдорска и при берегахъ Лены и Оби. Мезенскіе Самоѣды ведутъ бродячую жизнь, а потому и не знаютъ острѣлости. Переходя съ одного мѣста на другое, они устрояютъ себѣ жилища тамъ, гдѣ располагаютъ усвоить стоянку. Оттого жилища ихъ должны соединять въ себѣ два условія: служить предохраненіемъ отъ стужи и непогоды и быть удобопереносимыми. Эти жилища ихъ называются *чумами*. Чумъ собственно есть ничто иное, какъ конусообразный шатеръ, составленный изъ длинныхъ жердей, нижніе концы которыхъ, на нѣкоторомъ одинъ отъ другаго разстояніи, вбиваются въ землю и образуютъ кругловатое основаніе шатра, а верхніе концы крестообразно связываются вмѣстѣ. Лѣтомъ чумъ покрывается берестой, а зимою—оленьими шкурами: одно одѣяло обкладывается вокругъ шестовъ шерстью внизъ, другое же шерстью вверхъ. Сверху чума оставляется отверстіе для дыма. Чтобы поставить такой чумъ, надо не болѣе получаса времени. Мѣсто, противоположное входу, называется *синикуй*: оно считается священнымъ и служитъ Самоѣду хранилищемъ лучшихъ вещей его. Никакая Самоѣдка не смѣетъ переступить черезъ *синикуй*: это значило бы осквернить святыню. Вообще, по понятіямъ Самоѣдовъ, женщина есть существо дотого нечистое, что оскверняетъ всякую вещь, черезъ которую переступаетъ; даже крещенные Самоѣды придерживаются этого мнѣнія. Всякая вещь, черезъ которую Самоѣдка или *инька*, какъ называютъ Русскіе, переступить, подлежитъ окуриванію, не то верескомъ, не то оленьимъ саломъ. Пищу Самоѣды варятъ себѣ въ чумахъ, раскладывая посреди ихъ огонь и подстилая подъ него или мелкій ивнякъ, или верескъ, или березнякъ. И все это скорѣе тлѣетъ, нежели горитъ. Оттого дымъ и копоть въ чумахъ невыносимы. А неряшество и неопрятность? Страшно подумать, до какой степени существуетъ нечистота въ самоѣдскихъ чумахъ. Коренной Самоѣдъ никогда не ходитъ въ баню, даже рѣдко моется: иногда развѣ случится, что онъ сунетъ мочалку въ снѣгъ или воду и ею утретъ себѣ лице и руки. Исподняго платья Самоѣды, по большей части, также не носятъ: какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ *малица* надѣвается на голое тѣло. *Малица*—родъ мѣшка съ рукавами, съ двумя отверстіями сверху и снизу, дѣлается изъ оленьей шкуры шерстью къ тѣлу. Лѣтомъ малица покрывается тикомъ или сермягой, а осенью и зимою къ ней придѣлывается капюшонъ изъ оленьей шкуры и вся лицевая сторона обшивается оленьимъ мѣхомъ

шерстью вверхъ: тогда эта одежда уже получаетъ другое названіе—*совикъ*. Лѣтомъ и въ сырое время года мужчины и женщины носятъ большіе кожаные сапоги (*бахилы*), а въ зимнее время—узорчатые *пимы*, шерстью вверхъ, и еще родъ мѣховыхъ котиковъ—*тоборы* или *тобоки*. Многіе носятъ круглыя шапки изъ шкуръ молодыхъ оленей, но болѣею частію Самоѣды ходятъ съ обнаженной головою и только въ сильныя стужи и мятели натягиваютъ капюшонъ на голову. Не въ этомъ ли заключается причина, что между ними почти не водятся безволосыхъ стариковъ? Самоѣды, съ дѣтства находящіеся работниками у Русскихъ, живутъ болѣе острѣло и потому значительно чистоплотнѣе, нежели кочующіе ихъ собратья. Малицы, совики и прочую одежду изготовляютъ женщины и, надо сознаться, изготовляютъ мастерски. Ссученныя оленьи жилы служатъ имъ нитками, а особый инструментъ, называемый *ялей*, скребницей для растиранья оленьихъ шкуръ. Совики Самоѣдки украшаютъ узорами изъ бѣлыхъ и темныхъ оленьихъ лапокъ, опушаютъ ихъ какимъ-либо мѣхомъ и нашиваютъ на нихъ разноцвѣтныя суконныя лоскутки и маленькія погремушки. Точно также украшаютъ онѣ шапки и пимы. Волосы свои женщины заплетаютъ по-русски, въ двѣ косы, къ которымъ тоже привѣшиваютъ красныя и желтыя суконныя лоскуточки и ленты яркихъ цвѣтовъ; въ ушахъ носятъ серьги, а инныя на шеѣ бусы и разнаго рода ожерелья; голову опутываютъ въ нѣсколько рядовъ металлическими цѣпочками, иногда, если средства позволяютъ, серебряными. Русскіе и Зыряне, доставляющіе имъ этотъ товаръ, пользуются ихъ слабостію и, разумѣется, за все берутъ въ-три-дорога. Къ чести Самоѣдокъ должно сказать, что онѣ чрезвычайно трудолюбивы, заботливы и внимательны къ своимъ мужьямъ. Прожорство Самоѣдовъ удивительное: трудно себѣ представить, сколько этотъ полудикій сынъ Сѣвера за одинъ разъ въ состояніи уничтожить сыраго мяса и рыбы!

Пища Самоѣдовъ состоитъ изъ хлѣба, оленьяго мяса, свѣжей и соленой рыбы, дикихъ птицъ и ягодъ. Хлѣба они употребляютъ весьма мало. Главный предметъ ихъ продовольствія—оленье мясо, которое они ѣдятъ варенымъ, сушенымъ (вяленнымъ) и жаренымъ. Впрочемъ сырое, дымящееся оленье мясо и теплую кровь только-что убитаго оленя они предпочитаютъ всякимъ яствамъ. Закланіе оленя составляетъ праздникъ для самоѣдскаго чума. Ребятишки снуютъ взадъ и впередъ вокругъ несчастной жертвы, иньки молча ожидаютъ приказаній мужей, мужчины стоятъ, вооруженные ножами.... Но вотъ хозяинъ, вѣрную рукою, обухомъ ударяетъ животное въ темя, мужчины

съ пожами бросаются на оленя, перерѣзываютъ ему горло, перевязываютъ большую кровеносную жилу и потомъ вонзаютъ ему ножъ въ сердце, однако такъ, чтобы вся кровь осталась во внутренности, съ теплаго еще сдираютъ шкуру и наконецъ разрѣзываютъ его по частямъ. И все это — дѣло одной минуты! Наступаетъ кровавый пиръ: на долю мужчинъ достаются лакомые кусочки, то-есть сало со спиннаго хребта, почки и филей. Почти каждый съѣденный кусокъ мяса они запиваютъ теплою кровью. Бѣдные иньки должны довольствоваться остатками.

Обѣднѣннѣе же Самоѣды ѣдятъ падалъ и не гнушаются ею. Нужда не свой братъ, говорятъ они, и падалъ хороша, когда нѣтъ лучшаго. Самоѣды охотники и до лакомствъ: брусника, голубица, крупная морошка, которою изобилуетъ тундра, пряники, шаньги (лепешки изъ ячменной муки), кедровые орѣхи, изюмъ и другія сладости, которыя они добываютъ въ русскихъ селахъ, — вотъ что усаждаетъ ихъ вкусъ, удовлетворяетъ ихъ прихотямъ. Русскій промышленный духъ познакомилъ Самоѣдовъ и съ китайскимъ чаемъ. Они особенно падки на все молочное и до крайности любятъ топленое масло. Табакъ большею частію жуютъ; курятъ его не многіе, но нюхать — одно изъ первыхъ удовольствій, отъ старика до ребенка.

Главное занятіе Самоѣдовъ — *оленоводство*. Оно составляетъ необходимое условіе, съ которымъ нераздѣльно существованіе кочующаго обитателя Мезенской Тундры. Оно замѣняетъ Самоѣду всякое другое хозяйство, а потому при самоѣдскихъ чумахъ нѣтъ другаго животного, кромѣ *олени* и *собаки*, необходимой при стадѣ. Въ тундрѣ безъ оленя нельзя быть, и безъ него Самоѣдъ — нищій; безъ оленя не могло бы существовать кочевой жизни. Подумаешь, что за дивное животное олень! Онъ кормитъ своего хозяина, служитъ ему опорой въ его существованіи, выноситъ на себя тяжкіе труды, и за все это не требуетъ вознагражденія. Попеченія объ этомъ животномъ весьма ограничены. Караулить оленя, сберегать его отъ волковъ, насти въ тундрѣ — вотъ вся обязанность оленивода. И хотя на этотъ конецъ олениводы, даже съ ихъ семействами, иногда на цѣлые годы оставляютъ теплую печку, для житія въ кочевьяхъ, не смотря на то, можно сказать положительно, изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ рѣшительно одинъ сѣверный олень менѣе всего стоитъ человѣку. Для него не нужно строить ни теплыхъ пріютовъ, ни запасать корма, потому что, сроднившись съ суровою природою, онъ живетъ всегда на открытомъ воздухѣ и во всякое время года находить кормъ подножный. Чутье у этого животного необыкновенное! Какъ бы ни былъ глубокъ снѣгъ, олень

хорошо знаетъ, гдѣ именно ему надобно разгребать его для отысканія корма. Но главное достоинство сѣвернаго оленя, — терпѣніе. Надобно удивляться, съ какою стойкостію выносить онъ труды и лишенія. По эту версты бѣжитъ иногда это животное, не дѣлая привала. Случается, что олень часто по двое сутокъ остается безъ пищи. Чтобы получить понятіе о послушаніи и повиновеніи оленя, нужно побывать въ самоѣдскихъ чумахъ и посмотреть, какъ Самоѣды сзываетъ оленей. Не смотря на то, что эти животные далеко въ разбродѣ по лѣсамъ, они немедленно сходятся на лай собакъ, распущенныхъ для ихъ оклички. Будь олень голодный или сытый, онъ одинаково покорный является на зовъ своего господина, не зная самъ, что ожидаетъ его на мѣстѣ — трудъ или закланіе. Олень — самый раболѣпный и усердный исполнитель воли своего владѣльца, самое благодѣтельное животное, данное Богомъ Самоѣду и Лопарю въ ихъ распоряженіе. Если въ пустыняхъ арабскихъ верблюды названъ кораблемъ, то въ снѣжныхъ тундрахъ архангельскихъ олень *болѣе* нежели корабль. Онъ возитъ своихъ хозяевъ, пассажировъ и всякіе транспорты. Не будь оленей — и кольскій край, и мезенскія далнія волости запустили бы совершенно. Безъ оленей не могло бы существовать сообщенія между людьми, населяющими побережья Ледовитаго Океана и Кольской Губы. Олени сблизили Самоѣдовъ и Лопарей съ Русскими и, можно сказать, способствовали уничтоженію одичалости этихъ загрубѣлыхъ сыновъ Сѣвера. Но я сказалъ еще не все. Кромѣ службы въ извозѣ и гонбѣ, олень награждаетъ своего хозяина мясомъ, ныжиками, кожею, шерстью, жилами и рогами. Бездѣлица! Такія выгоды отъ животного должны заставить усерднѣе заботиться о средствахъ къ пресѣченію падежа, который по временамъ во множествѣ уничтожаетъ сѣверныхъ оленей. Отъ этой сибирской язвы, пожирающей вдругъ цѣлыя стада оленей, страшно бѣднѣютъ Самоѣды. Для Мезенцевъ это *Flagellum Dei* своего рода. Замѣчательно впрочемъ, что въ Кольскомъ Уѣздѣ этого падежа на оленей почти не существуетъ. Будемъ надѣяться, что со временемъ найдутся мѣры къ поддержанію животныхъ, отъ которыхъ польза такъ очевидна и значительна! Разумѣется, судя по огромному пространству Архангельской Губерніи, совершенное истребленіе оленей невозможно, и необозримыя тундры будутъ вѣчнымъ ихъ жилищемъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ полагать, чтобы попеченія объ этихъ животныхъ были излишни. Богатство народа заключается въ его промыслахъ, а слѣдовательно и въ средствахъ къ увеличенію ихъ.

Въ настоящее время олениводство большею частію

находится въ рукахъ Русскихъ и Зырянъ, у которыхъ Самоѣды служатъ по найму. Содержаніе, получаемое работникомъ—Самоѣдомъ отъ хозяина, весьма неопредѣленно: оно зависитъ частію отъ способностей работника, его прилежанія, частію отъ образа занятія и, наконецъ, отъ числа душъ семейства его. Деньги рѣдко достаются Самоѣду въ руки: обыкновенно хозяинъ умѣетъ такъ искусно подвести расчетъ, что работнику или вовсе не приходится получить денегъ, или получить только самую незначительную часть ихъ. Оттого нисколько не удивительно, что Самоѣды терпятъ бѣдность и находятся въ вѣчной зависимости отъ своего хозяина. Иногда Самоѣды обязываютъ служить за долги отца его, о которыхъ онъ никогда не слыхалъ прежде. Вообще надо сказать правду, что Русскіе и Зыряне обращаются съ несчастными Самоѣдами безъ всякаго состраданія: несправедливость къ нимъ доходитъ до грабежа! Оборотъ, обидѣть Самоѣда не вѣщается въ грѣхъ. Обидѣнные Самоѣды во множествѣ скитаются не только по печорскимъ и мезенскимъ селамъ, но и по городамъ Мезени, Пинежъ, Холмогорамъ и Архангельску, и выманиваютъ себѣ насущный хлѣбъ милостыней.

Въ морскихъ звѣриныхъ промыслахъ Самоѣды ловокъ и отваженъ, потому что ни во что ставитъ жизнь свою: она не представляетъ ему ни радости, ни утѣшенія. Весь нектаръ его жизни состоитъ въ винѣ, до котораго онъ страшный охотникъ. Ни одинъ Самоѣдъ не станетъ торговать съ тѣмъ, кто предварительно не поподчиваетъ его. Иногда случается, что Самоѣда съ умысломъ поятъ водкой до опьяненія для того, чтобы потомъ за безцѣнокъ скупить у него оленей.

Перна, морской заяцъ или, собственно говоря, тюлень, тебякъ, бѣлуга или бѣлуха и моржъ составляютъ морской звѣринный промыселъ, который производится Самоѣдами по всему берегу Ледовитаго Моря, начиная отъ устья рѣки Мезени до рѣки Кары. Въ тундрахъ Самоѣды бьютъ волковъ, которыхъ тамъ множество и которые рѣжутъ оленей цѣлыми десятками вдругъ, особенно въ темныя ночи, во время сильныхъ снѣговъ, ловятъ лисицъ и песцовъ. Въ лѣсахъ Самоѣды промышляютъ дикихъ оленей, горностаевъ, бѣлокъ, куницъ, росомахъ и медвѣдей. Тундры изобилуютъ также лебедями, дикими гусями, утками, гагарами, бѣлыми куропатками, рябчиками и тетеревами. Дикіе гуси и утки—любимое блюдо Самоѣдовъ: они солятъ ихъ и сберегаютъ на зиму. Они кроме того большіе охотники и до бѣлыхъ куропатокъ, которыхъ ловятъ силками и сѣтями въ значительномъ количествѣ.

Большая часть мезенскихъ Самоѣдовъ исповѣды-

ваютъ православную вѣру; въ тундрахъ ихъ построены три церкви. У некрещенныхъ Самоѣдовъ *Нуи* (Богъ) или *Илеуибартс* (Жизнедатель) есть высшее существо, сообщающееся съ людьми посредствомъ *тадибеивъ* (духовъ), которые изъ среды смертныхъ достойнѣйшихъ избираютъ въ *тадибеи* и черезъ нихъ передаютъ велѣнія божіи. Къ тадибеямъ Самоѣды прибѣгаютъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ, напримѣръ, для излеченія отъ болѣзней, для разузнанія пропажи, утѣха въ промыслахъ и т. д. Обрядъ, совершаемый при такихъ случаяхъ тадибеемъ, называется *кудесомъ*, а самъ тадибей поэтому—*кудесникомъ*.

Самый древній и знаменитый самоѣдскій идолъ находился на островѣ *Вайгачъ*, на большомъ утесѣ, и назывался *Уэсако* (старикъ). Онъ былъ семиличный, деревянный, отесанный съ трехъ сторонъ. Какъ этотъ идолъ, такъ и 420 другихъ, тутъ же находившихся деревянныхъ истукановъ, со всѣми ихъ украшеніями, были сожжены миссіонерами въ 1827 году. Кроме того низвержено еще было на Вайгачѣ 20 каменныхъ идоловъ. Островъ Вайгачъ называется *Хэе-о* (святой островъ). Религіозныя понятія и вѣрованія Самоѣдовъ основаны на какихъ-то сказочныхъ преданіяхъ, которыхъ у нихъ имѣется много. Вотъ, напримѣръ, подробный разсказъ преданія объ *Уріерѣ*, древнемъ самоѣдскомъ шаманѣ. *Уріеръ*, говоритъ самоѣдское преданіе, былъ «тадибъ изъ тадибовъ», врачъ изъ врачей, мудрецъ изъ мудрецовъ, человекъ, какихъ нынче уже не водится. Нужно ли было отыскать затерявшагося оленя или украденную вещь, поправить здоровье, достигъ счастья и богатства: стоило только посоветоваться съ *Уріеромъ*. Самъ онъ обладалъ несчетными стадами, видѣлъ много странъ и народовъ; но наконецъ соскучился жить на землѣ. «Здѣсь», говорилъ онъ, «и стада все болѣе и болѣе уменьшаются, и мху убываетъ, и дичи ловится все меньше, а увеличиваются лишь воровство, обманы, да неправыя дѣла; не хочу жить болѣе на землѣ, пойду на небо». Задумавъ это, приказалъ онъ двумъ своимъ женамъ одѣться въ новыя платья и сдѣлать на оленей новую сбрую, въ которой бы не было старыхъ заплатъ. Затѣмъ запретъ онъ четверню оленей въ сани, сѣлъ и поѣхалъ по воздуху: обѣ жены поѣхали за нимъ вездѣ, каждая на своихъ саняхъ. На половинѣ пути олени *Уріера* начали шататься и грузнуть въ воздухъ. *Уріеръ* догадался, отчего это происходило, и спросилъ женъ: изъ новыхъ ли кусковъ, какъ имъ приказано было, сшили онѣ себѣ платья и для оленей сбрую? Вторая жена призналась, что у ней на платьѣ остался одинъ бантикъ старый, который она прежде носила. Въ то же время она стала умолять *Уріера* воротиться на

землю, гдѣ остались двое дѣтей ихъ; со слезами на глазахъ увѣряла она, что нести бремя земное, раздѣляя его съ дѣтьми, для ней легче, чѣмъ жизнь безъ нихъ на небѣ. Склоняясь на мольбы, Уріеръ отпустилъ ее на землю; самъ же, съ первою своею женою, поднялся до неба, гдѣ нашелъ все, составляющее блаженство Самоѣда: сильныхъ оленей, питательный мохъ, жирную дичь въ лѣсахъ и на лугахъ, вкусную водку и т. д.

По другимъ рассказамъ, обѣ жены съ дѣтьми слѣдовали за Уріеромъ на небо, и, уже спустя нѣсколько времени, одинъ изъ сыновей его возвратился въ тундры, чтобы рассказать Самоѣдамъ о видѣнномъ тамъ блаженствѣ. Надобно замѣтить, что Самоѣды доселѣ еще вѣрятъ, будто многіе изъ нихъ и нынѣ совершаютъ подобныя потѣдки. Если пропадетъ въ тундрахъ безъ вѣсти человекъ, ползующійся дурною репутаціею, говорятъ, что его медвѣдь съѣлъ; если же случится это съ добрымъ человекомъ, то всѣ убѣждены, что онъ, подобно Уріеру, отпочевалъ въ небесныхъ тундрахъ. Безсмертіе, по понятіямъ Самоѣдовъ, есть принадлежность только однихъ «тадибовъ»; простой же народъ, по ихъ мнѣнію, исчезаетъ со смертію. На землѣ, думаютъ они, царствуетъ богъ смерти, а Елисейскія Поля находятся въ пѣдрахъ подземнаго міра. Подъ землею, повѣствуютъ они, живетъ счастливый народъ, называемый *Сиртеями* (Sirteji), у котораго, вмѣсто оленей, водятся богатая стада мамонтовъ, да кромѣ того множество бобровъ, соболей, серебра и золота. Такое вѣрованіе свое они подкрѣпляютъ тѣмъ, что хлѣбъ, мохъ, драгоценныя металлы, вообще всякая растительность и т. д., все это даетъ намъ земля, слѣдовательно испосылается съ Елисейскихъ Полей, далеко изъ-подъ глыбы земнаго шара. Общихъ богослуженій и даже изустныхъ молитвъ Самоѣды не имѣютъ; крещенные только крестятся, входя въ чумъ или садясь за трапезу. Соблюденіе постовъ отъ нихъ не требуется и имъ разрѣшено ѣсть все, кромѣ падали. Появленіе на свѣтъ Самоѣда сопровождается разными обрядами, носящими на себѣ отпечатокъ глубокой старины и законнаго невѣжества. До пятнадцатилѣтнаго возраста дѣти остаются безъ всякихъ занятій. Совершеннолѣтіе ихъ считается съ того времени, когда они начинаютъ заниматься промыслами. У Самоѣдовъ дѣтей бываетъ мало; смертность же между дѣтьми довольно значительна: причиною тому, надо полагать, дур-

ное съ ними обращеніе. Самоѣды любятъ *многоженство*, но пріобрѣтеніе жены сопряжено съ большими издержками: оттого между ними водится много холостяковъ. Обращеніе Самоѣда съ женою самое грубое: жена не смѣетъ называть мужа даже по имени. За всякій проступокъ она должна выносить отъ мужа побои. Боже упаси провиниться въ невѣрности: побои и упреки со стороны мужа будутъ повторяться каждый день. Соперника же своего обиженный супругъ наказываетъ довольно оригинально: встрѣтись съ соперникомъ гдѣ-нибудь на дорогѣ, онъ подходитъ къ нему, отпрягаетъ и уводитъ изъ саней его одного оленя, а тотъ, сознавая свою вину, молчитъ и ѣдетъ далѣе. Вступая въ бракъ, Самоѣды соблюдаютъ степень родства: мужчина не можетъ жениться на дѣвушкѣ, если она приходится ему хотя съ дальней родни по мужскому колѣну; но будь она по женской линіи хотя самая близкая его родственница, бракъ тогда не считается предосудительнымъ. Покойниковъ Самоѣды хоронятъ въ лѣсахъ, зарывая въ могилу умершаго платье и другія его вещи. Это они дѣлаютъ на томъ основаніи, что полагаютъ, будто бы умершій живетъ еще нѣкоторое время въ могилѣ. Иногда убиваютъ на могилѣ оленя, и убиваютъ его мучительною смертію... Послѣ похоронъ всѣ возвращаются домой и окуриваютъ себя оленьимъ жиромъ. Младенцевъ Самоѣды вовсе не предають погребенію: ихъ кладутъ въ небольшіе ящики, которые привѣшиваютъ потомъ къ высокимъ деревьямъ для того, чтобы умершія дѣти, какъ существа непорочныя, были ближе къ Богу и не находились въ соприкосновеніи съ грѣшнымъ людемъ. Странныя понятія!

О жизни загробной они мало заботятся; они не заботятся и о земной жизни, ибо, кажется, сознаютъ, что племя самоѣдское скоро сотрется съ лица земли совершенно. Размножающаяся бѣдность и убывающее народонаселеніе ихъ невольно приводятъ Самоѣдовъ къ этой мысли. Грустно смотрѣть на этихъ одичалыхъ сыновъ Сѣвера, но еще грустнѣе видѣть ихъ постоянное разореніе и постепенный переходъ къ нищетѣ, заставляющей Самоѣдовъ питаться, подобно хищнымъ и кровожаднымъ животнымъ, падающею и переносить самыя ужасныя лишенія! Существованіе этого полудикаго, необразованнаго народа непродолжительно: настоящее положеніе Самоѣдовъ вполне подтверждаетъ справедливость такого замѣчанія.

ИСТОКЪ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Камни въ Карнакской Долинѣ.

ПОМОРЫ И БЪЛОМОРСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.



ители побережья Бѣлаго Моря извѣстны подъ общимъ названіемъ *Поморовъ*. Главное занятіе ихъ состоитъ въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ. Поморы находятся въ постоянной борьбѣ съ бурною стихіею и переносятъ всю суровость сѣвернаго края съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и неустранимостью. Судьба дала въ удѣлъ имъ жизнь, полную трудовъ и разнообразія: они промысляютъ на берегахъ Ланландіи, или охотятся на льдахъ Бѣлаго Моря, или перевзжаютъ въ Норвегію и въ Архангельскъ. Славный народъ эти Поморы: ихъ отвага и предпримчивость изумительны. Взросши на морѣ, они свыклись съ непогодой, и потому смѣлы добаснословія. Нерѣдко случается, что предприимчивый Поморъ на утлой ладѣ, промы-



Одежда Поморевъ.

словъ ради, переплываетъ Сѣверный Океанъ, ходитъ на Калгуевъ, Новую Землю и далѣе — на Шницбергенъ. Онъ хладнокровно смотритъ на опасности, равнодушно идетъ на встрѣчу смерти, которая часто угрожаетъ ему во время опаснаго, дальняго его плаванія въ безпредѣльный океанъ изъ-за куска насущнаго хлѣба. Ни массы льда, носящіяся въ необъятномъ пространствѣ моря, ни суровость зимы Шницбергена, гдѣ онъ за-частую располагается зимовкой, —

ничто не устрашаетъ его, ничто не охлаждаетъ въ немъ любви къ отважнымъ, смѣлымъ предпріятіямъ. Поморы не имѣютъ никакого понятія о математическихъ инструментахъ, необходимыхъ во время плаванія для опредѣленія мѣстности: снабженные однимъ компасомъ и незамысловатою картою собственнаго изобрѣтенія, они дерзко направляютъ свой путь почти до самыхъ береговъ Гренландіи. Правда, бывають случаи,

что смѣльчаки безотчетной отваги оплачиваются смертию за свое безразсудство, но такіе примѣры скоро изглаживаются изъ памяти ихъ собратій. Впрочемъ такая безпечность Поморовъ не можетъ быть одобряема здравомыслящими людьми, особенно въ наше время. Пора бы Поморамъ образумиться и, вмѣсто того, чтобы, *очерти голову,*

пускаться *на авось* въ открытое море, не худо бы было предварительно заготовить необходимыми картами и инструментами, и экипировать свой вѣтрить мореходу, пользующемуся званіемъ штурмана.

Не болѣе четырехъ мѣсяцевъ проводитъ Поморъ въ семьѣ своей, а восемь опять трудится гдѣ-нибудь вдали отъ родныхъ. На ярмарку *Маргаритинскую*, продолжающуюся въ Архангельскѣ съ 1-го сентября по 1-е октября, Поморы привозятъ большой

запасъ рыбы, по большей части треску, въ соленомъ и сухомъ (вяленомъ) видѣ, и палтусину, и вымѣниваютъ товаръ свой, по условленной цѣнѣ, на хлѣбъ.

Въ выговорѣ Помора много особенностей, рѣзко отличающей его отъ другихъ жителей Стѣвера. Какъ-то странно слышать, когда Поморъ, напримѣръ, на спросъ: который тебѣ годъ? отвѣтитъ — *шестого десяти-ка шестой годъ*, т.-е. что ему 55 лѣтъ.

При такой разнообразной жизни мужчинъ, жизнь женщины въ Бѣломорѣ есть почти совершенное одиночество; но скука этого одиночества вознаграждается трудолюбіемъ. Въ то время, когда мужчины находятся на промыслахъ, женщины не остаются безъ дѣла: онѣ ловятъ рыбу, косятъ сѣно, ухаживаютъ за скотомъ. Зимой онѣ все попеченіе свое сосредоточиваютъ на мужьяхъ, которые къ этой порѣ возвращаются домой, на отдыхъ. Къ чести Поморовъ, надо сознаться, что семейная жизнь ихъ дышитъ согласіемъ: никакое важ-

ное дѣло не начинается мужемъ безъ согласія его жены.



Головной уборъ бѣломорскихъ женщинъ и дѣвушекъ.



Бѣломорскія дѣвушки.

Время забавъ и увеселеній въ Бѣломорѣ составляетъ періодъ отъ Рождества до Великаго Поста. Начинаются *вечерины* или *посидѣлки*. Подъ

вечеръ въ очередной домъ приходятъ дѣвушки съ свѣчами и пряжею. По заведенному обыкновению каждая приноситъ съ собою свѣчу. Заводятся пѣсни, разговоры. Вдругъ подъ окномъ раздается стукъ необычный: возгласъ: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!* Тогда отпираются ворота и толпа мужчинъ входитъ въ избу. Съ приходомъ послѣднихъ бесѣда оживляется, пѣсни становятся громче, слышатся рѣсказы веселаго нарія, раздается хохотъ дѣвушекъ... О святкахъ вечеринки бываютъ разнообразны: являются *хухольники* (замаскированные), но безъ *личинъ* (масокъ).

Личины употреб-

ляютъ только въ окрестностяхъ Архангельска. Всякій хухольникъ непременно обязанъ выкупаться въ рѣкѣ

въ день Богоявленія. Хухольники, посѣщая вечерины, обыкновенно прыгаютъ и кривляются на разные лады, потому-что пляски у Поморовъ не въ модѣ: по ихъ понятіямъ, пляска есть изобрѣтеніе діавола. Изъ всѣхъ бѣломорскихъ плясокъ только одна можетъ назваться собственно пляскою: это *шинъ*, довольно живой и разнообразный танецъ, состоящій изъ нѣсколькихъ фигуръ и весьма похожій на французскую кадрили. Танецъ этотъ сопровождается пѣснями: музыка здѣсь не въ ходу. Другое развлеченіе Бѣломорцевъ — катанье съ горъ. Гористая мѣстность Бѣломорья особенно способствуетъ этому увеселенію: стоитъ съ любого холма сместить и полить воды — гора готова. Замѣчательно, что здѣсь при катаньи съ горъ не женщины сидятъ на колыняхъ мужчинъ, а наоборотъ. О масленицѣ женщины и дѣвушки щеголяютъ нарядами. Головной, торжественный уборъ дѣвушки обыкновенно состоитъ изъ *повязки*, сшитой изъ двухъ широкихъ *хазовъ* (позументовъ), но безъ жемчуга; станъ скрывается подъ *штофникомъ* или *костычомъ* (сарафа-

номъ), обшитымъ также хазами: на рукахъ полотняные, узкіе, безъ складокъ, рукава, перевязанные лентами у самого сгиба руки. Этотъ нарядъ сохраняется вездѣ въ Поморьи; онъ — упрощеніе наряда болѣе изящнаго, который употребителенъ въ окрестностяхъ Архангельска.



Бѣломорскія женщины.

Въ послѣдній день масленицы всѣ удовольствія прекращаются: наступаетъ время поста и молитвы. Поморы благочестиво встрѣчаютъ эти великіе дни; будучи отъ природы весьма набожны, они съ глубокимъ благоговѣніемъ исполняютъ всѣ обязанности, возлагаемыя на нихъ обрядами Православной Церкви. Жаль, что между ними много раскольниковъ, и притомъ самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, къ ученію которыхъ женщины привязаны до фанатизма. Оттого глу-

бокое суевѣріе и безчисленные предрассудки сильно господствуютъ между народомъ, достойнымъ во всѣхъ отношеніяхъ полного сочувствія за его труды, набожность, предприимчивость, безстрашіе въ опасныхъ промыслахъ и единодушіе въ семейной жизни.

НОВЫЙ ГОДЪ.



...Однимъ посеешь кресты, чины,
Тѣмъ деньга, милости богаты,
А мнѣ? — лишь новыя зплаты
На старыя мои ...!



Сынъ. Ну, вотъ, матушка, слава Богу и до новаго
года дожили.
Мать. Слава Ему. Господу щедрому, и хлѣбъ есть,
и квасъ есть...



Несбывшіяся новогоднія ожиданія



Выраженіе, съ каковымъ иногда встрѣчаютъ новое счастье.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОРЪ ВЪ ХОЛМОГОРАХЪ

Лучшее украшеніе Холмогоръ, уѣзднаго города Архангельской Губерніи, это — Спасо-Преображенскій Соборъ, построенный на насыпи и замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Основаніе его положено въ 1683 году первымъ архіепископомъ вновь учрежденной тогда епархіи холмогорской и вяжеской, Аванасіемъ, современникомъ Петра Великаго, настыремъ умнымъ и просвѣщеннымъ. Спустя восемь

онъ въ тотъ же день осмотрѣлъ мельницу архіерейскую, огороды, заведенія; послѣ ужина долго гулялъ по Двинѣ на маленькой шнякѣ и ночевалъ на стругѣ, на которомъ причалилъ къ Холмогорамъ. Іюля 30-го Царя уже привѣтствовали въ Архангельскѣ колокольнымъ звономъ и пальбою.

Во времена Петра Великаго Спасо-Преображенскій Соборъ въ сравненіи съ другими считался первымъ



Спасо-Преображенскій Соборъ и Успенскій Монастырь въ Холмогорахъ.

лѣтъ, именно въ 1691 году, построеніе храма было окончено и освящено. Іюля 28-го 1693 года Холмогоры впервые удостоились узрѣть Петра Великаго: архіепископъ Аванасій встрѣтилъ Царя, привѣтствовалъ словомъ и сопровождалъ его въ новый соборъ съ иконами и *благогоучестнымъ пѣніемъ*. Построеніемъ собора Царь остался очень доволенъ, благодарилъ архимонастыря и пожелалъ взглянуть на домашнее хозяйство преосвященнаго. Съ этою цѣлю

по огромности и красотѣ. По величинѣ своей онъ и понынѣ замѣчателенъ между церквами Архангельской Губерніи, но внутренность его очень бѣдна. Позолота, которою были покрыты рѣзные украшения четырехъ-яруснаго иконостаса, потемнѣла, а въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ сошла. Церковный помостъ нѣсколько покривился. Свѣтъ проходитъ въ окна, расположенныя въ два яруса, и въ трехъ куполахъ, опирающихся на четыре столба; остальные два купола не имѣютъ

оконѣ. На карнизѣ, отдѣляющемъ первый ярусъ иконостаса отъ второго, помѣщена слѣдующая надпись:

«Благоволѣніемъ Отца Вседержителя Господа Бога и содѣйствіемъ Единороднаго Его Сына Господа и Спаса нашею Иисуса Христа Бога, поспѣшеніемъ же и исполненіемъ Пресвятаго, Животворящаго Духа Бога, единого, трипостаснаго и Животворящаго Господа Бога, при державѣ благочестивѣйшихъ Великихъ Государей нашихъ, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, при архіепископствѣ, въ духовномъ чинѣ отца ихъ и богомольца, великаго господина, всесвятѣйшаго Гиръ-Адріана, Архіепископа Московскаго и всея Россіи и всѣхъ съверныхъ странъ Патріарха, освященъ храмъ сей и жертвенникъ самъ ктитормъ и первопрестольнымъ Орономъ сего, преосвященнымъ Аѳанасіемъ, Божією милостію Архіепископомъ Холмогорскимъ и Вяжескимъ, въ лѣто мірозданія 7179-е, отъ Рождества 1691, индикта 4-го іюля мѣсяца дня 28, во вторникъ на память Св. Апостолъ и діаконъ Прохора и Никанора, Тимона и Пармена, въ 10-е лѣто архіепископства его. Украсенъ же святой храмъ сей повозображенными, писанными святыми сими іконы и царскими врата и іконоставами симъ во славу Божію тѣмъ же ктитормъ въ лѣто отъ созданія свѣта 7203-е. И Господи Иисусе и слава совершителю Богу.....».

Эта надпись написана вязью, но отъ времени до того испортилась, что нѣкоторыя мѣста ея съ большимъ трудомъ разобрать можно. Подлѣ южной и сѣверной стѣнъ храма находятся десять надгробій, покрытыхъ черными пеленами: здѣсь покоятся умершіе архіереи, погребенные подъ церковнымъ помостомъ. Прежде надъ гробницами ихъ висѣли и портреты усопшихъ, но теперь этихъ портретовъ не видать болѣе; говорятъ, что они, во избѣжаніе порчи отъ сырости, перенесены въ домъ соборнаго протоіерея. Изъ портретовъ особенно замѣчателенъ портретъ архіепископа Аѳанасія: святитель Церкви изображенъ безъ бороды. Рассказываютъ, что Аѳанасій во время пребыванія своего въ Москвѣ неоднократно имѣлъ состязанія съ старовѣрами. Однажды, избличая ложность

ихъ ученія, онъ до-того озлобилъ противъ себя этихъ приверженцевъ раскола, что одинъ изъ нихъ бросился на Аѳанасія, схватилъ его за бороду и вырвалъ часть ея съ лѣвой стороны, вмѣстѣ съ кожей. Съ тѣхъ поръ у Аѳанасія на томъ мѣстѣ борода не росла, а потому онъ и не допускалъ расти и остальной части ея. Вотъ слѣдовательно причина, почему онъ и на портретѣ нарисованъ безъ бороды. Подписи къ портретамъ болѣе или менѣе характеризуютъ жизнь, дѣянія и подвиги умершихъ. Вотъ два стиха изъ подписи къ портрету Аѳанасія:

*«Поставленъ же претерпѣвъ мученіе мятсжы,
Презирая разумно расколъ надежы.»*

Дѣйствительно, Аѳанасій былъ въ свою эпоху однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ раскола. Когда огромная шайка старовѣровъ, подъ предводительствомъ суздальскаго раскольника *Никиты*, прозваннаго *Пустосвятомъ*, дерзко проповѣдывала свое ученіе по Москвѣ бѣлокаменной, и даже ворвалась въ Кремль, вызывая патріарха на всенародное словопреніе, — тогда Аѳанасій, краснорѣчиво отстаивавшій правоту вѣры и убѣждавшій изступленныхъ въ неосновательности ихъ лжеученія, едва не погибъ отъ руки беззаконника Никиты.

Въ Спасо-Преображенскомъ Соборѣ нѣтъ печей, а потому служеніе въ немъ совершается только лѣтомъ. Зимой же служба происходитъ въ особомъ зданіи, подлѣ собора, гдѣ построена церковь въ 1761 году во имя Св. Дванадесяти Апостоловъ.

Въ соборѣ обращаетъ на себя вниманіе *царское мѣсто*, устроенное у южнаго столба. Здѣсь, въ этомъ храмѣ, молились нѣкогда, возсылая теплыя молитвы къ престолу Предвѣчнаго, и Петръ Великій, и Александръ Благословенный, и Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ. И память о высокихъ особахъ, поклонявшихся святынямъ Спасо-Преображенскаго Собора, не умретъ въ потомствѣ. Съ благоговѣніемъ вспоминаютъ о томъ холмогорскіе жители и горделиво указываютъ на храмъ, ознаменованный посѣщеніемъ двухъ великихъ монарховъ и старшаго брата нынѣ благополучно царствующаго Государи Императора Александра Николаевича

МѢСТО ЗАТОЧЕНІЯ ПРИНЦА АНТОНА УЛЬРИХА И ЕГО СЕМЕЙСТВА

ВЪ ХОЛМОГОРАХЪ.

Рядомъ съ Спасо-Преображенскимъ Соборомъ въ Холмогорахъ находятся зданія Успенскаго Дѣвичьяго Монастыря, замѣчательнаго тѣмъ, что въ немъ содержалось брауншвейгское семейство. Внутреннія перемѣны, слѣдовавшія въ Россіи со смертію Петра Великаго, замедляли развитіе славныхъ дѣлъ мудраго преобразователя нашего отечества. Россія страдала и требовала обновленія.

Регентство Бирона и правленіе государствомъ Анны Леопольдовны было непродолжительно. Съ воцареніемъ Елисаветы возвратилась на престолъ російскій отрасль Петра Великаго, прерванная царствованіемъ Анны Іоанновны. Для спокойствія государства для счастья Россіи, надлежало принять рѣшительныя мѣры, уничтожить на будущее время честолюбивые и противузаконные замыслы на

наслѣдіе престола. Императрица Елисавета Петровна подала примѣръ тому. Дочь Герцогини Мекленбургской Екатерины Іоанновны и супруга Принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго, Принцесса Анна Леопольдовна, принявшая на себя, по паденіи Бирона, титулъ Великой Княгини и Правительницы, была осуждена, вмѣстѣ съ сыномъ, малолѣтнимъ Іоанномъ Антоновичемъ, супругомъ своимъ, Принцемъ Антономъ

Ульрихомъ, и дочерью, Екатериной Антоновной, на заточеніе. Первоначальнымъ помѣщеніемъ для этого семейства служила рижская крѣпость, а потомъ—Дюнаминдъ. Въ Дюнаминдѣ Богъ даровалъ Аннѣ Леопольдовнѣ другую дочь, Елисавету. Изъ Дюнаминда воспослѣдовало перемѣщеніе въ Раніенбургъ, городъ Рязанской Губерніи. Около 1743 года Анна Леопольдовна

разлучена съ сыномъ своимъ, Іоанномъ Антоновичемъ, и изъ Раніенбурга отвезена съ супругомъ и двумя дочерьми въ Холмогоры, куда это семейство и прибыло октября 24-го 1744 года. Здѣсь, въ 1745 году, у Анны Леопольдовны родился сынъ, Петръ, и въ 1746 году сынъ Алексѣй. Рожденіе послѣдняго повлекло за собою смерть матери: она скончалась безъ малѣйшаго ропота на несправедливость или жестокость

судьбы. Съ этихъ поръ Принцъ Антонъ Ульрихъ исключительно посвятилъ себя дѣтямъ.

Печально было жилище брауншвейгскаго семейства въ стѣнахъ Холмогорскаго Успенскаго Дѣвичьяго Монастыря. Въ первой каменной стѣнѣ, идущей чрезъ всю ширину городища, длиною въ 40 сажень, находятся большія ворота, ведущія на монастырскій дворъ, опоясанный со всѣхъ сторонъ каменною стѣною съ



Комната Анны Леопольдовны въ зданіи Холмогорскаго Монастыря.

четырьмя башнями по угламъ. Стѣны толщиною не болѣе аршина, а вышиной около сажени. Вся площадь, ограничиваемая оградой, заключаетъ до 2084 квадр. саж. вмѣстѣ съ землею, занятою строеніемъ. Главное зданіе, занимаемое монастыремъ, возвышается на юго-восточномъ углу ограды. Въ этомъ-то именно зданіи и помѣщалось брауншвейгское семейство. Въ верхнемъ этажѣ каменнаго дома, примыкающаго къ монастырской церкви, находится небольшая комната, съ однимъ окномъ на монастырскій дворъ и съ двумя дверьми, изъ которыхъ одна прямо противъ входа, а другая въ лѣвой стѣнѣ: эта небольшая комната служила *передней* принцессы Анны. Въ передней стоитъ небольшой, низенькій комоденъ изъ дубоваго дерева съ массивными мѣдными ручками и замочными бляхами, принадлежавшій Аннѣ Леопольдовнѣ. Сохранилось еще туалетное зеркало въ рѣзной на ножкахъ рамѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скрѣпленной веревочками. Это зеркало составляло собственность принцессы и отражало нѣкогда ихъ лица. Вотъ все, что осталось на память о несчастномъ семействѣ.

Дверь, противоположная входу въ переднюю, ведетъ въ огромный залъ, занятый теплою монастырской церковью. Въ правой сторонѣ устроенъ алтарь съ небольшимъ иконостасомъ. Потолокъ безъ сводовъ; въ срединѣ онъ поддерживается четырехугольнымъ каменнымъ столбомъ, около котораго помѣщены иконы. При Ульрихахъ церкви здѣсь не было; эта огромная комната служила заломъ. Она очень слабо освѣщена нѣсколькими окнами, находящимися на одной только сторонѣ. Часть свѣта проходитъ также въ стеклянныя двери, въ стѣнѣ противъ входа, ведущія въ другую церковь, гдѣ богослуженіе отправляется только лѣтомъ. Церковь имѣетъ куполъ. До прибытія Ульриха она была крестовою, потому-что въ этомъ зданіи жили тогда архіереи; но съ пріѣздомъ брауншвейгскаго семейства переименована въ церковь Зачатія Св. Анны, поступила въ придворное вѣдомство и украшена богатымъ и великолѣпнымъ иконостасомъ. По отъѣздѣ Ульриховъ Екатерина II повелѣла перевезти иконостасъ въ деревню Ракуду, въ 60-ти верстахъ выше Холмогоръ. Теперешній иконостасъ отстроенъ заново и весьма хорошъ. Этимъ иконостасомъ и другими поправками монастырь обязанъ усердію бывшаго Архангельскаго Военнаго-Губернатора, Контръ-Адмирала Маркиза А. П. де-Траверсе.

Дверь въ лѣвой стѣнѣ передней ведетъ въ комнату, называемую *гостиной* Анны Леопольдовны. Эта комната со сводами и хорошо освѣщена тремя окнами, выходящими на петербургскую дорогу.

Комната была раздѣлена деревянною перегородкою

на двѣ части: большая имѣла до 13 шаговъ въ длину и столько же въ ширину. Въ такъ-называемой *гостиной* надъ диваномъ виситъ довольно схожій портретъ Петра Великаго. Подъ окнами комнаты у самой подолшвы городища лежитъ маленькое озеро. На немъ была при Ульрихахъ небольшая шлюпка, на которой нарѣдка, и то по ночамъ, когда весь городъ спалъ, заключеннымъ позволялось кататься. Они выходили на озеро по маленькому крыльцу, которое существуетъ и теперь подлѣ комнаты принцессы Анны. Шлюпка эта долгое время сохранялась въ цѣлости, но лѣтъ съ пятнадцать тому назадъ, по невѣжеству или недоразумѣнію одного монастырскаго служителя, изрублена имъ на дрова. Близъ озера находился сарай, помѣщавшій въ себѣ старую карету, въ которой заключенные пользовались правомъ отъѣзжать иногда сажень на 200 отъ ихъ жилища. Въ карету обыкновенно впрягали 6 лошадей; обязанности кучера, форейтора и лакеевъ исправляли солдаты. На такомъ незначительномъ протяженіи совершались всѣ ихъ прогулки. Узники никого не видали, кромѣ людей, представленныхъ къ нимъ для прислуги. Одна команда солдатъ подъ начальствомъ подполковника и трехъ оберъ-офицеровъ помѣщалась въ особой казармѣ у воротъ главнаго монастырскаго зданія; другая, подъ присмотромъ поручика Карикина, находилась въ нижнемъ этажѣ того самаго дома, въ которомъ содержалось семейство Ульриховъ. Даже эти двѣ команды, имѣя одно назначеніе, не могли сноситься между собою. Глубокая, непроницаемая тайна окружала жилище узниковъ. Ни одинъ посторонній любопытный взоръ не проникалъ во внутренность: только намѣстникамъ поставлено было въ обязанность навѣщать заключенныхъ. Никто не допускался къ нимъ безъ позволенія намѣстника; даже врачъ не иначе могъ войти туда, какъ съ самимъ намѣстникомъ, который нарочно для этого пріѣзжалъ изъ Архангельска. Всѣ знали, что въ этихъ безмолвныхъ стѣнахъ были какіе-то «арестанты», но какіе именно, того никто не вѣдалъ. Народъ далъ этой тайнѣ названіе *неизвѣстной комиссії*, которое на мѣстѣ и понынѣ еще повторяется.

Тридцать шесть лѣтъ жило брауншвейгское семейство подъ самою бдительною стражею въ стѣнахъ Холмогорскаго Успенскаго Дѣвичьяго Монастыря. Чтеніе нѣсколькихъ церковныхъ книгъ и игра въ карты—вотъ единственныя занятія, служившія имъ развлеченіемъ отъ скуки. Объ изящныхъ искусствахъ, наукахъ и свѣтскомъ образованіи принцы и принцессы не имѣли никакого понятія, и малое, что знали, пріобрѣли отъ единственнаго своего наставника, отца ихъ.

Императрица Екатерина II, желая узнать положеніе брауншвейгскаго семейства, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, отправила въ 1762 году генералъ-маіора А. П. Бибикова въ Холмогоры съ объявленіемъ Принцу Антону Ульриху, что ему предлагается свободный и приличный его сану выѣздъ изъ Россіи, но безъ дѣтей, которыя до извѣстнаго времени должны остаться въ заключеніи и которыхъ, какъ сказано было въ инструкціи Бибикову, — *для государственныхъ резоновъ до тѣхъ поръ освободить не можемъ, пока дѣла Наши государственный не укрѣпятся въ томъ порядкѣ, въ которомъ они къ благополучію Имперіи Нашей новое свое положеніе теперь приняли.* Никакія убѣжденія со стороны Бибикова не могли склонить Принца Антона Ульриха на разлуку съ дѣтьми: онъ остался въ своемъ рѣшеніи непреклоненъ и согласился лучше страдать въ неволѣ, нежели покинуть дѣтей, для которыхъ онъ былъ и отецъ, и наставникъ, и хранитель въ ихъ несчастіи.

Въ 1776 году Принцъ Антонъ Ульрихъ скончался на 62-мъ году отъ рожденія, и дѣти его лишились въ немъ единственнаго своего друга. Съ этихъ поръ жизнь для нихъ сдѣлалась вдвойнѣ тягостною: съ одной стороны ихъ томилъ душевный недугъ по умершемъ отцѣ, съ другой и самое обращеніе съ ними нѣкоторыхъ изъ главныхъ начальственныхъ лицъ становилось все хуже и хуже.... Наконецъ въ 1779 году Небо послало имъ добродѣтельнаго мужа въ особѣ Архангельскаго Намѣстника, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Алексѣя Петровича Мельгунова, который по пріѣздѣ въ Холмогоры до глубины сердца былъ тронутъ жалкимъ положеніемъ заключенныхъ. Письмо принцессы Елисаветы къ Императрицѣ, содержавшее въ себѣ трогательное описаніе бѣдственной участи узниковъ, Мельгуновъ охотно взялся доставить Государынѣ. И точно, Мельгуновъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ лично вручилъ Монархинѣ письмо принцессы Елисаветы и, какъ очевидецъ, сообщилъ ей еще и другія подробности о грустномъ положеніи несчастныхъ страдальцевъ. Императрица внимательно прочитала письмо, съ прискорбіемъ выслушала донесеніе Мельгунова и, сильно тронутая, немедленно вступила въ переговоры о семействѣ Ульриховомъ съ Датскимъ Дворомъ, ходатайствовавшимъ уже вмѣстѣ съ Берлинскимъ и Брауншвейгскимъ объ освобожденіи дѣтей Принца Антона Ульриха изъ неволи. Въ февралѣ 1780 года Екатерина послала А. П. Мельгунова обратно въ Холмогоры, поручивъ ему сдѣлать должныя приготовленія къ отъѣзду въ Данію принцевъ и принцессъ Ульриховыхъ. Глубокая тайна покрывала всѣ эти дѣйствія.

Въ Архангельскѣ Мельгуновъ приказалъ изготовить фрегатъ и построить яхту съ четырьмя каютами для отправления въ Холмогоры.

Въ мартѣ того же года Мельгуновъ вторично пріѣхалъ въ Петербургъ. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 1-го апрѣля ему объявлено было, что дѣти принца Антона Ульриха не зависятъ болѣе отъ Россійскаго Двора, но принадлежать къ Датскому, а потому повелѣвается доставить ихъ въ Данію безъ отлагательства.

Императрица щедро надѣлила заключенныхъ. 200,000 рубл. было выдано Мельгунову для снабженія брауншвейгскаго семейства всѣмъ нужнымъ. Дорогія шубы и брилліанты отпущены были изъ Кабинета Ея Величества. Для сопровожденія принцевъ Императрица назначила шлюссельбургскаго комманданта, полковника Циглера, а для сопутствованія принцессѣ — вдову ландрата Лиліенфельда. Вызванный изъ Рыбинской священникъ обязанъ былъ находиться при Ульрихахъ во все время ихъ плаванія.

По пріѣздѣ въ Холмогоры Мельгуновъ остался крайне недоволенъ исполненіемъ обязанностей, возложенныхъ на г-жу Лиліенфельдъ, за шесть недѣль до Мельгунова прибывшую къ принцессамъ. Это обстоятельство заставило Мельгунова отстранить г-жу Лиліенфельдъ и надзоръ за принцессами ввѣрить супругѣ своей.

Въ день, назначенный для отъѣзда, яхта по приказанію Мельгунова причалила къ холмогорскому берегу. 27-го іюня, въ 2 часа по-полуночи, принцы и принцессы Ульриховы переселились на яхту, которая, пройдя Архангельскъ вдоль лѣваго берега Двины, прибыла къ 10 часамъ вечера въ Поводвинскую Крѣпость. Здѣсь А. П. Мельгуновъ сообщилъ принцамъ и принцессамъ милостивую волю Императрицы и цѣль ихъ путешествія. Неожиданная новость сильно на нихъ подѣйствовала: безпокойство и сомнѣніе заступили мѣсто прежней душевной тревоги, происходившей отъ неизвѣстности плаванія. Но доводы Мельгунова о предстоящей свободѣ, увѣренія въ попеченіи о нихъ Императрицы, сообщеніе желанія ихъ тетки, вдовствующей королевы датской Юліаны, видѣть ихъ у себя въ Даніи, наконецъ самые подарки, имъ поднесенные отъ имени Государыни, — все это заставило ихъ убѣдиться въ счастливой для нихъ перемѣнѣ, и Ульрихи, преисполненные признательности, упали предъ Мельгуновымъ на колѣни, благодаря со слезами за столь неожиданную милость великодушной Русской Монархини. Іюня 30-го они пересѣли на фрегатъ *Полярная Звѣзда* и отправились въ Бергенъ, въ Норвегію, гдѣ ихъ принялъ датскій корабль.

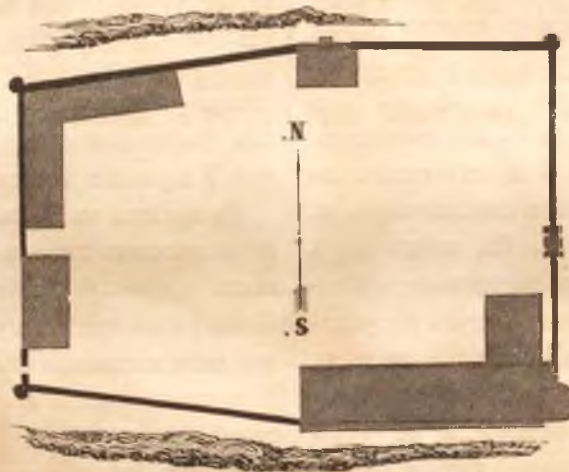
Въ Бергенѣ принцы и принцессы распростились съ своими побочными братьями и сестрами: трогательна была эта разлука между членами одного семейства, соединенными узами родства и дружбы въ мѣстахъ ихъ заточенія.

Бывшіе на «Полярной Звѣздѣ», какъ начальствующие, такъ и рабочіе, по возвращеніи въ Архангельскъ были награждены. Императрица Екатерина II, въ изъясненіе особеннаго своего благоволенія къ А. И. Мельгунову, пожаловала ему орденъ св. Андрея Первозваннаго. Полковникъ Циглеръ получилъ отъ Датскаго Двора орденъ Даннеброга. Всѣ состоявшіе при семействѣ принца Антона Ульриха люди получили отъ щедротъ Императрицы пожизненные пенсіи. Матросы же, набранные въ Архангельскъ собственно для этой экспедиціи, были исключены изъ солдатскаго званія; имъ отведены земли близъ Холмогоръ: они поселились въ особенной слободѣ, занималась хлѣбопашествомъ, не платя податей и образовавъ особое сословіе *мореходцевъ*. Потомки ихъ, подѣ этимъ же названіемъ и съ тѣми же правами, существуютъ до сихъ поръ, населяя такъ-называемую *Морскую Слободку*, находящуюся за развалинами старинной холмогорской крѣпости.

Бывшая темница — теперь мѣсто молитвы и бдѣнія для отказавшихся отъ міра. Это зданіе, построенное въ 1690 году, было первоначально жилищемъ архіереевъ; послѣ отъѣзда брауншвейгскаго семейства оно было занято учрежденною тогда Мореходною Школою и наконецъ, въ 1798 году, отведено для монастыря со всѣми прочими зданіями, находящимися въ оградѣ. Монастырскій дворъ, окруженный стѣнами, имѣетъ видъ правильной геометрической фигуры, состоящей изъ параллелограмма (40 сажень въ длину и 26 сажень въ ширину) и транеи, которой непараллельныя стороны по 29 сажень длины, а меньшая 32 сажени.

По срединѣ ограды, обращенной на сѣверъ, стоитъ каменный домъ, въ которомъ во время пребыванія брауншвейгскаго семейства помѣщалась кухня. Теперь это зданіе почти пустое, въ немъ находится только монастырская канцелярія. Далѣе, около стѣнъ расположены деревянныя келіи инокинъ, которыхъ, включая игуменъ, въ настоящее время въ монастырѣ числомъ двадцать.

Мѣсто погребенія принца Антона Ульриха и супруги его, принцессы Анны Леопольдовны неизвѣстно; полагаютъ однакожъ, что Ульрихъ похороненъ внѣ ограды, подлѣ стѣны монастырской церкви. Тайна, окружавшая узниковъ при жизни, какъ-будто сторожить и могилы ихъ.....



Планъ расположенія зданій Успенскаго Девичьяго Монастыря.

Въ Даниі принцы и принцессы брауншвейгскіе поселились въ мѣстечкѣ Горзенсѣ, гдѣ на большой площади для нихъ отведенъ былъ просторный и хорошо устроенный домъ. Въ домашней ихъ церкви русскій священникъ ежедневно отправлялъ божественную службу. Дворъ ихъ составлялъ: одинъ камергеръ, смотритель, двѣ придворныя дамы, лекаръ, два камердинера и достаточное

число другихъ служителей. Пенсія отъ Русскаго Правительства доставляла имъ возможность пользоваться всѣми пріятностями жизни, сопряженными съ независимостію и достаткомъ; но привычка къ уединенію заставляла ихъ вести жизнь тихую и однообразную. Примѣрное согласіе, господствовавшее между ними, скрѣпляло ихъ дружескія отношенія и поселяло въ нихъ единомысліе. Взросшіе въ школѣ несчастія, они познали на опытѣ нужду и горе, и потому до послѣднихъ минутъ жизни не упускали случая облегчать страждущихъ и неимущихъ... Тихо и спокойно отошли они въ вѣчность, напутствуемые слезами признательности и благословеніями бѣдныхъ мѣстечка Горзенса.

РОДИНА ЛОМОНОСОВА.

В трехъ съ половиною верстахъ отъ Холмогоръ, города Архангельской Губерніи, въ Кур-островской Волости, лежитъ деревня *Денисовская*, въ просторѣчьи у тамошнихъ жителей известная болѣе подъ именемъ *Болота*. Въ этой-то деревнѣ родился нашъ знаменитый ученый, безсмертный Ломоносовъ. Домъ, въ которомъ протекали дѣтство и юность великаго человѣка, не существуетъ болѣе. Только мѣсто, на которомъ стоялъ домъ, остается пока незастроеннымъ. Справа отъ этого мѣста находится большой крестьянскій домъ, слѣва—какой-то амбаръ; позади виднѣется холмикъ, на которомъ помѣщается мельница; у подошвы его тянется плетень и примыкаетъ къ дому, за которымъ идутъ другія жилыя строенія; на послѣднемъ планѣ открывается каменная кур-островская церковь, близъ которой начинается песчаный берегъ неширокой и довольно мелкой рѣчки *Курополки*, огибающей Кур-островъ чуть не подъ пря-

мымъ угломъ. Отъ такого направленія теченія рѣчки кур-островскій берегъ съ каждымъ годомъ увеличивается и суживаетъ фарватеръ рѣчки, который идетъ подлѣ холмогорскаго берега.



Мѣсто, гдѣ родился Ломоносовъ, въ деревнѣ Денисовской (Болото).

Здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, подумаешь, впервые увидѣлъ Божій свѣтъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени; здѣсь любознательный отрокъ впервые любовался дивной картиной сѣверной, зимней природы, восхищался *снолохами*, этимъ, по истинѣ, чудомъ Сѣвера; здѣсь у пылкаго юноши впервые зародилась мысль — покинуть родительскій кровъ и бѣжать въ незнакомый городъ, безъ средствъ къ до-

рогъ, въ Москву бѣлокаменную.... Смотри на мѣста, гдѣ медленно, томительно проходила жизнь Ломоносова и припоминая судьбу этого всеобъемлющаго гения, невольно сознаешься, что Само Провидѣніе руководило его на подвигъ, неизгладимый въ лѣтписяхъ Россіи!

ИСТОРИЯ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Юность и зрѣлый возрастъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ НА ОЛОНЦѢ.

Путешествуя по Россіи, вдоль по направленію ея къ сѣверу, невольно долѣ останавливаешься тамъ, гдѣ когда-то былъ и трудился великій преобразователь нашего отечества. Невольно погружаешься въ думу, смотря на мѣста, освященные присутствіемъ Петра I. Каждый уголокъ земли, отмѣченный его рукою, поражаетъ насъ обширностью взгляда и всеобъемлемостью воззрѣнія мудраго монарха. Все мгновенно переходило у него изъ мысли въ слово. Вездѣ, гдѣ только ступала нога его, вездѣ оставлялъ онъ слѣдъ ума непостижимаго. Тамъ строятъ онъ корабли, враждуетъ съ бурной стихіей, заводитъ холмогорскій скотъ, здѣсь устраиваетъ верфи, основываетъ заводы, открываетъ руды, отыскиваетъ минеральныя воды, сооружаетъ храмы Божіи, и все это силою одной воли, съ быстротою изумительною. Таковъ геній, таковъ былъ Петръ! Въ Архангельскѣ заинтересовало Великаго море, въ Петрозаводскѣ—чугунъ, желѣзо, мѣдь, пушки, оружіе и наконецъ цѣлебный минеральный источникъ. Отъ *сѣверныхъ вратъ* Россіи, какъ можетъ быть названъ портъ архангельскій, Петръ во второй половинѣ августа 1702 года, за годъ до положенія новаго политическаго средоточія Россіи въ новой своей столицѣ, неожиданно является на Олонцѣ, на рѣкѣ Свири, до того еще неизвѣстной на Руси. Здѣсь, на рѣкѣ Свири, прозорливый хозяинъ Россіи останавливаетъ взоръ

свой и избираетъ мѣсто, извѣстное нынѣ подъ именемъ *Лидейнаго Поля*, которое тотчасъ же и обращаетъ въ верфь для постройки военныхъ судовъ. Начальство надъ этою верфью поручено было Царемъ поручику Александру Меншикову. На избранномъ мѣстѣ соорудили повелѣніемъ Петра храмъ Божій во имя св. Апостола Петра и построили особый дворецъ для Его Царскаго Величества. Въ 1703 году Царь заложилъ на олонецкой верфи шесть фрегатовъ и девять

плавъ. 1703 годъ былъ годомъ основанія чугунно-желѣзныхъ заводовъ: *Повольнецкихъ*, *Петровскихъ* и *Алексѣевскихъ*. Заводы *Кончезерскіе* основаны послѣ, спустя лѣтъ пять. Заводы *Алексѣевскіе*, оче-



Добываніе руды.

видно, названы по имени Царевича Алексѣя Петровича, который, въ этомъ 1703 году, вмѣстѣ съ великимъ родителемъ своимъ, путешествовалъ по Олонцу.

Мѣсто, гдѣ нынѣ находится городъ Петрозаводскъ, было извѣстно Петру Великому гораздо раньше посѣщенія имъ олонецкаго края. Возвратясь въ Москву послѣ первой своей поѣздки въ Архангельскъ, Царь отправилъ одного чиновника въ олонекія мѣста отыскивать людей, поступившихъ въ составъ новоприруемыхъ имъ тогда правильныхъ войскъ и скрывшихся неизвѣстно куда. Чиновникъ этотъ случайно попалъ на мѣсто, занимаемое нынѣ Петрозаводскомъ, которое въ то время принадлежало къ погосту Шуйскому и со-

стояло изъ одного жилья — простой избы съ крестьянской мельницей на рѣкѣ Лососинкѣ, протекающей по срединѣ нынѣшняго города. Узнавъ, что мѣсто это изобилуетъ чугуномъ и желѣзомъ, которыми Олончане промышленяють, чиновникъ взялъ съ собою пробы рудъ и, съ окончаніемъ порученія, прибывъ въ Москву, представилъ ихъ любознательному Царю. Царь подробно распросилъ чиновника о положеніи мѣстонахожденія руды и изъ отвѣтовъ его заключилъ, что мѣстоположеніе способствуетъ къ устройству тамъ заводовъ и къ сообщенію по водамъ. По надлежащемъ соображеніи Царь рѣшился, при первомъ случаѣ, воспользоваться новымъ открытіемъ. И вотъ, въ 1703 году, по предварительномъ изслѣдованіи, основались заводы Петровскіе на Лососинкѣ. Подлѣ заводовъ Петръ устроилъ земляной валъ въ родѣ крѣпостцы, построилъ дворецъ со всѣми удобствами для житія, развелъ правильный и довольно пространнй садъ съ небольшимъ при немъ прудомъ, создалъ церковь во имя св. Апостоловъ Петра и Павла съ двумя придѣлами.

Петровскіе заводы нынѣ болѣе не существуютъ: остались однѣ развалины печей и зданій. Садъ съ прудомъ по прежнему цѣль. Выдающийся изъ-подъ земли камень, на которомъ была устроена Петромъ походная его церковь, до сихъ поръ хранится въ поставленной надъ нимъ бесѣдкѣ.

Олонецкая верфь и Петровскіе заводы *особенно* интересовали Петра Великаго только до полтавской побѣды. Найдя на Олонцѣ всѣ средства къ построенію военныхъ судовъ, къ вооруженію ихъ пушками, Петръ предполагалъ сначала устроить здѣсь первоначальный пунктъ своихъ операціонныхъ дѣйствій противъ Шведовъ. Вотъ слѣдовательно причина его частыхъ посѣщеній то олонецкой верфи, то Петровскихъ заводовъ.

Въ одну изъ такихъ побѣдокъ его въ эти мѣста, онъ случайно зашелъ въ олонецкую воеводскую канцелярію и спросилъ засѣдавшаго тамъ воеводу, сколько имѣется у него челобитныхъ дѣлъ. Въмѣсто отвѣта воевода въ страхѣ повергнулся Государю въ ноги, умолая о пощадѣ и сознавая, что челобитныхъ у него никакихъ нѣтъ. «Какъ, никакихъ?» восклицаетъ Петръ. — «Никакихъ, Надежа-Государь», со слезами отвѣчаетъ воевода. «Виновать, помилуй, Государь, я никакихъ челобитенъ не принимаю и до канцеляріи моей не допускаю, а всѣхъ спорящихся соглашаю на мировую и слѣдовъ ссорныхъ у себя не оставляю». Удивился Монархъ такой винѣ воеводы, ласково поднялъ его, поцѣловалъ въ голову и сказалъ: «И бы желалъ душевно, чтобы и всѣ воеводы были у меня такими же виновными, какъ ты: продолжай, другъ мой,

такъ дѣйствовать. Богъ тебя не оставитъ, и я не забуду.»

Другой разъ какъ-то случилось, что Государь, будучи на заводахъ своихъ, пожелалъ окрестить сына одного изъ заводскихъ чиновниковъ. Затруднились отыскать куму изъ тамошнихъ боярынь: всѣ какъ-будто чего-то боялись. Государь это замѣтилъ и чтобы успокоить ту, которая наконецъ рѣшилась покумиться съ нимъ, по окончаніи обряда крещенія вынулъ изъ своего кармана серебряную чарочку, наполнилъ ее чѣмъ-то и подалъ кумѣ. Та сначала отказывалась, но наконецъ должна была согласиться исполнить волю августѣйшаго своего кума. А онъ и самую чарочку подарилъ ей на память. Лѣтъ десять тому назадъ чарочка эта пожертвована въ петрозаводскій кафедральный соборъ и употребляется для подаванія теплоты архіерею.

Въ 1704 году упомянутые нами 6 фрегатовъ и 9 шнавъ были уже готовы, — и вотъ 1-го октября того же года первая олонецкая флотилія, подлѣ личнымъ управленіемъ Петра Великаго, направивъ паруса свои въ Петербургъ. По прибытіи въ новую столицу Петръ немедленно заложилъ въ ней адмиралтейскую верфь и крѣпость: съ этихъ поръ олонецкая верфь утратила свое первоначальное значеніе и только однажды послѣ того была осчастливлена присутствіемъ Петра I.

Но край олонецкій не остался забытымъ Государемъ: мысль соединить Волгу съ олонецкими водами, достигающими до Финскаго Залива, служить яснымъ тому доказательствомъ. Не суждено было однако Петру исполнить эту гениальную его мысль: ее осуществила, какъ извѣстно, Императрица Марія. Подлѣ Маринскаго Канала, въ лѣсу, на берегу воднаго пути отъ Вытегры къ Архангельску, находится памятникъ изъ гранитной пирамиды, увѣнчанный золотымъ шаромъ. На памятникѣ надписи:

«изжителъ пользы и славы народа своего,

ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ,

здѣсь помышляя о судоходствѣ,

отдыхалъ на семъ самомъ мѣстѣ въ 1711 году.

БЛАГОВѢЙТЕ, СЫНЫ РОССІИ!

На другой сторонѣ:

«Петрову

мысль

МАРІЯ

совершила.

Въ 1711 году Петръ, будучи въ олонецкомъ краѣ для обозрѣнія мѣстности воднаго пути сообщенія, подарилъ въ Александро-Свирскій Монастырь одиннадцать чугунныхъ пушекъ, литыхъ на Петровскомъ за-

водѣ. На каждой пушкѣ надпись: «Олопецъ. 1711». Вероятно 11 пушекъ подарено Петромъ потому, чтобы означить числомъ симъ и годъ литья ихъ. Пушки эти въ настоящее время находятся въ Свято-Троицкомъ-Свирскомъ Монастырѣ, безъ лафетовъ. Проѣзжая изъ олопецкой верфи къ Петровскимъ заводамъ и обратно мимо Александро-Свирскаго Монастыря, Петръ въ-роятно неоднократно бывалъ въ немъ.

Въ 1713 году Петръ Великій повелѣлъ доктору Шуберту отыскать въ олопецкомъ краѣ минеральныя воды. Разысканія Шуберта, кажется, не имѣли успѣха. По крайней мѣрѣ такъ полагать должно, потому-что въ 1714 году, въ 50-ти верстахъ отъ Петровскихъ заводовъ, почти самъ собою нашелся источникъ, заключающій въ себѣ цѣлебную воду желѣзистаго свойства. Открытіе произошло случайно. Одинъ молотовой заводскій работникъ, Рябевъ, посланный за урядомъ въ зимнее время надъ рудными казаками, былъ одержимъ многолѣтнею весьма трудною болѣзнію. На томъ мѣстѣ, гдѣ крестьяне, находившіеся подъ его надзоромъ, добывали руду, Рябевъ, неподалеку отъ болота, нечаянно открылъ колодезь, изъ котораго и сталъ пить воду.

Спустя три дня Рябевъ почувствовалъ замѣтное облегченіе отъ болѣзни. Это его ободрило; онъ продолжалъ пить воду до тѣхъ поръ, пока наконецъ совершенно выздоровѣлъ. Рябевъ объявилъ о чудесномъ дѣйствіи воды изъ открытаго имъ колодезя заводскому плавильщику; этотъ послѣдній сообщилъ о томъ начальнику горныхъ заводовъ и комменданту, полковнику Геннину. Послѣдній, по надлежащемъ изслѣ-

дованіи, нашелъ воду полезною и въ донесеніи своемъ повѣстилъ, что цѣль открытія водъ *была прямо польза за Его Царскаго Величества Петра I, Императора Всероссийскаго, и прочая всенародная польза.*

Едва открытіе это сдѣлалось извѣстнымъ, какъ со всѣхъ концовъ олопецкаго края больные начали стекаться къ источнику: пили воду, купались и — выздоравливали.



Петръ Великій куётъ желѣзо на Петровскомъ заводѣ.
(Съ гравюры того времени).

Петръ Великій по полученіи о томъ донесенія немедленно отправилъ доктора Блументроста въ Олопецъ для химическаго изслѣдованія свойствъ открывшихся минеральныхъ водъ. Блументростъ нашелъ ихъ *чрезвычайно хорошими.* Велѣвъ затѣмъ обнародовать былъ и списокъ первыхъ больныхъ, получившихъ исцѣленіе съ обозначеніемъ и самыхъ ихъ болѣзней.

Въ началѣ 1718 г. у цѣлебнаго источника заложенъ, по повелѣнію Петра, дворецъ. 19-го января 1719 г. прибылъ сюда и самъ Монархъ съ Императрицею Екатериною Алексѣевною, съ супругою покойнаго брата Іоанна Алексѣевича, Царицею Параскевою Θεодоровною, и съ многими знатными особами. Царь хотѣлъ на себѣ испытать дѣй-

ствіе цѣлебныхъ водъ и вмѣстѣ подать собою примѣръ вельможамъ.

Докторъ пробылъ здѣсь до 13-го марта. Государь остался вполне доволенъ сколько открытіемъ водъ, столько и улучшеніемъ заводовъ; благодарилъ Геннина и въ ознаменованіе особеннаго къ нему благоволенія пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный алмазами.

Еще до прибытія своего къ цѣлебному источнику Государь осматривалъ желѣзные и мѣдные Петровскіе

Заводы, значительно усовершенствованные и увеличенные въ размѣрахъ своихъ Княземъ Александромъ Меншиковымъ. Петръ обратилъ особенное вниманіе на арсеналъ, въ которомъ хранились заготовленные противъ враговъ отечества пушки, мортиры, бомбы и ядра. При осмотрѣ заводоу Петръ присутствовалъ при литіи чугуна и ковкѣ желѣза, и самъ помогалъ работникамъ въ ихъ дѣлѣ: бралъ въ руки желѣзо и ковалъ его, какъ простой работникъ.

Искусство Монарха владѣть молотомъ и его ласковое обращеніе съ мастерами сильно подѣйствовало на послѣднихъ: они обѣщались усугубить свои силы и рвеніе въ угоду ихъ августѣйшему хозяину.

Пользуясь водами цѣлебнаго источника, Государь лишенъ былъ возможности, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, посвящать время необходимымъ для моціона прогулкамъ; взамѣнъ чего онъ часто игралъ на билліардѣ и работалъ за токарнымъ станкомъ. Картъ Государь не терпѣлъ. Въ часы отдохновенія Монархъ ежедневно занимался съ Барономъ Остерманомъ текущими политическими дѣлами.

Къ числу многихъ распоряженій, сдѣланныхъ Государемъ во время пользованія его минеральными водами, относится и замѣчательный манифестъ о первой народной переписи въ Россіи.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ Петръ I повелѣлъ издать указъ объ открытіи цѣлебнаго источника съ медицинскими правилами употребленія водъ.

Цѣлебный источникъ минеральныхъ водъ, открытый молотовымъ работникомъ Рябевымъ, находится въ Марціалъноводскомъ Погостѣ, отъ Петрозаводска въ 50-ти верстахъ. По погосту и самыя воды названы *марціалъными*.

Названіе марціалъныхъ водъ указываетъ, что онѣ содержатъ въ себѣ желѣзо, а химическими изслѣдованіями опредѣлено, что металлъ этотъ соединенъ съ сѣрною кислотою; открыты въ нихъ также признаки сѣрниокислаго глинозема.

Мѣстоположеніе Марціалъныхъ Водъ живописно.

Марціалъныя воды Петръ I нашелъ болѣе цѣлительными и полезными, нежели воды Пирмонта и Спа. Немедленно повелѣлъ онъ построить близъ источника домъ для прѣзжающихъ, а для прогулки больныхъ галерею, по плану, имъ самимъ составленному.

Примѣръ Царя и указъ его о цѣлности марціалъныхъ водъ были причиною множества ихъ посѣтителей.

29-го февраля 1720 года Государь вторично изволилъ отправиться къ марціалънымъ минеральнымъ водамъ и прибылъ туда 6-го марта.

По дорогѣ Государь осматривалъ вервь на Ладей-

номъ Полѣ, работы на Ладожскомъ Каналѣ и на Петровскомъ Заводѣ. На Петровскомъ Заводѣ Петръ взялся за кузнечный молотъ и выковалъ полюсу желѣза въ 1½ пуда. Въ продолженіе этой работы бояре и чиновники, окружавшіе Царя, раздували огонь, носили уголья и исполняли его приказанія. Издѣліе державнаго кузнеца хранится въ Кунсткамерѣ, съ надписью: «Сей кусокъ отсѣченъ отъ крицы трудами Его Царскаго Величества, собственными руками подъ большимъ кричнымъ молотомъ, на олонцкихъ петровскихъ желѣзныхъ заводахъ 1720 г.»

Марта 10-го Государь началъ пользоваться подами и пользовался ими по 22-е число того же мѣсяца. Не задолго до отъѣзда Царя явился къ нему молотовой работникъ Рябевъ съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ наградить его за принесъ водъ, чѣмъ Богъ на сердце царское положилъ.

Милостиво принявъ Монархъ просьбу Рябеева и собственноручно написалъ на ней: *за объявленіе сего, что первый знакъ леченія на немъ означился, освобождается онъ и домъ его съ землею, чѣмъ владѣеть, отъ всякихъ работъ и податей на мѣдныхъ заводахъ. Въ 22-е марта 1720 г., Петръ.*

Петръ Великій отличался благочестіемъ и потому при каждомъ новомъ заведеніи сооружалъ и храмъ Божій. На этомъ основаніи, въ 1721 году, повелѣлъ онъ устроить при марціалъныхъ водахъ по собственному чертежу деревянную, на каменномъ фундаментѣ церковь во имя св. первоверховнаго Апостола Петра.

Въ 1722 году на Марціалъномъ Погостѣ отстроены третій дворецъ, на горѣ, для Императрицы Екатерины Алексѣевны. Въ февралѣ того же года Государь прѣзжалъ собственно на Петровскіе Заводы, а воды посѣтилъ только для обозрѣнія, по близости ихъ къ заводамъ.

Въ началѣ 1724 года болѣзнь Императора усилилась. Медики еще разъ успѣли помочь ему. Для большаго укрѣпленія силъ опять отправился Петръ Великій съ супругою и дворомъ своимъ къ марціалънымъ водамъ, февраля 3-го. Время съ 1-го марта по 15-е было срокомъ употребленія водъ. Въ часы досуга окончилъ Государь изящное костяное паникадило и далъ его въ даръ марціалъноводской церкви, приложивъ къ нему собственноручную записку: *Приносится въ знакъ благодаренія Господу Богу за цѣлебныя воды, а сдѣлано при оныхъ, марта 14-го дня, 1724 года.* Паникадило это находится нынѣ въ Санкт-петербургскомъ Петропавловскомъ Соборѣ.

Здоровье Государя поправлялось; пользованіе водами шло успѣшно, но какое-то предчувствіе, по-видимому, тайно тяготило Царя. Не въ слѣдствіе ли этого

предчувствія Государь посигшилъ распорядиться двумя важными предметами, изъ которыхъ одинъ касался, на случай смерти Петра, продолженія его царствованія, а другой служилъ началомъ огромнаго дѣла—кодекса русскаго законодѣнія? Какъ бы то ни было, только Петръ I отдалъ здѣсь повелѣніе о собраніи и напечатаніи всѣхъ его указовъ и законовъ. Здѣсь же составленъ былъ церемоніаль великолѣпнѣйшаго торжества, какое когда-либо допускалъ въ жизни Петръ I, именно торжество по случаю коронованія Императрицы Екатерины Алексѣевны.

Мѣстное преданіе гласитъ, что на Марціальныхъ Водахъ смерть Петра Великаго была какъ-бы предугадана.

Надобно замѣтить, что въ то время жилъ здѣсь нѣкто, по имени *Фаддей*, пришлецъ, о происхожденіи котораго ничего положительнаго не извѣстно. Онъ водворился здѣсь вмѣстѣ съ другими, добровольно перешедшими на жительство въ олоонецкій край. *Фаддей*, подъ покровомъ юродства, скрывалъ глубокую нравственную мудрость и обладалъ въ нѣкоторой степени даромъ прозорливости. Всѣ знали строгій образъ его жизни, его набожность, его ненависть къ расколу. Бѣлые, какъ лунь, волосы, покрывавшіе его голову, морщиноватое, но доброе лицо, медленная походка, — все это невольно располагало къ нему. Въ

его тускломъ взорѣ отражалась свѣтлая душа. Петръ I не могъ не замѣтить *Фаддея*. Съ первыхъ дней своего пріѣзда къ Марціальнымъ Водамъ, еще въ 1719 году,

Монархъ обратилъ на него свое вниманіе, удостоилъ его своей бесѣдой и дозволилъ ему являться къ себѣ во дворецъ.



Соборная церковь въ Петрозаводскѣ.

Въ послѣдній годъ пребыванія Петра I на Марціальныхъ Водахъ *Фаддей*, при прощаніи съ Царемъ, въ избыткѣ чувствъ произнесъ: *не видать болѣе здѣсь Надежи-Государя*. Слова эти остались замѣченными въ памяти многихъ и тогда же во вниманіи самого Петра.

Въ оградѣ петрозаводскаго кафедральнаго собора, предъ входомъ въ каменную церковь, на правой сторонѣ, видна могила: это могила *Фаддея* блаженнаго.

Сбылось предчувствіе *Фаддея*. Января 28-го 1725 года не стало Петра Великаго. И сколько пережътъ со смертію его! Забытъ цѣлебный источникъ марціальныхъ водъ, дворцы опустѣли, самая мѣстность осиротѣла. Наконецъ 7-го августа 1730 года дворцы и всѣ прилежающія къ нимъ строенія поступили, по описи, въ вѣдѣніе канцеляріи Олоонецкихъ Петровскихъ Заводовъ. У самаго

источника возникъ кулососный заводъ.

Нынѣ въ мѣстахъ тѣхъ одни печальные слѣды прошедшаго. Дворцы исчезли, словно ихъ не бывало: отъ дворцовыхъ строеній остались лишь вкладныя въ землѣ бревна. Время все изгладило, кромѣ церкви, свидѣтельствующей о благодѣяніи отца отечества. Уцѣлѣли еще двѣ



Петрозаводскъ.

березы противу бывшаго дворца Царицы Параскевы Феодоровны, посаженныя руками августѣйшей четы—Петра и Екатерины. Нѣтъ надобности прибавлять, что

эти деревья тщательно сберегаются на память отдаленному потомству...

Велики были заслуги Петра Великаго для олонецкаго края! Устройствомъ здѣсь заводовъ онъ умножилъ народонаселеніе малолюдной страны, такъ сказать, придвинувъ къ ней жителей другихъ мѣстъ. Литейные и судостроительные заводы заняли множество рукъ, до того нуждавшихся въ работѣ. Судостроительные заводы расширили отличную олонецкую лѣсопромышленность. Сухопутная дорога, проложенная Петромъ отъ Бѣлаго Моря до Онежскаго Озера, чрезъ непроходимыя мѣста Повѣнецкаго Уѣзда, по дебрямъ и болотамъ, облегчила сообщеніе въ торговыхъ операціяхъ. Частыми своими посѣщеніями Петръ, какъ животворное солнце, дѣйствовалъ на здѣшній народъ, ободряя его къ занятіямъ и поощряя къ трудамъ и преуспѣяніямъ. Петръ Великій первый сблизилъ Олончанъ съ жителями Петербурга и другихъ горо-

довъ нашего отечества, указавъ имъ болѣе обширный кругъ дѣятельности. Олонецкіе каменотесы, столяры, плотники — созданье рукъ Петра! Много способствовалъ также мудрый Монархъ искорененію огрубѣлыхъ привычекъ между Олончанами и водворенію между ними болѣе образованности. Петръ былъ среди ихъ, какъ отецъ въ семействѣ, дабы, говоря словами Господа, знали его свои и онъ зналъ своихъ.

Но не одинъ олонецкій край, не одинъ стѣверъ, вся Россія, вся Европа были поприщемъ подвиговъ Петра Великаго. Подлинно, великъ онъ по всему! Великъ по дарованіямъ душевнымъ, великъ по побѣдамъ надъ предразсудками и невѣжествомъ, великъ по громадности дѣлъ своихъ и неослабной дѣятельности, великъ по воинскимъ доблестямъ, великъ по твердости духа, великъ по премудрости, великъ потому, что въ краткій вѣкъ человека исполнилъ дѣла столѣтій! Но истинная тайна созданія и дѣлъ генія непостижима...

ЛЕСОКЪ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Этотъ лѣсъ въ Парголовѣ.

ВЕЛИКІЙ-УСТЬЮГЪ.

Великій-Устюгъ, уѣздный городъ Вологодской Губерніи, разбросанъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Су-
Черный Прилукой. Городъ былъ переведенъ сюда въ началѣ XIII столѣтія, потому, что Гледенская Гора



Великій-Устюгъ со стороны Сухоны.

хоны, которая нѣсколько ниже города, сливаясь съ рѣкою Югомъ, образуетъ Сѣверную Двину, одну изъ величайшихъ рѣкъ Имперіи. Время основанія Великаго-Устюга теряется во мракѣ неизвѣстности. По свидѣтельству устюжскаго лѣтописца, городъ этотъ первоначально помѣщался ниже, при самомъ слияніи Сухоны и Юга, на высокой горѣ, которая называлась *Гледень*, гдѣ и теперь существуетъ *Гледенскій Троицкій Велико-Устюжскій Монастырь*, около двухъ верстъ отъ послѣдняго городского жилья. Лѣтописецъ увѣряетъ, что гора эта была названа такъ отъ *гледня*, которое въ самомъ дѣлѣ простирается отсюда во все стороны на обширное пространство. Нынѣшнее мѣсто Устюга называлось прежде *Чернымъ Яромъ* или

очень подмывается рѣкою Югомъ. Надо полагать, что Русскіе, принявъ рѣку Югъ притокомъ Сухоны, называли слияніе обѣихъ рѣкъ *устьемъ Юга*. Отсюда произошелъ Устюгъ или, правильнѣе, *Усть-Югъ*, какъ и писалось въ старину это слово. Устюгъ, съ первыхъ временъ своей извѣстности, носитъ уже прозваніе *Великаго*, что и доказываетъ его первобытное превосходство предъ другими поселеніями тамошняго края.

По всей вѣроятности, Великій-Устюгъ имѣлъ нѣкотораго рода самобытность до тѣхъ поръ, пока не поглотивъ Москвою. Собственно въ государственныхъ актахъ Московскаго Царства, Великій-Устюгъ упоминается при Царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ въ уложенной

грамматъ объ учрежденіи патріаршества 1589 г., гдѣ городъ этотъ, назначенный быть кафедрою новой епископін, одинъ только не называется ни государствомъ, ни княжествомъ. Съ 1708 года онъ вошелъ въ составъ Архангельской Губерніи, одной изъ восьми первыхъ, образованныхъ Петромъ Великимъ, съ званіемъ провинціального города; съ учрежденіемъ намѣстничества отошелъ къ вновь составленному вологодскому намѣстничеству, открытому съ 1780 года; но съ тѣмъ вмѣстѣ оставленъ на степени областного города, что было необходимо по причинѣ чрезмѣрной обширности новаго намѣстничества, равняющагося нынѣшней Вологодской Губерніи. При новомъ образованіи губерніи въ 1796 году раздѣленіе намѣстничества на области

выя времена татарскаго нашествія призналъ власть завоевателей: въ немъ жилъ, для собиранія дани, Батыевъ баскакъ, именемъ *Бугай* или *Бугъ-Богатырь*, поселившій дворъ свой на горѣ, которая и теперь называется *Соколыничью*: сильный Татаринъ любилъ соколиную охоту. Въ 1262 году Александръ Невскій прислалъ въ Устюгъ извѣстительную граммату о побѣдѣ надъ Татарами, въ которой, слѣдовательно, Устюжане не принимали никакого участія. Это такъ поразило Бугая, что онъ, по совѣту своей любимицы, Устюжанки Маріи, принялъ тотчасъ же христіанскую вѣру съ именемъ Іоанна, и такъ искренно предался благочестію, что дворъ свой на Соколыничьей Горѣ обратилъ въ монастырь, и по настоящее время посещій на-



Великій Устюгъ съ городища.

уничтожено. Съ тѣхъ поръ Великій-Устюгъ остался при значеніи уѣзднаго города, которое сохраняетъ понынѣ. Гербъ велико-устюжскій, утвержденный 2-го октября 1780 года, есть слѣдующій: въ зеленомъ полѣ щита видѣнъ лежащій на берегу Нептунъ, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ и держащій въ обѣихъ рукахъ красныя кувшины, изъ которыхъ льется вода.

Въ 1216 году, по переведеніи города на нынѣшнее его мѣсто, одинъ изъ туземныхъ земледѣльцевъ, называвшійся *Кириаконъ*, построилъ въ немъ первый монастырь, существующій и донинѣ, подъ именемъ *Архангельскаго Велико-Устюжскаго Второкласснаго Мужскаго Монастыря*. Построеніе другого монастыря въ Великомъ-Устюгѣ основывается на особомъ преданіи. По устюжскому лѣтописцу, городъ въ пер-

званіе *Іоанно-Предтечева-Велико-Устюжскаго*; съ утвержденіемъ духовныхъ нѣтатовъ онъ обращенъ изъ мужскаго въ дѣвичій.

Положеніе Великаго-Устюга очень живописно. Видъ особенно красится церквами, которыхъ включительно съ соборами и монастырскими считается 32; въ томъ числѣ только одна деревянная. Городскія строенія большею частію каменные. До сихъ поръ существуетъ зданіе, гдѣ въ старину собиралась сибирская дань мѣхами. Устюгъ принадлежитъ къ лучшимъ, самымъ промышленнымъ и богатѣйшимъ городамъ сѣверной Россіи. Большую часть его жителей составляютъ мѣщане и посадскіе. Купечество здѣшнее зажиточное; оно торгуетъ за-границу и съ Сибирью. Жизнь ихъ роскошная; они не держатъ себя, какъ это вообще бы-

ваетъ, особенно и отдѣльно, но живутъ дружно и постоянно сходятся между собою въ разныхъ кружкахъ. Простая одежда даже и между мѣщанами здѣсь не въ модѣ.

Существованіе такого многолюдного и цвѣтущаго города, въ странѣ отдаленной и суровой, объясняется счастливымъ положеніемъ его при стеченіи двухъ большихъ рѣкъ, вливающихъ Сѣверной Двиной въ Бѣлое Море. Главнѣйшая изъ нихъ, Сухона, соединенная съ волжскою системою водъ посредствомъ Канала Герцога Виртембергскаго, служитъ путемъ непосредственнаго сообщенія съ обѣими столицами и со всѣми низовыми губерніями. Рѣка Югъ, съ притокомъ Лузою, обѣ судоходныя весною, облегчаютъ сообщеніе съ Костромскою и Вятскою губерніями, и чрезъ нихъ со всѣми восточными областями Россіи. Сверхъ того Вычегда, впадающая въ Сѣверную Двину на границѣ Велико-Устюжскаго Уѣзда, издавна была путемъ въ Сибирь, который значительно облегченъ учрежденіемъ Екатерининскаго Канала. Это дѣлаетъ Устюгъ центромъ бѣломорской торговли. Здѣшніе купцы связываютъ Кяхту, Ирбитъ и Нижній съ Архангельскомъ. Внутреннее движеніе торговли поддерживается ярмарками, которыхъ бываетъ двѣ въ году, Прокопьевская и Никольская. Торговлею естественно развивается промышленность. Устюгъ преимущественно

но обрабатываетъ внутреннія произведенія для отпуска за-границу.

Иконописцевъ, которыми прежде славился Устюгъ, нынѣ тамъ немного. Точно также потеряла ходъ и славу знаменитая издревле *черневая работа* на серебрѣ, извѣстная подъ именемъ устюжской. Слесарное же мастерство постепенно совершенствуется.

Въ городѣ училищъ: духовныхъ 2, уѣздное и приходское; свѣтскихъ 3, уѣздное и два приходскія. Богоугодныя заведенія и церковныя зданія вообще построены хороню и прочно. Епископъ Іоаннъ (съ 1767 г.) былъ послѣдній устюжскій святитель, который, по упраздненіи епархіи въ 1786 году, отошелъ на покой въ Устюжскій Архангельскій Монастырь, и тамъ скончался въ 1799 году. Тѣла устюжскихъ архіереевъ, умершихъ на епархіи, погребены въ Устюжскомъ Соборѣ, который отличается огромностію и великолѣпіемъ. Въ трехъ верстахъ отъ Устюга находится загородный архіерейскій домъ, называемый *Богородицкимъ*, съ садомъ, въ которомъ устроена прекрасная кедровая аллея: здѣсь лучшее городское гулянье. Вообще Великій-Устюгъ городъ довольно большой и пріятной наружности. Настоящій правильный и красивый видъ получилъ онъ въ 1772 году, послѣ пожара, отъ котораго почти весь выгорѣлъ. Историческихъ замѣчательностей въ немъ мало.

О. Федоровъ.



Древняя русская ладья. Возстановлена по описанію корабля Соловья Будимировича.

ЛИСТКИ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Наружный фасадъ Дворца въ городѣ Гатчинѣ.



Троечный бѣгъ на Невѣ.

РЕВЕЛЬ И ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.



Существуютъ такіе исключительные города, воспоминаніе о которыхъ, сглаженное зимними развлечениями—звуками оперы, пышностію баловъ и великолѣпіемъ спектаклей—какъ-то непременно возобновляется

съ наступленіемъ каждой новой весны. Къ такимъ счастливымъ мѣстностямъ принадлежатъ наши Ревель и Гельсингфорсъ. Едва только заволнуется снова голубая поверхность Невы и начнетъ застилаться дымомъ пароходовъ, «охота къ переменѣ мѣстъ» уже уноситъ во-

ображеніе за теченіемъ волнъ, въ туманную даль залива, къ далекимъ предѣламъ чужихъ земель, или на берега Финляндіи и Эстляндіи, до которыхъ, какъ говорится, только рукой подать, благодаря архимедову винту и вѣтрамъ, на забывчивость которыхъ Петербургъ ни въ какомъ случаѣ слишкомъ жаловаться не

въ правѣ. Стоитъ только пожелать и имѣть маленькія средства, и вотъ, вы уже несетесь на желѣзномъ великанѣ мимо невской брандвахты, мимо веселой Стрѣльны, тѣнистаго Петергофа и твердынь Кронштадта, все дальше и дальше, по расширяющейся поверхности Балтики. Мало по малу Петербургъ скрывается отъ глазъ вашихъ: тоньше и незаметнѣе становятся свѣтлыя иглы Адмиралтейства и Петропавловскаго Собора и наконецъ все сливается съ призрачнымъ сізымъ туманомъ дали; только одна громадная масса Псакія не перестаетъ еще выростать, вытягиваться предъ вашими глазами, дѣлаться будто легче, стройнѣе и еще долго перелетными точками искрятся переливы солнца на золотой главѣ его. Но вотъ и Псакій исчезъ въ туманѣ и вокругъ васъ одна синь неба и моря, на которомъ появляются время отъ времени

бѣлые паруса купеческихъ судовъ. Все для васъ ограничено теперь тѣснымъ пространствомъ палубы, на которой съ усиленіемъ качки и волнъ начинается особая жизнь съ своими особагорода драмой и комедіей. Тамъ и сямъ тѣнятся мелкія группы; бѣгаютъ служители парохода съ



Замокъ Везенбургъ.

стаканами воды для дамъ, начинающихъ уже испытывать припадки, такъ называемой, морской болѣзни; возникаютъ голоса опытныхъ путешественниковъ, предлагающихъ страждущимъ, въ числѣ прочихъ специфическихъ средствъ и самыхъ вѣрныхъ, такія, которыя какъ-то странно звучатъ для изящ-

наго дамскаго слуха — ромъ и чеснокъ; плачутъ дѣти; суетятся няньки и услужливые кавалеры и острятъ изъ-подтишка люди, такъ странно созданные, что всегда находятъ пищу для своего остроумія, каковы бы ни были окружающія обстоятельства. Только одна безстрастная, флегматическая фигура шкинпера съ рупоромъ въ рукѣ остается неподвижною посреди всеобщей суетливости. Онъ какъ будто и глухъ, и слѣпъ ко всему окружающему, и ничто не можетъ вызвать сочувствія на холодныя черты его, кромѣ моря, которому онъ обреченъ съ самаго дѣтства. Взглядъ его, равнодушный къ разнороднымъ сценамъ, внимательно испытуетъ темнѣющее пространство водъ, наполненное множествомъ подводныхъ камней; все его вниманіе и соображеніе сосредоточено на *шхерахъ*, среди которыхъ, извиваясь, бѣжитъ пароходъ въ недолгой мглѣ лѣтней ночи, упавшей на море. Ночью вы пролетаете мимо Везенберга, который впрочемъ не видѣнъ съ моря, но который стоитъ вашего любопытства, какъ угрюмый памятникъ рыцарскихъ временъ, покрытый мракомъ забвенія въ своемъ прошедшемъ, какъ теперь покрываетъ его мракъ ночи.... Но вотъ сумракъ начинается яснѣть, алый отблескъ разсвѣта окрасилъ воды. Между бодрствующими пассажирами, любующимися восходомъ солнца, раздается радостный говоръ, нѣсколько рукъ приподнялись по одному направленію, туда, гдѣ неясно очертился вѣковой путеводитель мореходовъ — высокій шпиль колокольни Олая. Все рѣзче и рѣзче становятся его готическіе контуры; а наконецъ вырастаетъ предъ вами и цѣлый городъ. Бьетъ восемь часовъ утра; вы въ гавани, сооруженной мудрой предусмотрительностію Великаго Петра (1713 г.). Едва ли не правы тѣ, которые считаютъ морскую болѣзнь полезною для организма: въ самомъ дѣлѣ, только что вы ступили на берегъ, болѣзненныхъ ощущеній будто совсѣмъ не было и вы бодро, весело, съ чувствомъ сильнаго аппетита спѣшите по длинной деревянной настилкѣ опередить товарищей путешествія, чтобы воспользоваться услугами Матышей-извозчиковъ, толпящихся на берегу.

Ревель, эта древняя Колыбель Русскихъ, испытывавшая на себѣ столько разнородныхъ владычествъ: Датчанъ (1218—1347), Тевтонскаго Ордена (1347—1561), Шведовъ (1561—1710) и наконецъ Россіи, можетъ считаться однимъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Остзейскихъ Провинцій. Основанный въ XI столѣтіи, въ XIII-мъ Ревель жилъ уже полною гражданскою жизнью. Датскій Король Эрикъ V далъ ему всѣ привилегіи вольнаго Любека, Королева Маргарита въ 1266 году — право чеканить монету, а въ 1284 году Ревель вошелъ уже въ торговые договоры съ ганзей-

скими городами. Объ имени Ревеля Коцебу пустилъ въ ходъ поэтическое преданіе, производя его отъ *Reh-fall*, паденіе серны, будто бы встрѣченной Королемъ Вольдемаромъ II у подножія горы Лаксбаха и бросившейся съ ея вершины при его появленіи. Вымысль остроумный и граціозный, но неудовлетворительный для скептиковъ, которые въ этомъ случаѣ охотнѣе вѣрятъ мифу, высказанному Виллегеродомъ въ его «Исторіи Эстляндіи». Сухой, прозаическій лѣтописецъ производитъ названіе Ревеля отъ датскаго слова *Ref-wel*, по нѣмецки *Reff* или *Riff*, мышь, песчаная коса, что впрочемъ и гораздо правдоподобнѣе, принимая въ соображеніе мѣстность. Въ этотъ городокъ, такъ мало тронутый вѣками и требованіями симметричности и регулярности, необходимыхъ въ новѣйшей архитектурѣ, ведутъ, будто въ древнія Фивы, семь воротъ (Большія и Малыя *Strandpforte*, *Lehmpforte*, *Karripforte*, *Schmiedepforte*, *Dompforte* и *Giesternpforte*), продоланныхъ въ широкихъ, покрытыхъ мхомъ и почернѣлыхъ стѣнахъ, украшенныхъ готическими башнями съ оригинальными названіями: *lange Hermand*, длиннаго Германа; *grosse Margarethe*, большой Маргариты, Коекен, Кухарки, и пр. Отиравившись съ парохода, вы вѣзжаете въ Ревель чрезъ темные, низкіе своды Кузнечныхъ Воротъ (*Schmiedepforte*), приглядываясь къ потемнѣлому гербу сохранившейся отъ вѣковъ печати датскаго владычества, который изображаетъ три свѣтло-голубыхъ льва въ золотомъ полѣ, остиженныхъ шлемомъ, прикрытымъ короной, изъ которой возвышается женская фигура съ скрещенными на груди руками, одѣтая въ красную мантию.

При видѣ узкихъ, извилистыхъ и неправильныхъ улицъ, оконъ съ желѣзными рѣшетками, пробитыми безъ всякой иногда симметріи въ массивныхъ стѣнахъ, желѣзныхъ стрѣльчатыхъ дверей, снабженныхъ желѣзнымъ молотомъ, вмѣсто колокольчика, высокихъ, остроконечныхъ черепичныхъ крышъ, длинныхъ, выступающихъ изъ фронтоновъ, балокъ съ блоками, по которымъ ревельскіе купцы, неохотно отпирившіе двери своихъ домовъ, втаскивали въ кладовыя ганзейскіе товары, — при видѣ всего этого воображеніе какъ-то невольно переносится въ средніе вѣка. Все, что окружаетъ васъ въ такъ называемомъ Старомъ Ревелѣ, напоминаетъ еще смутныя времена пышныхъ турнировъ и безчеловѣчныхъ грабежей, когда мирные ревельскіе граждане, трепетавшіе почтительнымъ страхомъ предъ внутренними и вѣнскими непріятелями, при каждахъ смутахъ должны были плотно запереть стрѣльчатые мрачные входы своихъ жилищъ, удалять семейства въ жилыя комнаты, всѣ обращенныя на дворъ, и изъ узкихъ рѣшетчатыхъ оконъ встрѣчать,

кто чѣмъ могъ и какъ умѣлъ, непрошенныхъ гостей — Датчанъ, Шведовъ и своихъ соотечественниковъ, грабителей-рыцарей. На многихъ домахъ еще видѣются полуизглаженные годами гербы, высѣченные изъ плитняка, общаго матеріала всѣхъ строеній стараго города, гербы болышею частію угасшихъ рыцарскихъ родовъ Эстляндіи, родоначальники и послѣдніе потомки которыхъ покоятся подъ помостомъ древней церкви

ты и полныя рыцарскія вооруженія, покрытыя ржавчиной и геральдическими изображеніями. Черезъ солнечныхъ лучей, сквозящихъ чрезъ расписныя стекла, скользя по латамъ, подергиваютъ ихъ какимъ-то трепетомъ жизни; сквозной вѣтеръ, врываясь въ открытныя двери и окна, гудитъ въ пустыхъ забралахъ, шевелитъ полныя клочки, оставшіеся отъ воинскихъ значковъ и прочихъ неметаллическихъ принад-



Городъ Ревель.

Св. Николая, болѣе прочихъ памятниковъ Ревеля привлекающей на себя вниманіе путешественниковъ.

Церковь эта, построенная въ 1317 году, имѣетъ форму огромнаго параллелограма, на одномъ концѣ котораго находится высокая башня, покосившаяся немного на бокъ отъ времени. Каменные контрфорсы поддерживаютъ ея стѣны. Высокія стрѣльчатые окна церкви составлены изъ множества разноцвѣтныхъ мелкихъ стеколъ, изъ которыхъ на нѣкоторыхъ написаны изображенія святыхъ, а на иныхъ гербы знатнѣйшихъ рыцарскихъ родовъ Эстляндіи. Куда не кинешь взглядъ, повсюду встрѣчаешь здѣсь мечи, шлемы, ла-

лежностей-рыцарской одежды: эхо одинокихъ шаговъ отражается на цитахъ, — вездѣ признаки отжившаго, все вѣетъ могильнымъ холодомъ. Разсматривая эти монументальныя надгробныя украшенія, значеніе которыхъ утратило всю свою прежнюю важность въ настоящее время, невольно вспоминаешь стихи Языкова, вылившіеся у него въ иномъ мѣстѣ, при иномъ сходномъ обстоятельстве:

Не встанешь ты изъ язьковаго праха,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста,
Тяжелый мечъ послѣдниковъ Рорбаха,
Ливоніи и честь, и красота...

Полъ церкви Св. Николая также весь составленъ изъ надгробныхъ плитъ съ высѣченными на нихъ рельефными фигурами женскими и мужскими; женщины изображены въ пышныхъ широкихъ робронтахъ и фижмахъ, мужчины въ полномъ вооруженіи съ опущенными забралами. Эпитафій почти все стерлись и многія изъ нихъ относятся къ XV столѣтію. Въ особенности замѣчательны двѣ могильныя плиты, близъ главнаго алтаря: на одной изъ нихъ, самой древней, отмѣченной 1330 годомъ, можно только разсмотрѣть написанное готическими буквами имя Маргериты; другая плита, хотя гораздо позднѣйшая, 1558 года, съ неясными буквами Kopung, замѣчательна страннымъ и непонятнымъ барельефомъ, имѣющимъ форму германскаго щита, на которомъ изображенъ обнаженный человѣкъ, держащій въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой отрубленную голову, украшенную вѣнцомъ. Но большая часть путешественниковъ, прѣзжающихъ въ Ревель, обращаютъ особенное вниманіе на высохшій трупъ Герцога де-Кроа (Duc de Croÿ), полторасти лѣтъ покоящагося въ церкви Св. Николая и хорошо сохранившагося въ стеклянномъ гробѣ, въ боковой часовнѣ, направо отъ главнаго входа въ церковь. Латинская надпись на лицевой сторонѣ деревяннаго катафалка содержитъ слѣдующую его краткую біографію:

«Карлъ-Евгеній Герцогъ де-Кроа происходилъ отъ царской крови, родился въ Бельгій въ 1650 году и былъ знаменитъ сколько величіемъ своихъ подвиговъ, столько же и ихъ разнообразіемъ. Ваятый въ плѣнъ въ нарвскомъ сраженіи, онъ умеръ въ Ревелѣ въ 1702 году. Трупъ его сохранился 118 лѣтъ и вынутъ изъ могилы въ 1819 году».

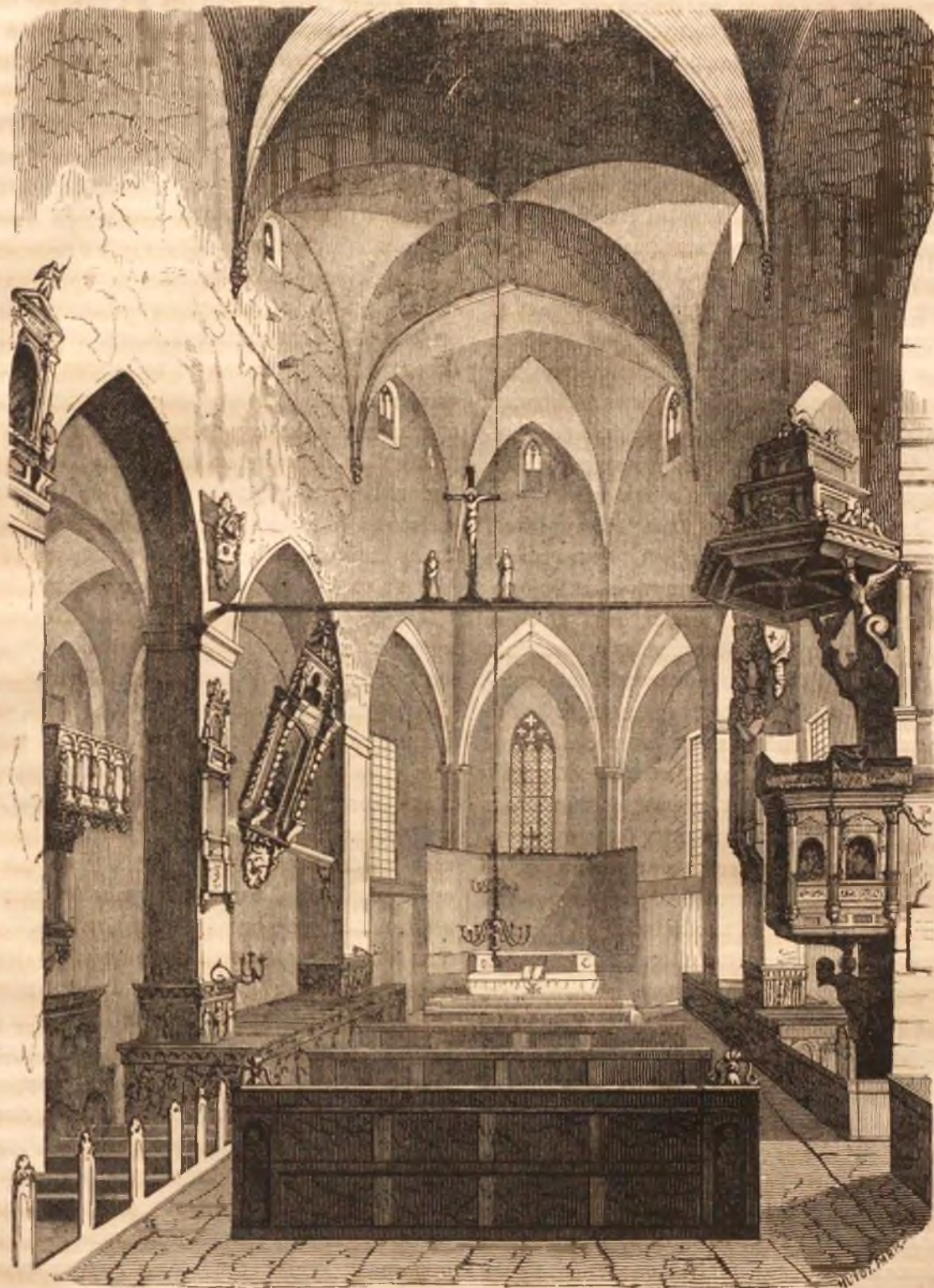
Герцогъ де-Кроа, служившій сперва въ австрійскихъ войскахъ, былъ рекомендованъ Петру I Императоромъ Леопольдомъ и сдѣланъ начальникомъ русскихъ войскъ. При осадѣ Нарвы онъ долженъ былъ отдаться въ плѣнъ. Его привезли въ Ревель, гдѣ онъ, привыкшій къ роскоши, продолжалъ жить съ прежнею пышностію, мало разсчитывая на средства, и умеръ въ неоплатныхъ долгахъ. Эстляндскіе законы, строгіе къ должникамъ даже по смерти, предоставляли кредиторамъ право требовать, чтобы Герцогъ не былъ погребенъ, покуда наслѣдники не уплатятъ его долговъ, — и знаменитый плѣнникъ былъ поставленъ, до окончательнаго расчета, въ темный маленькій склепъ, направо отъ главнаго входа въ церковь. Наслѣдниковъ, вѣроятно, или не оказывалось, или они мало заботились о посмертномъ положеніи своего родственника, только Герцогъ простоялъ въ склепѣ до 1819 года. Герцогъ высохъ въ своей посмертной долговой

тюрьмѣ. Бывшій Генералъ-Губернаторъ Остзейскихъ Провинцій, Маркизъ Пауллуччи, приказалъ вынуть трупъ изъ дубоваго уцѣлѣвшаго гроба и положить въ стеклянный ящикъ въ томъ же самомъ одѣяніи, въ которое покойный былъ одѣтъ — въ черной бархатной мантии, бѣломъ атласномъ камзолѣ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и огромномъ бѣлокуромъ парикѣ, спускающемся по плечамъ въ крутозавитыхъ буляхъ. Услужливый кюстеръ обходится очень безцеремонно съ своимъ высокороднымъ жильцомъ, желая вполнѣ и добросовѣстно заслужить ожидаемую денежную благодарность... Въ этомъ придѣлѣ, въ передней комнатѣ предъ усыпальницей Герцога де-Кроа находится еще одна, не менѣе любопытная рѣдкость: — изсохшая чучела акулы, будто бы пойманной въ Финскомъ Заливѣ, близъ Ревеля. Но когда поймана эта акула — явленіе въ самомъ дѣлѣ замѣчательное и неслыханное въ сѣверныхъ моряхъ, — и почему именно помѣщена она подъ потолкомъ придѣла церкви Св. Николая, — объ этомъ ничего не извѣстно.

До XVI столѣтія церковь Св. Николая принадлежала католикамъ и считалась богатѣйшею изъ всѣхъ старинныхъ ревельскихъ церквей; но куда дѣвали всѣ ея сокровища съ тѣхъ поръ, какъ она перешла въ достояніе лютеранскаго духовенства, это осталось неразгаданною тайною, породившею много толковъ и подавшею поводъ къ продолжительнымъ и тщетнымъ поискамъ затаеннаго церковнаго клада. Многіе необъяснимые знаки и замѣтки, встрѣчаемые въ разныхъ мѣстахъ церкви, въ особенности подтверждали это предположеніе, и изъ нихъ самыми главными почитались рѣзныя, выпуклыя фигуры, находящіяся на проповѣднической кафедрѣ и на деревянныхъ скамьяхъ, современныхъ древнему построенію храма. Въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ ихъ отрублены носы, которые, какъ думали лютеране, всѣ были первоначально обращены на одну точку, такъ что, проведя прямую линію, очень легко можно было отыскать тайникъ, устроенный изгнанными католиками. Ревельскіе старожилы утверждаютъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія прѣзжалъ даже изъ Рима монахъ, который отъ имени папы предлагалъ вдвое болѣе того, чего стоитъ вся церковь, только бы она была уступлена католикамъ, проживающимъ въ городѣ; но лютеранское духовенство не согласилось. Монахъ привезъ съ собою самый подробный, отчетливый планъ церкви, которую онъ ежедневно осматривалъ въ продолженіе двухмѣсячныхъ напрасныхъ переговоровъ. Наконецъ однажды онъ скрылся неизвѣстно куда; начали осматривать церковь и нашли, что въ одной изъ стѣнъ было пробито довольно большое отверстіе, открывавшее входъ

въ темное пустое пространство. Всѣ подозрѣнія во взломѣ пали на исчезнушаго монаха, и съ тѣхъ поръ попытки къ отысканію сокровищъ прекратились. Отъ

дѣтѣямъ. Въ особенности между этими картинами замѣчательны двѣ: одна—по рѣзко бросающемуся въ глаза анахронизму аксессуаровъ, изображающая Іакова,



Внутренность церкви Св. Николая въ Ревель.

католиковъ сохранились въ церкви Св. Николая только рѣзныя вызолоченныя изображенія святыхъ, да картины священнаго содержанія, принадлежащія, по своему письму и по надписямъ подъ ними, къ XIV и XV сто-

лѣтующаго къ Іосифу въ Египетъ, въ золоченой каретѣ, въ бархатномъ камзолѣ и напудренномъ парикѣ, съ кучеромъ, одѣтымъ въ ливрею, и другая—четыре фигуры изъ замѣчательной оригинальной картины Голь-

бейна, известной въ исторіи живописи подъ названіемъ «Пляски смерти».

Неподалеку отъ церкви Св. Николая высится другая, почти современная ей по построенію, начатая въ 1329 году, архіепископомъ Олаемъ, во имя своего патрона, съ пирамидальною башнею въ 430 футовъ вышины.

Церковь эта, принадлежащая лютеранамъ, нѣсколько разъ была истребляема пожаромъ и впервые сгорѣла въ 1432 году, во время общаго пожара, истребившаго почти весь Ревель. Въ 1625 году загла ее вторично молнія, которая потомъ пала на олайскій шницъ еще нѣсколько разъ, — въ 1693, 1698, 1700, 1707 и 1709 годахъ. Въ 1820 году молнія ударила въ колокольню послѣдній разъ и съ такою силой, что весь верхъ зданія былъ уничтоженъ до самаго главнаго корпуса, украшеннаго четырьмя малыми башнями. Плающій Олай похожъ былъ на кратеръ огнедышащей горы. Лава свинцовой его покрывки текла пламенными ручьями во всѣ стороны и зажигала соседнія зданія. Зарево пожара было видно въ открытомъ морѣ и не мало купеческихъ кораблей, привыкшихъ направлять по высокой иглѣ Олая путь свой, потерпѣло поврежденіе о подводные камни, не видя этого обычнаго маяка. Императоръ Александръ I, посѣтивъ вторично Ревель въ 1825 году, пожаловалъ на возобновленіе церкви 364,000 рублей ассигнаціями; Императоръ Николай I прибавилъ къ этой суммѣ еще 134,000 рублей ассигн.; городъ Любекъ, заботясь о безопасности своихъ торговыхъ судовъ, пожертвовалъ отъ себя 2,000 рублей, и въ 1828 году было приступлено къ возобновленію церкви и колокольни въ ея первоначальномъ видѣ. Церковь Олая, продолговатой четырехугольной формы, съ площадкою, по срединѣ которой высится иглообразный шницъ, построена въ стилѣ чисто готическомъ. До начала площадки, съ которой весь Ревель, съ его живописными окрестностями, виднѣется, какъ на ладони, считается 270 высокихъ ступеней, слѣдовательно около 135 аршинъ.

Можно по этому судить о смѣлости того, который, по словамъ эстляндскаго лѣтописца Бальтазара Русова, прибывши въ 1547 году въ Ревель съ трупною канатныхъ плясуновъ, умѣлъ подняться, базируясь, до самаго основанія колокольни! Къ сожалѣнію, имени этого смѣльчака въ хроникѣ не сохранилось.

Въ возобновленной Олайской Церкви нѣтъ почти никакихъ старинныхъ памятниковъ и только на одной изъ наружныхъ стѣнъ, съ восточной стороны, виденъ четырехугольникъ, состоящій изъ двухъ нишъ, изъ которыхъ верхняя, окруженная рамой, изображающею

страданіе Христа Спасителя, отмѣчена 1514 годомъ, а нижняя занята страннымъ, причудливымъ барельефомъ. Онъ представляетъ человѣскій скелетъ, обтуптый кожей и полупокрытый складками одѣяла; на животѣ его лежитъ ящерица, а у головы — свернувшаяся змѣя. Подъ этимъ барельефомъ вытѣчена надпись на старинномъ нѣмецкомъ языкѣ: «То, что происходитъ здѣсь (разложеніе тѣла), мнѣ пріятно; то, что мнѣ остается (безсмертіе), меня утѣшаетъ. Пусть никто не беспокоится обо мнѣ, потому что жизнь человѣческая проносится, какъ паръ. Въ память Ганса Павльса, 1513 года». Кто былъ этотъ, такъ здраво разсуждавшій философъ, какое значеніе и какія заслуги его были въ тогдшнемъ обществѣ, чтобы дать ему право на единственный надгробный памятникъ въ склепѣ Олая, — Ревельцы не знаютъ, хотя въ числѣ своихъ достопримѣчательностей обращаютъ вниманіе путешественниковъ и на этотъ барельефъ.

Третьей важнѣйшею церковью Ревеля считается Вышгородская церковь (Dom-Kirche), построенная Датскимъ Королемъ Вольдемаромъ III за годъ до сверженія датскаго владычества рыцарями Тевтонскаго Ордена въ 1346 году. Она также, какъ и церковь Св. Николая, служитъ мѣстомъ послѣдняго успокоенія для многихъ знатныхъ фамилій Эстляндіи и для людей, хотя чуждыхъ ей по рожденію, но оказавшихъ ей какія-нибудь значительныя услуги. Подъ ея высокими темными сводами, которыхъ мрачность еще увеличивается широкимъ наметомъ вѣковыхъ деревь, растущихъ вокругъ, въ особенности останавливаютъ на себѣ вниманіе нѣкоторые могильные памятники: такова гробница Понтуса Гардика, знатнаго французскаго дворянина, одного изъ самыхъ жаркихъ приверженцевъ несчастной Маріи Стюартъ, служившаго подъ знаменами Франціи и Австріи и наконецъ перешедшаго на службу въ городъ Ревель и утопившаго въ Наровѣ, сражаясь противъ Шведовъ; адмирала Грейга, отличившагося въ войнѣ съ Турками и Шведами въ 1788 г. и въ томъ же году умершаго въ Ревелѣ. Гробница его, изъ каррарскаго мрамора, воздвигнутая по приказанію Императрицы Екатерины II, почти скрыта нависшими надъ нею флагами, посреди которыхъ виднѣется гербъ адмирала. Замѣчательны также памятникъ шведскаго полковника Графа Горна, отважно защищавшаго городъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, коммendanтомъ, противъ войскъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, и нѣкоторые другіе памятники, надписи на которыхъ сглажены временемъ. Говорятъ, что въ этой же церкви погребена сестра Шведскаго Короля Густава Вазы, Маргерита, Графиня Гойя, бѣжавшая изъ Выборга и скрывавшаяся въ Ревелѣ; но

никакихъ видимыхъ слѣдовъ ея могилы нигдѣ не замѣтно, — осталось только преданіе.

Вынгородъ (Dohn), расположенный на вершинѣ Домберга, отличается рѣзко отъ стараго рыцарскаго Ревеля видомъ современнымъ, правильными строеніями и шириною своихъ немногихъ улицъ. Занятый знатнѣйшими и достойнѣйшими гражданами Ревеля, онъ какъ-будто составляетъ отдѣльное цѣлое отъ нижняго города, съ утра до поздняго вечера дѣятельнаго и хлопотливаго; въ средѣ его, окруженной высокою стѣною и усаженной тѣнистыми деревьями, все молчаливо и чинно; подъемный мостъ, которымъ онъ соединенъ съ предмѣстьемъ, никогда не затѣняется обозами окрестныхъ Латышей и двое воротъ, ведущихъ въ нижній Ревель, только по праздникамъ оглашаются эхомъ шаговъ богомольной толпы, идущей слушать проповѣдь въ вынгородскую церковь.

Изъ немногихъ православныхъ церквей, находящихся въ Ревелѣ (Казанской Божіей Матери, Св. Симеона и гарнизонной) замѣчательнъ старинный соборъ во имя Св. Николая Чудотворца, по своимъ древнимъ образамъ и серебрянымъ литымъ паникадиламъ предъ мѣстными иконами, надписи которыхъ говорятъ, что онѣ принесены въ даръ церкви усердіемъ Царя Бориса Феодоровича Годунова и сына его Феодора — обстоятельство, показывающее, что еще задолго до завоеванія Эстляндіи Петромъ I Русскіе не только имѣли тѣсныя торговыя сношенія съ остзейскими городами, но и постоянное жителство въ Ревелѣ.

Не менѣе соединено историческихъ воспоминаній и со старинными общественными зданіями въ Ревелѣ, сохранившимися въ первобытномъ своемъ видѣ: рыцарскимъ домомъ, домомъ Черноголовыхъ (Schwarzenhäupter) и купеческою ратушей. Длинная, узкая и низкая зала рыцарскаго дома украшена портретомъ Петра Великаго, насауиротивъ котораго помѣщены на пьедесталахъ бюсты его и Императора Александра I, а по бокамъ черныя мраморныя доски съ именами эстляндскихъ дворянъ, убитыхъ въ достопамятную войну Россіи съ Наполеономъ. Въ 1825 году зала эта, постоянно пустынная, блистала торжественными огнями и оглашалась громкими звуками музыки: эстляндское дворянство и почетнѣйшіе граждане Ревеля въ послѣдній разъ чествовали въ ней Императора Александра I во вторичное его посѣщеніе. Вторымъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ вѣдательнаго сословія Ревеля былъ Домъ Черноголовыхъ, военно-торговаго братства, спорившаго съ гордыми рыцарями въ отвагѣ и искусствѣ военномъ и затмѣвавшего ихъ блескомъ своего золота. Зданіе, въ которомъ собирались и имѣли свои засѣданія Черноголовые, и понынѣ еще существуетъ, выдвигаясь широкимъ темнымъ выступомъ на средину и безъ

того узкой улицы. Надъ фронтономъ древняго зданія высѣченъ изъ камня щитъ Черноголовыхъ, изображающій голову негра, — въ память ихъ патрона, Св. Маврикія, а надъ дверями, изъ толстаго листоваго желѣза, помѣщены гербы фамилій, споспѣшествовавшихъ своими пожертвованіями сооруженію дома. По бокамъ, идолъ стрѣльчатыхъ наличниковъ главнаго входа, красуются скульптурныя фигуры двухъ вооруженныхъ шварценгейнтеровъ, въ память побѣды, одержанной ихъ обществомъ въ 1536 году надъ тевтонскими рыцарями. Въ просторной залѣ общества, отворяемой только для посѣтителей, сохраняется знамя Черноголовыхъ, все изорванное и занятое кровью, съ девизомъ: «aut vincendum, aut moriendum», — побѣдить или умереть, — модели кораблей, принадлежавшихъ обществу и посылавшихся имъ въ ганзейскіе города, портреты Іоанна Васильевича Грознаго, нѣсколькихъ датскихъ и шведскихъ королей, запрестольная картина, спасенная изъ разрушеннаго монастыря Св. Бригитты, эпитафіи десяти шварценгейнтеровъ, павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ на перновской дорогѣ въ сраженіи съ Шведами въ 1560 году, и книга братства Черноголовыхъ, въ которой Петръ Великій, вступившій въ члены этого военно-торговаго общества, первый изъ русскихъ монарховъ удостоилъ вписать свое имя. Слѣдуя примѣру знаменитаго предка, Императоръ Александръ I въ 1825, Императоръ Николай I въ 1827 и бывший тогда еще наслѣдникомъ престола Императоръ Александръ Николаевичъ, также удостоили украсить книгу собственноручными подписями. Городская ратуша, въ которой хранятся собственноручныя письма Лютера, и домъ ремесленныхъ гильдій, не отличаясь ни чѣмъ отъ прочихъ старинныхъ домовъ Ревеля, замѣчательны только по надписямъ. На первомъ зданіи начертано латинское наставленіе бургомистрамъ: «Каждый судья, вступая сюда, да позабудетъ всѣ увлеченія, любовь, злобу, ненависть, лѣсть, собственныя выгоды, потому что, сдѣлавшись несправедливымъ и пристрастнымъ къ ближнему, долженъ будетъ страшиться самъ суда Божія». На домѣ гильдій высѣчена нѣмецкая надпись, полная благого пожеланія: «Да благословитъ Богъ то, что здѣсь происходитъ и будетъ происходить».

При красивомъ мѣстоположеніи, живописномъ готическомъ видѣ, мало-требовательной и недорогой жизни, жителямъ Ревеля недостаетъ прѣсной воды, хотя они и окружены неисчерпаемою массою водъ.

Ни одной рѣчки по близости, ни одного ручья и источника нѣтъ для ежедневныхъ потребностей Ревельцевъ. Каменные, безобразныя вѣковыя кадки, посреди

площадей и улицъ, называемыя изъ приличія громкимъ именемъ колодцевъ, наполнены водою, негодною для питья. За водой нужно ходить далеко за городской валъ, и каждый день, съ утра до вечера, цѣлая вереница мужчинъ и женщинъ тянется къ ключу, медленно просачивающемуся чрезъ землю и охраняемому часовымъ, будто какіе-нибудь драгоценныя гесперидскіе сады. Такой же недостатокъ ощущается почти и во всѣхъ ближайшихъ окрестностяхъ Ревеля.

Болѣе прочихъ окрестностей, по недалекому разстоянію отъ городской черты, какъ прѣзжіе, такъ и коренные жители Ревеля, посѣщаютъ тѣнистый Катериненталь, съ именемъ котораго тѣсно связано вос-

дворецъ былъ достроенъ, но пустѣлъ, и паркъ его, оставленный безъ вниманія, заросталъ травою до Императрицы Елисаветы Петровны. Въ іюль 1746 года она посѣтила это созданіе своего великаго отца и своимъ пребываніемъ придала Катериненталю историческое значеніе. Въ этомъ дворцѣ былъ ратификованъ договоръ съ Австрійскою Императрицею Марією-Терезією касательно Силезіи, послужившій чрезъ десять лѣтъ потомъ главнымъ поводомъ къ началу Семилѣтней Войны. Императрица Екатерина II также не позабыла Катериненталь, ей соименный, прѣехала въ него со стороны моря и, чтобы не затруднять слишкомъ путь высокой путешественницы, догадли-



Катериненталь.

поминовеніе о Петрѣ Великомъ. Посѣтивъ въ 1744 году Ревель, онъ избралъ здѣсь мѣсто для загороднаго лѣтняго пребыванія, назвалъ въ честь Императрицы Катериненталемъ, и черезъ три года итальянскій архитекторъ Миниетти, присланный изъ Петербурга, началъ уже класть фундаментъ для нынѣшняго дворца. Въ одно лѣто предъ главнымъ фасадомъ набросили тѣмъ молодые капитаны, широко раскидывающіе теперь свои столѣтнія вѣтви, зажелѣли широкія аллеи, открылось въ концѣ ихъ море, привезены были свинцовыя трубы для предполагавшихся фонтановъ, которыя впрочемъ не были употреблены въ дѣло, а перевезены по приказанію Императрицы Анны Іоанновны для украшенія рождавшагося тогда Петергофа. Катеринентальскій

выше Ревельцы выбили въ скалѣ дорожку, теперь едва замѣтную и обрушившуюся. Надъ тѣснымъ пространствомъ ея переплетаются вѣтви ольшаника и жимолости, чрезъ которыя голубоватыми мелкими клоками сквозитъ море.

Въ 1804 году, въ первый прѣздъ въ Ревель, посѣтилъ Катериненталь Императоръ Александръ I, ассигновавшій сумму изъ своего кабинета на поправку дворцоваго строенія, а въ 1827 году былъ въ немъ Императоръ Николай I, приказавшій возобновить совершенно Катеринентальскій дворецъ, приходившій уже въ упадокъ. Неподалеку отъ парка, на морскомъ берегу, устроены теперь купальни и недорогія помѣщенія для прѣзжихъ.

Версты три отъ города, на песчаномъ возвышенномъ берегу моря, возвышаются стрѣя развалины монастыря Св. Бригитты, основаннаго въ 1407 году и разрушеннаго русскими войсками Іоанна IV въ 1577 году, въ отмщеніе за геройскій отпоръ осаждаемаго ими Ревеля.

Передній фасадъ развалинъ обращенъ къ морю, а правый бокъ къ рѣкѣ, носящей имя монастыря, Бригиттовкѣ—довольно широкой и быстрой при своемъ истокѣ. Отъ всего зданія уцѣлѣли только стѣны да фронтонъ главнаго фасада, высящагося огромнымъ треугольникомъ, на которомъ лежала крыша. Повсюду разползся рыжеватый мохъ, въ трещинахъ вырастаетъ осока и пробиваются побѣги молодыхъ березъ. Нѣсколько ярусовъ сводовъ, въ которыхъ, вѣроятно, находились кельи монахинь, темные, сырые подвалы, полузасыпанные землею и осколками кирпичей, чрезъ которые, если вѣрить преданію, шелъ подземный ходъ въ самый Ревель и въ которыхъ теперь помѣщаются домашнія животныя, да остатки потаенныхъ ходовъ и узкихъ, винтообразныхъ лѣстницъ, по которымъ едва можно прямо пройти человѣку, — почти все, что осталось нынѣ отъ этого мона-

стыря, когда-то очень населеннаго, богатаго и посѣждаемаго многочисленными богомольцами.

На песчаной отлогости выдавнагося въ море мыса, на которомъ построенъ монастырь, между развалившимися надгробными плитами, надъ неизвѣстными костями мертвыхъ, разбросаны жилища живыхъ, безвѣстныхъ Латышей, кой-какія лачужки, полы кото-

рыхъ составлены также изъ кусковъ надгробныхъ памятниковъ, очень часто служащихъ бѣднымъ поселенцамъ хозяйственнымъ очагомъ, по неимѣнію приличныхъ печей. На лѣвомъ берегу Бригиттовки тянется длинный садъ мызы Кошъ, принадлежащей Коху. Въ

шести верстахъ отъ нея находится Вимсъ, веселая мыза Графа Буксгевдена. Въ противоположной сторонѣ, въ трехъ верстахъ отъ города, лежитъ дача Ziegelskoppel, потомъ маленькая деревенька Тишертъ съ уютными домиками, носящими разныя названія, имѣющими претензію на историче-

скія наименованія: Sans souci, Sans pareil и т. п.,—любимое сборное мѣсто ревельской молодежи во время лѣта, и наконецъ великолѣпный Фалль, мыза Графа Бенкендорфа.

Половину лѣтнихъ посѣтителей отнимаетъ у Ревеля Гапсаль. Онъ такъ же, какъ и Ревель, имѣетъ свою

особую историческую жизнь, свои воспоминанія и древніе памятники, изъ которыхъ главный — замокъ Гапсаль, давшій названіе городу.

Замокъ этотъ, построенный въ 1228 году, во время владычества Датчанъ, вмѣстѣ съ окружающимъ его предмѣстьемъ переходилъ нѣсколько разъ въ

руки разныхъ завоевателей, былъ предаваемъ огню и опустошенію и наконецъ совершенно обратился въ развалины. Въ особенности сильно потерпѣлъ онъ въ 1563 году отъ Шведовъ, разорившихъ не только самый городъ, но и весь уѣздъ, до того, что окрестные сельскіе жители, лишенные всего своего скуднаго имущества, принуждены были сами впрягаться въ



Развалины монастыря Св. Бригитты.



Гапсаль.

плуги, вмѣсто животныхъ, предоставляя управленіе этими земледѣльческими орудіями своимъ женамъ.

Въ началѣ 1576 года обложило Гансаль шеститысячное русское войско, вмѣстѣ съ Татарами принудило его сдать безъ выстрѣла послѣ трехдневной осады, и держалось здѣсь пять лѣтъ, покуда Шведы, проломавъ стѣну, въ свою очередь потребовали сдачи. Всѣ жители бѣжали къ осаж-

дающимъ, и тогда осирѣтѣвшіе Татары, перерѣзавъ всѣхъ женщинъ и всѣхъ дѣтей, оставшихся въ Гансалѣ, приступили къ канитуляціи. Съ 1628 года до вторичнаго его покоренія Шведами Гансаль былъ проданъ Густавомъ Адольфомъ въ ленное владѣніе Графу де-ла-Гарди и при его попеченіяхъ началъ нѣсколько поправляться. Падѣ непелицемъ его возникли новыя строенія, разбѣжавшіеся жители водворились на прежнихъ мѣстахъ, и въ этомъ цвѣтущемъ, по тогдашнимъ понятіямъ, состояніи покоренъ былъ онъ оружіемъ Петра.

Безъ башенъ и бойницъ возвышаются нынѣ древнія высокія стѣны Гансаля посреди города, пріютивъ въ своихъ развалинахъ церковь съ обрушенными во многихъ мѣстахъ сводами и единственную башню съ боевыми часами, довольно еще хорошо сохранившуюся

стараніями жителей. Къ сѣверной сторонѣ крѣпости примыкаютъ остатки огромнаго зала безъ потолка и

пола, а у восточной стороны, въ полуразрушенной башнѣ, имѣвшей нѣсколько ярусовъ, въ самомъ низу видѣются еще и теперь ворота, выходящія на крѣпостной валъ. Среди нестройной, пыльной, затрудняющей осмотръ массы крѣпостныхъ развалинъ замѣтны также остатки мно-

жества дверей, ведущихъ въ подземелья. Среди этихъ темныхъ, душныхъ подземельныхъ пещеръ замѣтно множество углубленій, сырыхъ, лишенныхъ воздуха,

на пространствахъ не болѣе какихъ-нибудь двухъ квадратныхъ аршинъ, съ остатками сгнившихъ дубовыхъ дверей на толстыхъ петляхъ, покрытыхъ густымъ слоемъ рыжей ржавчины. Говорятъ, что въ эти смрадные ниши владѣтели Гансаля сажали пѣнныхъ.

Сухой, здоровый воздухъ Гансаля, цѣлебное свойство тамошней морской воды, не смѣшанной ни съ одной струей

какой-либо впадающей рѣчки, живописное мѣстоположеніе на самомъ берегу Балтійскаго Залива, дешевизна жизненныхъ потребностей, удобство помѣщеній и прекрасно организованныя лечебныя ванны съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе собираютъ въ Гансаль



Каменный мостъ въ Дерптѣ.



Бесѣдка въ старомъ саду Муссы въ Дерптѣ.

и нуждающихся въ врачебныхъ пособіяхъ моря, и простыхъ, здоровыхъ любителей новыхъ ощущений и мѣстностей.

Напротивъ Ревеля, на сѣверной сторонѣ Балтій-

принадлежащія къ университету. Но всѣ признаютъ, что лучшее украшеніе города составляетъ Домъ, возвышеніе, обязанное своимъ значеніемъ университетскимъ зданіямъ, построеннымъ на немъ. Кромѣ зданія



Дерптскій университетъ.

скаго Залива, на какіе-нибудь съ небольшимъ четыре часа плаванія, находится Гельсингфорсъ.

Этотъ университетскій городъ невольно напоминаетъ другой, также одолженный своей извѣстностью

самаго университета вы можете здѣсь полюбоваться клиникой, въ 1848 году вновь отстроенной, строеніемъ въ ботаническомъ саду, анатомическимъ театромъ, домикомъ, въ которомъ выставляются для просушки



Зданіе клиники.



Жилое строеніе въ ботаническомъ саду.

преимущественно университету. Но въ характеръ ихъ есть нѣкоторая разница. О Дерптѣ можно сказать, что это исключительно университетскій городъ. Тамъ только развѣ на великолѣпный каменный мостъ черезъ Эмбахъ, да на предѣстный общественный садъ, Муссу, можно указать, какъ на замѣчательные предметы, не

кости, нужныя для анатомическихъ занятій студентовъ. Все это принадлежитъ университету, все запечатлѣно ученымъ характеромъ. Лежащія неподалеку развалины древней католической церкви также не чужды университету. Вы можете здѣсь взобраться на обсерваторію и оттуда представится вамъ видъ города

и его окрестностей, отмѣченныхъ тѣмъ же характеромъ студенчества. Самая площадь въ центрѣ города, на которой сосредоточивается промышленная дѣятельность, менѣе отзывается той суетливостью и

первое мѣсто между прочими городами Финляндіи, сдѣлался сборнымъ мѣстомъ вѣншей и внутренней торговли, разсадникомъ роднаго просвѣщенія, цѣлебнымъ и вмѣстѣ увеселительнымъ лѣтнимъ прибреж-



Анатомическій театр (въ Дерптѣ).



Домикъ для просушки костей.

безпокойствомъ, какія привыкли мы видѣть въ другихъ городахъ. Все здѣсь мирно и спокойно, все напоминаетъ о томъ, что городъ посвященъ высокому занятію науками и что все остальное существуетъ

щемъ какъ для Русскихъ, такъ и для иностранцевъ. Живописная гористая мѣстность, воздухъ, пропитанный здоровыми испареніями морскихъ соляныхъ частицъ, университетъ, обсерваторія, просторная, без-



Развалины католической церкви.



Дерптская Обсерваторія.

здѣсь, какъ-будто только для того, чтобы обезпечить средства для этихъ ученыхъ занятій.

Гельсингфорсъ, напротивъ, съ ученымъ значеніемъ соединяетъ и промышленное. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія обращенный въ городъ изъ малолюднаго мѣстечка, Гельсингфорсъ успѣлъ уже занять

опасная гавань, открытая для свободной безпошлинной торговли, постоянно увеличиваютъ значеніе Гельсингфорса. Помѣщенный почти въ самой срединѣ Финляндіи, на берегу моря, главнаго пути для сбыта туземныхъ произведеній, онъ дѣлается отголоскомъ ученыхъ мнѣній для людей любознательныхъ, законо-

дателемъ модъ для свѣтскаго финляндскаго круга, проводникомъ общественнаго прогресса. Защищенный

верстъ отъ Петербурга, идти уже натуральное каменное шоссе; чѣмъ далѣе, тѣмъ выше начнутъ вы



Площадь въ Дерптъ.

отъ всякаго вѣшняго покушенія противъ его безопасности гранитными твердынями Снеаборга, онъ все болѣе и болѣе расширяется, замыкая въ свой кругъ прилежащія къ нему предмѣстья. Съ каждымъ новымъ отпрысками его темныхъ сосенъ и елей новыя великолѣпныя дачи вырастаютъ среди ихъ широкаго намета, народонаселение увеличивается, обывательскіе дома все ближе и ближе тѣснятъ другъ къ другу вдоль прямыхъ, широкихъ, хорошо распланированныхъ улицъ, недоступныхъ по своему гранитному грунту для пятой стихіи, какъ называть ее Наполеонъ—грязи, уменьшающей столько прелести у нашей русской Италіи — Крыма.

Какой бы путь не избрали къ Гельсингфорсу, онъ не продолжителенъ и удобенъ. Отъ самаго Бѣлоострова, у котораго начинается граница Финляндіи, 30

верстъ передъ вами по обѣимъ сторонамъ дороги разноцвѣтные гранитные утесы самыхъ разнообразныхъ

формъ, стоящіе отдельно: потянется сплошная масса сѣрыхъ, красноватыхъ, бѣловатыхъ и черноватыхъ скалъ, зазеленеетъ сплошной рядъ сосенъ, до того пересыпанныхъ въ промежуткахъ иней большими и малыми кусками гранита, что можно подумать: не упалъ ли когда нибудь надъ этими вѣковыми лѣсами каменный дождь? Глядя на дикую красоту финляндской природы, картины которой становятся все величественнѣе и разнообразнѣе по мѣрѣ приближенія къ Гельсингфорсу, невольно вспоминаешь эти стихи:



Финскіе простонародные поэты.

«Волшебный край! Его красавъ.
Пугаяся, дивятся взору,
На горы каменные тамъ
Поверглось каменные горы...»

Незамѣтно на маленькихъ быстрыхъ лошадакъ до-
ѣзжаешь до Выборга, постепенно ощущая удаленіе

вертящихся дервишей и сопровождаемая монотон-
нымъ пригѣвомъ:



Пляска Чухонъ.

отъ черты, занимаемой неопрятными Чухнами. Стан-
ціи становятся чище, исчезаютъ мало-по-малу длин-
ные стѣряжные кафтаны и неуклюжіе камзолы, рус-
скія дуги и упряжь, тряскія четырехколесныя телѣги,
сопливыя, ничего не выражающія фizioноміи, небри-
тныя бороды, безсмысленная пляска, посреди улицы
«козмі англізъ», навѣянная одушевленіемъ хмѣля, апло-
дируемая толпою, похожая на фанатическое одуреніе

«Хиве пда нють, мине гулдесень,
Мюдесь скула нють, мине гулдесень?
Андакетте нють, мине гулдесень,
Анда суда нють, мине гулдесень...»

(«Здравствуй, мой золотой, что нового? Дай руку мнѣ, мой
золотой, поцѣлуй меня и проч.»).

Все эти явленія такъ-называемаго собственно чухонскаго быта встрѣчаются только до Выборга.

Выборгъ, по-фински *Wörgrî*, основанъ ниведскимъ государственнымъ правителемъ Торкелемъ Кнутсономъ въ 1293 году и впоследствии исправленъ и значительно распространенъ Королемъ Густавомъ Вазою и Императрицею Анной Иоанновной, которая въ 1738 году на мѣстѣ бывшей слободы Сиганьеми заложила укрѣпленіе, извѣстное подъ названіемъ *Sougnæ d'Anne*. Русскіе до 1710 года нѣсколько разъ безъ всякаго успѣха осаждали эту крѣпость съ самыхъ давнихъ временъ: въ 1322 году при Великомъ Князѣ Георгіи Даниловичѣ; въ 1350 году при Симеонѣ Гор-

почти невозможное, обязанъ своимъ началомъ выборгскому военному губернатору Стулишину, а окончательнымъ устройствомъ бывшему генералъ-губернатору Старой Финляндіи, принцу Фридриху-Вильгельму. Съ недавнимъ учрежденіемъ морскихъ купаній въ Выборгъ, начинающихъ привлекать къ себѣ также немалое число пріѣзжихъ, садъ этотъ, прежде мало посѣщавшійся проѣзжими, оживъ.

Прошедшее Выборга славно, но даже немногіе изъ коренныхъ жителей города знаютъ подробно объ этомъ славномъ быломъ своей родины. Въ современномъ понятіи большей части свѣтскихъ туристовъ, чающихъ движенія гельсингфорскихъ водъ, вся настоящая из-



Выборгъ.

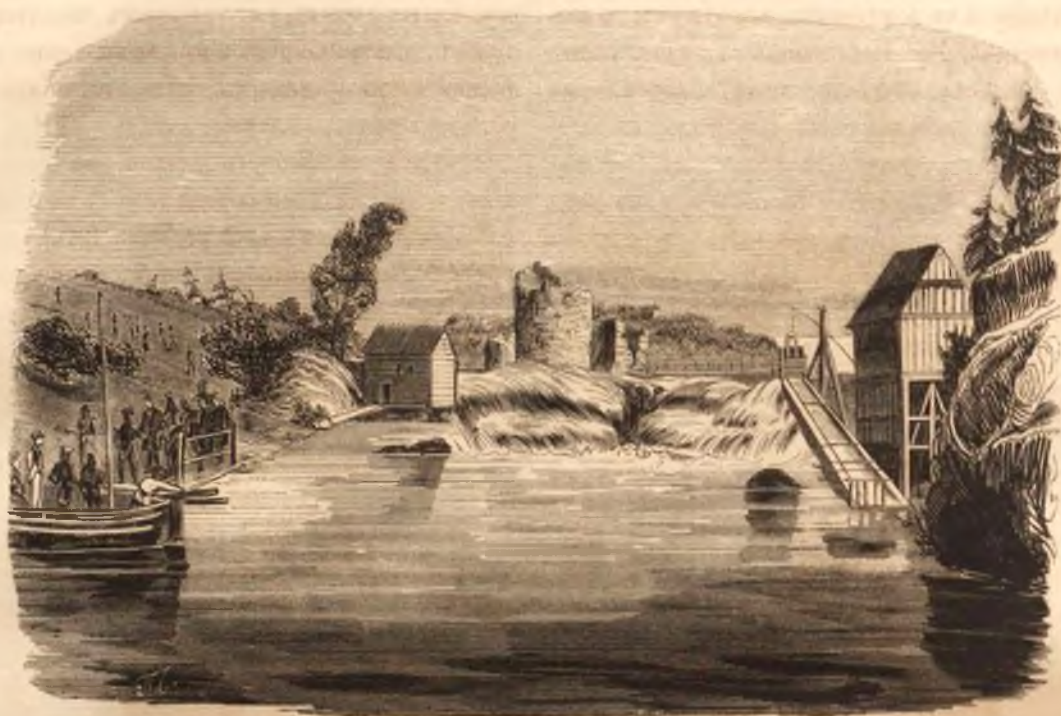
домъ; въ 1495 г. при Иоаннѣ Васильевичѣ III. Три мѣсяца стояло войско Иоанна подъ стѣнами Выборга и грозило осажденнымъ неминуемою гибелью, когда Кнутъ Носсе, видя Русскихъ уже на стѣнахъ крѣпости, зажегъ пороховую башню и—половина осаждающихъ взлетѣла на воздухъ. Иоаннъ Грозный также пробовалъ брать Выборгъ, но только осадная артиллерія Петра Великаго успѣла разбить стѣны крѣпости, и Выборгъ послѣ тринадцати-недѣльной отчаянной обороны отворилъ ворота осаждающимъ.

Въ одной верстѣ отъ Выборга, по Фридрихсгамской дорогѣ, находится прекрасный обширный садъ, принадлежащій Барону Николаи, съ заманчивымъ названіемъ «*Mon Repos*». Садъ этотъ, въ которомъ искусство, совершенствуя прекрасную природу, произвело

вѣстность и заслуга Выборга ограничивается очень немногимъ—вкусными кренделями, единственно поддерживающими нынѣ древнюю его славу, столько заслуженную воинскою доблестью. Но, увы! если вамъ придется проѣзжать чрезъ Выборгъ не утромъ, не въ то время, когда дѣятельные, ранніе жители привыкли закупать свои дневные припасы, то знаменитые выборгскіе крендели, въ своемъ первообразѣ, очень легко могутъ остаться какимъ-то миеомъ для любознательнаго вкуса, потому что производительницы ихъ все живутъ по ту сторону залива, отдѣляющаго городъ отъ предмѣстья, и появляются на городскихъ рынкахъ только однажды въ сутки. Не показывайте сомнѣнія, это такъ; по-крайней-мѣрѣ, года за три до этого, недобродивые содержатели выборгской опрятной

и просторной почтовой станціи забывали прибере-
гать для проѣзжихъ это единственное съѣстное спа-

встрѣчается сплошной рядъ избъ, похожихъ на ко-
ренныя русскія неопрятныя деревеньки. Телѣги за-



Водопадъ Эмме, на рѣчкѣ Койвукоски.

добье, которое поддерживаетъ репутацію Выборга во
всей Россіи.

Чѣмъ дальше удаляешься отъ Выборга, тѣмъ за-

мѣняются двухколесными одноколками, сермяжные
зипуны синими коротенькими курточками. Вожатые
ваши — люди бодрые, здоровые, съ открытымъ, смы-



Водопадъ при станціи Гекфорсъ.

мѣтѣе чувствуется перемѣна обычаевъ и нравовъ, къ
которымъ уже отчасти привыкъ какъ-то столичный
взглядъ въ отдаленныхъ окрестностяхъ Петербурга,
особенно по выборгской и нарвской дорогѣ. Рѣже

шленнымъ, добродушнымъ лицомъ, съ бѣлокурыми вью-
щимися волосами, доходящими до плечъ. Станціон-
ныя избы, у которыхъ приходится мѣнять лошадей,
не опасаясь неприятнаго, замедляющаго отзыва: «всѣ

въ разгонѣ», — не пугаютъ взгляда видомъ безпорядка и нечистоты. Уютная комнатка станціи свѣтла и опрятна, полъ усыпанъ бѣлымъ пескомъ и можжевеловымъ, хрюканье и мычанье не показываютъ близкаго соседства молодого поколѣнія тѣхъ домашнихъ животныхъ, съ которыми скотолобивые Чухны, сплосъ да рядомъ, живутъ въ очень тѣсномъ согласіи, подъ однимъ кро-

бодрыхъ лошадей, несущихся ровно, скорой, дробной рысью, какъ въ гору, такъ и подъ гору, и возбуждающихъ въ насъ только одно опасеніе: какъ бы онѣ, спускаясь съ косогоровъ, не выскочили изъ своихъ ремennыхъ, иногда парусинныхъ, просторныхъ ошейниковъ, замѣняющихъ имъ обыкновенно хомуты. Гранитная основа дороги бѣжитъ извилинами, то прибли-



Водопадъ Иматра.

вомъ, отдѣляясь только какой-нибудь тонкою перегородкой. Слухъ вашъ перестаетъ уже поражаться неизбѣжнымъ возгласомъ, который заимствовало и финское племя отъ русскаго простонародья: «баринъ, на водку». Все дѣлается не торопливо, но и не медленно, безъ всякаго напередъ рассчитаннаго барыша и заранее предположенной въ умѣ, не входящей въ путевыя условія, срывки. Шведъ скачетъ съ вами безкорыстно по гладкому, ровному пространству не многовертныхъ станцій, понукая движеніемъ руки

жаясь къ морю, то стѣсняясь почти прямыми возвышеніями скалъ, межъ разсѣлинъ которыхъ чуть только гдѣ западетъ песокъ, или земля, занесенная вѣтромъ,—смотришь, уже и вырастаетъ молодая сосна, Богъ знаетъ, на чемъ утвердившая свои корни, иногда почти отвѣсно висящая надъ головою и, кажется, каждую минуту готовая упасть на дорогу. Не жалѣйте о томъ, что на вашемъ пути, для полноты разнообразія и восторга, не лежитъ еще Иматра; и безъ этого величественнаго водопада Финляндіи, для котораго

нарочно нѣкоторые оставляютъ Петербургъ, по гельсингфорскому тракту встрѣчается два, три мелкихъ водопада, изъ которыхъ въ особенности одинъ, ниспа-

Кромѣ каменнаго собора, построеніе котораго относятся къ началу XV столѣтія, въ Борго нѣтъ никакихъ другихъ старинныхъ зданій, и его уютныя част-



Видъ Гельсингфорса съ Телескаго сада.



Соборъ въ Гельсингфорсѣ.

дающій за нѣсколько станцій до города Борго, довольно величественъ и похожъ по виду на водопадъ норвежскій, — разумѣется, только въ маломъ видѣ. Прорываясь двумя путями между коричневыхъ, покрытыхъ мхомъ, гранитовъ, довольно широкая рѣчка бѣжитъ отлогимъ уступомъ къ морю, образуетъ чрезъ нѣсколько верстъ другой малый водопадъ и впадаетъ наконецъ въ заливъ, близъ едва замѣтныхъ остатковъ какого-то древняго шведскаго укрѣпленія, назначеніе котораго неизвѣстно нынѣшнимъ Шведамъ.

Борго — маленький приморскій городокъ, съ незначительною гаванью и ничтожнымъ торговымъ оборотомъ, удержалъ между-тѣмъ для себя въ лѣтописяхъ Финляндіи право на историческое значеніе. Въ немъ, въ 1809 году, Императоръ Александръ I принялъ присягу въ вѣрности и подданствѣ отъ всѣхъ собиравшихся тамъ земскихъ чиновъ того края. Многіе изъ жителей еще твердо помнятъ это событіе.

ныя строенія какъ-то странно поражаютъ взглядъ, не привыкшій къ туземному любимому яркому цвѣту. Стѣны всѣхъ обывательскихъ домовъ, также какъ и кровли, окрашены краской, извѣстною у маля-

ровъ подъ названіемъ «муми», коричнево-красной. Этими же самымъ цвѣтомъ раскрашены дома и маленькаго городка Ловизы, ближайшаго къ Гельсингфорсу.



Финскіе типы.

Гельсингфорсъ, основанный еще Шведскимъ Королемъ Густавомъ I и сожженный русскими войсками въ 1744 году, замѣчательнъ для насъ историчес-

ки тѣмъ, что здѣсь въ 1742 году шведская армія, руководимая Левенгауптомъ, сдалась намъ безъ всякихъ условій. Съ тѣхъ поръ Гельсингфорсъ оставался въ упадкѣ и безъ всякаго значенія до 1815 года, въ которомъ Императоръ Александръ I приказалъ возобновить его и сосредоточить въ немъ всѣ высшія и нисшія судебныя инстанціи Финляндіи. Съ перенесеніемъ изъ стариннаго Або университета, онъ сдѣ-

лался и центромъ просвѣщенія всего края, а съ учрежденіемъ свободной гавани, открытой для всѣхъ иностранныхъ судовъ, окончательно пришелъ на ту высокую степенъ цвѣтущаго состоянія, въ которомъ находится въ настоящее время.

Съ моря Гельсингфорсъ едва видѣть за высокими гранитными укрѣпленіями Свеаборга, разбросавшаго свои редуты и батареи на нѣсколькихъ островахъ. Подъ защитой этой неприступной крѣпости и ближайшихъ къ городу гранитныхъ же укрѣпленій Ульриксборга и Броберга, Гельсингфорсъ и въ послѣднюю войну спокойно смотрѣлъ на непріязненные покушенія

родой, и даже прѣсную неистощимую воду, добытую человѣческою находчивостью и искусствомъ науки Свеаборгскія цистерны, въ которыхъ собирается

эта главная потребность гарнизона, составляють два огромные бассейна, обнесенные каменною покровкою. Въ первомъ изъ нихъ вода, стекающая промоинами съ верхушекъ скалъ и гранитныхъ возвышенностей, лежитъ коричневою густою жидкостью, наполненною пѣскомыми и водяными пауками; но,

проходя черезъ толстый пластъ угля и мелкаго песку, собирается во вторую цистерну свѣтлую и чистую, какъ слеза. Внутри главной крѣпости, составляющей



Финскіе типы.



Домъ въ Манхтнѣ.



Часть Ижоры и озера.

враговъ со стороны моря. Грозная крѣпость эта, которую въ 1809 году сдалъ Русскимъ шведскій генералъ Графъ Кронштедтъ, коммендантъ Свеаборга, имѣетъ всѣ средства для продолжительной обороны: не разрушимыя ядрами стѣны, созданныя самою при-

передовое укрѣпленіе, устроены крытые проходы, высѣченные въ скалахъ, своды которыхъ покрыты блестящими сталактитами отвердѣвшихъ водяныхъ капель; огромныя ворота съ древнею шведскою надписью, высокія и широкія для пропусковъ судовъ, лежатъ

своимъ основаніемъ въ волнахъ. Морская поверхность, лежащая предъ Свеаборгомъ, покрытая множествомъ видимыхъ и подводныхъ камней, дѣлаетъ невозможнымъ близкій подступъ къ нему безъ опытнаго, выросшаго въ заливѣ лопмана. Въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ вѣтви отъ Свеаборга бѣлѣетъ Гельсингфорсъ: прекрасный видъ на внутренность города представляетъ Телесскій Садъ; но съ моря вы видите только просторную прибрежную площадь, украшенную гранитной колонной и огромнымъ многоэтажнымъ строеніемъ Society-house, занимающимъ почти половину задняго плана. Налѣво отъ нея, высоко надъ симметричнымъ рядомъ каменныхъ строеній, возносится глава Гельсингфорскаго Собора, напоминающаго своею архитектурой петербургскій Казанскій Соборъ безъ колоннады. Еще лѣвѣе, на самомъ берегу пролива, отдѣляющаго ближайшія укрѣпленія Свеаборга отъ твердой земли, за астрономическою обсерваторіей, построенною на высокой черноватой гранитной скалѣ, красуется легкій фасадъ общаго увеселительнаго сборнаго мѣста всѣхъ Гельсингфорсцевъ — воксаль и заведеніе искусственныхъ при немъ минеральныхъ водъ, зданіе, въ которомъ помѣщаются ванны, вѣренныя при смотрѣ Далекарлѣкъ, въ оригинальныхъ бѣлыхъ чепцахъ, красныхъ корсажахъ и синихъ короткихъ юбкахъ, дѣятельныхъ и услужливыхъ, даже забывающихъ въ добросовѣстномъ исполненіи своей обязанности о различіи половъ бѣдныхъ больныхъ, нуждающихся въ ихъ услугахъ. На гранитномъ грун-
тѣ, недоступномъ сильной растительности, рука человѣческая успѣла однако же вырастить чащу линовыхъ

деревъ, развести пышные кусты, и теперь красивый, просторный садъ окружаетъ то мѣсто, на которомъ, еще лѣтъ за двѣнадцать до этого, змѣились только однѣ песчаныя дорожки. Городекіе жители, искавшіе прохлады и тѣни до разведенія этого сада, могли собираться только на одномъ городскомъ маленькомъ бульварѣ, на концѣ котораго помѣщается небольшой деревянный театръ, рѣдко впрочемъ открываемый для представлений и даже для самыхъ концертовъ, обыкновенно дающихся артистами, привѣзжающими лѣтомъ изъ Петербурга, Ревеля и Риги,

въ зданіи воксала. Привлекательная сила безпошлинныхъ товаровъ, привозимыхъ прямо изъ-за границы и продаваемыхъ изъ первыхъ рукъ, дешевизна жизненныхъ потребностей, недорогія помѣщенія даже въ самыхъ гостиницахъ, развлечения, въ которыхъ Ревель и Гамсаль должны уступить Гельсингфорсу, и наконецъ мода, дѣлаютъ эту молодую столицу Финляндіи однимъ изъ самыхъ любимыхъ приморскихъ мѣстъ, куда ѣздить лечиться Петербуржцы.

Не всѣ, конечно, возвращаются изъ Гельсингфорса съ возобновленными силами, но въ этомъ, вѣроятно, виноватъ краткій промежутокъ пути отъ села Бѣлоострова до Парголова, способный изнурить и истощить самый сильный и нечувствительный къ физическимъ страданіямъ организмъ, своими выбоинами, колеями и безчисленнымъ множествомъ разныхъ, не равной величины, камней, которыми устлана песчаная дорога. Рубиконъ перейденъ, таможенная черта сиряталась за дальнимъ поворотомъ — и вотъ въ экипажахъ проѣзжихъ начинаютъ появляться скомканые куски



Видъ Изорскаго Озера.



Церковь и памятникъ въ Парголово.

малоцѣнныхъ товаровъ, съ тонкою предусмотрительностью и разсчетомъ на вѣжливость скрытые отъ любопытнаго взора досмотрщиковъ. И вотъ замелькали предъ вами опять знакомые виды, загрозили чухонскія избушки, замелькали предъ глазами чухонскія

бѣжаза, можетъ быть, десятая часть коренныхъ жителей Петербурга. Парголово съ своимъ высокимъ Парнасомъ, Аллеей Вѣчности предъ вѣчно цвѣтущею роскошною могилою графа Полье, съ своею филогранною готическою садовою церковью и съ высокимъ



Барскій домъ въ Парголовѣ.

амазонки. ѣдущія верхомъ на тощей лошади совершенно по-рыцарски, съ произведеніями домашняго хозяйства, помѣщенными на повозкѣ, совершенно оригинальной, принадлежащей единственно чухонскому изобрѣтательному воображенію. Вотъ наконецъ предъ вами Манахино, имѣніе князя Лопухина, и Парголово съ деревнею Ижорой, дальше котораго нѣкогда не за-

изычнымъ господскимъ домомъ, выказывающимъ украшенный флагъ бельведеръ изъ-за верхушекъ густыхъ деревьевъ. Вотъ уже и Лѣсной Институтъ съ своимъ паркомъ... Все дальнѣе лежащее уже вамъ давно извѣстно, даже, можетъ быть, наскучило и, зажмуря почти глаза, вѣбжааете вы въ городскую заставу на обиходную столичную жизнь.

В. Толбикъ.

ЛИСТЫ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Переезд Императора Александра I между Каяны и Соутарила.



Императоръ Александръ I на развалинахъ Каянборскаго замка.

ХУТОРЯНСКІЕ ДРУЗЬЯ.

(повѣсть изъ украинскаго быта).

О. И. Карповичу.



I.

«Ты куколка, я куколка,
«Ты маленькая, я маленькая;
«Приди ко мнѣ въ гости!»

(Старинная пѣсня).

было знойное лѣто. Среди неоглядной степи, на гребню высокога косогора, ѣхали, заснувши на возахъ, два хуторянина, одинъ молодой, а другой старый, одинъ въ сѣрой короткой свиткѣ, а другой въ зеленомъ долгополомъ сюртукѣ, одинъ въ Крымѣ, а другой изъ Крыма. Ёхали, ёхали хуторяне и сцѣпились другъ съ другомъ возами...

Странники проснулись на возахъ, окинули другъ друга взоромъ и, слегка приподнявшись, принялись молча погонять — молодой пару воловъ, а старикъ сытнѣю и коренастую лошадедку.

Возы не трогались съ мѣста. Посыпались отрывочныя восклицанія.

— А! чтобъ тебѣ всякая всячина! — произнесъ старикъ, зѣвая и потягиваясь.

— Ишь, колодою развалился и не сворачиваетъ, — замѣтилъ молодой, также зѣвая и потягиваясь.

— А ты что губы развѣсилъ, вѣрно тетку схоронилъ? — прибавилъ старикъ и, спустившись съ воза, принялся копаться около колесъ.

— Ты вѣрно тетку схоронилъ! — произнесъ молодой, помолчавъ и усаживаясь на скраинѣ воза, очевидно заинтересованный бесѣдою: — у тебя вѣрно тетка умерла, да и отецъ твой пьяница!

— Какъ пьяница? — съ удивленіемъ спросилъ ста-

рикъ, — врешь ты! Не отецъ мой пьяница, а ты пьяница! Синяки-то подъ глазами гдѣ взялъ?

Тотъ, къ кому относилось замѣчаніе о синякахъ, точно былъ ими украшенъ; подъ лѣвымъ глазомъ его сидѣлъ синякъ, величиною съ пятакъ, и такъ часто гостилъ подъ глазомъ путника, что его скорѣе можно было принять за родимое пятно, чѣмъ за синякъ. Молодой хуторянинъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Пьяница? Я пьяница? А! чтобъ же твоя жинка была воровкою, чтобъ ты самъ проворовался, да еще пусть тебя поймають и отдеруть!

— Это тебя вѣрно отдеруть! — замѣтилъ старикъ, безуспѣшно потягивая за колесный ободъ и очевидно теряясь отъ грома причитываній своего противника.

— Меня? Ахъ, ты подошва старая! Враги тебя родили, и на крестинахъ у тебя были, и одѣвали тебя, и выкормили, и въ свѣтъ пустили!

— Чтобъ тебѣ было пусто! — произнесъ старикъ, тщетно подергивая колесный ободъ.

— Да еще и жида тебѣ съ-родни! и дядя твой жидъ, и дѣдъ твой жидъ, и весь вашъ хуторъ жида!

— Чтобъ тебѣ было пусто! — уже едва слышно сказалъ старикъ, не зная, куда и дѣться отъ брани молодого, который гремѣлъ, какъ труба, сидя на окраинѣ воза.

Молодой не уgomонился и еще прибавилъ:

— Чтобъ ты высохъ, какъ стручекъ; чтобъ ты кашлялъ и ходилъ, какъ утка; чтобъ на тебя, въ злую зиму, въ самую метель, посреди степи, зѣвота напала, кобыла твоя распряглась, поясъ лопнулъ и руки окоченѣли!

Старикъ окончательно растерялся, выпустилъ ободъ и съ изумленіемъ замѣтилъ:

— Ахъ, какъ же вы такъ удивительно ругаетесь!

Хуторяне развели возы, приподняли шапки и молча разъѣхались. Одинъ опять направилъ свой путь въ Крымъ, а другой поѣхалъ опять изъ Крыма, и скоро отлогій кособоръ остался у каждаго за спиною. Странники раскинулись на возахъ и заснули. — Когда они снова открыли глаза, была уже ночь, возы ихъ стояли гдѣ-то, передъ низенькою хатою, и стояли, къ удивленію ихъ, опять сѣпившіеся колесами. Дѣло въ томъ, что, по странному случаю, эти возы вторично сбились съ дороги, блуждали по дикимъ пустырямъ и, попавъ подъ вечеръ на узкую, торную тропинку, снова столкнулись у крыльца степнаго шинка. Молча покачали путники головою и слѣзли съ возовъ. «Надо почевать тутъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ. — «И то правда! надо почевать!» прибавилъ другой. Хуторяне распрягли воловъ и отпавились сперва въ хату. — «Мы лучше заснемъ на возахъ!» рѣшили хуторяне и улеглись подъ открытымъ небомъ.

Скажемъ теперь, кто таковы были путники, такъ странно сведенные судьбою. Младшій былъ чумакъ, Омелько Брусь, въ большихъ обозахъ и въ одиночку ѣздившій лѣтомъ за солью, а зимою, съ утра до ночи, лежавшій на печи въ своемъ хуторѣ. Старшій... но о старшемъ надо сказать подробнѣе! Старшій былъ старосѣтскій маляръ, изъ Зміева, по имени Юхимъ Сояшница. Старосѣтскіе маляры нынче перевелись; но по Донцу и по Торцу еще кое-гдѣ ихъ встрѣтишь. Сояшница былъ украшеніемъ и гордостью Зміева; его носили на рукахъ. Это былъ худенькій, низенькій челоуѣкъ, совершенно сѣдой и обстриженный въ кружокъ, въ зеленомъ длинномъ сюртукѣ изъ набойки и въ синемъ жилетѣ. Жилетъ его былъ съ непомѣрно-глубокими карманами, куда аккуратный Сояшница собиралъ все, что ни попадалось: ему стоило только опустить въ эту кладовую руку, и оттуда появлялись иглолка съ нитками, наперстокъ или мѣдная гребенка, ножницы, сломанный циркуль, пуговка, клочекъ сукна, пуля. Сояшница брилъ еженедѣльно затылокъ, почему его иногда принимали за кучера; носилъ большой отложной воротъ рубахи, читалъ по воскресеньямъ Апостолъ и любилъ, ставши на клиросѣ, подтягивать тоненькимъ дискантомъ соборнымъ пѣвчимъ. Въ слѣдствіе разныхъ тревогъ въ жизни, Сояшница, и прежде ѣздившій довольно часто съ работою по соседнимъ слободамъ, рѣшился бросить совершенно родимый городъ, вблизи котораго родился на слободскомъ хуторѣ, и кончить вѣкъ въ работѣ по добрымъ людямъ...

Чуть кликнули пѣтухи, путники уже проснулись. Но прежде проснулся маляръ. — Вѣтеръ колыхалъ пучекъ бѣдой ковыли на длинномъ шестѣ корчмы и стая

скворцовъ съ шумомъ летѣла на ближнюю поляну, засѣянную горохомъ. Роса блестѣла по травѣ. Издалека неслись звуки церковнаго колокола. Въ полѣ раздавалось веселое ржанье жеребенка. Два коршуна неподвижно стояли уже въ воздухѣ, высоко — высоко осматривая землю. Маляръ сталъ противъ восходящаго солнца, оскѣнивъ глаза рукою. Онъ молчалъ. Грудь его дышала неровно, но въ маленькихъ карихъ глазкахъ отражалось такое спокойствіе и такая безмятежность, что никто бы не повѣрилъ, что ихъ хозяину давно стукнуло семьдесятъ лѣтъ.

— А знаете, оно бы хорошо было выпить! — раздался голосъ за спиною маляра. Сояшница обернулся. Передъ нимъ стоялъ, протирая глаза и зѣвая во весь ротъ, его вчерашній знакомецъ, Омелько.

Шаравары Омельки были до-того выпачканы дегтемъ, что ихъ можно было принять за фартукъ легтарныхъ заводчиковъ, и изъ двухъ ногъ его одна была въ сапогѣ, да и тотъ, распоротый у подошвы, зѣвалъ, какъ окунь, пойманный на удочку.

— Выпить, такъ и выпить! — рѣшилъ маляръ.

Шинкаръ вынесъ водки. Путники потребовали хатба и сѣли подъ возами. О встрѣчѣ и перепалкѣ прошлаго дня не было и помину. Первый налилъ чарку Омелько Брусь.

— Будьте здоровы! — сказалъ онъ и осушилъ сперва одну чарку, потомъ покривился, сплюнулъ, подумалъ, покачалъ головою, выпилъ еще чарку, посмотрѣлъ на дно ея, осушилъ еще чарку, и уже послѣ пятого раза махнулъ рукою, какъ бы говоря: «ну, теперь уже довольно!» и бережно поставилъ чарку на траву.

— А откуда вы? — спросилъ маляръ.

— А я ѣздивъ въ Крымъ за солью; жена посылала, да только не доѣхалъ, чтобъ нечистый побилъ ту канальскую водку! Всѣ деньги пропилъ на дорогѣ, и кнсетъ съ табакомъ пропилъ, и кнутъ пропилъ, и одинъ сапогъ пропилъ, и теперь меня жена уже непременно побьетъ!

Сояшница покосился на плечи Бруса и нѣсколько усомнился въ томъ, что его можетъ побить жена.

— Ну, а вы откуда? — спросилъ Брусь, опять поглядывая на чарку.

— А я ѣду въ Перекопъ, къ одному знакомому Татарину хату писать!

— Э, друже, такъ вы маляръ? — вскрикнулъ Омелько Брусь не безъ радости: — такъ вы уже лучше постоите! Лучше вы меня послушайте!

— А что?

— Поцѣлуемся прежде!

— Поцѣлуемся!

И странники, снявъ шапки, чмокнули другъ друга

въ усы. Маляръ при этомъ, съ какою-то мыслию, махнулъ рукою и потянулся было къ флагу; но Брусь со вздохомъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, тамъ уже пусто! — и обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Бросьте вы вашего Татарина! На нечистаго вамъ Татаринъ? Бросьте, ничего вы изъ него не сдѣлаете!

— А что?

— Какъ что? Да тамъ такой край, что и не при-
неди Господи его никому
увидѣть! И дорога дале-
кая, и обокрасть могутъ, и
курицы негдѣ достать: од-
ною бараниной кормить!

Маляръ задумался.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ,
помолчавъ: — никакъ уже
нельзя теперь, далъ слово;
Татаринъ обругаетъ!

— Не обругаетъ! Поѣ-
демъ въ нашъ край! У
насъ что ни панъ, то и
село, что ни село, то и
хаты писанныя; работы
не оберешься!

— И вправду не обе-
решься?

— Не оберешься!

Маляръ опять задумался...

— Нѣтъ, никакъ уже
нельзя! — отвѣтилъ онъ рѣ-
шительно: — далъ слово! и
какъ это можно! Татаринъ
скажетъ, что у меня языкъ
даромъ во рту колотится!

— Не скажетъ Тата-
ринъ, что языкъ даромъ
колотится врту! Поѣдемъ
къ намъ: у насъ маляры
вотъ какъ живутъ!

Маляръ сталъ дергать конецъ позы.

— Поѣдемъ въ нашъ край! — продолжалъ Омелько
Брусь: — паны у насъ все люди хорошіе, наливки у
нихъ тоже хорошія, а картинами такъ все панскія
хоромы отъ низу до верху увѣшаны.

Маляръ взглянулъ на Бруса и подумалъ: «Какой же
ты, братъ, однако должно быть добрый человѣкъ! Оно
сейчасъ видно, и несиѣсивъ, и водку хорошо тянеть,
и советамъ славный и хорошій человѣкъ!»

— Бду, такъ и быть! — сказалъ маляръ, махнувъ
рукою.

Шинкаръ вынесъ новую флягу горѣлки. Маляръ
скинулъ свитку, остался въ одной рубашкѣ и обра-
тился къ чумакамъ, съ любопытствомъ обступившимъ
странниковъ:

— А ну, братики, садитесь и вы! да помочимъ усы
въ горѣлкѣ!

Чумаки сѣли. Омель-
ко Брусь взялся за сулею
и пошла попойка. — Солн-
це между-тѣмъ стало силь-
но припекать. Распри-
женные вола Бруса нас-
лись за шинкомъ вмѣстѣ
съ чумацкими волами; ло-
шадь маляра щипала тра-
ву, шагахъ въ пятидеся-
ти отъ возовъ, привязан-
ная къ стволу яблони.

Вотъ, видать чумаки,
идеть по дорогѣ какой-то
человѣкъ, въ пуховомъ
картузѣ, съ коротенькою
трубкою и кнутомъ, и
идеть прямо къ коню.

— Смотрите, идеть кто-
то къ коню вашему! — за-
мѣтили чумаки, сидя по-
лукругомъ около стран-
никовъ.

— Идеть! — отвѣтилъ
Сояшница, спокойно лежа
на животѣ.

— Вѣдь онъ украдетъ
вашего коня! — замѣтили
чумаки.

— Нѣтъ, не украдетъ!

— Какъ не украдетъ?
Да вѣдь онъ идеть прямо
къ нему! —

— Нѣтъ, не укра-
детъ! — повторилъ Сояшница, медленно осматривая
свою смушковую шапку: — и гдѣ это слыхано, чтобы
кто взялъ коня, когда онъ чужой, да еще и днемъ! —
Не украдетъ!

— Не украдетъ! прибавилъ и Брусь.

Между-тѣмъ человѣкъ въ пуховомъ картузѣ подо-
шелъ къ коню.

— Смотрите, вѣдь онъ уже берется за гриву и раз-
вязываетъ уздечку! — сказали опять чумаки.



Чумакъ Омелько Брусь.

— Не развяжешь! и какъ это можно, чтобъ кто развязалъ чужую уздечку, когда день и насъ семеро!

Человѣкъ въ картузѣ оглянувшись, вскочилъ на коня, далъ ему пинка и понесся по полю: только пыль столбомъ взвилась за нимъ.

Вскочили чумаки, вскочили и озадаченные хуторяне. Всѣ бросились, безъ шанокъ, въ догонку за похитителемъ.

— Отдай, отдай коня, вражій сынъ! — кричалъ маляръ: — то не твой конь, то нашъ!

Но всадникъ скоро мелькнулъ въ высокой травѣ и исчезъ за косогоромъ.

Вернулись къ корчмѣ хуторяне.

— Такъ и такъ, — говорятъ шинкарю: — украли нашего коня!

— Что-жъ? — замѣчаетъ косоглазый, съ ястребиною головкой, шинкарь, смотря въ землю: — надо заявить дѣло окружному, поймать вора и взять коня!

— Нѣтъ! — рѣшили, помолчавъ, хуторяне, — не нужно! Не на то бралъ тотъ нечистый сынъ коня, чтобъ отдавать его назадъ! Не нужно!...

И снова всѣ спокойно усѣлись подъ возами. Брусь обратился къ маляру съ такою рѣчью:

— Ну, коня теперь у насъ нѣтъ, такъ зачѣмъ и телѣгу оставаться! Продадимъ телѣгу! Деньги на дорогу понадобятся; что-нибудь сломается, или за постоя нужно будетъ заплатить, а волю мои и двухъ довезутъ!

Отуманенный маляръ сказалъ-было: «Нельзя! телѣга совсѣмъ новая!» Но тутъ же привсталъ, повозился за чѣмъ-то въ шараварахъ, опять сѣлъ и, сказавъ: «А не то, продай телѣгу; она теперь совсѣмъ уже ненужна!» клюнулся головою въ траву и заснулъ. — Омелько Брусь продалъ телѣгу чумакамъ и, отведя ихъ за шинокъ, объявилъ, что хочетъ танцовать! Чумаки вытащили изъ-подъ возовъ своихъ мальчика съ дудкой, мальчикъ усѣлся на колесѣ и принялся играть.

— Пейте, братцы! гуляйте! — кричалъ Омелько Брусь, съ трубкой въ зубахъ и въ заломленной на ухо шанкѣ, взявшись подъ бока, взглядывая на землю и отвертывая ногами бѣшеную присядку: — гуляйте такъ, чтобъ тошно стало самому нечистому!

Танецъ загудѣлъ, какъ на свадьбѣ, сперва подъ корчмой, а потомъ и въ самой корчмѣ, уже полной народа. И чего только не дѣлалъ Омелько Брусь! Онъ билъ себя по спинѣ и по головѣ, кидалъ направо и налево руки и ноги, и полъ гудѣлъ отъ его топота. Все танцовало въ немъ, каждая складка платья, каждая жилка танцовала, — и ноги танцовали и руки, и губы, и носъ — все танцовало...

Вспомнилъ Брусь свое прошлое хуторянское вре-

мя. Вспомнилъ онъ то время, когда еще у него не было жены и онъ бѣгалъ, украдкою отъ кузнеца-дяди, на вечеринцы. То время, когда онъ танцевалъ и днемъ и ночью, и сытый, и голодный, и съ карманами полными денегъ и съ пустыми карманами, случилось... Это было, говорю, давно-давно! Случилось, вернулся Брусь съ торгу, въѣхалъ во дворъ, и только-что остановилъ воловъ, слышитъ, на хуторѣ въ дальнемъ концѣ идетъ веселье и музыка гремитъ. Бросилъ онъ на землю свитку, бросилъ кнутъ, выбѣжалъ со двора и кинулся по улицѣ, не помня себя отъ радости; въбѣжалъ въ хату, гдѣ было веселье, и видитъ, двое старыхъ слобожанъ только-что перестали топать ногами, стоя на одномъ мѣстѣ, и гулъ начиналъ стихать. «Музыка, играй!» закричалъ Брусь, почти не помня себя, и пустился отвертывать и туда, и сюда, и вправо, и влево, звени подковами и съ крикомъ вскидывая на воздухъ руки. Вдругъ отворилась дверь, и маленькая сестра его, надувшись, вошла въ хату. «Ишь, Омелько!» сказала она, всхлипывая и утирая слезы: «ты тутъ танцуешь, а тамъ дядя умеръ!» — «Такъ что жъ, что умеръ! Такъ что жъ, что умеръ!» кричалъ Брусь, выбивая отчаянную присядку и махая надъ головою то правою, то лѣвою рукой. — «Ишь, Омелько, — тебѣ вѣрно дяди и не жаль!» продолжала дѣвочка, жадно всхлипывая. — «Гдѣ у чорта не жаль! гдѣ у бѣса не жаль!» кричалъ расплескавшийся парубокъ и дотанцовалъ свою пляску.

Таковъ былъ новый другъ маляра.

Смерклось...

Чумаки засуетились около возовъ и скоро двинулись длинною вереницей.

Омелько Брусь растолкалъ Сояшницу, и широкій возъ ихъ также заколыхался по пыльной дорогѣ. И поѣхали хуторяне, какъ уже извѣстно, въ тотъ край, гдѣ, что ни панъ, то и село, то и хаты писанья, и гдѣ маляры живутъ отлично.

II.

Ѣхали хуторяне долго.

Въ дорогѣ съ ними было не мало приключеній. Когда въ полѣ попался имъ убогій слѣпонецъ, въ бѣлой какъ снѣгъ суконѣ, съ мѣшкомъ за плечами; или подъ городомъ подходилъ къ нимъ небритый прохожій, въ потертомъ халатѣ, въ клѣтчатомъ платкѣ на шеѣ, съ кисетомъ за поясомъ и съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ и, приподнявъ передъ ними клеенчатый картузъ, говорилъ добродушнымъ голосомъ:

— Душечка, дайте мнѣ грошникъ!

Омелько Брусь обыкновенно вѣжливо спрашивалъ:

— А на что же вамъ грошникъ?

И, получивъ въ отвѣтъ:

— Я за ваше здоровье, душечка, выпью!

Онъ опускалъ руку въ карманъ маляра и, вынувъ оттуда грошъ, говорилъ:

— Вотъ вамъ грошникъ.

Но почамъ путники не ѣздили и всегда съ вечера гдѣ-нибудь, у дороги, или на бакшѣ, останавливались. — Тутъ языкъ сердобольнаго Бруса, при помощи денегъ, вырученныхъ за телѣгу, развизывался, и онъ

— Ну?

— Только лежу себѣ, — и слышу, говорилъ Брусь: — что-то шевелится на шеѣ! схватилъ, смотрю — жукъ!

Мало вниманія обращали странники на то, что у нихъ наконецъ не стало ни гроша денегъ. Ихъ всюду снабжали и ночлегомъ, и варениками, и даже горѣлкою. На вопросъ маляра: «А далеко ли еще, друже, до вашего краю?» Омелько Брусь чесалъ за ухомъ и говорилъ: «Да какъ вамъ сказать? не то далеко, не то и близко! а должно быть таки порядочно далеко!»

Преддверіе населеннаго и богатаго края родины Бруса началось. Безпрестанно странники встрѣчали



Танецъ въ корчмѣ.

угощалъ маляра разными любопытными разсказами. Такъ, напримѣръ, маляръ узналъ, что Омелько Брусь однажды чуть-чуть не былъ застрѣленъ Татаринцомъ.

Это Брусь разсказывалъ такъ.

— «Поѣхалъ я еще въ первый разъ за солью; оставилъ повозку около озера, а самъ, на атмановомъ конѣ, отправился за лѣсокомъ, въ корчму. Только-что я поднялся на косогоръ, смотрю, стоитъ Татаринъ и кладетъ пулю въ ружье. Я какъ увидѣлъ, такъ и ахнулъ! Погналъ коня, а Татаринъ какъ приложилъ ружье къ плечу, какъ выстрѣлитъ, такъ пуля и засвистѣла за спиною. Гудитъ и свиститъ, гудитъ и свиститъ!... Я отъ пули, а пуля за мною! Я въ лѣсъ, и пуля въ лѣсъ! Я черезъ рѣчку, и пуля черезъ рѣчку! Да какъ догонитъ, какъ ударитъ въ плечо, я такъ и упалъ, и лежу....

то степенныхъ старыхъ хуторянъ на сытыхъ лошадяхъ, въ желтыхъ и голубыхъ набойчатыхъ шушунахъ, то разряженныхъ молодцовъ, съ золотыми «очинками» на головѣ, въ красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ. То попался имъ весь избитый, съ сине-фіолетовымъ посомъ, музыкантъ изъ городка, едва державшійся на ногахъ, съ коротенькою трубкою во рту и съ маленькою, потертою скрипкою подъ мышкой. Онъ покачивался и, понутивъ голову, подходилъ вензелями къ странникамъ. Снявъ шапку, онъ принимался паниливать на скрипкѣ, заканчивалъ и просилъ, по обыкновенію всѣхъ слобожанскихъ скрипачей, скрипкою пить; наконецъ, увидѣвъ, что пить ему не даютъ, онъ объявлялъ, что если у нихъ есть кнутъ, или хворостина, то его надо побить, потому что онъ рѣшительно никуда не годится! Онъ тутъ же клалъ скрипку на

траву, снималъ поясъ, ложился по срединѣ дороги и отъ души просилъ хуторянъ исполнить его желаніе.

— Что жъ побить,—такъ и побить!—рѣшали хуторяне и стегали его на дорогѣ.

Въ одномъ мѣстѣ хуторяне увидѣли толпу работниковъ, которые сидѣли вокругъ огня и играли въ карты, колотя другъ друга по носу.

Въ другомъ мѣстѣ ихъ встрѣтилъ мужъ, несшій на плечахъ подкутившую жену... «То, вѣрно, съ веселья идутъ!» говорилъ при этомъ маляръ. — «Должно быть съ веселья!» отвѣчалъ Брусъ, умильно слѣдя за счастливою четвою...

Скоро потянулись хутора. Все здѣсь было тихо, спокойно и уютно. Жизнь тутъ текла, какъ ясная, дремотливая струйка въ лѣсу. Народъ сидѣлъ у своихъ хатъ и, кажется, почти не замѣчалъ, какъ солнце всходило и садилось за цвѣтущими полями, какъ наставляли то вечеръ, то утро, то темная ночь. Омелько Брусъ качалъ головою и говорилъ: «Вотъ жизнь!» И маляръ со вздохомъ повторялъ за нимъ: «Да, жизнь!» Когда странники проѣзжали мимо этихъ хуторовъ, былъ праздникъ; старики снимали передъ ними шапки и кланялись, говоря: «Добрый путь вамъ, Божьи люди!» И велѣдъ за ними повторяли: «Чтобъ ваши жены и дѣтки, если ихъ Богъ вамъ далъ, встрѣтили васъ въ здоровьѣ и радости!» А бабы и стройныя дѣвки выходили изъ воротъ, съ бѣлымъ арбузомъ въ стѣрыхъ крапинкахъ, или съ янтарною дынею на глиняной мискѣ и говорили, кланяясь имъ: «Вотъ это вамъ на дорогу!» или: «Покушайте вотъ этого!» Странники брали подносимые арбузы и дыни и благодарили.

Помѣщики богатаго края тоже не оставляли безъ угощенія путниковъ. Обыкновенно, едва ихъ возъ показывался передъ господскимъ садомъ, изъ воротъ дома выходилъ, а иногда и выѣзжалъ гонецъ, приближался къ хуторянамъ и, низко кланяясь, говорилъ: «Нашъ панъ велѣлъ просить васъ заѣхать къ нему попробовать, хороша ли его горѣлка? вчера только привезли изъ винокурни! А сегодня праздникъ!»

Странники на это тоже снимали шапки.

— Нѣтъ, добрый человѣкъ! — говорили они: — скажи своему пану, что мы сыты и что домой уже пора ѣхать!

Гонецъ качалъ головою...

— Какъ же можно, чтобъ я сказалъ своему пану, что вы сыты и что домой уже пора ѣхать! Панъ меня за то побьетъ! Не можно!

— Да ты вотъ что: ты просто скажи пану, что у насъ животы болятъ и что мы уже наѣлись за горою, у сосѣдняго пана!

— Не можно! — повторялъ гонецъ: — и гдѣ это право слыхано, чтобъ сказать пану, что животы болятъ и

что вы уже наѣлись за горою, у сосѣдняго пана! Не можно!

Странники колебались...

— Нѣтъ, ѣхать нельзя намъ къ своему пану! — говорилъ маляръ, смотря на Бруса. Брусъ смотрѣлъ на маляра.

Гонецъ разставлялъ руки и продолжалъ:

— И какъ это, право, можно, чтобъ вы не поѣхали! Панъ нашъ такой добрый, и жена его такая добрая, и дѣти его такія добрыя! Да вы вотъ что: вы хоть меду панскаго покушайте, а тамъ уже себѣ и ступайте своею дорогой!

— Ну, дѣлать нечего! — говоритъ Брусъ: — поѣдемъ къ своему пану!

И странники ѣхали, напивались и наѣдались въ десятый разъ на день.

Маляръ еще иногда засматривался на какого-нибудь казака или на бабу, написанную на стѣнѣ хуторянской хаты или на вывѣскѣ шинка, изображавшей толстаго румянаго шинкаря, съ голубою бутылкою и краснымъ стаканомъ въ рукѣ, и съ надписью: «*Мики Тагвоздъ желаетъ Здраствовать.*» Что же касается до Бруса, то Брусъ только спалъ безъ просыпу, какъ только могли спать хуторяне, прогулявшіе до конѣйки свое добро и ѣдушце, подобно ему, домой къ сердитой и бойкой жинкѣ, пославшей мужа продать, на примѣръ, на ярмаркѣ мѣшокъ пшеницы и годовалого бычка. Прѣзжаетъ такой хуторянинъ домой, хозяйка ласково встрѣчаетъ его и сажаетъ за столъ. «Вотъ это жъ тебѣ, милый Павлуся, или милый Явтуся, на ренички, а вотъ это блины! Кушай на здоровьечко, а я тебѣ еще и горѣлочки достану!» — Сидитъ пропащій мужъ ни живъ, ни мертвъ, уплетаетъ молча вареники и блины и не знаетъ, какъ ему и выпутаться изъ бѣды! — «Ну, говори же!» начинается взволнованная хозяйка: «почемъ была пшеница на ярмаркѣ и почемъ бычки?» Мужъ, утирая усы, принимается рассказывать. — «Ну, а очинокъ купилъ ты мнѣ?» спрашиваетъ неровнымъ голосомъ хозяйка, наливая мужу горѣлки. — «Купилъ!» отвѣчаетъ мужъ. — У хозяйки душа готова выпрыгнуть отъ радости. «Гдѣ же онъ?» спрашиваетъ хозяйка. — «Тамъ!» отвѣчаетъ мужъ, махая рукою. — «Гдѣ тамъ?» — «У купцовъ, на ярмаркѣ!» — «Какъ у купцовъ, на ярмаркѣ?» — «Такъ же! пропала моя пшеница и пропали мои бычки!... Сиж у, моя голубочка, на возу и думаю, какъ бы это ихъ не украли!» — «Ну?» — «Вотъ, сижу я и думаю! Утро пришло, не украли! Обѣдъ пришелъ, не украли! Солнце стало садиться, не украли!» — «Ну?? Ну??» — «Да уже вечеромъ украли вражьи люди!» замѣчаетъ мужъ со вздохомъ, утирая усы — и хозяйка, блѣдная и взбѣ-

шенная, всакиваетъ изъ-за лавки... Только такіе хуторяне, вѣроятно, и могутъ такъ спать, какъ спалъ всю дорогу Омелько Брусь. Наконецъ путники увидѣли пристань своего долгаго странствованія.

Рано на разсвѣтѣ теплой и влажной зари передъ ними съ косогора развернулась широкая и цвѣтущая долина, усыпанная лѣсами, нивами, синѣющими верхами далекихъ колоколенъ, курганами и неоглядными лугами по берегамъ рѣки. Солнце только что начинало подниматься изъ-за пригорковъ и легкій туманъ висѣлъ по долинѣ. — Омелько Брусь остановилъ волю, приподнялся на возу и принялся указывать рукою въ разные концы выступившей долины. — «Вонъ то», го-

ма! За Винтенчанцами живутъ Шкуропѣвцы, на хуторѣ Шкуропѣяхъ; тамъ то-же у меня есть кума! За Шкуропѣвцами живутъ Ковалѣвцы, на хуторѣ Ковалѣяхъ; тамъ у меня кумы нѣтъ, но за-то есть одна тетка! Мы къ теткѣ заѣдемъ! — Вонъ-то, какъ разъ по срединѣ долины, хуторъ Великій-Бурдюкъ: тамъ можно поѣсть славныхъ варениковъ, съ медомъ и съ вишнями; а вонъ-то, подѣ лѣсомъ, хуторъ просто Бурдюкъ: тамъ дѣлаютъ хорошія колбасы; а вонъ-то, что чуть-чуть видно изъ тумана, хуторъ Картавый-Бурдюкъ: тамъ тебѣ не только не дадутъ варениковъ или колбасъ, а еще хорошо набьютъ шею, если заѣдешься на какой-нибудь арбузъ на бакшѣ.»



Степь.

ворилъ онъ: «живутъ Балабуни; добре любятъ брехать, добре тянутъ горѣлку, но народъ все хорошій, и когда въ кисетѣ нѣтъ ни корешка табаку, всегда дадутъ, только подойди и попроси! — Вонъ-то живетъ панъ Смодь, на рѣчкѣ Смодь, и въ хуторѣ Смодь: у него въ лѣсу хорошіе орѣхи! — Вонъ-то, что чернѣетъ, точно птица рѣжетъ воздухъ, живетъ вдова; богатая и всякаго добра, и хлѣба, и холста, и всего на свѣтѣ полные сундуки! Расползлась, какъ канюнь, откормленный въ мѣшкѣ, и своею собственною рукою потчуетъ вечеромъ, когда косари придутъ съ поля, черноброваго атамана! Вдова эта, дружѣ, теперь строитъ надъ покойнымъ мужемъ въ лѣсу домикъ, и ей нуженъ маляръ! — Дальше, за вдовою, живутъ Винтенчанцы, на хуторѣ Винтенцахъ; тамъ у меня есть ку-

— А то что такое?—спросилъ маляръ, оборачиваясь въ другую сторону.

— То, будто пшеница, разсыпанная по зеленой свиткѣ, деркачовскіе хутора; на этихъ хуторахъ живетъ панъ молодой и богатый; мы у него то-же бываемъ!

Прочитавъ курсъ мѣстной географіи, Брусь опустился снова на дно воза.

Странники ударили по воламъ, стали спускаться съ косогора и скоро позъ ихъ, ныряя въ травъ, окунулся въ зеленые, густые камыши и исчезъ въ туманѣ окончательно выглянувшаго утра.

III.

Былъ полдень.

На крыльцѣ хуторянскаго домика стоялъ низенькій господинъ въ ситцевомъ распашномъ капотикѣ голубаго цвѣта, съ несчетными карманами, господинъ въ гарусныхъ ботинкахъ, похожихъ на букеты цвѣтовъ.

Это былъ Михѣй Михѣичъ, обладатель деркачовскихъ хуторовъ.

На головѣ Михѣя Михѣича была широкая сквозная шляпа изъ зеленой стелной соломки. Воротъ рубахи на загорѣлой шеѣ пана былъ разстегнутъ и вѣтеръ свободно обвѣвалъ его широкую, смуглую грудь, обросшую курчавыми волосами. Панъ держалъ въ рукахъ огромную, пѣнковую трубку, съ большимъ янтаремъ, и потиралъ въ раздумьи небритый подбородокъ. Этотъ подбородокъ имѣлъ обыкновеніе, какъ бы гладко панъ ни брилъ его утромъ, обтирая всякими примочками, духами и мылами, къ вечеру обростать гладкою и изъ-синя черною щетиною.

Солнце начинало жарить по обыкновенію. Михѣй Михѣичъ пошелъ было купаться въ ванну, которая стояла въ саду подъ навѣсомъ холстяной палатки; но эта палатка уже успѣла превратиться въ подобіе каменной печи, гдѣ ванна изображала кострюлю, готовую изъ Михѣя Михѣича сдѣлать супъ. Михѣй Михѣичъ вернулся изъ сада и сталъ на крыльцѣ. Мухи нестерпимо жужжали и забивались въ носъ, ротъ и уши. Онъ вынулъ изъ капота носовой платокъ, повязалъ его, въ видѣ вуали, на соломенную шляпу и сталъ любоваться отдаленностью. Платокъ онъ повязывалъ такимъ образомъ всякій разъ, когда принимался разѣзжать по полямъ и сосѣднимъ слободкамъ; и тогда встрѣчавшіеся съ нимъ знакомые помѣщики, присматриваясь къ бѣлому платку, который отъ вѣтра то поднимался, то опускался на поляхъ панской шляпы, недоумѣвали, кто бы это могъ быть, и говорили про себя: «Не то адъютантъ, не то дама!» и послѣ прибавляли: «Право дама!» а чрезъ нѣсколько минутъ уже говорили: «Пѣтъ, это не дама, а адъютантъ!» и пріятно изумлялись, распознавъ наконецъ лице добраго Михѣя Михѣича.

Добрый Михѣй Михѣичъ носилъ фамилію...

Но, нѣтъ, позвольте! Ее мы пройдемъ молчаніемъ, потому что она была совершенно странная и даже почти невозможная фамилія. Пояснимъ наши слова примѣромъ. Однажды случилось Михѣю Михѣичу быть въ одномъ пріятномъ обществѣ и очаровать всѣхъ присутствовавшихъ тамъ необыкновенною веселостью

и совершенно неподражаемымъ добродушіемъ характера. Новый и только что пріѣхавшій въ тотъ край господинъ былъ особенно тронутъ этимъ добродушіемъ. Онъ долго слѣдилъ за Михѣемъ Михѣичемъ, наконецъ не выдержалъ и подошелъ къ одному изъ сосѣдей.

— Какъ фамилія этого помѣщика? — отнесся онъ вѣжливо.

— Какъ фамилія? — спросилъ тотъ, поднявъ брови: — пѣтъ, ужъ вы меня, пожалуйста, извините и спросите лучше у него самого! Не могу, не могу! — И онъ вѣжливо уклонился...

Любопытный господинъ подошелъ къ обладателю деркачовскихъ хуторовъ.

— Извините мою нескромность! — произнесъ онъ съ новою улыбкою, нагибая развязно то правую, то лѣвую ногу и потомъ пріѣдая разомъ на обѣихъ: — позвольте узнать вашу фамилію!

Михѣй Михѣичъ взглянулъ на него съ изумленіемъ и чуть не принялъ его словъ за ироническую выходку; но, увидѣвъ передъ собою совершенно новое въ томъ краѣ лице, весело поправилъ пенель въ трубкѣ и, прежде нежели отвѣтилъ, съ добродушнымъ любопытствомъ спросилъ:

— А отчего это вы, милостивый государь, такъ странно пріѣдаете?

Новопрѣзжій господинъ на это опять шутливо покачнулся сперва на правую, потомъ на лѣвую ногу и, слегка пріѣвши на обѣихъ, такъ это была его привычка, отвѣтилъ:

— Это моя... привычка!

— А! очень пріятно познакомиться! Вашу руку! — Моя фамилія...

Тутъ Михѣй Михѣичъ самъ наклонился къ уху новаго знакомаго и шепнулъ ему нужное слово. Любопытный господинъ отшатнулся, какъ будто понюхалъ самаго крѣпкаго табаку, и во всѣ глаза посмотрѣлъ на Михѣя Михѣича...

— Вотъ моя фамилія! — прибавилъ въ слухъ Михѣй Михѣичъ, раскланиваясь: — и ужъ вы меня извините, если я васъ чѣмъ нибудь обидѣлъ! Лучшей нѣтъ! Съ тѣмъ и родился и выросъ! Извините!

— Хха... хха... хха! — покотился со смѣху новопривышій господинъ: — ой, батюшки! ой-ой-ой! — И онъ хохоталъ до той поры, пока его наконецъ увели въ другую комнату и дали ему напитокъ воды. — Такова была оригинальная фамилія Михѣя Михѣича. Но, чтобы дать понятіе о тихихъ и благословенныхъ нравахъ того края, скажемъ, что сосѣдніе хуторяне и самъ Михѣй Михѣичъ ею ни мало не стѣснялись и произносили ее такъ же спокойно, какъ мы произно-

симъ всѣмъ извѣстныя слова: ность, травка, наперстокъ, мячикъ....

И такъ Михай Михайчъ стоялъ на крыльцѣ и потиралъ въ раздумьи подбородокъ.

Передъ нимъ у крыльца стояли съ шанками въ рукахъ два человека, уже извѣстные намъ странники, маляръ Сояшница и его сопутникъ Омелько Брусъ.

Небольшая перемѣна постѣла странниковъ. Волонъ у нихъ уже не было, и отъ самого воза осталась одна пустая дегтярная мазница, да и ту впрочемъ они заложили въ кабакъ при входѣ на деркачовскіе хутора.

Панъ помолчалъ, прошелся по крыльцу и, потягивая изъ трубочки, спросилъ:

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Я маляръ! — отвѣтилъ робко и неровнымъ голосомъ Сояшница.

Панъ опустил трубку и посмотрѣлъ на него. Окинувъ глазами его съдую голову, долгополый зеленый сюртукъ и вообще всю его слабую и плохенькую фигурку, Михай Михайчъ затаился трубочкой и, кѣхкая, то есть, выпуская дымъ колечками, произнесъ:

— Итъ, ко-ко-ко.... идите съ Богомъ: мнѣ васъ.... ко-ко-ко.... не нужно!

Сояшница съ уныніемъ взглянулъ на Бруса и спросилъ:

— Отчего же.... не нужно?

— Такъ! — отвѣтилъ Михай Михайчъ: — скажу тебѣ по правдѣ, ты такой худоцавый!

— Такъ что жъ, что худоцавый? — спросилъ, обидѣвшись, Сояшница: — мало ли на свѣтѣ худоцавыхъ!... Эхъ, я вамъ такую вещь напишу, что еще съ роду и не видано такой вещи!

Михай Михайчъ помолчалъ.

— И карету распишешь?

— Распишу!

— Да вѣдь ты, я знаю тебя, заломилъ странную цѣну? Маляръ изъ Бахмута вчера брался расписать карету за двадцать цѣлковыхъ!

— А я возьму.... только.... пять! — съ усиліемъ проговорилъ Сояшница.

Панъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на маляра, посмотрѣлъ на свой капотъ, побарабанилъ пальцами по

губамъ, улыбнулся и, взявшись руками подъ бока, весело отвѣтилъ:

— Когда пять.... такъ я согласенъ!

Сдѣлка тутъ же была заключена на условіяхъ, что Сояшница будетъ жить у пана на харчахъ до той поры, пока окончитъ всю работу; съ нимъ будетъ жить и Брусъ, въ качествѣ подмалярія, и каждому изъ нихъ, передъ обѣдомъ, будетъ подноситься по рюмкѣ водки, а передъ ужиномъ, по окончаніи дневныхъ трудовъ, по двѣ. Сверхъ того имъ дозволено, разъ въ недѣлю, ходить въ гости къ сосѣднимъ хуторянамъ, и по два раза въ мѣсяцъ напиваться пьяными, слѣдовательно ходить на четверенькахъ. Полная расплата за работу должна была послѣдовать, когда обладатель деркачовскихъ хуторовъ прокатится въ заново-отдѣланной каретѣ.

Маляръ и его другъ перешли на новое жительство.



Бахта.

Это былъ курень съ навѣсомъ и погребомъ, въ садовой пѣськѣ, настоящей хозяйнѣ которой, отставной пѣвчій, обладавшій сильнымъ воображеніемъ, незадолго передъ тѣмъ пропалъ безъ вѣсти. Омелько Брусъ скоро огласилъ своды новаго жилища звонкимъ храпомъ, а черезъ недѣлю въ курень, неизвѣстно откуда, появилась круглая и полнолицая, или, какъ говорится, полнощидная бабенка,

съ бѣлымъ, остроносымъ лицомъ, и въ аломъ платкѣ на черныхъ, лоснящихся волосахъ. И когда деркачовская дворня, примѣтивъ эту гостью, иронически спрашивала у Бруса: «А что это за баба?» Брусъ отвѣчалъ: «А то я сюда свою жінку перевелъ, потому что невозможно жить на свѣтѣ человеку безъ жінки!» — «А у тебя, Сояшница, есть жена?» спрашивала любопытная дворня. — «Есть!» отвѣчалъ глухо Сояшница: «только она ходитъ теперь.... на заработкахъ!» Дворня болѣе не спрашивала. — Сояшница съѣздила въ городъ, накупила кистей и красокъ, перевезла карету изъ сарая подъ навѣсъ пѣськи, устроила курень и принялся за работу.

И вотъ, старая, пыльная карета вымыта, высушена, до-половины закрыта широкою, полотняною тканью, и маляръ, соскобливъ съ ея боковъ топоромъ старую краску, началъ покрывать ее грунтомъ. Омелько Брусъ, получившій титулъ подмалярія, на гладко-от-

полированномъ жерновѣ вѣтряной мельницы принялся растирать бѣлила, охру, сурикъ, синьку и баканъ.

Работа пошла, какъ по маслу, и Сояшница до того расходился, старая рука его до того размахалась, что, покрывая желтымъ слоемъ грунта кожаные бока кареты, захватила на лету и стекла кареты, и желѣзные шины колесъ, и даже порядочную часть фартука собственного своего хозяина.

Михѣй Михѣичъ, какъ человекъ знающій и старательный, хотя до того безтолковый, что, по замѣчанію сосѣдей, муха преспокойно могла усѣсться на кончикѣ его носа и загнать его въ болото, часто заходилъ въ мастерскую Сояшницы.

— Это у тебя ямочки и негладко!—говорилъ онъ въ первые дни работы, водя рукою по загрунтованнымъ кожанъ кузова.

— И въ самомъ дѣлѣ, ямочки и негладко!—подхватывалъ маляръ, прищуриваясь на свою работу и тоже водя по ней рукою: — и какъ это могло случиться!

— Это бы нужно поправить!—говорилъ Михѣй Михѣичъ, сжавъ губы и вопросительно смотря на Сояшницу.

— И въ самомъ дѣлѣ!—говорилъ рѣшительно Сояшница: — оно точно нужно поправить!

Михѣй Михѣичъ оставлялъ маляра и чрезъ нѣсколько дней заходилъ снова на пастку.

— А вѣдь это у тебя опять ямочки и не заглажено!—говорилъ онъ, нагибаясь къ каретѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ ямочки и не заглажено! подхватывалъ маляръ, какъ бы недоумѣвая, какъ это могло случиться, что онъ до сихъ поръ ихъ и не загладилъ.

— Ты загладь это и задѣлай такъ, чтобъ было лучше!—говорилъ Михѣй Михѣичъ.

— Задѣлаю!—отвѣчалъ Сояшница:—какъ не задѣлать! на то и руки даны, чтобъ задѣлывать!

Но сколько Михѣй Михѣичъ ни приходилъ на пастку, — медомъ тамъ удивительно пахло, а ямочки на каретѣ оставались въ прежнемъ положеніи....

Михѣй Михѣичъ, между прочимъ, крайне любознательствовалъ узнать, какъ маляръ обойдется, при своей работѣ, безъ должныхъ инструментовъ.

— Ты какъ это, Сояшница, выточишь и выловишь?—спрашивалъ онъ, указывая на вырѣзки въ карнизахъ козелъ и дворецъ: — у тебя нѣтъ ни подпалковъ, ни кривыхъ стамесокъ, ни пемзы!

— А вы не безпокойтесь, Михѣй Михѣичъ!—отвѣчалъ маляръ:—а уже я это все отлично сдѣлаю! я это сапожнымъ шиломъ сдѣлаю!

— Какъ сапожнымъ шиломъ?—спрашивалъ озабоченный Михѣй Михѣичъ.

— А такъ же: гдѣ вогнуто, я поскребу остриемъ, а гдѣ гладко, проведу плашмя.

Михѣй Михѣичъ на это теръ у себя за ухомъ и молча отправлялся смотрѣть пчелъ, за которыми, скажемъ мимоходомъ, въ свободное отъ работы время, поручено было ходить Брусу.

Среди занятій по окраскѣ незамѣтно мелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ.

Одинъ бокъ кареты былъ заглаженъ и загрунтованъ. Маляръ принялся за другой бокъ. Экономка Михѣя Михѣича аккуратно подносила малярамъ передъ обѣдомъ по рюмкѣ водки, а передъ ужиномъ по двѣ, и Михѣй Михѣичъ спокойно смотрѣлъ изъ окна гостиной, какъ по условію, по два раза въ мѣсяцъ, маляры прогуливались на четверенькахъ, передъ корчмою его хutora, гдѣ просиживали тогда цѣлый день въ кругу нестройной слобожанской толпы.

— А знаешь чтò, Сояшница?—говорилъ Михѣй Михѣичъ, по прежнему навѣщая маляра:—ты бы тогда, какъ не пишешь кареты, и она сохнетъ, другое чтò хорошее писалъ!

— И въ самомъ дѣлѣ! что даромъ—то время проживать?

— Чтò же ты напишешь?—спрашивалъ панъ.

— Все на свѣтъ, Михѣй Михѣичъ, напишу! Для этого мнѣ нужна только липовая рамка, вареный лакъ, да хоть капелька той краски, которую зовутъ кошачьи румяна!

Липовая рамка, вареный лакъ и та краска, которую зовутъ кошачьи румяна, были доставлены, и въ одно прекрасное утро Михѣй Михѣичъ обратился къ маляру съ слѣдующимъ вопросомъ: «Ну, что же ты такое теперь напишешь, Сояшница?»

Сояшница опустилъ кисть и, глядя на оставленную работу, сказалъ:

— Напишу бѣднаго Лазаря, напишу высокую гору, и, какъ мать сына въ походъ провожаетъ; напишу турецкаго пашу!

Михѣй Михѣичъ быстрыми шагами заходилъ по пасткѣ; заложивъ руки за спину и остановившись предъ маляромъ, сказалъ:

— Рисуй турецкаго пашу!

Сояшница принялся за работу.

Черезъ нѣсколько недѣль картина поснѣла, и въ одно тоже прекрасное утро Сояшница принесъ Михѣю Михѣичу въ клѣтчатомъ синемъ платкѣ сюрризъ, сказавши на вопросъ заинтересованнаго пана: «Это чтò такое, Сояшница?»—«Это я вамъ, Михѣй Михѣичъ, снигиря поймалъ!» Снигирь оказался картиною, и Михѣй Михѣичъ, взявъ ее въ обѣ руки, сталъ не безъ удивленія разсматривать....

— Хорошо, весьма хорошо! — говорилъ Михай
Михѣичъ: ты самъ это сочинялъ?
— Самъ!

саль! Ну, что это? Нѣтъ, славную бы вещь я напи-
саль! Эхъ, я уже знаю, что написаю бы славную и
хорошую вещь!



Малороссіане въ шиньѣ.

— Хорошо, хорошо, весьма хорошо!
Услышавъ похвалу, Сояшница размахался ру-
ками.

— Эхъ, Михай Михайчъ! Эхъ, папѣчъ вы мой! —
восклицалъ онъ вдохновенно: да если бы мнѣ да эда-
кой домъ, да рабочихъ побольше, да я бы не то напи-

Но раскозырявшемуся малярю пришлось получить
неожиданный щелчокъ судьбы. Михай Михайчъ неча-
ленно взглянулъ на одно мѣсто картины и сдвинулъ
брови.

— Послушай, Сояшница, а рука-то турецкаго па-
ши куда дѣвалась? ты рукавъ его платья написаю, и

даже мечъ на воздухѣ около рукава нарисалъ, а самой руки и не написалъ!

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! — вскрикнулъ Сдяшница такимъ голосомъ, какъ будто вспомнилъ, что, собираясь садиться за миску варениковъ, не пропустилъ въ горло порціи сердцебѣснующей настойки: — и въ самомъ дѣлѣ! совсѣмъ и позабылъ! изъ головы вылетѣло, Михѣй Михѣичъ! право вылетѣло!

И онъ тутъ же сбѣгалъ на пасѣку, развелъ на дѣтѣ перевернутого ведра нужныхъ красокъ и пририсовалъ къ протянутому рукаву турецкаго шаши руку...

IV.

Прошло около полугода.

Другой бокъ кареты былъ окончательно загрунтованъ и маляръ принимался покрывать объемистый кузовъ изъ-желта оранжевою краскою. Михѣй Михѣичъ опять вступилъ въ разговоръ съ маляромъ.

— А знаешь что, Сдяшница, я думаю на дверцахъ кареты написать свои гербы!

— И въ самомъ дѣлѣ! оно точно хорошо написать гербы!

Михѣй Михѣичъ ходилъ по пасѣкѣ.

— А какъ ты думаешь, Сдяшница, голубою или зеленою краскою написать гербы? — спрашивалъ онъ.

— Ни голубою, ни зеленою краскою, Михѣй Михѣичъ!

— Какъ ни голубою, ни зеленою?

— Такъ-же! Ужъ если что рисовать, Михѣй Михѣичъ, такъ я вамъ лучше, съ каждой стороны, на дверцахъ, нарисую по два самоварчика!

— Какъ по два самоварчика??

— Такъ-же! оно, видите ли, я въ Зміевѣ нарисовалъ одному купцу, на вывѣскѣ, рядомъ по два одинакихъ самоварчика! Повѣрите ли, весь городъ повадилъ въ гостиницу къ тому купцу, и онъ разжился въ нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ за то далъ илису на жилетъ и еще на другой обѣщался дать!

Михѣй Михѣичъ улыбнулся.

— Нѣтъ, уже ты мнѣ самоварчиковъ лучше не рисуй!

— Отчего же не рисовать?

— Да такъ, это теперь совсѣмъ не въ модѣ!

— Ну, такъ я вамъ на козлахъ, тамъ, гдѣ сидитъ кучеръ, тюльпанчикъ нарисую или розу!

— Нѣтъ, не нужно ни розы, ни тюльпанчиковъ!

— Такъ какъ же это будетъ? Вѣдь эдакъ карета останется вся оранжевая!

— Нѣтъ, ужъ пусть лучше останется вся оранжевая!

Дни шли за днями, и Михѣй Михѣичъ не замѣтилъ, какъ прошелъ годъ съ той поры, какъ маляры поселились на его пасѣкѣ.

Омелько Брусъ блаженствовалъ. Но Сдяшница, замѣтивъ съ нѣкотораго времени, что его пріятель начинаетъ выбиваться изъ рукъ и впадаетъ во многія, не совсѣмъ благовидныя наклонности, хмурилъ брови и дулся. Такъ, на примѣръ, оказалось, что въ ульяхъ садовой пасѣки, за которою Брусу поручено было ходить, когда ихъ осенью принесли къ пану, чтобы по обыкновенію подрѣзать соты, не отыскалось ни крошки меду.

Панъ ахнулъ отъ изумленія...

— Куда дѣлся медъ? говори! — спросилъ онъ строго Бруса.

— А Богъ его знаетъ, куда онъ дѣлся! — отвѣтилъ спокойно Брусъ: — можетъ быть, высохъ, а можетъ быть, и не высохъ, и его кто-нибудь съѣлъ!

Михѣй Михѣичъ не зналъ, что и говорить отъ негодованія....

— А вотъ я тебя, какъ положу, да какъ вспрысну березникомъ, такъ ты и будешь у меня рассказывать! Ну, что думешься? не боишься березника, что ли?

Михѣй Михѣичъ напрасно впрочемъ храбрился, потому что во всю жизнь свою онъ тѣлесно наказалъ одно только существо, и это существо была утка съ дѣтми, укусившая его во время купанія за голую икру, за что въ тотъ же день и красовалась на столѣ, въ борщѣ.

За Брусомъ учрежденъ строгій надзоръ и вѣчно переводить его изъ пасѣки на хуторъ, въ особую хату.

Оказалось также, что Омелько Брусъ и его жена уничтожаютъ странное количество господской муки и творогу, которые отпускались имъ, наравнѣ со всею дворнею, въ видѣ такъ называемаго мѣсячнаго. Аккуратный Михѣй Михѣичъ замѣчалъ объ этомъ маляру, маляръ замѣчалъ Брусу, но Брусъ на это только кивалъ и ничего не замѣчалъ. Брусъ и его жена были жертвою страсти къ знаменитымъ, такъ называемымъ, вареникамъ-ухатицамъ.

Поминутно горшокъ съ этимъ блюдомъ дымился въ хатѣ Бруса.

— Жинко, жинкѣ! — говорилъ Омелько, потирая животъ.

— Чего тебѣ, человѣче?

— Нѣтъ ли чего-нибудь поѣсть?

— Чего же тебѣ поѣсть?

— Да такъ, что-нибудь! — говорилъ Омелько, потирая животъ.

Жинка продолжала возиться около печи.

— Развѣ всыпать миску вареничковъ!

— Ну, хоть и миску вареничковъ! всынъ миску вареничковъ!

И Омелько садился за столъ, а жинка ѣла прямо изъ печи такъ, какъ-будто пробуя только, хороши ли вотъ тѣ вареники, что ѣлъ Омелько.

— Жинко, жинко! — говорилъ Брусъ, спустя нѣсколько минутъ: — если бы на вареники крылья, то наилучшая бы то была уже на свѣтѣ птица! только... какъ-будто тошнить! отпущи хоть немного поясъ!

Жинка отпущала поясъ.

— Жинко! жинко! — говорилъ опять Омелько, въ безсиліи водя рукою надъ мискою: — вареники меня со свѣту сгонять!

— Не сгонять, Омелю! — говорила на это жинка, утирая полныя губы: — ѣшь на здоровьечко, а они не сгонять!

Опорожнивъ миску ухатиковъ, Омелько дѣлъ на печь и зарывался въ просо. Лежа на животѣ, онъ не могъ уже ни курить трубки, ни пошевелиться. Онъ жмурился только глаза и жалобно зѣвалъ.

— Жинко, жинко! — говорилъ онъ, уже чуть слышно.

— Чего тебѣ, Омелю? — спрашивала жинка, также уютившись на лавкѣ и также лежа безъ движенія.

— На всемъ ли свѣтѣ вареники?

— На всемъ, Омелю!

— Проналъ бѣдный народъ! — заключалъ Омелько и чуть не плакалъ о судьбѣ несчастныхъ людей. Мертвый сонъ однако оковывалъ его въ то же мгновение и онъ просыпался шальной, съ помутившимися глазами, бѣжалъ, шатаясь, къ колодезю и съ жадностью тянулъ воду.

Сояшница, встрѣчая Бруса, обыкновенно говорила: «Ты бы, Омелько, лучше вмѣсто ухатиковъ ѣлъ галушки!» Но Омелько на это замѣчалъ: «Нѣтъ, ужъ лучше я буду ѣсть ухатики!»

Качалъ головою старый Сояшница и сердито косился на своего друга. Брусъ не радовалъ уже его сердца, какъ въ тѣ былыя времена, когда они вмѣстѣ странствовали по широкой степи, когда они дѣлали пополамъ и счастье и горе, и смѣхъ и слезы. Припоминалъ эти времена и сердито качалъ головою старый Сояшница.

Работа приходила между тѣмъ къ концу...

Колеса кареты были въ свой чередъ тщательно покрыты краскою и маляръ принимался за обновленіе дышла.

Ревностно работалъ Сояшница; но злая грусть съѣдала его сердце. Онъ выходилъ изъ пастѣи, глядѣлъ черезъ заборъ сада на улицу и молча хмурился брови. Омелько Брусъ видимо забывалъ его, не являлся рас-

тирать на мельничномъ жерновѣ красокъ и водился съ одними молодыми, зажиточными хуторянами, да съ поповичами сосѣдняго мѣстечка. И часто, изъ-за ограды, маляръ слышалъ, какъ при его имени, произнесенномъ Брусомъ, головы хуторянъ обращались къ пастѣи и звонко хохотали чернобровыя хуторянскія молодцы.

— Эхъ-ма! — говорилъ на это Сояшница, съ грустью возвращаясь въ пустой курень: — вѣдь вотъ человѣкъ! Ну не говорилъ ли я? вѣдь только даромъ живеть на свѣтѣ и даромъ ѣсть хлѣбъ! Такіе ли бываютъ на свѣтѣ подмаляріи? Знаемъ мы этихъ подмаляріевъ! Эхъ, дай-ка мнѣ только не такое мѣсто, да хорошихъ работниковъ, я не карету напишу! Я напишу славную вещь! Ужъ я знаю, что тогда все скажутъ: «ишь ты, сидѣлъ-сидѣлъ, да и написалъ такую вещь, что еще и не видано!»

Михѣй Михѣичъ, замѣтивъ, что Сояшница начинаетъ тосковать, однажды ходилъ-ходилъ, съ потупленною головою, придумывая, чѣмъ бы это его утѣшить, и подарилъ ему старенькое охотничье ружьецо, чтобъ въ свободное отъ трудовъ время онъ пострѣлялъ отъ скуки, по сосѣднимъ болотамъ, дичи.

Но Сояшница съ рожденія не имѣлъ духу пролить чью бы то ни было кровь и однажды, наткнувшись въ травѣ на огромнаго бѣляка, который сидѣлъ подъ кочкою, уставя на него косые глаза, кончилъ тѣмъ, что до смерти перепугался и едва имѣлъ силы крикнуть на свою дичь: дичь, разумѣется, вскочила и скрылась отъ него въ одно мгновение! — «Это вѣрно былъ не заяцъ, а что-нибудь было другое!» рѣшилъ Сояшница и радъ былъ отъ души, что такъ легко выпутался изъ бѣды.

Съ того времени онъ не прикасался къ ружью и даже съ сердцемъ говорилъ Брусу, который иногда еще являлся на пастѣку пострѣлять въ отсутствие Сояшницы воробьевъ: «Оставь ты эту бѣсову вещь. Омелько, оставь: еще глазъ выбьешь!» — «Ничего, не выбью!» говорилъ на это Брусъ. — «Какъ, не выбьешь! оставь, говорю тебѣ: забыть развѣ, какъ Михѣй Михѣичъ хотѣлъ тебя высѣчь за медъ? забыть?» — «Гдѣ забыть! вовсе не забывалъ! только ужъ не знаю, можно ли кого на свѣтѣ высѣчь за канальскихъ воробьевъ!» — «Воробьи, Омелько, то же хотятъ жить, и ты будешь паршивый хлѣпецъ, если станешь ихъ убивать!»

Однажды маляръ шелъ черезъ господскій дворъ. Вдругъ въ окнахъ дома раздался крикъ, и нантъ, блѣдный и растерянный, выбѣжалъ на крыльцо.

— Маляръ, маляръ! — кричалъ онъ не своимъ голосомъ: — бѣги скорѣе на пастѣку и носи свое ружье; мои

всѣ занерты въ кладовой, а передъ кладовою въ чуланѣ ходить бышениый котъ: только-что взбѣсился!

Маляръ тревожно оглянулся во всѣ стороны, помолчалъ и, выхвативъ изъ-подъ плеча пустой хлѣбный мѣшокъ, закричалъ:

— На пѣску далеко, а я и этимъ ката поймаю! — И съ этими словами вбѣжалъ на крыльцо, отперъ дверь чулана и остановился на порогѣ.

Жирный сѣрый котъ пана точно взбѣсился и, страшно вращая помутившимися глазами, съ пѣною у рта, ходилъ по чулану....

Маляръ присѣлъ на корточки, разставилъ передъ собою мѣшокъ и сталъ подходить къ коту. Михѣй Михѣичъ блѣдный стоялъ за нимъ. Котъ вытянулся, оцетинился, повелъ головою и страшнымъ басомъ застоналъ: «Мяу! мяу!» — Не успѣлъ маляръ и духъ перевести, какъ онъ молніей кинулся на него....

Панъ вскрикнулъ и пошатнулся.

Когда онъ раскрылъ глаза, котъ сидѣлъ уже въ мѣшкѣ у Сояшницы и послѣдній молча закручивалъ надъ нимъ веревку.

— Въ воду, въ воду его! — закричалъ не своимъ голосомъ панъ, когда маляръ вытащилъ ката на крыльцо и торжественно понесъ его по двору.

Сояшница, по приказанію пана, перебросилъ мѣшокъ за плечо и миновалъ пѣску. Панъ и густая толпа дворни стояли около кухни.

Спустившись къ рѣкѣ, Сояшница приподнял мѣшокъ надъ водою....

— Что! — подумалъ онъ: — зачѣмъ я кину ката въ воду вмѣстѣ съ мѣшкомъ? Мѣшокъ можетъ на что-нибудь пригодиться!

И онъ сталъ развязывать мѣшокъ....

Но едва узелъ распахнулся, котъ стремительно ударился въ его руки, весь въ пѣнѣ, выскочилъ изъ мѣшка и вспрыгнулъ ему на шапку. Сояшница въ ужасѣ присѣлъ къ землѣ....

Оцетинившись на немъ, котъ вытянулъ раздутый хвостъ и, страшно мяукая, сталъ его скрести когтями....

Михѣй Михѣичъ совершенно потерялся и бросился бѣжать въ домъ, крича и махая руками.

Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ, и котъ, завертѣвшись камнемъ, полетѣлъ съ головы маляра въ воду. Всѣ съ изумленіемъ оглянулись на звукъ неожиданнаго выстрѣла....

Изъ узенькаго окна пѣски голубою струйкою тянулся дымъ. Омелько Брусь, склонившись надъ ружьемъ, спокойно стоялъ уже у порога куреня и молча осматривалъ курока.

Сояшница увидѣлъ, кто былъ его спасителемъ, и

въ безумной радости кинулся къ своему другу. — «Голубчикъ мой, Омелько! Такъ это ты убилъ ката?» кричалъ онъ, утирая крупныя, катившіяся по усамъ слезы.

Брусь на это не поднималъ даже головы, какъ-будто это былъ и не онъ, и сквозъ зубы замѣтилъ, пристально разглядывая ружье: — «Вотъ бѣсовъ курока! Вотъ, право, и не думалъ, чтобы не промахнуться, а онъ и убилъ ката! Славный курока, чтобы бѣсъ забралъ его батька!»

Въ груди маляра похолодѣло.

— Такъ ты и не радъ, Омелько, что спасъ меня? — спросилъ Сояшница, остановивъ порывъ дѣтской нѣжности.

— Гдѣ не радъ! — толковалъ Брусь, нагиная носъ къ прикладу: — я только говорю, что какъ это я такъ вѣрно попалъ въ канальскаго ката! И не думалъ со-всѣмъ понадать!

Случилось около этого же времени, старый Сояшница завелся собственнымъ своимъ боченкомъ пѣльной водки и тщателью сберегалъ этотъ напитокъ въ погребѣ, около пѣски.

Онъ долго имъ наслаждался втихомолку и вдругъ, ни съ сего, ни съ того, замѣтилъ, что боченокъ началъ пустѣть, усыхать и скоро водки осталось на его днѣ не болѣе нѣсколькихъ рюмокъ.... Изумился Сояшница, осмотрѣлъ боченокъ: доски были всѣ цѣлы и ни одного отверстия не было на его днѣ. — «Должно быть повадился воръ!» рѣшилъ Сояшница и задумалъ, во что бы то ни стало, поймать вора.

Онъ залѣзъ на ночь подъ лавку, на которой стоялъ боченокъ, и только-что успѣлъ уюститься, какъ слышитъ, дверь погреба тихо скрипнула и въ него началъ спускаться какой-то человекъ съ фонаремъ.

Фонарь поставленъ на лавку. Боченокъ покачнулся и поднялся на воздухъ....

Сояшница быстро выскочилъ изъ своей засады и остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ Омелько Брусь....

Маляръ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и стиснулъ зубы.

— Такъ это ты, Омелько, водку мою воруюешь? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я! — отвѣтилъ Омелько, едва передвигая губы и безсознательно разглядывая поднятый боченокъ....

Маляръ вздохнулъ.

— И полюбилась тебѣ моя водка?

— Полюбилась!

— Отчего же ты не пришелъ ко мнѣ и не попросилъ?

Брусь молчалъ.

— Зачѣмъ же ты.... сюда... по ночамъ... сюда, Омелько?

Голосъ Сояшницы задребезжалъ, какъ порванный. — Лучшие бы ты, Омелько, взялъ ножъ да и зарѣзалъ меня, какъ стараго барана! — сказалъ Сояшница и вышелъ изъ погреба. Слезы хлынули изъ его глазъ и онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

На другое утро маляръ, позабывшись, за чѣмъ-то пошелъ опять въ погребъ: боченокъ, уже окончательно допитый, лежалъ на полу. — «Собака!» сказалъ маляръ съ холоднымъ негодованіемъ и оттолкнулъ ногою боченокъ.

Съ той поры онъ заперся на наѣжкѣ, пересталъ пускать къ себѣ Бруса и болѣе не промолвилъ съ нимъ ни одного слова. Да и нѣ къ чему уже было говорить съ Омелькомъ.

Омельковъ это время неожиданно приказалъ всѣмъ долго жить...

Вотъ какъ это случилось.

Было то тяжелое время, когда на свѣтѣ стали запрещать чело-вѣку ѣсть дыни, арбузы, яблоки и всякую овоцъ, потому-что появилась между людей страшная и неукротимая болѣзнь. Омелько Брусъ до того

времени, съ горя ли, или такъ, потому-что вдругъ, противъ воли его, перелилась черезъ край его разгульная природа, свихнувшись до-того, что сталъ пропадать по глухимъ оврагамъ и пропивать послѣдній платокъ жены, неожиданно остепенился и началъ заводить хозяйство. Онъ, между прочимъ, посылалъ бакшу и день и ночь ее караулилъ, не трогая ни капли водки. Бакша у Бруса созрѣла, но никто не покупалъ его плодовъ. — «Что!» подумалъ Брусъ: «повезу же я ихъ хоть къ лебедянской вдовѣ! Можетъ, на кормъ скоту купишь!» — И онъ навалилъ дынями и арбузами огромный возъ. Съѣлъ, ударилъ по лошади и поѣхалъ. Дорогой солнце пропекло его до костей. Воды негдѣ было взять, и Брусъ, забывшись, проткнулъ пальцемъ большую дыню, вынулъ ее съ сѣмечками до дна, да такъ на возу и остался! — Привезла

его лошадь къ усадьбѣ лебедянской вдовы. Дворня съ криками обступила возъ, на которомъ на грудѣ сплывшихъ дынь и арбузовъ лежало окоченѣлое тѣло Бруса, и повернула возъ оглоблями назадъ; лошадь обратно повезла хозяйна въ деркачовскіе хутора! — Шумъ и вопли поднялись на тихой улицѣ. Народъ сбѣжался къ страшному возу, и никто не рѣшился коснуться бѣднаго Бруса. Сама жена его, увидѣвъ трупъ мужа, кинулась въ хату и въ тотъ же день убѣжала, неизвѣстно куда, захвативъ съ собою все уцѣлѣвшее до броду покойнаго! И коснулся Омелька Бруса, и снялъ его съ воза, и одѣлъ его, и похоронилъ одинъ только человекъ на всемъ хutorѣ! И былъ этотъ человекъ

старый маляръ Сояшница. — «Всѣмъ былъ добрый и хороший человекъ, всѣмъ, да проворовался, какъ собака!» говорилъ Сояшница, стоя съ лопатою надъ могилою отошедшаго друга...

Вѣтеръ шумѣлъ между черными крестами хutorянскаго погоста, волнуя высокую траву, покрывавшую одинокія могилы, и никто не видѣлъ, какъ горевалъ

старый маляръ надъ своимъ покойнымъ другомъ! — «Эхъ-мѣ!» говорилъ Сояшница, качая головою: «зачѣмъ ты, Омелько, проворовался!» И глухія рыданія прерывали сѣтованія осиротѣлаго старика...

V.

Прошло снова болѣе полугода.

Карета была окончательно окрашена и чистенькая, и свѣтленькая, какъ глиняный кувшинчикъ, стояла подъ навѣсомъ наѣжки. Маляръ видѣлъ, что дѣло пришло къ цѣли, что настала пора расплаты: но все еще ходилъ и возился около кареты, смотрѣлъ на ея двер-



Арба съ двумя волами.

цы и колеса и не рѣшался сказать ея обладателю, что работа совершенно окончена. Жаль было старику покинуть пригрѣтое и обжитое мѣстечко! Онъ камлялъ и смотрѣлъ въ землю, встрѣчаясь съ Михѣемъ Михѣичемъ, и всегда заводилъ посторонній разговоръ. Да Михѣй Михѣичъ впрочемъ и не торопился съ каретой. Онъ очень удобно ѣздилъ въ самодѣлковыхъ деревянныхъ дрожкахъ, которымъ имя было «чертаиханы».

Сдѣшница не зналъ, куда и дѣться отъ тоски. Скитаясь безъ цѣли изъ угла въ уголъ, онъ въ замѣну потери друга привязывался то къ саду, то къ голубямъ, то къ послѣдней дворовой собакѣ, которую всѣ гнали и били безъ милосердія. Сердце его безрадостно ныло и онъ ходилъ, не поднимая головы.

Неожиданно судьба послала ему утѣшеніе.

Вотъ какъ это было. Стоялъ однажды, по обыкновенію своему, Михѣй Михѣичъ на крыльцѣ. Изъ-за кухни вышли два лакея-драбанты въ мрачныхъ нанковыхъ сюртукахъ и плисовыхъ жилетахъ, приблизились къ крыльцу и стали передъ Михѣемъ Михѣичемъ. Оба они назывались Терешками, оба были непомѣрнаго аппетита, который, какъ говорится, готовъ на-тощакъ подошвы съѣсть и еще закусить голенищами, оба спали, съ утра до вечера, прислуживали съ опухшими лицами и имѣли право заговаривать съ баринкомъ во всякое время, заложивъ руки за жилеты и отставивъ одну ногу впередъ.

— Чего тебѣ, Терешко? — спросилъ Михѣй Михѣичъ, обернувшись къ нимъ обоимъ.

— Да я къ вашей милости! — сказалъ первый и замолчалъ.

— А что разѣ? — спросилъ Михѣй Михѣичъ и, не преминувъ встревожиться, тутъ же нахохлился, какъ воробей, заслышавшій ястреба.

— Да такое диво, — замѣтилъ второй Терешко, зѣвая въ руку и видя, что первый замолчалъ — что и родился, и выросъ, и вашей милости служу, а не видѣлъ еще такого дива ни въ Харьковѣ, ни въ Полтавѣ, ни на ярмаркахъ!

— Что жъ тамъ за диво?

— Да вотъ онъ расскажетъ! — замѣтилъ второй.

Первый выступилъ впередъ и сказалъ:

— «Стоимъ мы на улицѣ, идетъ фокусникъ, — только...» — и замолчалъ, потому что зѣвота при этомъ вдругъ растянута его ротъ, а вслѣдъ за нимъ зѣвнулъ и другой Терешко, и самъ Михѣй Михѣичъ зѣвнулъ, и всѣ вмѣстѣ зѣвнули, такъ что слезы покатились!...

— Да что же тамъ? — крикнулъ съ досадою Михѣй Михѣичъ: — узнаю ли я дѣло?

— Вотъ мы стоимъ, — подхватилъ опять второй, —

и смотримъ на улицу. Смотримъ, идетъ фокусникъ, а за нимъ бѣжитъ весь нашъ хуторъ, и мужики, и бабы. Вынулъ фокусникъ дудку и мѣнокъ, а въ мѣшкѣ сидѣлъ ученый пѣтухъ! Вотъ онъ уже видѣлъ, какой пѣтухъ!

— Да! — замѣтилъ товарищъ: — вынулъ фокусникъ пѣтуха, подвязалъ ему къ ногамъ изъ палочекъ хопули и началъ играть на дудкѣ!

— И пошелъ ходить пѣтухъ по улицѣ! — прибавилъ второй Терешко.

— И пошелъ ходить пѣтухъ по улицѣ! — прибавилъ и первый.

— Ну, что же вамъ нужно? — спросилъ Михѣй Михѣичъ.

— Да бабы просятъ, чтобъ зазвать фокусника!

Михѣй Михѣичъ подумалъ и сказалъ:

— Зазовите фокусника! Такъ уже и быть, зазовите!

Терешки ушли и скоро передъ домомъ собралась густая толпа дворишнихъ...

Фокусникъ, оказавшійся скромнымъ продавцемъ гребенокъ и ножей, явился, улыбаясь и весело поглядывая на окружающихъ: онъ ловко поклонился пану, попросилъ рюмку водки, выпилъ, и представленіе началось. Пѣтухъ, вынутый изъ мѣшка, вооружился тоненькими ходулями. Гребеникъ досталъ изъ кармана деревянную дудку, поставилъ передъ собою картузъ, для сбора платы, принялся дудить, и пѣтухъ завертѣлся и началъ огромными шагами расхаживать подъ музыку.... Присутствующіе заливались дружнымъ хохотомъ. — Вдругъ Михѣй Михѣичъ всталъ. — «Терешко, бѣги въ комнаты и принеси сюда моего пѣтуха!» шепнулъ онъ одному изъ слугъ: «принеси его, и пусть онъ побѣется съ пѣтухомъ фокусника! Я знаю, мой пѣтухъ славный пѣтухъ и хоть съ кѣмъ угодно побѣется?»

Терешко побѣжалъ исполнять приказаніе Михѣя Михѣича и скоро явился на крыльцѣ...

Но здѣсь мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе.

Пѣтухъ, за которымъ побѣжалъ Терешко, былъ замѣчательный пѣтухъ. Оставленъ онъ былъ Михѣю Михѣичу, въ знакъ памяти и благодарности, однимъ молодымъ человѣкомъ, который провелъ въ его домѣ послѣдніе, лучшіе дни своей жизни. Этотъ молодой человѣкъ видѣлъ Михѣя Михѣича раза два у одного сосѣдняго помѣщика, гдѣ сообщилъ, что ѣдетъ куда-то опредѣляться на службу. Потомъ вдругъ неожиданно нагрянулъ въ деркачовскіе хутора, поцѣловалъ Михѣя Михѣича въ щечу и въ животъ и сообщилъ, что пріѣхалъ проститься съ нимъ и передъ отъѣздомъ погостить у него денька два. Эти денька два оказались двумя годами, въ продолженіе которыхъ молодой че-

ловѣкъ, ростомъ съ тамбуръ-мажора, въ узкихъ панталонахъ и протертомъ на локтяхъ драдемавомъ фракѣ, хохоталъ поминутно во все горло, набивалъ и опорожнялъ немомѣрное количество трубокъ, подходя къ зеркалу, складывалъ руки и пробовалъ, хороши ли его мускулы, и завладѣлъ Михѣемъ Михѣичемъ совершенно! Когда износился его фракъ, онъ принялся было сначала келейно чинить его вырѣзками изъ другой части своего костюма; но потомъ оставилъ его въ покоѣ и сталъ ходить въ шинели Михѣя Михѣича. Михѣй Михѣичъ пытался нѣсколько разъ возвратить эту шинель, вмѣстѣ съ самостоятельностью въ собственномъ домѣ; но не вернулъ ни того, ни другаго, а получилъ флясъ, и, будучи долженъ просиживать цѣлые дни въ комнатѣ, сталъ даже обращаться къ гостю съ различными просьбами, какъ-то: узнать, варятъ ли бабы въ саду варенье, сходить къ птичницѣ на крестины, и тому подобное. Тѣнь самостоятельности вернулась къ Михѣю Михѣичу, когда его гость, послѣ одной неожиданной прогулки черезъ рѣчку вбродъ, застудилъ ноги и слегъ въ постель. Въ постели пролежалъ онъ цѣлый годъ. Чего только не придумывалъ бѣдный гость въ это время для своего развлечения. Пытался онъ и въ карты играть, отъ которыхъ впрочемъ, въ слѣдствіе перваго же проигрыша, Михѣй Михѣичъ отказался. Пробовалъ онъ и чулки вязать, такъ какъ лишнихъ на его долю у хозяина не оказалось. — И чего еще не пробовалъ бѣдный гость! — Въ тоскѣ глядѣлъ онъ на протянутыя передъ собой подобія жиденькихъ хворостинокъ и не имѣлъ силъ признать въ нихъ тѣ бойкія ноги, которыми онъ, ломая хуторянскіе полы, еще такъ недавно отплясывалъ съ барышнями мазурку, и тутъ же надбѣлялъ своихъ дамъ разными прозвищами, какъ-то: руль (въ слѣдствіе похожаго на этотъ предметъ носа), шарманка (въ слѣдствіе любезности и красоты дамы), летучая-мышь (въ слѣдствіе широкой шали) и другія... Дамы ненавидѣли его отъ души, однакоже въ глаза ему только говорили: «Ахъ, Боже мой, Боже мой! спрячете ли вы когда-нибудь свой острый язычекъ, свой удивительный язычекъ?» — Гость Михѣя Михѣича, лежа безъ движенія на кровати, началъ между прочимъ, для развлечения, плевать на далекое пространство и скоро приобрѣлъ въ этомъ любопытную ловкость: онъ не только плевалъ чрезъ двѣ большія комнаты, но даже могъ плевромъ убивать летающихъ передъ кроватью мухъ. Потомъ сталъ учить сороку говорить разныя учтивости, — и сорока отлично выговаривала многія изъ нихъ. За сорокою явился щенокъ, окрашенный голубою краскою. За щенкомъ стала прогуливаться по кабинету Михѣя Михѣича рѣчная черепаха, съ клѣткою на спинѣ, и

въ этой клѣткѣ пѣлъ перепелъ! — Потомъ прочелъ онъ въ какой-то книжкѣ, что если пиво объѣдетъ на кораблѣ вокругъ всего свѣта, то станетъ лучшимъ портеромъ. Онъ велѣлъ подвязать къ мельничному крылу боченокъ съ нивомъ и приставилъ одного изъ Терешекъ Михѣя Михѣича считать его обороты. Терешко считалъ нѣсколько дней, то-есть, онъ собственно не считалъ, а постоянно, наѣвшись смородины, которую собирали въ кустахъ дѣвки, спалъ въ саду въ травѣ, и затѣйливый гость рѣшилъ, что крыло наконецъ описало линію, равную окружности земнаго шара, и увѣдомилъ Михѣя Михѣича, что превращеніе совершено, и что не худо бы ему было созвать къ себѣ для опыта сосѣдей! Михѣй Михѣичъ извѣстилъ околотовъ, что въ такой-то день, за столомъ его, въ видѣ неожиданности, будетъ подаваться самодѣлковый лучший портеръ. Но, когда Михѣй Михѣичъ за столомъ приказалъ откупорить боченокъ и сказалъ: «А вотъ вамъ, господа, и портеръ!» портеръ оказался чистѣйшимъ уксусомъ. Наконецъ, въ другой книжкѣ прочелъ неугомонный гость, что если птичьи яйца положить въ теплый песокъ, на солнце, или даже подъ мышки, во что-нибудь мягкое, то изъ нихъ, въ опредѣленный срокъ, выйдутъ маленькія птички. Тутъ еще указывалось на дикарей Новаго Свѣта, которые такимъ образомъ выводятъ страусовъ и другихъ птицъ. Большой приказалъ себѣ принести свѣжихъ куриныхъ яицъ, и, обернувъ ихъ подкладкою теплой фуражки, подвязалъ себѣ подъ мышки въ тѣ подилечныя впадины, въ которыхъ иногда въ веселой компаніи предлагаютъ раздавить маленькій крепделекъ, и гдѣ рѣшительно ничего нельзя раздавить. Такъ онъ терпѣливо пролежалъ шесть недѣль. Въ ваточной подкладкѣ вывелись цыплята; подъ однимъ плечомъ курочка, а подъ другимъ пѣтушекъ. Курочка скоро приказала долго жить, а пѣтушекъ выросъ, сталъ бѣгать по комнатамъ, немилосердно пицать и кукурикать, подражая пѣнію взрослыхъ пѣтуховъ, которые съ заломленными гребнями гордо расхаживали по двору. Затѣйливый гость обвинялъ ему ножки красными сафьянными башмачками и продѣлъ въ его ушки аметистовыя сережки. Пѣтухъ получилъ имя Пѣтуха Иваныча, выросъ, завелся двумя или тремя дюжинами женъ, разжирѣлъ и, гордо шипя и поводя багровымъ гребешкомъ, принялся расхаживать передъ скучающимъ гостемъ Михѣя Михѣича. Злые люди говорили, что этотъ гость спятивъ съ ума. Но кроткій Михѣй Михѣичъ за щипалъ его и говорилъ, что его большой вовсе не спячивалъ съ ума, и что человѣкъ съ ногами, превратившимися въ хворостинки, еще не на такія выходки готовъ рѣшиться! Какъ надобно было и ожидать,

гость скоро отошелъ изъ земной юдоли и завѣщалъ гостепріимному Михѣю Михѣичу горькое соболѣзнованіе о томъ, что ему не удалось опредѣлиться туда, куда онъ желалъ опредѣлиться, и своего любимого пѣтуха, Пѣтуха Иванныча...

Съ этимъ-то Пѣтухомъ Иваннычемъ выскочилъ на крыльцо Терешко.

— А ну-ка, а ну-ка, бросай его на ученую птицу!—закричалъ Михѣй Михѣичъ, сбѣгая съ крыльца.

Гребенщикъ остановился въ изумленіи. Терешко исполнилъ приказаніе пана. Пѣтухъ гребенщика, снятый съ ходуль, при этомъ зашипѣлъ и нахохлился. Произошли два обоюдныхъ скачка. Шеи, съ оцѣтнѣвшими перьями, протянулись, крылья развѣснѣлись и головы, съ налитыми кровью глазами, стали носъ противъ носа. Два скачка повторились. Пѣтухи присѣли и опустили головы до самой земли, мрачно вращая глазами... «А ну-ка, Терешко, подталкивай канальскую птицу, а я подтолкну нашего пѣтуха!» закричалъ Михѣй Михѣичъ. — Пѣтухи сразились и быстро отскочили другъ отъ друга. Перья на спинѣ каждаго встали и раздулись, какъ хвостъ павлина. Смертельный ударъ готовился съ обѣихъ сторонъ. Михѣй Михѣичъ и всѣ присутствующіе смотрѣли, едва переводя дыханіе. — И вотъ Пѣтухъ Иваннычъ ринулся на своего соперника! Но едва онъ привскочилъ, соперникъ поднялъ шею и со всею силою стукнулъ его по головѣ... Пѣтухъ Иваннычъ клюнулся въ траву и распласталъ крылья! Боле онъ не пикнулъ: онъ былъ убитъ на-повалъ...

Михѣй Михѣичъ побѣлѣлъ, какъ полотно.

— Ка-а-къ?—закричалъ онъ съ запальчивостію: — такъ ты пришелъ моихъ пѣтуховъ убивать? Взять у него пѣтуха и зажарить его на жаркое!

Нобѣдитель безъ жалости былъ схваченъ и унесенъ ликующею дворнею на кухню.

Гребенщикъ, когда всѣ разошлись и замолкли вокругъ него шумъ и крики, поднялъ голову, и хмѣлъ его прошелъ въ одно мгновеніе; онъ оглянулся во всѣ стороны, слезы закапали съ его усовъ и онъ съ силою ударилъ дудку объ крыльцо. Дудка разлетѣлась въдребезги...

Не долго, однако, горевалъ гребенщикъ. Сояшница узналъ его горе, отыскалъ его гдѣ-то въ ближней горчмѣ, втерся къ нему въ дружбу, приласкалъ его, утѣшилъ и даже рѣшился перевести на пастку, въ свой курень. Гребенщикъ съ той поры въ самомъ дѣлѣ и поселился у Сояшницы. И когда Михѣй Михѣичъ выходилъ иногда прогуляться и, встрѣчаясь съ маляромъ, спрашивалъ его: «А, скажи мнѣ, Сояшница, что это у тебя за человѣкъ живетъ тамъ на па-

сѣтѣ?» — Сояшница на это отвѣчалъ: «То ничего, то я себѣ нанялъ опять краски растираты!» Михѣй Михѣичъ довольствовался отвѣтомъ Сояшницы и не тревожилъ его новыми распросами! Сояшница между тѣмъ узналъ, что гость его — разорившійся гребенщикъ, что передъ тѣмъ пятнадцать лѣтъ сряду онъ проживалъ егеремъ у какого-то пана Перевертайченка и былъ изгнанъ, по смерти пана, молодымъ сыномъ его въ слѣдствіе того, что этотъ сынъ однажды подкараулилъ, какъ онъ игралъ въ свои козыри съ какою-то Мотрей, своеправной экономкой, также проживавшей у пана Перевертайченка. Егерь покорился своей участи, ушелъ къ знакомому винокуру, прожилъ у него больше года на даровыхъ харчахъ; но даровые харчи при помощи жены винокура скоро стали колоть ему глаза и онъ ушелъ торговать гребнями, да ножиками; торговалъ безъ году пядью, проторговался гдѣ-то въ вольномъ шинкѣ и пошелъ наконецъ ходить съ ученымъ пѣтухомъ, забавляя народъ и всюду находя доброе слово, миску варениковъ и рюмку доброй водки...

Но, и въ своемъ странствіи, и въ куренѣ Сояшницы, онъ не могъ уснокониться. Одна мысль тревожила его и днемъ, и ночью. Какъ ни обидѣлъ его молодой сынъ пана Перевертайченка, отставной егерь день и ночь думалъ: «Эхъ, пойду-ка я къ нему и скажу, какъ вынашивать не только слѣпыхъ, но и зрячихъ соколовъ и ястребовъ!» Это, надо сказать, была тайна, завѣщанная ему еще дѣдомъ, также знаменитымъ охотникомъ, и онъ ни за какіе соблазны и посулы не открылъ ея покойному своему хозяину. Но, по неисповѣдимымъ судьбамъ человеческого сердца, то, чего онъ въ жизнь не рѣшился открыть доброму отцу, онъ хотѣлъ открыть неблагодарному злому сыну, изгнавшему его изъ своего дома.

— «Да объ чемъ ты это думаешь, друже?»—спрашивалъ его Сояшница, озабоченный нѣсколько тѣмъ, что его новый гость рѣшительно не обращаетъ на него вниманія: «ты хоть бы борзику или яичекъ поѣлъ!»

— Пѣтъ! — говорилъ на это молчаливый гость: — не хочу я ни борзику, ни яичекъ! Я все думаю о томъ, какъ бы пойти опять къ молодому... хоть бы на минуточку пойти... и сказать бы ему! Тогда уже спокойно и въ землю бѣ легъ!

Сояшница качалъ головою и ныло его старое сердце. И не долго наслаждался Сояшница обществомъ новаго друга. Этотъ другъ оказался наконецъ рѣшительно неблагодарною душою и сдѣлался причиною довольно грустной катастрофы въ жизни маляра.

Однажды (это было въ началѣ первыхъ зимнихъ

морозовъ, когда холодный вѣтеръ неожиданно потянулъ изъ-за рѣчки, и вьюга закружилась и зашумѣла надъ хуторомъ). Сояшница истопилъ жарко печь, легъ на лежанку и до глубокой ночи не могъ закрыть глазъ, ворочаясь съ боку на бокъ и невольно сравнивая своего молчаливаго гостя съ покойнымъ Омелькомъ Врусомъ. И сквозь легкую дремоту видѣлось ему бывшее невозвратное время, статный широкоплечій парень, съ синякомъ, въ видѣ родимаго пятна, подъ глазомъ, цѣлующая стена, широкій косогоръ и море травъ, по которымъ ныряетъ паракруторогихъ водонъ и тяжелый хуторянский возъ!—Гость маляра также не спалъ и по минутно ворочался.... Онъ думалъ: «Право, пойду-ка я!... и расскажу молодому пану, все расскажу.... все, какъ есть!» — Лампадка передъ образомъ слабо вспыхивала, вѣтеръ какъ-будто притихалъ, и маляръ наконецъ заснулъ.

Когда онъ проснулся и протеръ глаза, въ куренѣ не было ни души. Кровать, на которой спалъ его гость, была пуста, и вѣтеръ, прорываясь въ раскрытую дверь, колыхалъ пламя потухающей лампы. Сояшница накинулъ на плечи шубу, выскочилъ изъ куреня, заглянулъ въ сѣни, заглянулъ подъ навѣсъ, гдѣ стояла карета, заглянулъ въ погребокъ: нѣтъ ни души, и только сѣдая метель шумитъ, кружится и сыплетъ на землю тяжелые волнующіеся хлопья....

Первою мыслию маляра было, что молчаливый гость просто обворовалъ его и убѣжалъ! Но онъ тутъ же отклонилъ отъ себя эту недостойную мысль и не безъ основанія рѣшилъ, что гость наконецъ поставилъ на своемъ и, украдкою отъ него, ушелъ въ намѣреніи привести въ исполненіе задуманную передачу тайны

своей людямъ, лишившимъ его куска хлѣба....

Горько усмѣхнулся Сояшница, нагнувшись на уши шапку и вышелъ изъ пастби, съ цѣлюю, во что бы то ни стало, вернуться назадъ безумнаго сожителя. Свѣжіе слѣды виднѣлись подъ навѣсомъ куреня, у двери, на занесенной полоскѣ снѣгу. Онъ кинулся по этимъ слѣдамъ. На дворѣ его окликнулъ сторожъ, одинъ изъ его пріятелей: «Куда ты въ эту пору, Сояшница?» — «А вотъ, я немножко намельницу; хочется на голубей посмотреть — не подмерзли бы!» — отвѣтилъ старикъ, и метель, шумя, кружась и сыпая косматыя хлопья, скоро скрыла его отъ глазъ покры-



Этюдъ малороссійскаго пейзажа.

таго тулупомъ сторожа и потонула въ своей томной безднѣ. — Слѣдующее за этимъ утро было ясно и безоблачно, какъ въ тихій весенній день. Солнце весело катилось по влажно-голубому небу и снѣжныя равнины искрились серебряною и золотою парчею. Михай Михайчъ, въ тепломъ бешметѣ и ваточномъ картузѣ, съ суконными клапанчиками на ухахъ, сходилъ съ крыльца, собираясь побродить по хозяйству. И только что

онъ подумалъ: «А посмотримъ, много ли дѣвки надрали пуху!» какъ къ дому его подъѣхалъ возъ, покрытый рогожею. Десятникъ Михѣя Михѣича шелъ около воза и что-то говорилъ рыжему въ веснушкахъ парню, который сидѣлъ на краинѣ воза.

— Что тебѣ, Никита?—спросилъ Михѣй Михѣичъ, останавливаясь на послѣдней ступенькѣ крыльца...

— А вотъ, добродію,—отвѣтилъ десятникъ:—работникъ ѣхалъ по степи и, подѣ стогомъ, нашелъ двухъ замерзшихъ человѣкъ!

Парень откинулъ съ воза рогожу. На кучѣ мѣшковъ лежали два окоченѣлые трупа: это были—маляръ Сояшница и гребенщикъ...

VI.

Судьба однако сжалилась надъ маляромъ и не допустила его отойти изъ долиаго міра такимъ печальнымъ путемъ. По распоряженію Михѣя Михѣича, трупы замерзшихъ со всѣми усиліями были оттираемы спиртомъ, сифгомъ и теплою водою, и когда ничто не помогло, ихъ поставили въ такъ-называемый *мертвый домикъ* — домикъ, который читатель всегда встрѣтитъ на скромныхъ хуторянскихъ кладбищахъ.

Михѣй Михѣичъ безутѣшно оплакивалъ Сояшницу и даже нѣсколько трусилъ, не зная, кому отдать слѣдующую ему плату за карету, и опасаясь, какъ бы маляръ самъ, въ видѣ мертвеца, не пришелъ за нею ночью! Мертвецъ однако не обезпокоилъ его. Когда, передъ вечеромъ, сторожъ вошелъ въ мертвый домикъ, замерзшій гребенщикъ лежалъ на столѣ, а маляра тамъ не было.—Сторожъ заглянулъ подѣ столъ, заглянулъ на погостъ, въ канавы, окружавшія кладбище, даже на колокольню: нигдѣ не было стараго Сояшницы! Да уже на пастѣкѣ отыскался Сояшница! Онъ къ вечеру оттаялъ, покинулъ мертвый домикъ и приближалъ на пастѣку. Спокойно истопилъ самъ печь, сварилъ себѣ кашку, обогрѣлся, проспалъ чуть не цѣлыя сутки и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Но уже всѣ лучшія струны души его были порваны и онъ болѣе не выходилъ изъ холодной, постоянной тоски! Тѣнь перваго друга его, родная тѣнь Омелъка Бруса, носилась передъ нимъ, и онъ съ печальнымъ раздумьемъ смотрѣлъ черезъ заборъ сада. Однажды онъ попробовалъ было расхрабриться передъ хуторянскими молодницами и объявилъ, что вы, вотъ, не смѣйтесь, что онъ, вотъ, самъ женатъ, и что его жена мо-

лода и не уступить ни какимъ на свѣтѣ молодницамъ! И когда въ его словахъ усомнились, онъ пошелъ къ Михѣю Михѣичу, занявъ у него въ счетъ будущей платы цѣлковый и сообщилъ, что пойдетъ за женою въ Харьковъ и приведетъ ее на хуторъ.—Отправился Сояшница въ дорогу и пришелъ въ Харьковъ. Во весь путь его мочилъ холодный дождь и била острая осенняя стужа. Иззябшій и измученный, притащился онъ къ купцу, у котораго проживала работницею жена его.—Нѣсколько десятковъ верстъ, пройденныя пешкомъ, дали себя знать старому маляру. Купецъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ: — «Развѣ это твоя жена?» — «Моя!» отвѣтилъ Сояшница. — Купецъ задумался, повелъ его въ свои лучшія комнаты, накормилъ его, напоилъ, и сказалъ: «Жены твоей теперь у меня нѣтъ!» — «Какъ нѣтъ? Гдѣ же она?» спросилъ Сояшница измѣнившимся голосомъ. — «Она, — вотъ видишь ли... она теперь уже не у меня, а у одного аптекаря, за Лопанью, занимается каючницею!» Маляръ повѣсилъ голову, разставилъ руки и вперилъ глаза въ землю. Слеза выкатилась изъ-подъ его рѣсницы, сбѣжала по морщинистой щекѣ и, задрожавъ, повисла на небритомъ подбородкѣ. — «Ступай за Лопань, ее отсюда видно! Ступай и возьми свою жену! она здорова, сыта и тебѣ обрадуется!» сказалъ купецъ.

Сояшница печально улыбнулся.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ:—жена теперь не пойдетъ за мною! Каждый день дождь и очень мокро!

— Какъ не пойдетъ? Да ты возьми ее сплю, ты на то мужъ!

— Мужъ!... Мужъ!... Нѣтъ, не пойдетъ!—подхватилъ съ веселою улыбкою маляръ: я уже знаю свою жену, не пойдетъ! Мокро!

И, не смотря на всѣ увѣщанія купца, онъ покинулъ Харьковъ, не побывавъ за Лопанью, и опять пустился въ тяжелый и долгій путь! И всю дорогу опять мочилъ его холодный дождь и била пронзающая, осенняя стужа! Почуя въ старыхъ кирпичныхъ заводахъ, пришелъ онъ къ Михѣю Михѣичу и молча подавъ ему гривенникъ.

— Что ты это?—спросилъ его изумленный Михѣй Михѣичъ.

— Это осталось отъ цѣлковаго! Возьмите, отдайте разомъ, при расplatѣ: а то еще пропьешь его, какъ паршивый хлонецъ!

— А жена же твоя гдѣ?

— Осталась за Лопанью!

— Какъ за Лопанью осталась! ты развѣ не былъ въ Харьковѣ?

— Былъ, да она не пошла бы за мною!

— Какъ не пошла бы? Что ты городишь?

— Мокро!... Я уже знаю свою жену; не пошла бы, потому что идетъ дождь и очень мокро!

Михѣй Михѣичъ съ грустью посмотрѣлъ на маляра...

Сояшница тутъ же навсегда примирился съ мыслию, не видѣть въ низенькомъ куренѣ своей жены, и погрузился въ обычное грустное молчаніе. Неутѣшно тосковалъ старый Сояшница! Еще иногда возился онъ съ подпилкомъ у винтовъ и ручекъ кареты. Но уже краски онъ покинулъ окончательно. Прислонясь къ забору сада, опирался онъ перою о мшистыя бревна забора и смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ въ поле, по которому носились, каркая, черныя вороны, или пахарь, заводя унылую пѣсню, ходилъ съ плугомъ по отлогому, зеленеющему пригорку. И не встряхивалъ уже маляръ сѣдыми волосами, говоря о томъ, что вотъ, придетъ время, и онъ напишетъ такую славную и хорошую вещь... Онъ угасалъ видимо и, какъ бы предчувствуя близкій конецъ, не заводился уже ни хозяйствомъ, ни новыми работами.

Иногда, приходя, по старому обыкновенію, къ пану за передъ-обѣденною порціею водки, онъ вдругъ оставался и отводилъ рукою рюмку, протянутую ему съ ласковымъ привѣтствіемъ пана: — «А вотъ, Ефимъ Романычъ, и рюмочка тебѣ!» — Ефимъ Романычъ отказывался отъ рюмочки и устремлялъ въ землю глаза, неожиданно залитые слезами. Михѣй Михѣичъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на маляра.

— Что съ тобою, Сояшница! — спрашивалъ онъ.

Сояшница горько усмѣхался и качалъ головою.

— Скучно мнѣ, Михѣй Михѣичъ! говорилъ онъ.

— Какъ, скучно? что за вздоръ!

— Такъ же, совѣмъ скучно!

Михѣй Михѣичъ смотрѣлъ на донышко рюмки.

— Да отчего же тебѣ скучно?

— А врагъ его знаетъ! — отвѣчалъ маляръ, утирая рукавомъ скатившіяся на кончикъ носа слезы: — вездѣ скучно, и на пасѣхѣ скучно, и на хуторѣ скучно, и въ полѣ скучно; просто, — на свѣтъ бы не глядѣлъ.

— Что же, вѣрно война будетъ? — спрашивалъ Михѣй Михѣичъ съ тайнымъ трепетомъ.

— Нѣтъ, войны не будетъ, а такъ, скучно!

— Тебѣ вѣрно жаль... Бруса? — спрашивалъ неожиданно Михѣй Михѣичъ.

— Да, жаль Бруса! — замѣчалъ глухо маляръ и уже не могъ удержаться: рыданія вырывались изъ его старой груди.

... Въ свѣтлый юньскій вечеръ, когда въ прозрачномъ воздухѣ, противъ солнца, роились мошки, тянулись по небу палевыя полосы свѣта и облака блистали розовымъ, раскаленнымъ серебромъ; когда дружно звучали въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля пѣсни идущихъ съ работы косарей и на хуторѣ передъ колодцемъ стояли поселяне и смотрѣли, какъ домался вышедшій изъ шинка пьяный кузнецъ въ бабьемъ очинкѣ, стѣхавшемъ ему на затылокъ; въ свѣтлый юньскій вечеръ, говорю я, маляръ Сояшница, лежа на разостланномъ тулупѣ передъ пасѣкою, вслушивался въ звуки степнаго вечера и въ шопотливый говоръ засыпающихъ древесныхъ листьевъ. И отраднѣе было дышать ему свѣжимъ воздухомъ, наполненнымъ благоуханіями цвѣтовъ, и тихо улыбался онъ, и пристально вглядывался въ отдаленные очерки темнѣющихъ полей. Солнце алымъ золотомъ обливало круглую развѣсистую вершину клѣна, одиноко поднявшагося на простѣхъ зеленаго сада, и кукушка звонко куковала за рѣчкою, въ кустахъ молодой осиновою рощи... Сояшница сталъ считать крики кукушки, далеко разносившіеся въ чистомъ воздухѣ подступающаго вечера, сталъ считать съ мыслию: — «А посмотримъ, сколько мнѣ еще лѣтъ остается жить на свѣтѣ?...» и не досчиталъ. — Старого Сояшницы не стало въ живыхъ!

Случилось автору проѣзжать мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе разсказа. Гроза застала его въ полѣ, и онъ, пользуясь обычаями степнаго гостепріимства, завернулъ въ маленькій домикъ деркачовскихъ хуторовъ. Помѣщикъ хуторовъ былъ уже женатъ, находился подъ башмакомъ жены, сосѣдней вдовы, не носилъ уже ни ситцеваго голубаго капотика, ни гарусныхъ розовыхъ ботинокъ, а носилъ халатъ изъ пестрой термаламы и козловые, мягкіе сапожки безъ каблуковъ; ежедневное бритье уже не мучило пана, по причинѣ отпущенныхъ бакенбардовъ, и онъ, стоя на крыльцѣ, болѣе не потиралъ въ раздумьи подбородка.

— А, знаете ли, что? — сказалъ мнѣ, между прочимъ, Михѣй Михѣичъ: — теперь тотъ мертвый домикъ, на моемъ кладбищѣ, если знаете, я уже сломалъ! Жена говоритъ, что по ночамъ непріятно о немъ думать! За то я огородилъ кладбище новымъ каменнымъ заборомъ! — Нвы не повѣрите, какой это искусный заборъ, — прибавилъ онъ, водя ладонями по шелковистымъ бакенбардамъ отъ ушей къ носу и охорашиваясь передъ зеркаломъ: — я его сдѣлалъ изъ камня, а между тѣмъ выходитъ, какъ будто онъ сдѣланъ изъ дерева!

Я вспомнилъ о лицахъ, похороненныхъ на этомъ кладбищѣ, и захотѣлъ взглянуть на ихъ одинокія могилы.

— Покажите мнѣ ваше кладбище! — сказалъ я Михѣю Михѣичу: — мнѣ хочется посмотрѣть на вашъ новый заборъ!

— Хорошо, хорошо! — проговорилъ разсѣянно Михѣй Михѣичъ, смотря въ зеркало и потирая пальцемъ довольно красивый и большой носъ: — вотъ постойте, я позову ключника, и онъ вамъ все покажетъ! Этакая досада, угорекъ, кажется, вскочилъ на лѣвой ноздрѣ!...

— А вы не пойдете?

— Нѣтъ, не пойду! нельзя! отвѣтилъ онъ, нагиная кончикъ носа къ самому стеклу зеркала: — я пойду къ мѣмушкѣ, мнѣ надо къ ней итти! Она... ффочка... теперь черешни на лембикѣ гонитъ въ кладовой!

Михѣй Михѣичъ щелкнулъ языкомъ, подпрыгнулъ и, кружась по комнатѣ, весело замѣтилъ:

— А меня очень момочка любить!...

Онъ убѣжалъ и скоро изъ окна кладовой раздался пріятный мелодическій голосъ, какимъ обыкновенно говорятъ дородныя дамы:

— «Пилиппъ! пойдѣ къ тому пану и покажи ему кладбище!»

Пилиппъ вошелъ ко мнѣ и безъ всякихъ околичностей произнесъ: «Пойдемъ!»

Я пошелъ за нимъ.

Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей на благодатной степи, которымъ рѣшительно все равно, овчаръ ли онъ, ключникъ ли, кузнецъ, или просто оборванный чумакъ: онъ ни на что не смотритъ!

— Ты Петръ Віенко! — спросите вы его.

— Эгѣ Петръ Віенко! — отвѣтитъ онъ вамъ, шаря въ карманахъ и переминаясь съ ноги на ногу.

Вы подумаете немного, справитесь со своими воспоминаніями и скажете:

— Да нѣтъ, ты кажется, Самкѣ Карабуть!

Онъ переступитъ съ ноги на ногу и отвѣтитъ:

— Да можетъ и вправду Самкѣ Карабуть!

Кладбище скоро выглянуло изъ-за церкви и я обратился къ проводнику съ вопросомъ: «Гдѣ тутъ могила маляра Сбѣшницъ?»

Пилиппъ указалъ палькою на выдававшійся уголокъ деревяннаго креста и отвѣтилъ:

— Вотъ-то она!

Я подошелъ къ кресту.

— А гдѣ могила Омелька Бруса?

Пилиппъ помолчалъ и вяло отвѣтилъ:

— Да то она же и есть!

— Какъ она? Ты сказалъ, что это могила маляра!

Пилиппъ зѣвнулъ и произнесъ:

— Ну, да, она и есть могила маляра! — И онъ сталъ глядѣть уныло, точно его съчъ хотѣли.

— А Омелько Брусъ гдѣ похороненъ?

— Омелько Брусъ?

— Да!

— Не знаю! Его тутъ должно быть и не бывало! Да и маляръ, должно быть, не тутъ похороненъ! — прибавилъ онъ, немного помолчавъ....

Я смѣрилъ его глазами.

— Ну, а не знаешь ли ты, гдѣ похороненъ у васъ одинъ прохожій гребенщикъ?

Пилиппъ махнулъ рукою, надвинулъ шапку, запахнулъ полы свитки и молча пошелъ на кухню, не удостоивъ меня отвѣтомъ....

Я взглянулъ на тихій погостъ хуторянскаго кладбища и увидѣлъ, что новый заборъ его точно былъ искусный заборъ; онъ былъ сдѣланъ изъ камня, а казалось, будто сдѣланъ изъ дерева.

ЛІСТЫ ІЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНІКА.



Серега ратоборствуєть



Серега разсказываетъ.



Фарисей Фарисеевич Фарисеев, вводящий на драгоценную стезю филантропії своего племянника.

ДВА ДНЯ ВЪ БАКУ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ).

Весело мчатся, съ быстротою птицы, по бурному, взволнованному морю, на пароходѣ приличественный видъ. Днемъ, въ ясную погоду, какъ-то смягчается суровый видъ моря. Солнечный лучъ.



Дворецъ въ Баку съ юго-западной стороны.

полныхъ паракъ и свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ, когда огромныя волны, какъ живыя горы, встаютъ и падаютъ вокругъ, ударяясь въ борты и разсыпая по палубѣ свѣтлыя брызги! Однообразна картина моря: куда ни взглянешь—только и видишь волны да небо. Но это самое однообразіе, эта безпредѣльность пространства для взора придаетъ картинѣ особенно грозный и ве-

разсыпаясь по волнамъ золотыми блестками, сверкаетъ и прыгаетъ въ водѣ, переливаясь тысячью радужныхъ оттѣнковъ. Но подъ вечеръ, въ сумерки, когда поверхность моря, принимая сѣрозеленый цвѣтъ, постепенно темнѣетъ передъ вашими глазами, вами невольно овладѣваетъ какое-то смутное чувство, похожее на уныніе и робость. Въ эту минуту непре-

мѣнно родится сожалѣніе о тепломъ уголкѣ, о покинутомъ семействѣ, и какъ-то особенно захочется перенестись поскорѣе на землю.

Въ небольшомъ путешествіи своемъ отъ Астрахани до Баку я не испыталъ особенныхъ непріятностей, которыя такъ часто отравляютъ удовольствія морскихъ поѣздокъ. Все время пути я провелъ въ обществѣ флотскихъ офицеровъ (я ѣхалъ на военномъ почтовомъ пароходѣ). Постоянная бесѣда съ ними и обязательная заботливость ихъ объ удобствахъ пассажировъ дѣлали поѣздку весьма пріятною. Но не смотря на все это, я не знаю удовольствія, отъ котораго бы такъ охотно отказался, какъ отъ морской прогулки. Уже одна безпрестанная качка и днемъ, и ночью утомляетъ до того, что рѣшительно лишаешься способности и мыслить, и дѣйствовать.

Шесть дней мы шли до Баку, заходя по дорогѣ, не надолго, въ другіе порты. Все время вѣтеръ былъ постоянно свѣжій, а въ послѣдній день установилась такая тихая погода, что невольно возбуждала желаніе продолжать путь далѣе, до Астрабада. Но я рѣшился остаться въ Баку, гдѣ могъ располагать двумя днями для осмотра города, послѣ чего долженъ былъ отправиться сухимъ путемъ въ Шемаху.

Мнѣ очень хотѣлось подѣлать къ Баку за-свѣтло. Я слышалъ, что съ моря городъ этотъ представляетъ фигуру огромнаго размѣра треугольной шляпы и вообще видъ мѣстности издали живописенъ; но желаніе мое не исполнилось. Мы прибыли на бакинскій рейдъ уже поздно вечеромъ (21-го апрѣля 1854 г.). Городъ былъ покрытъ мракомъ; въ немъ едва мелькало нѣсколько огоньковъ, а вдали видѣлось какое-то зарево. Мнѣ сказали, что это зарево такъ называется вѣчныхъ огней, на Аншеронскомъ Полуостровѣ, верстахъ въ 12-ти отъ Баку.

Съ шумомъ грохнулся въ воду тяжелый якорь, когда мы вошли въ бухту. Загремяла на палубѣ желѣзная цѣпь, выползая змѣею изъ отверстія борта, и далеко раскатилось по окрестнымъ холмамъ эхо оглушительнаго пароваго свистка. Еще не смолкло шипѣнье тонкой трубы, выпускавшей клубы горячаго пара и заглушавшей голосъ команды вахтеннаго офицера, какъ на водѣ показалась приближавшаяся къ намъ лодка. Это былъ мой бакинскій пріятель, ожидавшій на берегу моего прибытія съ этимъ пароходомъ.

Черезъ часъ я уже сидѣлъ въ его комнатѣ, очень довольный неподвижностью своего дивана и самой комнаты въ противоположность качкѣ, которую безпрестанно ощущалъ я въ теченіе шести сутокъ.

Съ-горяча, въ припадкѣ любознательности я хотѣлъ

было въ ту же ночь отправиться къ огнямъ, но поздно уже было отыскивать лошадей, чѣмъ я потомъ остался очень доволенъ. Сонъ такъ скоро овладѣлъ мною, что я даже не умѣлъ порядочно надѣсть хозяину распросами о достопримѣчательностяхъ города и уснулъ, не дослушавъ до конца разсказа о происходившемъ недавно религіозномъ праздникѣ, въ которомъ принимаетъ участіе все мусульманское населеніе города.

Этотъ праздникъ былъ уже описанъ нѣсколько разъ и потому я предупреждаю, что разсказъ о немъ будетъ не новостью.

Праздникъ установленъ въ честь великаго имама Хюсейна, Алиѣва сына, убитаго дамасскимъ владѣльцемъ Іезибомъ въ войну за религіозныя убѣжденія, и выражаетъ вражду шиитовъ, послѣдователей Али, съ сунитами, послѣдователями Омара.

Вотъ какъ разыгрывается эта религіозная интермедія.

Первые десять дней мѣсяца мухаррема (апрѣля), когда Хюсейнъ, томимый жаждою и преслѣдуемый войсками Іезиба, странствовалъ по безводной пустынѣ, народъ усердно постѣщаетъ мечети, гдѣ повѣствуется муллами о страданіяхъ разныхъ мучениковъ, чтобы сильнѣе возбудить сочувствіе къ бѣдствіямъ Хюсейна.

Кромѣ того въ каждомъ приходѣ устраиваются особыя помѣщенія, на украшеніе которыхъ тратятся иногда довольно большія суммы. Тамъ показываются народу гробница Хюсейна, взятая въ плѣнъ семья его, мечъ, дукъ и ружье, которыми онъ сражался, и каждый день разыгрываются сцены изъ жизни Хюсейна.

Во время представленія и актеры, и публика предаются страшнымъ неистовствамъ: рвутъ на себѣ волосы (у кого есть они), нещадно колотятъ себя въ грудь, отъ чего она распухаетъ какъ подушка, покрываясь багровыми пятнами, и рыдаютъ, произнося на распѣвъ:

Я Хюсейнъ! Ва Хюсейнъ! Я Хюсейнъ! Ва Хюсейнъ!

На представленія—и единственно на эти только представленія—позволяется являться и женщинамъ. Онѣ плачутъ усерднѣе мужчинъ, но истязанія ихъ ограничиваются большею частію трепаніемъ на себѣ волосъ.

По окончаніи представленія открывается шествіе по улицамъ, въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди несутъ знамя, а за нимъ шесть, оканчивающійся изображеніемъ руки. Потомъ ведутъ Хюсейновыхъ

лошадей въ разныхъ драгоценныхъ уборахъ. За ними идутъ актеры, участвовавшіе въ *текіэ*, и читаютъ на распѣвъ стихи, а за актерами сѣдущій народъ съ восковыми свѣчами въ рукахъ.

Въ десятый день представляется самая смерть Хюсейна. Тутъ неистовство усиливается до того, что нѣкоторые подрѣзываютъ себѣ кожу на головѣ и на груди, чтобы кровь ручьями текла изъ ранъ по всей одеждѣ.

Церемоніяль шествія въ этотъ день измѣняется.

вать знаменитую бакинскую древность—развалившійся шахскій дворецъ. Это зданіе, построенное изъ большихъ известковыхъ камней, находится на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города, въ сѣверо-западной сторонѣ (на первомъ рисункѣ оно съ лѣвой стороны возвышается надъ всѣмъ городомъ).

Все зданіе дворца состоитъ изъ нѣсколькихъ частей: главнаго трехэтажнаго корпуса, большаго зала, выстроеннаго отдѣльно, обширнаго двора, обнесеннаго стѣною, и шахской мечети.



Баку съ южной стороны.

Впереди ѣдетъ всадникъ, разыгрывающій незавидную роль Хюсейнова побѣдителя и потому принимающій на себя проклятія всей яростной толпы. Завсадникомъ идетъ скованное семейство Хюсейна, а потомъ несутъ и тѣло имама.

Въ этотъ день разыгрывается сраженіе, на которомъ убитъ Хюсейнъ и всегда завязывается такая стычка, которая рѣдко оканчивается безъ убійствъ.

Но довольно о праздникѣ, котораго я самъ не видалъ. Передъ нами четырехъяковая древность развалинъ, вѣчные огни и никогда не измѣняющіеся обычаи Персіанъ; поговоримъ лучше о нихъ.

На другой день утромъ мы отправились осматри-

Главный корпусъ, обращенный фасадомъ на западъ, имѣетъ болѣе 40 комнатъ. Въ немъ находились внутренніе покои шаховъ и жилища ихъ многочисленныхъ женъ. Здѣсь-то, въ этихъ стѣнахъ, обдумывались нѣкогда кровавые планы бакинскихъ повелителей и въ двухъ словахъ отдавались приказанія, стоившія иногда жизни цѣлымъ сотнямъ людей. Здѣсь нѣсколько вѣковъ сряду изнывали въ неволѣ тысячи красавицъ, всю жизнь томимыя ревностью и жаждой любви.

Теперь въ этихъ комнатахъ не существуетъ уже ни потолковъ, ни внутреннихъ украшеній, и нижній этажъ зданія заваленъ мусоромъ.

Въ отдѣльномъ залѣ видны еще остатки древняго великолѣпія и мусульманской архитектуры, но есть надежда, что все это исчезнетъ въ непродолжительномъ времени, потому что надъ разрушеніемъ зданія трудится не одно время: жители усердно растаскиваютъ каменья для постройки своихъ домовъ и для балласта на суда.

И они, конечно, хорошо дѣлаютъ. На память о минувшемъ сохранять этотъ дворецъ не стоитъ, потому что онъ совсѣмъ не возбуждаетъ утѣшительныхъ воспоминаній; а для сохраненія его, какъ памятника древней мусульманской архитектуры, потеряна уже возможность: онъ такъ разрушенъ, что нельзя теперь возвести его въ прежнемъ восточномъ характерѣ, не прибавивъ чего-нибудь своего, нового.

Шахская мечеть—квадратное зданіе съ высокимъ куполомъ и очень красивымъ входомъ. Въ лѣвой сторонѣ двора есть другая мечеть съ минаретомъ. Изъ надписи на ней видно, что все зданіе построено между 1462 и 1500 годами Ширванъ Шахомъ Ибрагимъ-Халиль-Уллой-Феррухъ-Есаръ-Оглы.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ дворца стоятъ отдѣльно ворота, довольно красивой мусульманской архитектуры (рисунки 3).

Отъ развалинъ дворца мы перешли къ огромной цилиндрической башнѣ, возвышающейся футовъ на 20 въ юговосточномъ углу городской стѣны. По древности эта башня соперничаетъ съ дворцомъ. Она уже пришла въ такое состояніе, что по видимому ждетъ только случая, чтобы обрушиться въ такую минуту, когда подлѣ нея будетъ побольше народу; а исправить ее нѣтъ, кажется, возможности.

Башня называется Казымъ-каласи (дѣвичья башня) и имѣетъ свою легенду. Какой-то царь влюбился въ свою дочь и по желанію ея выстроилъ башню надъ самымъ моремъ. Какъ только постройка была готова, царевна вышла на самый верхъ башни и бросилась оттуда въ море.

Изъ дворца и съ башни открывается превосходный видъ на городъ и на гавань.

Городъ Баку расположенъ на берегу залива, по покатоности одного изъ холмовъ, составляющихъ вѣтви южной оконечности кавказскихъ горъ. Холмы эти известковаго свойства и лишены всякой растительности, отъ чего окрестности Баку имѣютъ нѣсколько дикій, унылый видъ. Улицы города узки и вьются по холму безпорядочными кривыми линіями, кое-гдѣ пересѣкаясь небольшими, неправильной формы, площадками.

Всѣ почти зданія города простой и чрезвычайно

однообразной архитектуры. Крыши домовъ плоски и облиты киромъ — особаго рода цементомъ изъ смолистой мастики, пропитанной нефтью.

Впрочемъ множество мечетей, изъ нихъ три съ высокими минаретами, развалины дворца и крѣпостныя стѣны съ дѣвичьей башней разнообразятъ нѣсколько общій видъ города и придаютъ ему довольно оригинальный восточный характеръ, особенно при закатѣ солнца, когда на сплошномъ помостѣ крышъ прогуливаются или сидятъ красивыми группами бакинскія женщины въ костюмахъ яркихъ цвѣтовъ.

Гавань же съ множествомъ судовъ, загроможденныхъ мачтами и снастями, чрезвычайно живописна. На западномъ берегу Каспійскаго Моря это лучшая гавань по безопасности для судовъ и по своимъ торговымъ выгодамъ. Баку стоитъ на перепутьѣ изъ Персіи къ Астрахани и сообщается съ Ширваномъ, Закавказьемъ и Дагестаномъ.

Послѣ осмотра дѣвичьей башни спутникъ мой предложилъ мнѣ прогулку въ лодкѣ къ какимъ-то затопленнымъ водою древнимъ зданіямъ, выглядывающимъ наружу только нѣсколькими обломками стѣнъ, поросшихъ водяными мхами; но я уже порядочно надышался археологической пылью во дворцѣ и въ башнѣ и потому предпочелъ теперь полюбоваться живой, кипучей дѣятельностью бакинскаго базара.

Подобіе такого базара, въ маломъ размѣрѣ, я видѣлъ въ Астрахани, въ одномъ большомъ татарскомъ селеніи; но здѣсь зрѣлище было еще любопытнѣе. Тутъ покунаютъ, продаютъ, тачаютъ сапоги, шьютъ платье, точатъ ножи, раздѣлываютъ баранину, а больше всего кричатъ и, Богъ знаетъ, изъ чего кричатъ! Думаешь, что завязалась ссора и ждешь даже драки, а между тѣмъ это простая торговая бесѣда.

Бакинцы, мнѣ кажется, чуть ли не самый громгласный народъ на всемъ земномъ шарѣ. Это ихъ свойство дало мнѣ знать себя еще съ ранняго утра. Вставши съ разсвѣтомъ, я бесѣдовалъ съ моимъ пріятелемъ, за чаемъ, о цѣли предстоявшей поѣздки, какъ вдругъ, на улицѣ, послышался необыкновенный шумъ. Я бросился къ окну, предполагая, что тамъ случилось что нибудь необычайное; ни чуть не бывало: мимо шли четверо бакинцевъ и очень дружелюбно между собою разговаривали. «Что вы кричите?» спросилъ я ихъ. «Такъ, ничего, калякъ малякъ дѣлается», (т. е. болтаемъ) отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, продолжая доказывать что то оспаривавшимъ его пріятелямъ.

Хороша болтовня! Впрочемъ есть откуда и вылетѣть громкому звуку. Я мало видалъ людей съ такими атлетическими формами, съ такой широкой и высокой

грудью, какъ Бакинцы. По климату, Баку единственный благодатный уголокъ на всемъ Каспійскомъ Морѣ, не смотря на жестокіе лѣтніе жары. Благотворность этого климата сейчасъ можно замѣтить на жителяхъ. Вы не увидите почти ни одного толстаго Бакинца: все народъ плотный, крѣпкій и способный выносить самыя тяжкіе труды. Бакинцы любятъ хвалиться своей силой и вообще говорятъ, что самый плохой изъ нихъ смѣло можетъ стать противъ двухъ человѣкъ, жителей какой-угодно изъ прикаспійскихъ персидскихъ про-

винцій своихъ единовѣрцевъ и въ нихъ болѣе развито понятіе о чести. На слово Персіянина вообще положиться трудно; но между жителями Баку много найдется такихъ, которые способны дать урокъ чести иному цивилизованному Европейцу. Въ этомъ я убѣдился не въ кратковременное пребываніе свое въ Баку. Я и прежде имѣлъ частыя сношенія съ разными восточными народами и сотни случаевъ рѣшительно по-селили во мнѣ уваженіе къ характеру Бакинцевъ.

Путешествіе по базару я кончилъ покупкой штучки



Дворецъ въ Баку съ южной стороны.

винцій. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если поставитъ широкоплечаго Бакинца рядомъ съ высокимъ, но тонкимъ и изнуреннымъ магандеранскимъ Персіяниномъ.

Бакинцы превосходные мореходцы. Суда ихъ считаются лучшими на Каспійскомъ Морѣ и существуютъ подъ особымъ именемъ *бакинскъ*. Персіяне другихъ провинцій всегда почти имѣютъ на своихъ судахъ экипажъ изъ Бакинцевъ; того же придерживаются и многіе изъ астраханскихъ судопромышленниковъ.

Замѣчательная черта, отличающая характеръ Бакинцевъ отъ прочихъ Персіанъ, состоитъ въ томъ, что Бакинцы какъ-то умнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ просто-

канауса. Тамъ лучший канаусъ продается по 30-ти коп. за аршинъ, а въ Петербургѣ, кажется, дороже рубля. Какъ у насъ дорого стоитъ перевезти аршинъ канауса! А, кажется, сообщенія Петербурга съ Персіею устроены такъ, что лучше и желать нельзя: до Нижняго-Новгорода на пароходахъ; оттуда до Москвы (360 верстъ) по отличнѣйшему шоссе, а отъ Москвы до Петербурга по желѣзной дорогѣ.

Желая познакомиться съ домашнимъ бытомъ Персіанъ, я попросилъ моего пріятеля сводить меня въ гости къ какому-нибудь знакомому изъ Бакинцевъ.

На это онъ согласился съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы я, когда войдемъ въ домъ, во первыхъ не спра-

влялся о здоровьи семейства хозяина, и во вторых— чтобы не дѣлалъ никакихъ движеній носомъ, по которымъ бы можно было заключить, что я нанихиваюсь. Сначала я думалъ, что мой пріятель шутить; но онъ объяснилъ мнѣ это предостереженіе слѣдующими обычаями:

Если во время посѣщенія гостей въ домѣ готовится кушанье и хозяинъ замѣтитъ, что гость услышалъ запахъ стряпни, то долгъ гостепріимства требуетъ поподчивать приготавливаемымъ блюдомъ. А какъ мы идемъ незваные и можемъ застать такую стряпню, которую хозяинъ посовѣстится подать гостямъ, то обстоятельство это можетъ поставить его въ затруднительное положеніе.

Желаніе знать о здоровьи семейства, если оно будетъ выражено при постороннемъ человѣкѣ, можетъ подать поводъ къ заключенію о знакомствѣ нашемъ съ хозяйскими женами, что считается предосудительнымъ.

Часу въ седьмомъ вечера мы сидѣли уже на разостланныхъ по полу коврахъ, поджавъ подъ себя ноги, въ пріемной комнатѣ одного изъ бакинскихъ кунцовъ, по имени Джафаръ Али Оглы, то есть Джафаръ Алиевъ сынъ.

Домъ этого кунца снаружи былъ очень невзраченъ, но убранство пріемной комнаты отличалось даже нѣкоторой восточной роскошью. Потолокъ и три стѣны комнаты были раскрашены красками и устѣяны изображеніями разныхъ птицъ, большею частию не существующихъ въ природѣ. Четвертая стѣна, выходившая на дворъ, составляла сплошную стеклянную перегородку. Полъ устланъ былъ хорошими коврами, а на полкахъ, вокругъ стѣнъ, стояло множество разной фарфоровой посуды.

Но всему было замѣтно, что хозяинъ принадлежалъ къ числу зажиточныхъ людей. Вездѣ видна была строгая опрятность; но, не смотря на то, что носъ мой состоялъ подъ запрещеніемъ, съ перваго же шага въ жилище Джафара я почувствовалъ ужасно непріятный запахъ—и, кажется, поморщился. Запахъ этотъ принадлежитъ впрочемъ всемъ восточнымъ народамъ и происходитъ собственно отъ чрезмѣрнаго употребленія, въ сыромъ видѣ, разныхъ душистыхъ растений: петрушки, чесноку, луку и т. п.

Джафаръ былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти. Смуглое лице его опушено было густою, черной бородой, очень коротко подстриженной; за то усы были чрезвычайно длинны. Черные, блестящіе глаза придавали этой фizioноміи необычайную живость. Когда Джафаръ на минуту задумывался, перебирая между пальцами свои безконечный усы, лице его принимало чрезвычайно

угрюмый и строгій видъ. Какъ-то неловкимъ казалось тогда обезпокоить эту серьезную особу какимъ-нибудь пустымъ вопросомъ; но когда онъ обращался къ своимъ гостямъ съ пріивѣтливой улыбкой,—фizioномія его принимала такое доброе, располагающее выраженіе, что невольно развязывался языкъ у его собесѣдниковъ.

Онъ принялъ насъ весьма радушно. Объясняясь свободно по-русски, онъ очень развязно занималъ насъ разговорами; говорилъ иногда комплименты, но не такіе противные, какіе случалось мнѣ слышать отъ другихъ Персіянъ. Оказалось, что онъ нѣсколько разъ былъ въ Астрахани и въ Нижнемъ Новгородѣ и посѣщалъ тамошній театръ, гдѣ ему особенно нравилась игра женщинъ.

О Персіяннѣ вообще можно замѣтить: когда онъ заѣдетъ далеко отъ своего отечества, хоть наиримѣръ на нижегородскую ярмарку, бываетъ какъ-то не смѣлъ, стѣсняется въ разговорахъ и всего остерегается. Въ Астрахани, ближе къ дому, онъ смѣлѣе; но у себя дома онъ уже дѣлается бойкимъ говоруномъ и не откажется разсуждать съ вами о чемъ угодно.

Джафаръ много спрашивалъ меня о Москвѣ, о Петербургѣ и просилъ объяснить, каковы эти города въ сравненіи съ извѣстными ему Астраханью и Нижнимъ Новгородомъ. Спрашивалъ сколько вѣхъ городовъ въ Россіи, какъ велико ея пространство и сколько считается вѣхъ подданныхъ.

Когда я отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, Джафаръ сказалъ мнѣ: Персіяне убѣждены, что въ Россіи безчисленное множество народа; но, не имѣя понятія о пространствѣ, какое занимаетъ Россія, они приписываютъ это многолюдство особому свойству почвы и оттого у нихъ существуетъ повѣрье, что если подъ домъ подсыпать русской земли, то у хозяина этого дома народится многолюдное потомство. На основаніи этого повѣрья многіе бездѣтные отцы нарочно посылаютъ за землей въ Россію, сохраняя это впрочемъ въ глубокой тайнѣ.

На распросы мои о торговлѣ Джафаръ объяснилъ, что въ Россіи выгодно продавать персидскіе товары, но что торговля въ Персіи товарами русскими не только не приноситъ большихъ выгодъ, но даже иногда весьма убыточна. Въ Россію онъ возитъ нефть, сарачинское шипено, шелкъ, разные сушеные фрукты, краску марену и желтишникъ, разныя издѣлія персидскихъ мануфактуръ: шали, платки, термаламу, шал-наму, канаусъ, мовъ, бязъ, а изъ русскихъ товаровъ считаетъ болѣе выгодными, или по крайней мѣрѣ менѣе убыточными, чай, фарфоровую посуду, сундуки и мѣдныя вещи.

Ваши мануфактурные товары, замѣтилъ онъ, лучше

нашихъ, но они такъ дороги, что рѣшительно нейдутъ здѣсь съ рукъ; а персидскія издѣлія, какъ бы они ни были плохи, раскупаются въ Россіи на расхватъ, потому что дешевы. Желѣзныя и стальныя вещи русскія дешевыя нигуда не годятся, а хорошія и дороги, и не выдерживаютъ соперничества съ англійскими, которыми наводнена Персія. Сукна ваши могли бы хорошо идти въ Персію: они дешевле англійскихъ; но зато ужасно непрочны, и свѣтлые цвѣта, которые такъ любятъ Персіане, линючи, особенно синій и голубой

ренаго сарачинскаго пшена, облитого коровинымъ масломъ. Одна сторона плова была обложена мелкимъ изюмомъ (кишмишъ), финиками и сухой персидской сливой, а другая вареными цыплятами. Подлѣ этого блюда поставили другое съ люли-кабавомъ (кебабъ). Это бараній фаршъ, изжаренный надъ угольями на желѣзныхъ пластинкахъ, въ родѣ вертѣла. Куски люли-кабава имѣютъ форму расплюснутой сосиски. И пловъ, и кабавъ я нахожу очень вкусными кушаньями: послѣднее ѣдятъ, посыпая порошкомъ (сумахъ) изъ



Каравансарай на неугасимыхъ огняхъ.

цвѣтъ. Англійскіе, хотя и дороже, но несравненно лучше и прочнѣе. Это нравится Персіанамъ, потому что они не любятъ перемѣнять своихъ костюмовъ; Персіанинъ любитъ, чтобы его чуха (верхняя одежда) служила нѣсколько лѣтъ.

Вскорѣ къ нашей компаніи присоединился еще одинъ посѣтитель, Армянинъ, которыхъ въ Баку живетъ очень много.

Хозяинъ прежде всего угостилъ насъ кальяномъ; потомъ подали намъ на подносѣ разные сухіе плоды, фисташки и миндальные орѣхи. За тѣмъ черезъ часъ разостлали передъ нами цвѣтную салфетку и поставили на нее блюдо плову (пилавъ), состоящее изъ ва-

какихъ-то кислыхъ ягодъ, кажется изъ барбариса: онъ употребляется вмѣсто уксуса. Для питья подали былъ разведенный въ водѣ фруктовый медъ (душанъ).

Для насъ двонхъ поданы были тарелки и ложки, но хозяинъ и Армянинъ ѣли пловъ руками, что дѣлалось ими съ особенной ловкостью. Сжавъ между тремя пальцами щепотку пшена, они подталкивали ее въ ротъ большимъ пальцемъ такъ ловко, что на рукѣ не оставалось ни одной крупинки.

За ужиномъ хозяинъ нашъ сдѣлался молчаливѣе и такъ дѣятельно управлялся съ кушаньями, что могъ возбудить аппетитъ въ самомъ сытомъ гостѣ.

Завязался разговоръ о бакинскомъ климатѣ. Здоро-

вое свойство его хозяинъ относилъ къ содержащейся въ почвѣ нефти, гасами которой постоянно наполняется воздухъ. Нефть вообще у тамошнихъ жителей считается самымъ дѣйствительнымъ лекарствомъ отъ многихъ болѣзней.

При этомъ Армянинъ, привыкшій вѣроятно записывать всегда свой обѣдъ хорошимъ винограднымъ виномъ, не удержался замѣтить, что, по мнѣнію его, Бакинцы еще бы были здоровѣе, если бы пили шемахинское или кахетинское вино.

Хозяинъ не опровергалъ этой гипотезы и изъявилъ даже нѣкоторое сожалѣніе, что, по закону Корана, онъ лишентъ удовольствія употреблять эти напитки, но прибавилъ, что онъ впрочемъ совершенно доволенъ и тѣмъ, что будетъ имѣть наслажденіе до самой своей смерти бесѣдовать съ другимъ, пользующимся, по милости кахетинскаго, добрымъ здоровьемъ.

Въ подтвержденіе своихъ доводовъ о полезномъ свойствѣ кахетинскаго вина Армянинъ разсказалъ одно тифлисское преданіе.

Разъ въ Тифлисъ пріѣхали два иностранные доктора, надѣясь найти тамъ хорошую практику. Въ то время, какъ они въѣзжали въ городъ, увидѣли, что въ одни ворота входитъ обозъ съ товаромъ. «Какой это товаръ,» спросили они. Имъ отвѣчали: «икра, балыки и соленая рыба» (вредныя по ихъ мнѣнію). «Ну, братъ,» сказалъ одинъ докторъ другому, «мы можемъ себя поздравить, здѣсь будетъ намъ хорошая пожива.» Но въ то-же время въ другія ворота въѣзжалъ еще обозъ съ товаромъ. «Что это?» спросили они. «Кахетинское вино.» «Ну, братъ,» сказалъ тотъ же докторъ товарищу, покачавъ головой, «поѣдемъ дальше; здѣсь мы умремъ съ голоду: люди, пьющіе такое вино, не нуждаются въ нашихъ лекарствахъ.»

Этимъ тифлискимъ преданіемъ о кахетинскомъ винѣ окончился нашъ вечеръ. Когда мы стали прощаться, Джафаръ спросилъ наши платки и завязалъ въ нихъ остатки фруктовъ и орѣховъ. Таковъ обычай.

Предположивъ отправиться въ ту же ночь къ вѣчнымъ огнямъ, мы распорядились заранѣе, чтобы къ вечеру были пріисканы двѣ верховыя лошади и тележка для помѣщенія слуги съ принадлежностями походнаго ночлега.

Все уже было готово, когда мы возвратились отъ Джафара, и, не теряя времени, мы тотчасъ отправились въ путь.

Зарево отъ огней видно очень далеко и чѣмъ ближе къ нимъ подъѣзжаешь, тѣмъ, разумѣется, зарево становится ярче; но самое пламя всю дорогу скрывается за высотами.

Когда мы поднялись на ближайшій холмъ, передъ

нами на черномъ фонѣ ночнаго неба блеснули четыре огненные струи, вырывавшіяся изъ трубъ на индѣйской модели, внутри каравансарая, а потомъ открылись и другіе малые огни, поднимающіеся прямо изъ земли, мѣстахъ въ 20-ти по обѣимъ сторонамъ дороги.

Блѣдно-желтое пламя огня, съ силой вырываясь изъ отверстія трубы, какъ знамя развѣвается по воздуху, освѣщая высокія стѣны индѣйскаго капища. Иногда, на мгновенье, потокъ прекращается и клочекъ пламени, оторвавшись отъ края трубы, быстро исчезаетъ въ пространствѣ, но за нимъ тотчасъ вылетаетъ новая огненная струя и бышено мечется по воздуху, принимая различныя фантастическіе образы.

На этотъ разъ ночь была, кажется, одна изъ самыхъ темныхъ южныхъ ночей; небо, покрытое тучами, грозило дождемъ; сильный вѣтеръ гудѣлъ и разбрасывалъ огонь, изнемогая въ напрасныхъ усиліяхъ потушить его. Картина огней была восхитительна.

Для ночлега посѣтителей надъ входомъ въ каравансарай устроены особыя помѣщенія. Комнаты выходятъ окнами къ модели, надъ которой развѣвается пламя, освѣщающее обширный дворъ, обнесенный высокою стѣной. Подлѣ нея по всему протяженію жмутся кельи огнепоклонниковъ.

Во всемъ зданіи царствовала глубокая тишина: обитатели его покоились въ своихъ конурахъ и не было признака, по которому можно бы было замѣтить, что зданіе это обитаемо.

Въ углахъ занятой нами комнаты оказались два отверстія, изъ которыхъ также выходилъ нефтяной газъ. Мы, разумѣется, тотчасъ распорядились зажечь его для освѣщенія комнаты, но за это удовольствіе чуть не заплатились жизнью.

Я съ товарищемъ расположился почевать въ комнатѣ, а слуга долженъ былъ спать въ телѣгѣ. Уходя, онъ погасилъ газъ, заложивъ отверстіе камнями, какъ было прежде, и затворилъ дверь. Часа два спустя я проснулся отъ неожиданнаго толчка и увидѣлъ передъ собою товарища, который сильно тянулъ меня за руку и кричалъ: «скорѣе, скорѣе, иначе мы умремъ!»

Это меня перепугало, я опрометью бросился въ дверь и, какъ только вышелъ на свѣжій воздухъ, почувствовалъ сильное бѣшеніе сердца и головную боль: мы угорѣли. Слуга нашъ худо заткнулъ отверстіе и, что всего хуже, — затворилъ дверь. Комната наполнилась газомъ и, если бы не случайное пробужденіе товарища, мы проспали бы до утра и, можетъ быть, уже не встали бы.

Кто пожелаетъ посѣтить бакинскіе огни, тому не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, что, оставаясь поче-

вать въ караванъ-сараѣ, слѣдуетъ оставлять окна или двери отворенными.

Этотъ непріятный случай отравилъ все удовольствіе нашей поѣздки, помѣшалъ хорошенько осмотрѣть индѣйское капище и познакомиться съ его обитателями. Мы не спали до утра, страдая сильной головной болью, а по утру едва имѣли силы наскоро обойти кельи огнепоклонниковъ.

Всѣхъ обитателей капища я насчиталъ около десяти человѣкъ. Двое были совершенно нагіе и одинъ изъ нихъ сидѣлъ въ углу комнаты, на голой землѣ, поджавъ подъ себя ноги. Мнѣ объяснили, что онъ наложилъ на себя обѣтъ неподвижнаго сидѣнія на всю жизнь.

Въ одной кельѣ я замѣтилъ теленка, присутствіе котораго объяснили желаніемъ обитателя кельи, чтобы душа его переселилась въ это животное. Для достиженія этой цѣли онъ въ минуту смерти долженъ держаться за хвостъ теленка.

Все занятіе этихъ оборванцевъ заключается въ постоянномъ созерцательномъ благоговѣніи предъ огненнымъ началомъ и въ безотвязномъ попрошайствѣ милостыни у посѣтителей капища.

Я возвратился въ Баку въ такомъ состояніи, что долженъ былъ отказаться отъ предложенія посѣтить бакинскія бани, эти азіятскіе клубы, и на другой же день отправился въ Шемаху.

А. В.

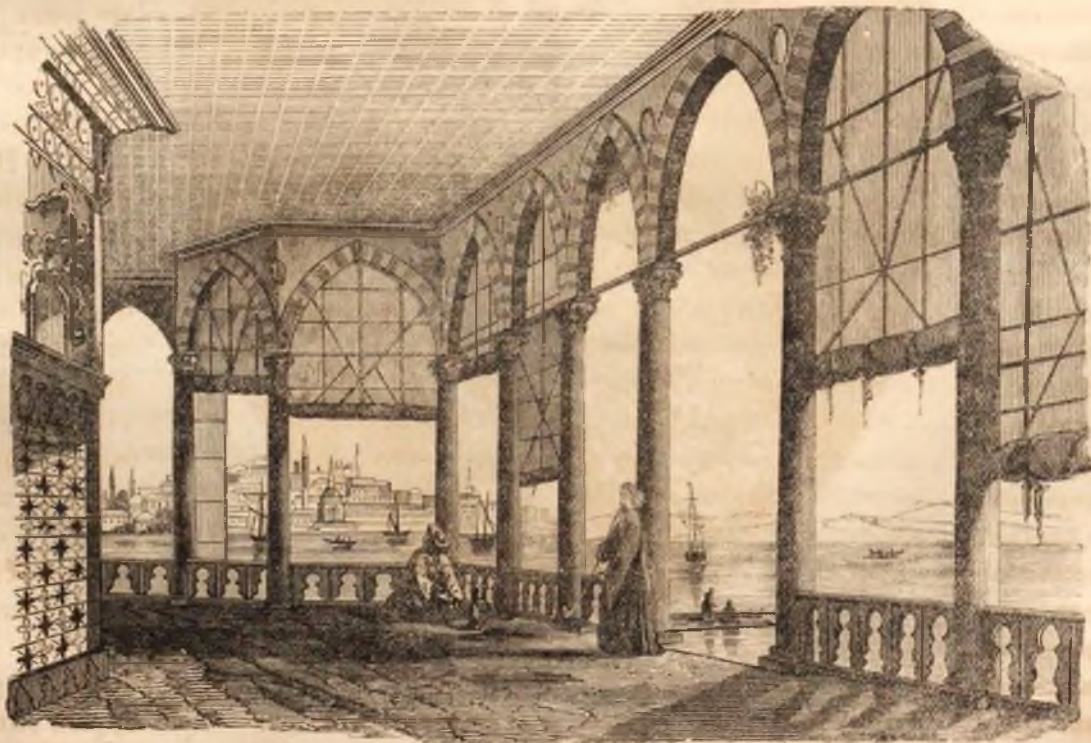
ЛІСТКИ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Кызъ-Кулеси, Леандрова, или Девичья Башня, на Босфорѣ.



Серадзскій мысъ, изъ сада въ Пертъ



Яли-Кіоскъ (Императорскій Кіоскъ).

ДЕРЖАВИНЪ.



іюля 1743 года. Отецъ его, небогатый офицеръ, будучи обремененъ службою, не могъ самъ заняться воспитаніемъ сына. Мать, женщина умная, сама учила его грамотѣ и на пятомъ году онъ уже порядочно читалъ и писалъ. На седьмомъ году онъ былъ представленъ въ Оренбургъ Неплюеву на смотръ: этого требовалъ законъ относительно малолѣтнихъ дворянскихъ дѣтей, — послѣ смотра немедленно отданъ въ школу, заведенную въ Оренбургъ однимъ заѣзжимъ Нѣмцемъ, Розе. Учитель, какъ видно, былъ очень недалекъ въ наукахъ, и потому все ученіе ограничивалось чтеніемъ нѣмецкихъ книгъ и затверживаніемъ нѣмецкихъ вокабулъ. Но, какъ бы то ни было,

авріилъ Романовичъ Державинъ родился въ Казани 3-го

школѣ, но собственной склонности, началъ онъ копировать попадавшіяся ему суздальскія картинки и раскрашивать ихъ то чернилами, то охрою; это также не осталось безъ послѣдствій.



Державинъ.

Въ 1754 г. отецъ Державина вышелъ въ отставку и въ томъ же году повезъ старшаго сына (Гавріила) въ Москву, надѣясь пристроить его куда-нибудь въ корпусъ. Въ это время Дворъ былъ въ Москвѣ; покровители отца Державина совѣтовали ему вести сына въ Петербургъ, но, вѣроятно, небогатые средства не позволили ему рѣшиться на эту поѣздку; онъ возвратился въ Казань съ цѣлью предпринять ее въ слѣдующемъ году по зимнему пути. Но въ этомъ же году онъ умеръ у себя въ деревнѣ, оставивъ дѣтямъ очень небольшое состояніе: — у него, кромѣ Гавріила, былъ другой сынъ, Андрей, младшій братъ Дер-

Державинъ порядочно узналъ нѣмецкій языкъ, и это въ послѣдствіи весьма пригодилось ему. Задѣсь же въ

жавина. Нашлись однако люди, которые и этимъ хотѣли воспользоваться; начались тяжбы, и бѣдная женщи-

на принуждена была сама ходить по судамъ и хлопотать о своемъ правомъ дѣлѣ. Для умиловленія судей она брала съ собою дѣтей. При всемъ томъ она не избѣгла грубаго обращенія, и дѣти были свидѣтелями оскорбленій ихъ матери. Это обстоятельство имѣло благотворное вліяніе на развитіе характера молодого Державина, и впоследствии во многихъ стихотвореніяхъ онъ высказалъ свое негодованіе на притѣснителей беззащитныхъ сиротъ, и, будучи въ силѣ, всегда принималъ сторону слабого, угнетеннаго сильнымъ.

Между тѣмъ мать Державина, при всемъ недостаткѣ своемъ, находила средства для дальнѣйшаго образованія дѣтей, и Державинъ учился ариметикѣ и геометріи, сначала у простаго солдата, потомъ у отставнаго артиллерійскаго прапорщика. Оба эти учителя были достойны своего предшественника, оренбургскаго Нѣмца; у нихъ бралъ уроки Державинъ до 14 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ нужно было представить его въ Герольдію съ доказательствами о дворянствѣ, чтобъ потомъ поступить въ службу дворяниномъ, и въ 1757 г. мать отпиралась съ обоими сыновьями въ Москву, представила ихъ въ Герольдію; но по бѣдности оставить ихъ въ Москвѣ не могла и потому обратно повезла въ Казань, гдѣ въ слѣдующемъ году открыта гимназія, въ которой попечителемъ былъ назначенъ Н. П. Шуваловъ, а директоромъ М. П. Верекинъ. Оба Державина были записаны въ число гимназистовъ.

Здѣсь развитіе Державина пошло быстрѣе и было многостороннѣе. Въ гимназіи преподавали катихизисъ, исторію, правоученіе, геометрію, фортификацію, музыку, рисованье, танцованье и языки: латинскій, французскій, нѣмецкій и татарскій. Первые учителя въ гимназіи не много превосходили прежнихъ наставниковъ Державина; но директоръ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ Русскихъ своего времени; онъ самъ былъ литераторъ и въ гимназіи литература была въ ходу. Ученики учили наизусть стихи и произносили торжественныя рѣчи.

Кромѣ того директоръ, самъ драматическій писатель, завелъ при гимназіи театръ, бібліотеку. Державинъ съ жадностію принялся за чтеніе книгъ; прежде всего ему попались оды Ломоносова, трагедіи Сумарокова и нѣкоторые переводы: Аргенида, Телемакъ, приключенія маркиза Г. и т. п. Вскорѣ онъ началъ самъ подписывать стишки, романы или сказки по образцамъ, которые удалось ему прочесть, и это дѣлалось съ большою тайною; написанное обыкновенно было или сжигаемо, или раздираемо. Только самымъ близкимъ друзьямъ были извѣстны нѣкоторыя изъ его стихотвореній. Въ то же время онъ продолжалъ зани-

маться рисованьемъ и началъ заниматься музыкою. Рисованье шло у него такъ успѣшно, что Верекинъ, бѣдившій въ 1760 г. въ Петербургъ, представилъ Шувалову нѣсколько чертежей и рисунковъ Державина, между прочимъ портретъ Императрицы Елисаветы и видъ города Болгаръ. Самъ Верекинъ былъ убѣжденъ, что Державинъ имѣетъ большія способности къ черченію, и потому, бывши въ Петербургѣ, записалъ его въ инженерную службу кондукторомъ и по возвращеніи находилъ Державину занятія для упражненія въ инженерномъ искусствѣ. Каковы были эти занятія, объ этомъ нѣтъ и рѣчи; самъ Верекинъ былъ инженеръ весьма не знаменитый.

Шуваловъ между тѣмъ, въ слѣдствіе представленія Верекина о Державинѣ, какъ о лучшемъ ученикѣ гимназіи, опредѣлилъ его въ гвардейскій Преображенскій Полкъ рядовымъ, и въ 1761 г. Державинъ, ничего не знавшій объ этомъ, вдругъ получаетъ приказаніе—явиться въ полкъ на службу.

Въ 1762 г., 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ отпирался въ Петербургъ и прибылъ туда въ мартѣ. Началась служба дѣйствительная со всеми ея тягостями и лишениями. По бѣдности онъ жилъ въ общей солдатской казармѣ; некогда и негдѣ было заниматься черченіемъ или музыкою; нужно было занимать караулы, ходить за провіантомъ, разгребать снѣгъ около сѣѣзжей, усыпать пескомъ учебную площадку и т. п. Но для своихъ любимыхъ занятій литературою онъ находилъ время, читалъ больше, нежели когда нибудь, изучалъ теорію поэзіи по сочиненіямъ Тредьяковскаго, писалъ стихи и думалъ даже передѣлать въ стихи русскій переводъ Телемака. Кромѣ того у него были въ это время литературныя труды совершенно особеннаго характера. Солдатскія жены, видя его часто съ перомъ или книгою въ рукахъ, поняли, что онъ можетъ быть имъ весьма полезенъ, и стали одна за другою просить его писать имъ письма къ ихъ роднымъ. Державинъ съ удовольствіемъ служилъ имъ и сначала исполнѣ безкорыстно; но потомъ нашелъ, что и онъ, въ свою очередь, можетъ пользоваться услугами своихъ сослуживцевъ. Потому положено было — Державину писать письма, а тѣмъ, для которыхъ онъ писалъ, исправлять за него ротную службу. Такимъ образомъ избавился Державинъ отъ тяжелыхъ работъ, которыя были сопряжены съ его службою.

Въ 1763 г. Державинъ *ходилъ* съ своимъ полкомъ въ Москву на коронацію. Здѣсь былъ произведенъ онъ въ капралы, благодаря ходатайству Графа Ал. Гр. Орлова, своего командира. Въ то же время, бывши въ Москвѣ, онъ думалъ для пріобрѣтенія основательнаго образованія ѣхать за границу съ Н. П. Шуваловымъ.

Но родственники всѣми силами старались воспрепятствовать этому путешествію къ басурманамъ, въ особенности съ такимъ *фармазономъ*, какимъ слылъ Н. И. Шуваловъ.

Послѣ 1763 г. Державинъ продолжалъ служить и писать стихи; и до 1770 г. у него набралась ихъ довольно толстая тетрадь. Въ этомъ году онъ ѣздилъ въ Казань, можетъ быть, по случаю смерти своего брата, а можетъ быть, это было просто путешествіе на родину для свиданія съ родными и знакомыми: мы знаемъ,

Возвращаясь изъ Казани, Державинъ провелъ нѣсколько времени въ Москвѣ, гдѣ жилъ тогда Сумароковъ. Сумароковъ не поладилъ съ московскою публикою и, въ отмщенье за нѣкоторыя насмѣшки, написалъ басню «Кукушка». Державинъ, узнавши объ этомъ, написалъ на нее пародію, подъ названіемъ *Сорока*. Пародія разошлась съ подписью Г. Д. Сумароковъ всѣми силами старался открыть автора, но напрасно; между тѣмъ авторъ самъ нашелъ случай познакомиться съ Сумароковымъ, обѣдывалъ у него и втихомолку



Входъ въ казанскую крѣпость.

что Державинъ горячо любилъ свою родину съ ея величественной рѣкой, съ ея древнею крѣпостію, съ башней Сумбеки, и съ *зелеными дубами*, растущими въ ея окрестностяхъ.—Уже въ 1798 г., 55 лѣтъ отъ роду, писалъ онъ:

Какъ время катится въ Казани золотое!

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель?

Когда я освѣщусь опять твоей зарей,
твой по-прежнему всегдашній буду житель?

забавлялся надъ гнѣвомъ Сумарокова противъ неизвестнаго автора пародіи.

Въ это время въ Москвѣ была моровая язва, и потому, когда Державинъ возвращался изъ Москвы въ Петербургъ, на одной заставѣ его остановили, чтобъ окурить его имущество. Но у него ничего не было, кромѣ выпи бумагъ—собственныхъ стихотвореній. Не желая дожидаться, пока окурятъ всѣ бумаги, онъ бросилъ ихъ въ огонь и былъ тотчасъ пропущенъ.

Такимъ образомъ пропало все, написанное имъ до 1770 года.

Первыя уцѣлѣвшія пьесы Державина относятся къ 1770 году и написаны имъ уже по возвращеніи въ Петербургъ. Мы выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ нихъ, чтобы показать, каковъ былъ стихъ Державина въ это время; по содержанію же всѣ эти пьесы слабы. Вотъ куплетъ изъ посланія къ Псамидѣ:

Все—мудрость, скипетръ и державу
И отдалъ бы любви въ залогъ,
Принесъ тебѣ на жертву славу
И у теонхъ бы умеръ ногъ.

Стихъ довольно гладокъ, безъ сомнѣнія, потому что, не придерживаясь въ стихотвореніяхъ такого рода тогдашнихъ правилъ стихотворства, Державинъ писалъ это стихотвореніе такъ, какъ говорилъ ему здравый умъ и природный тактъ.

Вскорѣ (въ 1772 г.) онъ написалъ торжественную оду *На победы Екатерины надъ Турками*. Здѣсь совсѣмъ другіе приемы; здѣсь уже пареніе, которымъ такъ дорожилъ Державинъ. Ода начинается такъ:

Со ужасомъ молвъ вселенная внимаешь,
Какъ падшу Грецію Минерва подымаетъ.

Далѣе и *дрожитъ дунайскій берегъ и трепещутъ Дарданеллы; Панинъ быть долженъ Гераклъ, чтобъ стерть толь твердый градъ* (Бендеры).

1772 годъ замѣчателенъ въ жизни Державина: въ этомъ году онъ былъ произведенъ въ офицеры, и въ первый разъ явился въ печати его переводъ изъ Овидія (съ нѣмецкаго). Такимъ образомъ на 30-мъ году жизни Державинъ—офицеръ и литераторъ. Въ слѣдующемъ году въ качествѣ офицера онъ исполнялъ уже важныя порученія А. И. Бибикова, посланнаго въ это время противъ Пугачева. Онъ, между прочимъ, содѣйствовалъ образованію дворянствомъ коннаго войска, и, вѣроятно, за это получилъ чинъ поручика, разбилъ многочисленную толпу Киргизовъ и отнялъ у нихъ 1500 русскихъ плѣнныхъ, привелъ въ повиновеніе раскольниковъ селенія по берегамъ Иргиза и племе-

на, кочевавшія между Волгою и Яикомъ. Пушкинъ въ своей «Исторіи пугачевского бунта» рассказываетъ, какъ Державинъ едва не попался въ плѣнъ къ Пугачеву. Въ іюль 1773 г. онъ былъ въ Саратовѣ которому угрожалъ Пугачевъ. Въ Саратовѣ былъ тогда коммандантомъ нѣкто Бошнякъ. Державинъ долго убѣждалъ его присоединить свой гарнизонъ къ отряду, находившемуся подъ его начальствомъ; но упрямый коммандантъ не согласился, не смотря на язвительное письмо къ нему Державина. 4-го августа узнали, что Пугачевъ приближается къ Петровску. Державинъ рѣшился съ донскими казаками воспрепятствовать ему занять этотъ городъ, но, подъѣзжая къ городу, уви-

дѣлъ, что Пугачевъ уже вступаетъ туда и духовенство встрѣчаетъ его. Отрядъ Державина тотчасъ присоединился къ Пугачеву; Державину оставалось только ретироваться къ Саратову съ тремя оставшимися ему вѣрными казаками. Но Пугачевъ, узнавши о гвардейскомъ офицерѣ, шедшемъ ему на встрѣчу, тотчасъ повступленіи въ городъ перемѣнилъ лошадь и самъ съ четырьмя казаками по-

скакалъ догонять Державина. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ убитъ имъ; но самъ Державинъ успѣлъ добраться до Саратова и на другой же день выѣхалъ изъ него, оставя защиту города осмѣянному имъ Бошняку.

Этимъ и кончается воинская дѣятельность Державина. Во время этой кампаніи Державинъ не переставалъ заниматься литературой. Онъ написалъ рѣчь къ Императрицѣ Екатеринѣ, которая за усердіе казанскаго дворянства назвала себя «казанскою помѣщицею»; рѣчь эта была написана имъ для губернскаго предводителя дворянства. Въ то же время онъ написалъ письмо къ Императрицѣ отъ имени казанскаго дворянства. Оба эти сочиненія написаны по примѣру рѣчей Ломоносова, по всѣмъ правиламъ реторики.

Гораздо замѣчательнѣе такъ называемыя *чатагайскія оды*, написанныя Державинымъ въ то же время. Лучшая между ними ода на смерть Бибикова, бывшаго начальника Державина. Изъ нея мы видимъ, что



Башня Сумбеки.

Державинъ весьма уважалъ своего бывшего начальника за его добрыя качества.

Вотъ послѣдняя строфа этой оды:

Онъ былъ искусный вожь на браняхъ,
Советъ мужъ, любитель музъ,
Отечества ревнитель твердый,
Блюститель вѣры, правды другъ.
Почтенъ Монархией за службу,
За даръ ума, за добродѣтель,
За честность духа своего.

сто *Петру Великому*. Оба эти стихотворенія написаны съ увлеченіемъ, безъ реторики, и потому въ цѣломъ и частяхъ вышли очень хороши.

Вотъ нѣсколько стиховъ изъ втораго стихотворенія:

Простымъ онъ воинѣмъ служилъ,
Вождемъ искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.



Водопадъ Кивачъ.

Замѣтимъ, что ода написана безъ рима и поэтому Державинъ считалъ ее очень не важнымъ стихотвореніемъ: можетъ быть, поэтому-то она и вышла лучше другихъ его парящихъ одъ.

Повозвращеніи въ Петербургъ, Державинъ перевелъ двѣ пѣсни изъ Клопштоковой «Мессіады», написалъ два стихотворенія: *Монументъ Петру Великому* и про-

Объ эти пѣсни, написанныя по тому случаю, что тогда былъ поставленъ памятникъ Петру 1-му на Сенатской Площади, приобрѣли большую извѣстность, и съ этого времени авторъ уже пользовался славою поэта. Крутъ знакомства его были уже весьма велики; и повидимому Державинъ не отказывался отъ удовольствій и развлеченій въ кругу своихъ друзей и зна-

комыхъ. Это выразилось въ стихотвореніи *Пикники*, написанномъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ изъ похода противъ Пугачева.

Служба его въ это время шла очень успѣшно; черезъ три года по возвращеніи въ Петербургъ онъ уже полковникъ; вскорѣ особеннымъ указомъ переведенъ изъ военной службы въ статскую съ чиномъ коллежскаго совѣтника; вмѣстѣ съ этимъ получилъ въ награду 300 душъ крестьянъ въ незадолго присоединенной отъ Польши Бѣлорусской Губерніи, и опредѣленъ экзекуторомъ въ Сенатъ. Это было въ 1777 г.

Для литературы время отъ 1774 до 1778 года было безплодно; по крайней мѣрѣ неизвѣстно, написалъ ли что Державинъ въ это время. Но взаимъ того онъ много читалъ, хотя и безъ разбору, познакомился съ людьми, понимавшими его и которые, быть можетъ, не были бесполезны ему своими совѣтами. Это были П. А. Львовъ, Капнистъ, А. Хвостовъ и Хемницеръ.

Въ 1778 году Державинъ написалъ между прочимъ *успокоенное невѣріе*. Читая эту оду, замѣчаешь, что она какъ-будто писана на выбранную тему. Стихи жестки, прерывисты, множество вопросовъ, восклицаній, какъ будто задачей автора было исполнить все правила поэтики, высказанныя въ послѣдствіи имъ самимъ въ его статьѣ о *Лирической Поэзии*. Вскорѣ пишетъ онъ стихи *невѣсть*, а вслѣдъ за тѣмъ женится, 10 апрѣля 1778 года. Супруга Державина (первая) была женщина съ прекрасною душою и горячо любила своего мужа. Она съ живѣйшимъ участіемъ принимала все, что касалось ея мужа. Его авторская слава, успѣхи и непріятности по службѣ были какъ-будто ея собственные. Одушевленный своимъ счастьемъ, Державинъ началъ рядъ стихотвореній, далеко превосходившихъ прежнія. Таковы *На смерть князя Мещерскаго*, — *Первому сосѣду*. Достоинства этихъ стихотвореній такъ извѣстны каждому, что мы не будемъ ни распространяться объ нихъ, ни дѣлать выписокъ: ихъ нужно читать вполнѣ.

Между тѣмъ по службѣ у Державина произошла перемѣна. Въ 1780 году онъ переведенъ въ новооткрытую экспедицію государственныхъ доходовъ совѣтни-

комъ. Начальникъ его, Князь А. А. Вяземскій, былъ человекомъ слишкомъ прямой и откровенный, и небольшой любитель наукъ и литературы. Извѣстно, какую помощь оказывалъ онъ въ качествѣ генераль-прокурора Княгинѣ Дашковой, которая, будучи президентомъ Академіи Наукъ, думала издать географическія карты всѣхъ губерній. Такой подчиненный, какъ Державинъ, не могъ ему нравиться. Не рѣдко получалъ Державинъ замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «на службѣ (сударь) не нужно думать, а нужно дѣлать, что велятъ.» Но что дѣлать? Нужно было служить. Однако Державинъ находилъ утѣшеніе въ литературныхъ занятіяхъ, въ кругу семейства и своихъ образованныхъ друзей.

Въ это-то время написалъ онъ свою *Фелицу*, — стихотвореніе, доставившее ему славу, почетъ, награды и,

между прочимъ, зависть добрыхъ ближнихъ. Фелица была написана Державинымъ въ 1782 году и показана авторомъ только ближайшимъ друзьямъ его, которые единогласно совѣтовали Державину не печатать ея, а припрятать подале, чтобъ кто не узналъ о ней. Въ слѣдствіе этого она и была строго хранима; но случайно попала на



Письменный столъ Державина.

глаза извѣстному Козодавлеву, бывшему потомъ министромъ. Козодавлевъ выпросилъ ее у автора для себя; но, увлекшись стихотвореніемъ, сообщилъ его Н. И. Шувалову. Шуваловъ, также увлекшись, проговорился у себя за столомъ предъ многочисленными гостями объ этомъ новомъ произведеніи русской литературы и прочелъ его, а на другой уже день Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ, которому не замедлили рассказать обо всемъ, присылаетъ къ Шувалову за стихотвореніемъ. Шуваловъ, боясь подвергнуть автора непріятностямъ, совѣтовалъ ему выкинуть нѣсколько строкъ, которыя Свѣтлѣйшій могъ отнести на свой счетъ. Державинъ не согласился, и стихотвореніе вполнѣ, безъ выпусковъ, было послано къ Свѣтлѣйшему. Но Свѣтлѣйшій не прогнѣвался; можетъ быть, онъ не имѣлъ времени или раздумалъ прочитать его.

Въ то же время Козодавлевъ сообщилъ сочиненіе Княгинѣ Дашковой, съ условіемъ впрочемъ *молчать*

о немъ. Но Княгиня Дашкова совѣтъ не расположена была оставить такъ это стихотвореніе. Она рѣшилась напечатать его, зная, что это не будетъ непріятно Императрицѣ. Зная хорошо Императрицу, она поступила рѣшительно. Въ это время она съ Императрицею начинали издавать журналъ *Собесѣдникъ любителей русскаго слова*. Безъ вѣдома Императрицы Дашкова напечатала *Фелицу* въ первомъ листкѣ этого журнала и оставила листокъ у Императрицы на столѣ. На другой день Дашкова приходитъ къ Императрицѣ и видитъ ее съ листкомъ въ рукахъ; Императрица читаетъ и плачетъ. «Гдѣ вы взяли, Екатерина Романова, вотъ это сочиненіе?» сказала Императрица, указывая на *Фелицу*. Смущенная Дашкова не знала, что отвѣчать. — «Чего вы опасаетесь? Я хочу только слышать, кто такъ хорошо меня знаетъ, такъ вѣрно описываетъ, что, видите, я плачу.» — Дашкова сказала ей имя автора, рассказала, кто онъ таковъ, и тутъ же Императрица вмѣстѣ съ нею придумала, какъ благодарить автора.

Нѣсколько дней спустя, когда Державинъ былъ у своего начальника, Князя Вяземскаго, приходитъ почтальонъ и отдаетъ ему пакетъ съ надписью: *Изъ Оренбурга, отъ Киргизской Царевны къ Мурзѣ.* Державинъ открываетъ пакетъ и видитъ золотую табакерку, усыпанную брилліантами и въ ней 500 червонцевъ. Изумленный Державинъ не знаетъ, что дѣлать съ подаркомъ, спрашиваетъ у Вяземскаго, прикажетъ ли онъ принять его. «Возьми, братецъ,» отвѣчаетъ тотъ, «коли жалуютъ.» Съ тѣхъ поръ Вяземскій особенно не взлюбилъ Державина, но за то чрезъ нѣсколько дней онъ былъ представленъ самой Императрицѣ, и его авторская извѣстность достигла высокой степени.

Въ чемъ же заключается причина такого успѣха, такой благосклонности Императрицы, такого шума въ публикѣ? То время было особенно не скупо на похвалы и даже торжественныя оды; — чѣмъ же особенно выставилось стихотвореніе Державина? — Это въ одно время и сатира на общество острая, правдивая, и похвала Императрицѣ, — не лестъ, но похвала правдивая, славившая Императрицу за то, что въ ней было, что принадлежало ей самой; автора восхищаетъ не

блескъ ея царствованія, не побѣды, не празднества и торжества, а доброта Императрицы, ея пониманье нуждъ народныхъ, ея старанье облагородить, просвѣтить свой народъ, стереть съ него грязь, налѣвшую на немъ густыми слоями въ продолженіе многихъ вѣковъ. — Выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ этого истинно прекраснаго произведенія:

Ты въ славѣ такъ великодушна,
Что отеклась и мудрой слыть.
Еще же говорить не ложно,
Что будто всегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ и вѣявъ, и подъ рукой
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И былъ и небыль говорить.

Далѣе, описывая счастье поданныхъ *Фелицы*, онъ говоритъ:

Тамъ можно пошептатъ въ бесѣдахъ,
И, казни не боясь, въ объѣдахъ
За здравіе Царей не пить.

Тамъ съ именемъ *Фелицы* можно
Въ строкѣ описку подскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.

Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ медовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ,
Князя насѣдками не квохчутъ,
Любимцы вѣявъ имъ не хохочутъ
И сажень не мараютъ рождъ.

Вотъ чего Императрица не читала въ высокихъ одахъ въ честь ея. Только Державинъ прославилъ ее за то, на что другіе не обратили вниманія, или чего не могли оцѣнить, потому что большая часть тогдашнихъ поэмъ сами не были такъ развиты, чтобъ предпочесть добрыя стремленія и дѣла грому пушекъ, блеску иллюминацій и фейерверковъ.

Замѣтимъ при этомъ, что *Фелица* написана прекрасными стихами; это видно въ представленной выпискѣ, и это потому, что Державинъ рѣшился написать ее простымъ и шутивымъ тономъ въ рѣдкѣ къ сказкѣ Екатерины о *царевичѣ Хлорѣ*.



Складной пульветъ въ столѣ Державина.

Вскорѣ за Фелицею послѣдовала *Благодарность Фелицы и Видныя Мурзы*. Въ нихъ Державинъ остался вѣренъ самому себѣ, не смотря на безчисленное множество толковъ, поднявшихся противъ Фелицы и ея автора.

Въ 1784 году Державинъ окончилъ оду *Богъ*, начатую имъ гораздо прежде. Эта ода при появленіи возбуждала восторгъ. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія о ней стали отзываться уже иначе, — и мы ставимъ себя на сторонѣ послѣднихъ критиковъ Державина. Въ самомъ дѣлѣ кажется совершенно несправедливою надпись къ портрету Державина: «Постигъ, изобразилъ Екатерину, Бога.» Екатерину постигнуть и изобразить онъ могъ; но постигнуть Бога, изобразить Его въ стихотвореніи?!.. Едва-ли найдется хотя одинъ человекъ, который бы, подумавши объ этомъ хорошо, сталъ утверждать это. Потому ошибкою была уже самая идея оды — изобразить непостижимое существо. Самъ Державинъ признается въ этомъ слѣдующими стихами:

Непознанный, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсилны
И тѣмъ начертать Твоей.

Кромѣ того и въ приемахъ авторъ увлекся тѣми правилами, которыя онъ самъ высказалъ относительно лирической поэзіи. Вездѣ видно стремленіе парить; результатомъ его — неправильность языка, наборъ словъ.

Мы не можемъ перечислять всѣхъ сочиненій Державина; замѣтимъ только, что съ каждымъ годомъ дѣятельность Державина увеличивается. Но въ талантѣ уже замѣтно паденіе или лучше все больше и больше держится Державинъ риторическихъ правилъ; изрѣдка только въ какой нибудь легкой пьескѣ онъ сбрасываетъ съ себя произвольныя оковы: здѣсь опять является легкій стихъ Фелицы, правильный, шуточный и выразительный, хотя не рѣдко обращенія, мнѣологическія сравненія и тому подобныя риторическія хитрости портятъ и тутъ все цѣлое. Къ разряду такихъ стихотвореній можно отнести: *Приглашеніе къ обѣду, Гости, Хариты, Мельникъ, Русскія дѣвушки* и др.

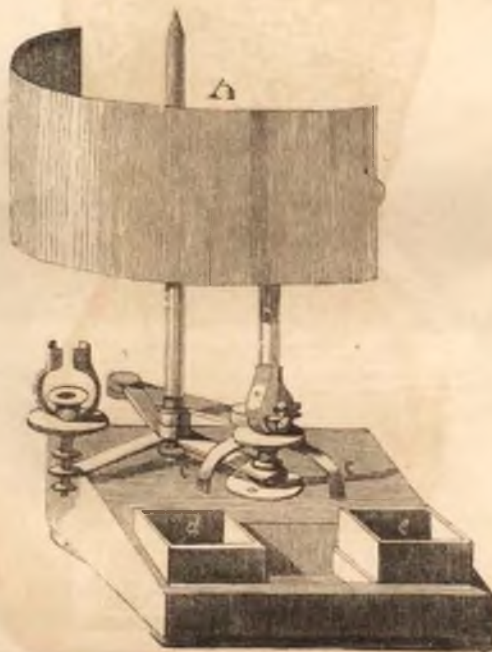
Изъ пьесъ, наиболѣе прославившихся, назовемъ: *Водопадъ, На взятіе Измаила, На переходъ Альпійскихъ Горъ*. Въ нихъ, какъ и въ большей части стихотвореній Державина, рядомъ съ прекрасными стихами, полными мыслей, правильными по языку, стоятъ стихи парящіе, неправильные, темные, безсвязные.

Обратимся къ жизни Державина и къ его службѣ. Еще въ 1783 г. вмѣстѣ съ другими наградами онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника. Но уже въ 1784 г. принужденъ былъ выйти изъ службы. Вниманіе Императрицы и извѣстность не обошлись ему дешево: нанялось много людей, которые съ этого времени ста-

ли смотрѣть на него, какъ на личнаго врага, и слѣдствіемъ всего было то, что онъ самъ подавъ просьбу объ отставкѣ. Его отставили съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но въ то же время Императрица, по собственному выбору, опредѣлила его губернаторомъ въ Олонецъ. Здѣсь также не были расположены къ писателю, и намѣстникъ архангельскій и олонецкій, Туттолминъ, новый начальникъ Державина, былъ въ особенности *врагъ всякой пѣники и реторики*. Потому они не поладили съ самаго начала. Туттолминъ послалъ его открывать новый уѣздный городъ Кемь; въ эту поѣздку онъ едва не утонулъ въ Бѣломъ Морѣ. Непріятности его съ Туттолминымъ разрастались, дѣло могло кончиться дурно:

но Екатерина защитила его. Непосредственно изъ Олонца онъ переведенъ въ Тамбовъ на ту же должность. Бывши губернаторомъ въ Олонецкой Губерніи, Державинъ имѣлъ случай видѣть величественный водопадъ Кивачъ, образуемый рѣкою Суною, текущею въ Онегу. Впослѣдствіи въ своемъ стихотвореніи *На смерть Князя Потемкина* онъ описалъ этотъ водопадъ въ яркихъ краскахъ.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырехъ скалами;
Жемчугу бездна и серебра
Кипитъ впаду, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.



Чернильница Державина.

Шумить и средь густаго бора .
 Трясется въ глуши потомъ,
 Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
 Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ спомъ
 Покрѣты, волны тихо льются,
 Рѣкою млечною влекутся.

Будучи назначенъ губернаторомъ въ Тамбовъ, Державинъ дѣятельно занялся управленіемъ края и особенно обратилъ вниманіе на образованіе дворянства, для чего устроилъ у себя въ домѣ дѣтскій театръ, побудилъ дворянъ учить дѣтей грамматикѣ, арифметикѣ и танцованію, устраивалъ собранія, концерты и т. п. Супруга его дѣятельно помогала ему во всемъ этомъ. Но и въ Тамбовѣ недолго наслаждался мирною жизнію Державинъ, и здѣсь нашлись у него враги, которые даже очернили его въ глазахъ начальства, и онъ былъ лишенъ мѣста въ 1787 г. Негодуя на козни своихъ враговъ, онъ написалъ на нихъ стихотвореніе подъ названіемъ *Ода на коварство*; но въ 1790 г. онъ, приписавши къ *Одѣ на коварство* нѣсколько стиховъ, издалъ ее подъ именемъ *Оды на коварство французскаго возмущенія*, т. е. революцію, присоединивъ къ ней *Похвалу Князю Пожарскому*. Считаю такимъ образомъ ода вышла довольно велика и оригинальна.

Въ 1791 г. Императрица взяла Державина къ себѣ въ статскіе-секретари. Снова принялся онъ за дѣла, снова старался доказать, что онъ не только пѣтъ, но и дѣловой человѣкъ; между тѣмъ отъ него требовали все стихотвореній. И онъ писалъ ихъ довольно, но уже не было въ нихъ ни прежняго чувства, ни мысли, ни юмору.

Въ 1793 г. онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и орденъ Владиміра 2-й степени и въ томъ же году сдѣланъ сенаторомъ.

Въ 1794 г. онъ лишился супруги своей, которая прекрасными качествами души своей улаживала ему непріятности службы и принимала живое участіе въ литературныхъ успѣхахъ своего мужа.

Кромѣ службы въ Сенатѣ Державинъ былъ назна-

чаемъ на другія должности; въ 1796 г. назначенъ былъ правителемъ канцеляріи Государственнаго Совѣта, но вскорѣ отставленъ. Въ 1799 г. сдѣланъ президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, потомъ чрезъ два мѣсяца государственнымъ казначеемъ и награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ Іоанна Іерусалимскаго большаго креста.

Въ 1802 году сдѣланъ министромъ юстиціи; но уже въ 1803 г. по прошенію уволенъ: тѣмъ и кончилось его служебное поприще.

Съ этого времени онъ жилъ большею частію въ деревнѣ своей Званкѣ на берегу Волхова; на зиму обыкновенно прѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ женился во второй разъ въ 1803 г. и еще тринадцать лѣтъ прожилъ, наслаждаясь семейнымъ счастьемъ и всеобщимъ уваженіемъ. Въ русскіе университеты и ученые общества почтили его избраніемъ въ свои почетные члены. Онъ имѣлъ значительное состояніе, получалъ пенсію отъ правительства; и если мы сравнимъ матеріальную жизнь этого человѣка въ началѣ и концѣ его литературнаго поприща, то мы не можемъ не отдать дани удивленія великой Государынѣ, которая, распространяя всѣми средствами просвѣщеніе и литературу, возвысила Державина изъ низкой доли, куда былъ поставленъ судьбою. Было много людей, которые, не понимая важности литерату-



Кресло Державина.

ры самой въ себѣ, оцѣнили ее, какъ средство, дающее чины и почести, и съ этимъ вмѣстѣ средства къ покойной и удобной жизни.

Въ 1811 году подъ предѣлательствомъ Державина составила *Бесѣда любителей русскаго слова*; здѣсь было читано его разсужденіе о лирической поэзіи, которое имѣетъ большое значеніе при оцѣнкѣ сочиненій Державина: оно объясняетъ намъ, почему въ лучшихъ даже сочиненіяхъ Державина прекрасныя мысли и картины перемѣшаны съ нескладнымъ наборомъ словъ, который въ то время, подъ именемъ наренія, почитался верхомъ совершенства въ литературѣ.

Въ послѣдніе годы Державинъ дѣлилъ время съ

Епископомъ Евгеніемъ, жившимъ въ Хутынскомъ Монастырѣ, въ 9-ти верстахъ отъ Новгорода. «Какъ хорошо здѣсь!» говаривалъ Державинъ, сидя на балконѣ у Епископа Евгенія: «желалъ бы на всегда остаться здѣсь.»

Онъ умеръ 1819 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ, 74 лѣтъ отъ роду. Желаніе его остаться въ Хутынскомъ Монастырѣ исполнилось; здѣсь похороненъ онъ; красивый памятникъ указываетъ посѣтителю могилу его. Другой памятникъ воздвигнутъ ему на его родинѣ—въ Казани. Казанскій Университетъ хранитъ какъ драгоценность письменный столъ, чернильницу и кресло Державина.

Державинъ написалъ очень много стихотвореній, и мы можемъ сказать, что въ нихъ онъ хорошо выразилъ свой вѣкъ; всѣ замѣчательнѣйшія событія того времени нашли отголосокъ въ его произведеніяхъ. Онъ прославляетъ другую Императрицу, ея учрежденія, законы, успѣхи ея оружія и внѣшней политики, ея сподвижниковъ, полководцевъ и правителей. Замѣтимъ, что, прославляя славныхъ людей своего времени, Державинъ дѣлалъ это съ величайшимъ благородствомъ, слѣдуя только влеченію своего сердца, умѣвшаго цѣнить добро. Онъ славитъ не тѣхъ, которые были въ силѣ въ его время, а тѣхъ, которые сдѣлали больше добра. Шуваловъ — человѣкъ, принадлежавшій къ прежнему царствованію,—во время Державина, можно сказать, былъ въ упадкѣ, но

онъ продолжалъ заботиться о просвѣщеніи Россіи, и Державинъ посвящаетъ ему нѣсколько стихотвореній. Наумовъ содѣйствовалъ уничтоженію въ Россіи пытки,—и Державинъ пишетъ *Памятникъ милосердію* въ честь его. Строгоновъ старается о распространеніи искусствъ, Державинъ посвящаетъ ему стихотвореніе: *Любителю художествъ*. Заслуги Бецкаго почтилъ онъ

одою на смерть его. Онъ славитъ и Орлова, и Потемкина, и Зубова, none тогда, когда они находятся на вершинѣ могущества, а посмерти ихъ, или когда они находятся въ немилости. Суворова всегда славитъ онъ и въ то время, когда онъ побѣдами своими удивляетъ всю Европу и завоевываетъ уваженіе всѣхъ европейскихъ государей, и тогда, когда онъ въ опалѣ.

Сатирическія посланія Державина, его стихотвореніе къ Фелицѣ открываютъ намъ внутреннюю, домашнюю жизнь XVIII вѣка со всѣми его недо-

статками и пороками, легкомысліемъ, сибаритствомъ, черствыми чувствами, ползаньемъ предъ высшими и надменностью предъ низшими.

Разсматривая такимъ образомъ сочиненія Державина, мы должны признаться, что они имѣютъ для насъ большой интересъ, какъ памятникъ XVIII вѣка—этого времени, въ которое полезныя реформы уже возвели Россію на высокую степень могущества, но образованіе еще не успѣло пустить глубокихъ корней въ народъ; когда многіе, занимая на Западѣ образова-



Памятникъ Державину.

ніе, занимали только внѣшнюю его сторону, а въ сущности оставались такими же, какими были прежде.

Кромѣ того сочиненія Державина важны въ исторіи литературы. Они составляютъ переходъ отъ времени Ломоносова къ времени Карамзина и даже Пушкина. Въ лучшихъ произведеніяхъ Державина языкъ значительно очистился, стихъ гладокъ и легокъ и очень часто запечатлѣнъ глубокою мыслию, сильнымъ чувствомъ; его картины поразительны вѣрностью природѣ и написаны яркими красками. Прибавивъ къ этому яркое отраженіе вѣка въ его сочиненіяхъ, мы должны признать Державина однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей литературы, хотя мы и не согласны съ мнѣніями тѣхъ, которые признаютъ его сочиненія важными для всѣхъ временъ и народовъ. Для насъ впрочемъ понятно такое мнѣніе о Державинѣ, и оно имѣетъ свое основаніе, хотя ложное. Въ самомъ дѣлѣ прежніе критики Державина находили въ немъ, безъ сомнѣнія, тѣ же достоинства, которыя находимъ въ немъ теперь и мы. Но при этомъ они придавали огромную важность тому, что мы считаемъ недостаткомъ Державина. Для нихъ *сидѣніе Румянцева при водопадѣ*, его думы и сонъ, *шестьѣ по холмамъ Потемкина*, тѣнь его, *несшаяся по облакамъ*, были верхомъ совершенства въ поэзіи; для насъ это—недостатокъ, и очень важный; для насъ непонятны подобныя представленія, и они не говорятъ намъ ничего, еще болѣе—они портятъ впечатлѣніе всего цѣлаго своею неестественностью и какимъ-то дѣтски-наивнымъ характеромъ. Точно также мы посмотримъ, какъ

на недостатокъ, на тѣ обращенія къ пѣвцу Тіисскому, къ Аполлону, Минервѣ и прочимъ божествамъ древности; намъ странно, что *Евгеній, Цезарь и Ганнибалъ изъ ираковъ возстаютъ стигійскихъ*, когда Суворовъ переходитъ Альпы, или, что

Рюрикъ торжествуетъ
Въ Валгаллѣ звукъ своихъ побѣдъ,
И перстомъ долѣ указуетъ
На Россю, что по немъ идетъ.

Прибавимъ къ этому, что недостатки языка, неправильность грамматическихъ формъ, употребленіе словъ старыхъ или даже никогда не существовавшихъ, перестановка удареній въ словахъ,—все это считалось за необходимую принадлежность лирическихъ пѣснопѣній. Высокое пареніе обыкновенно соединялось съ подобнымъ искаженіемъ языка. Можетъ быть, въ этомъ видѣли подобіе древнимъ латинскимъ одамъ, въ которыхъ дѣйствительно языкъ отличался значительно отъ языка прозаическихъ произведеній, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ было это подобіе, но оно насъ уже не прельщаетъ.

Оканчивая нашу статью, мы скажемъ, что Державинъ, не смотря на его недостатки, принадлежащіе, безъ сомнѣнія, не ему, а его времени, достоинъ нашего изученія, какъ литераторъ, имѣвшій много мысли и чувства, и какъ живописецъ своего времени. Прибавимъ, что онъ достоинъ нашего уваженія, какъ человѣкъ съ благороднымъ, независимымъ характеромъ.

Лайбоу.





Торквато Тассо.



Благотворение совершаемое.

КОНЕВЕЦЪ И ВАЛААНЪ.

ПОѢЗДКА ПО ОКРЕСТНОСТЯМЪ САНКТПЕТЕРБУРГА.

Благорастворенное лѣто въ 1854 году, подобнаго которому не запомнятъ старожилы Петербурга, вызвало насъ на прогулку по окрестностямъ столицы. Намѣренія наши были скромны, незатѣйливы: мы желали обозрѣть нѣкоторыя изъ примѣчательныхъ мѣстъ по берегамъ Невы, на островахъ Ладожскаго Озера и въ предѣлахъ Старой — Ладоги, знаменитыхъ своими преданіями въ политической и церковной исторіи Россіи.

Въ одинъ изъ июльскихъ дней, рано утромъ, лодчичики-гребцы ожидали насъ на Невѣ у Таврической Пристани. Погода стояла тихая, рѣка едва струилась подъ серебристыми переливами лучей восходящаго солнца. Русскій человѣкъ, по заповѣдному обычаю предковъ, приступая къ каждому дѣлу, испрашиваетъ благословенія Божія. Этотъ священный долгъ православнаго побудилъ насъ посѣтить ближайшій намъ на пути Соборъ Всѣхъ Учебныхъ Заведеній, посвященный Воскресенію Христа Спасителя.

За сто тридцать шесть лѣтъ до нашего времени, въ селеніи Смольномъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ воздвигнутъ

теперь этотъ величественный храмъ, сооруженъ былъ Петромъ Великимъ дворецъ для пребыванія Великой Княгини Елисаветы Петровны. Дни юности, проведенные Елисаветою въ здѣшнемъ дворцѣ, остались для нея незабвенными и въ ту эпоху ея жизни, когда она царствовала Государынею Самодержавною на наследственномъ отеческомъ тронѣ. Она, въ память пре-

быванія своего въ Смольномъ Дворцѣ, пожелала основать здѣсь, для пріюта сиротъ-дѣвицъ, монастырь, который, по плану, начертанному знаменитымъ архитекторомъ Графомъ Растрелли, зложенъ былъ въ присутствіи самой Императрицы 30 октября 1748 года. Въ составъ монастыря входило нѣсколько малыхъ церквей и главный соборъ Воскресенія Господня, который, хотя былъ возведенъ вчернѣ и отдѣланъ снаружи къ 1757 году, однако, къ сожалѣнію, до нашего времени оставался недоконченнымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ строеній и во внутреннемъ устройствѣ, какъ полагаютъ, по причинѣ возникшей Семилѣтней Войны и потомъ Отечественной 1812 года. Соревнуя Государыни Елисаветы Петровны въ забо-



Смольный Монастырь и Соборъ Всѣхъ Учебныхъ Заведеній, со стороны Невы.

тахъ объ общественномъ образованіи дѣвицъ, Императрица Екатерина II даровала Воскресенскому Монастырю новый штатъ, и въ 1765 году учредила въ отдѣльномъ зданіи институтъ для воспитанія молодыхъ дѣвицъ благороднаго и мѣщанскаго званія, донинѣ существующій и пользующійся въ Россіи заслуженною извѣстностію. Время отъ времени монастырскія зданія, неподдерживаемыя исправленіями, клонились къ разрушенію, а монашество, по малочисленности лицъ, желавшихъ вступить въ монастырь, не могло еще устроиться въ общежитіи. Это и, вѣроятно, нѣкоторыя другія обстоятельства побудили Екатерину II въ 1768 году закрыть Воскресенскій Монастырь, и мы, современники, застали уже однѣ, но мѣстамъ разрушавшіяся стѣны съ башнями и главный соборъ съ закрытыми наглухо входами и окнами. Громадное зданіе Воскресенскаго Собора, еще не освященное, въ одиночествѣ положеніи, наводило на мѣстныхъ обитателей ужасъ глухимъ грохотомъ, который слышался отъ распадающагося въ внутренности храма неравобранныхъ ветхихъ лѣсовъ. Разрушавшееся зданіе собора, изящной архитектуры, не могло не обратить на себя просвѣщеннаго вниманія Императора Николая I, свято чтившаго благолѣпіе храмовъ Божіихъ. Государь повелѣлъ (1832 г.) перестроить соборъ Воскресенія Христа Спасителя, не касаясь стѣнъ его съ главами, въ память родительницы своей, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, имя которой достойно благословляется въ Россіи за ея добродѣтели и благодѣянія. Въ короткое время св. храмъ былъ возстановленъ. 22 іюля 1835 г. происходило освященіе собора и торжественное богослуженіе въ присутствіи Государя и всѣхъ членовъ Императорскаго Дома.

Мы невольно увлеклись воспоминаніемъ о судьбахъ дивнаго собора. Какое впечатлѣніе произвелъ на насъ его внутренній величественный видъ — это невыразимо! Открытыя формы зодчества гигантской вышины, поразительная бѣлизна стѣнъ, подбланныхъ подъ мраморъ, великолѣпный иконостасъ, ограждаемый хрустальною баллюстрадою, св. иконы высокой работы извѣстныхъ художниковъ — все это привлекло и взоры, и мысли наши къ святынямъ.... Припавъ на колѣни предъ иконою Воскресшаго Христа, мы невидимо пріяли отъ Него благословеніе на предстоящій намъ путь, и вышли изъ храма въ благоговѣйномъ настроеніи души.

Достигнувъ до берега Невы, мы торопили гребцовъ, потому что оставалось не много часовъ до отхода парохода. Когда лодка наша подплывала къ невиской пристани, пароходъ «Петръ Великій», kloчоча и выпуская столпы дыма, готовъ былъ уже къ отвалу.

Пароходъ этотъ, большаго размѣра, содержится въ исправности. Во всѣхъ его удобствахъ убѣдились мы во время поѣздки на Ладожское Озеро. Первымъ предметомъ на пути, достойнымъ вниманія путешественника, является Св. Александро-Невская Лавра; восточныя стѣны собора Св. Троицы и другихъ церквей украшаютъ лѣвый берегъ Невы. Мысленно вознесли мы молитвы къ гробницѣ Св. Благочестиваго и Великаго Князя Александра Невскаго, перенесенной въ св. обитель на раменахъ Петра Великаго. Основавъ здѣсь столицу Сѣвера, Петръ призвалъ на защиту и огражденіе ея отъ будущихъ враговъ великаго предка своего, св. героя невискаго, который такъ славенъ своими побѣдами на берегахъ Невы. И что это за прелесть видовъ, встрѣчающихся путешественнику по столь живописнымъ берегамъ рѣки! Вотъ пароходъ смѣло перебираетъ колесами волны Невы въ упоръ ея теченію, и по мѣрѣ плаванія его къ истоку рѣки быстро смѣняются одна другою очаровательныя картины природы на обоихъ берегахъ: взорамъ нашимъ представляются то прекрасныя зданія церквей, громадныя строенія мануфактуръ, чистенькіе ряды домиковъ колоній или богатыя селенія крестьянъ и великолѣпныя дачи вельможъ, то раскидываются сосновыя рощи или обрывистые скальные берега и нивы, возмущающіяся подъ тяжестью колосъевъ.... Изъ прибрежныхъ мѣстъ, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи, обращаютъ на себя вниманіе дача (бывшая Князя Потемкина, нынѣ Чеглокова) Целла, гдѣ уцѣлѣли зданія увеселительнаго дворца Императрицы Екатерины II, и памятникъ Петру Великому у Красныхъ Сосенъ на лѣвомъ берегу Невы. Когда пароходъ поравнялся съ сосною рощею, гдѣ растутъ Красныя Сосны, остановивъ его не надолго, мы спустились въ лодку и доплыли до крутаго берега, по которому устроена лѣстница, ведущая къ подножію памятника. Сохранилось преданіе, что еще во времена отдаленной древности мѣсто Красныхъ Сосенъ Финны признавали священною рощею, въ которой жрецы ихъ совершали языческіе обряды. Изъ легендъ Финляндіи узнаемъ мы, что здѣсь былъ расположенъ станъ шведскаго полководца Делагарди на пути его въ предѣлы Великаго Новгорода. За достовѣрное же можемъ передать, что на томъ небольшомъ зугу, который вырубленъ въ рощѣ и окруженъ соснами, называемыми Красными и растущими нынѣ въ одиночествѣ, отдыхалъ Петръ Великій на стоянкѣ изъ похода, послѣ завоеванія Шлиссельбурга, откуда онъ велъ побѣдоносныя свои войска подъ Шенинградъ. Это-то событіе породило желаніе у простыхъ русскихъ путниковъ крестьянъ, двухъ братьевъ Спиридоновыхъ, занимающихся

ремесломъ каменотесовъ, съ Высочайшаго дозволенія, воздвигнуть на лугу Красныхъ Сосенъ памятникъ Петру I изъ плиты, въ видѣ пирамидальнаго столпа, съ чернымъ гранитнымъ на верху шаромъ. Освященіе памятника происходило 27 февраля 1847 года, въ присутствіи шлессельбургскаго городскаго начальства и при многочисленномъ стеченіи окрестныхъ жителей. Конечно, этотъ скромный памятникъ не замѣчательнъ по своей цѣнности: за то онъ трогательно выражаетъ собою чистую жертву, принесенную благодарными потомками, которые столь глубоко чувствуютъ великія заслуги Отца Отечества.

Было уже далеко за полдень, почему мы спѣшили возвратиться на пароходъ, и онъ немедленно поплылъ по струямъ Невы, съ осторожностію лавируя между подводными камнями, встрѣчавшимися на пути въ порогахъ. Чѣмъ ближе подъѣзжали къ устью Невы, тѣмъ сильнѣе ощущали влажность воздуха и легкій холодъ вѣтерка съ Ладожскаго Озера. Вскорѣ замѣтили мы вдали бѣлѣющуюся надъ водою точку—то

была крѣпость Шлессельбурга, древній Орѣховъ, Шведами переименованный Нотебургомъ. По мѣрѣ приближенія къ городу, крѣпость, сооруженная на срединѣ истока Невы, становилась виднѣе и наконецъ открылись нѣкогда грозныя стѣны ея, надъ которыми высились главы собора Іоанна Предтечи. Здѣсь мы должны предварить, что цѣль нашей поѣздки состояла предпочтительно въ томъ, чтобъ достигнуть до св. обителей

на островахъ Ладожскаго Озера, и потому, не останавливаясь въ городѣ для осмотра его древностей (уже подробно описанныхъ нами въ книгѣ «Шлессельбургъ» (*)), мы рѣшились въ тотъ же день продолжать путь по Ладожскому Озеру.



Памятникъ, воздвигнутый Петру I, у Красныхъ Сосенъ.

Миновавъ крѣпость, надъ которою развѣваяся флагъ, мы замѣтили на одной изъ башенъ большой отъ нея ключъ, прикрѣпленный на оконечности крыши по волю Петра Великаго, въ память завоеванія имъ Нотебурга. Въѣзжая въ Ладожское Озеро, древнее Невы, и взирая на крестъ, освящающій главу Іоанновскаго Собора, путешественникъ въ сердцѣ своемъ изливаетъ напутственные молебны, предавая себя подъ кровъ «Заступницы усердной», Матери Божіей, чудотворнаго икона которой сохраняется въ здѣшнемъ соборѣ. Наконецъ, предъ взорами нашими раскинулось давно ожидаемое нами Ладожское Озеро на необозримомъ пространствѣ. Длина его, какъ извѣстно, считается въ 175, ширина въ 150 верстъ; глубина доходитъ до 200 сажень. Плаваніе по озеру не безопасно и въ

тихую погоду, такъ какъ буря застигаетъ на немъ пловца внезапно. Но большая опасность въ плаваніи по озеру происходитъ отъ множества подводныхъ камней и мелей, на которыхъ, до устройства по берегу озера обводнаго Ладожскаго Канала, погибало множество судовъ, плывшихъ въ Петербургъ съ грузомъ то

(*) Книга эта издана въ свѣтъ въ 1847 году.

варовъ. Легкая зыбь на поверхности озера очень быстро переходитъ въ огромныя волны, бушующія на немъ съ силою урагана и съ грохотомъ разбивающіяся о прибрежныя скалы. На Ладожскомъ Озерѣ, по разнымъ мѣстамъ, разбросаны большіе и малые острова, заслуживающіе особаго описанія. Острова эти большею частью образовались изъ цѣлыхъ скалъ, выдавшихся на горизонтъ озера; но встрѣчаются на немъ и отдѣльные камни огромной величины, совершенно обнаженные или покрытые хвойными деревьями и мелко растущею тра-

вою; камни эти у береговыхъ жителей извѣстны подъ особыми названіями. Такъ; въ одномъ мѣстѣ Ладожскаго Озера, близъ берега, высятся надъ водою гранитный камень, квадратной формы, называемый *Варашевымъ*,

на поверхности котораго изсѣчена надпись въ двухъ строкахъ, раздѣленныхъ по срединѣ знакомъ креста въ кругѣ. Въ верхней строкѣ знаки подобны руническимъ, и вѣроятно работы Шведовъ; нижняя строка очевидно русская, и

последнія буквы едва ли не означаютъ названія самаго камня, т. е. Варашево, въ сокращенномъ видѣ. Ладожское Озеро, выпуская изъ себя рѣку Неву, получившую отъ него свое древнее названіе, и принимая въ себя Волховъ, Сясь и другія рѣки, періодически, чрезъ извѣстное число лѣтъ (наиболѣе, чрезъ семь) однажды возвышается въ уровнѣ воды, въ другой разъ — понижается, и это бываетъ причиною нема-

лыхъ затрудненій судамъ во время прохода по обмеленному устью или истоку рѣкъ. Рыбный промыселъ производится во всѣхъ прибрежьяхъ озера и его острововъ; онъ общеизвѣстенъ какъ обильнымъ ловомъ рыбы разной породы, такъ и ея качествомъ (*).

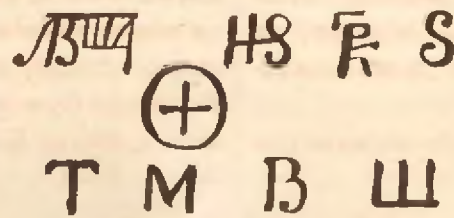
Таковы отличительныя свойства Ладожскаго Озера, на которомъ, въ лѣтнее время, постоянно встрѣчается множество судовъ, нагруженныхъ предпочтительно строевымъ лѣсомъ, и барокъ съ дровами, отправляющимися въ столицу.

Когда исчезъ изъ виду Шлиссельбургъ, намъ представились два маяка, не въ большихъ зданіяхъ, съ правой стороны города — Кошкинскій, и съ лѣвой — Кораджинскій. Наступала ночь; многія изъ лицъ, сопутствовавшихъ намъ, предались

сну; но мы рѣшились бодрствовать до утренней зари, и затѣяли пріятно вознагражденіемъ. Мы наслаждались, въ полномъ смыслѣ этого слова, величественнымъ восходомъ солнца на восточномъ горизонтѣ озера. Представьте себѣ — на радуж-

номъ небосклонѣ постепенно воздымаются надъ водою свѣтоносныя лучи на подобіе вѣнца; вскорѣ появляется самый обликъ солнца, разсыпая серебристый свѣтъ по пробуждающимся струямъ озера. Зрѣлище истинно восхитительное!.. Уже мы проѣхали верстъ около ста, и тогда одинъ изъ пассажировъ,

(*) Кто не знаетъ вкусныхъ ладожскихъ сиговъ? — *Прим. корр.*



Надпись на Варашевомъ Камнѣ.



Варашевъ. Камень.

юноша восторженный, вскричалъ, подобно Колумбу: «земля!» На самомъ дѣлѣ намъ представилась зеленѣвшая полоса материка, которая, по приближеніи къ ней парохода, измѣнилась въ песчаную отмель, покрытую растительностью, и на ней заблѣлось каменное зданіе св. обители острова Коневца, стоящаго почти на срединѣ западныхъ его береговъ, въ разстояніи отъ Шлиссельбурга 120-ти, а отъ ближайшихъ береговъ озера — 4 верстъ.

Мы приблизились къ юго-западнымъ берегамъ остро-

нымъ на мѣстномъ преданіи, островъ Коневецъ усвоилъ себѣ названіе отъ одного большого камня, находящагося въ сосновомъ лѣсу и выдававшегося мысомъ къ озеру на подобіе скалы. Этотъ камень въ общемъ очертаніи своимъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ видомъ лошади и, вѣроятно, отъ того изстари называется *конемъ каменемъ*, давшимъ, въ свою очередь, прозваніе и самому острову, называвшемуся у Финновъ Рандасари (т. е. островъ прибрежный) (*). Замѣтимъ кстати, что на Коневцѣ есть еще другой большой ка-



Коневскій Монастырь, на островѣ Ладожскаго Озера (Сиб. Епархія).

ва, и вышли на песчаную отмель, гдѣ нынѣ устроена прекрасная дорога, по направленію къ монастырю, усаженная кленовыми деревьями. Намъ радушно привѣтствовала духовная братія св. обители, и, по распоряженію пастыря, намъ отвели весьма удобное помѣщеніе въ гостинницѣ, особомъ зданіи, построенномъ внѣ стѣнъ монастырскихъ. Послѣ продолжительной поѣздки по водѣ, чувствуя естественно усталость, мы остались на нѣкоторое время въ покояхъ гостинницы, куда вскорѣ пришелъ къ намъ, по приглашенію, одинъ изъ іеромонаховъ, человекъ почтенныхъ лѣтъ и святой жизни. Бесѣда съ нимъ была для насъ назидательною. По его рассказамъ, основан-

іе *Горбуна*, также получившій названіе отъ своей формы. На поверхности Коня камня, поросшей низкорослыми соснами и березами, построена небольшая деревянная часовня, въ которую входятъ по деревянной лѣстницѣ.

О первобытномъ основаніи св. обители на Коневцѣ историческіе памятники очень скудны своими сказаніями. По мѣстнымъ преданіямъ монастыря и изъ древней новгородской лѣтописи (**) мы узнаемъ, что въ монастырь на Лисичьей Горѣ (въ Новгородѣ, упразд-

(*) Конь-камень — вышиною 6 саж., длиною 13, шириною 9; объемомъ 702 куб. арш.

(**) Полн. Собр. Русск. Лѣт. — Новгородъ, IV, подл. 6906 г.

нейший въ XVIII столѣтіи), развалины котораго видны близъ Хутынскаго Монастыря, пришелъ въ 1379 году нѣкто юноша Арсеній, для принятія постриженія. О происхожденіи и мѣстѣ родины его не сохранилось никакихъ извѣстій. Одиннадцать лѣтъ благочестивой жизни провелъ онъ въ новгородской обители, откуда отправился на Аѳонскую Гору. Здѣсь все время пребыванія своего инокъ Арсеній проводилъ въ молитвѣ и трудахъ, выдѣлывая мѣдныя вещи для святогорскихъ монастырей. Пробывъ на Аѳонѣ около трехъ лѣтъ, онъ пожелалъ возвратиться въ свое отечество. Арсеній просилъ у игумена Іоанна II на путь благословенія и удостоился получить отъ него икону Божіей Матери съ уставомъ монашескаго общежитія. На этой иконѣ Пресвятая Дѣва изображена съ Бого-младенцемъ Іисусомъ Христомъ, держащимъ въ лѣвой рукѣ на привязи двухъ голубиныхъ итенцовъ; на обратной же сторонѣ иконы представленъ нерукотворенный ликъ Спасителя. Арсеній возвратился въ прежнюю Лисическую Обитель, но скоро оставилъ ее, въ намѣреніи удалиться въ сѣверныя предѣлы Россіи. Постигъ Валаамъ, онъ рѣшился водвориться на одномъ изъ пустынныхъ острововъ Ладожскаго Озе-



Конь-камень.

ра, и, путеводимый Промысломъ Божиимъ, на утлой ладѣѣ прибылъ къ острову Коневцу и здѣсь водрузилъ крестъ Господень. Арсеній засталъ здѣсь не многихъ жителей, обитавшихъ въ язычествѣ и идолопоклонствѣ, которое, какъ свидѣлствуетъ исковской лѣтописецъ, не прекращалось еще долго послѣ того около «Коневыхъ водъ» (*). Основаніе монастыря совершено Арсеніемъ въ 1398 году, при архіепископѣ новгородскомъ Іоаннѣ. Тогда, по сказанію новгородскаго лѣтописца, сооружена была имъ церковь, посвященная Рождеству Пресвятыя Богородицы; по этому и св. обитель Коневская до нашихъ дней называется Рождественскою. Устроивъ такимъ образомъ на Коневцѣ монастырь, Арсеній вновь отправился на

Аѳонъ для поклоненія. Пребываніе его на чужбинѣ было непродолжительно. Послѣ наводненія, случившагося на Коневцѣ въ 1421 году, когда повреждены были всѣ зданія монастырскія, Арсеній посѣтилъ возвратиться въ свою обитель и, при пособіи новгородскаго владыки Евиміи, перенесъ монастырь на нынѣ занимаемое имъ мѣсто, на которомъ тогда же заложилъ каменную церковь. Одна изъ возвышенностей острова, на которую вступилъ Арсеній по возвращеніи своемъ, называется Святою Горюю, а прибрежье, гдѣ былъ встрѣчаемъ владыка Евимій, посѣщавшій не разъ Коневскую Обитель, прозывается донынѣ Владычною Лахтою. Строгая иноческая жизнь Арсенія пресѣклась на 65 году: онъ скончался 12 іюня 1444 года, и, въ послѣдствіи времени, причтенъ православною Церковью къ святымъ.

До XVI вѣка ничѣмъ не нарушалась тихая жизнь иноковъ на Коневскомъ Островѣ, но въ 1577 г. Шведы разорили церкви и кельи монастырскія. Иноки, преслѣдуемые фанатиками Западной Церкви, сокрывъ подъ спудъ св. мощи основателя обители, до-того стоявшаго на вскрытіи, удалились съ острова въ Новгородскій Деревяницкій Монастырь, куда перенесли съ собою и чудотворный образъ Богородицы, возвращенный въ Коневскую Обитель не ранѣе 1594 года. Въ 1611 году новое бѣдствіе постигло монастырь на Коневцѣ: шведскія полчища, подъ предводительствомъ Делагарди, разорили и разрушили до основанія церкви съ жилищемъ иноковъ. Коневецъ послѣ того приведенъ былъ въ совершенное запустѣніе и образъ Богородицы иноки перенесли въ Деревяницкій Монастырь. Когда оружіемъ Петра I завоеваны были отечеству сѣверныя его предѣлы, Государь отдалъ Коневскій Островъ Князю Я. О. Долгорукову (1716); но чрезъ два года возвратилъ Деревяницкому Монастырю, по распоряженію котораго надъ св. мощами Арсенія въ то же время монашество построило небольшую деревянную церковь во имя святителя Николы. Въ 1760 году Коневскій Островъ признанъ

(*) Н. С. Р. Л. Исковск. Лѣт. Приб. В. полъ 7042 г.

былъ независимымъ. Съ этой эпохи началось новое процвѣтаніе обители преподобнаго Арсенія. На щедроты Императрицы Елисаветы Петровны и Императора Александра I, митрополитовъ санктпетербургскихъ (*) и многихъ частныхъ благотворителей монастырь на Коневцѣ былъ вновь перестроенъ во всѣхъ его частяхъ. Соборъ Рождества Богоматери, сооруженный на мѣстѣ прежней Никольской Церкви, въ которой поклонялись св. мощи, освященъ въ 1802 г., но достроенъ уже въ 1809 году. Чудотворная икона Божіей

надлежитъ сказать, что каменные зданія въ монастырѣ, расположенныя параллелограммомъ, заключаютъ въ окружности пространство 234 сажень и обнесены оградой съ наугольными башнями. Войдя въ ограду святыми воротами, надъ которыми высятся одноярусная колокольня, намъ представился двоярусный Рождественскій соборъ, на которомъ пять главъ. Наружный видъ зданія собора довольно красивой архитектуры. Въ верхней церкви, отѣланной въ изящномъ вкусѣ, не заключается особыхъ примѣчательностей, но въ



Монастырь на Валаамѣ.

Матери перенесена на Коневецъ чрезъ Петербургъ еще при Митрополитѣ Гавріилѣ въ 1799 году, а съ 1833 года украшена позолоченною ризою, унизанною жемчугомъ и осыпанною драгоценными камнями.

Ознакомившись съ историческою жизнью Коневской Обители, сколько позволяли доступные намъ достовѣрные источники, повѣствуя о древнихъ судьбахъ ея, мы посетили въ соборъ Рождества Богоматери на поклоненіе чудотворной иконѣ Пресвятыя Дѣвы и къ мощамъ преподобнаго Арсенія. Предварительно

церкви нижней сохранена, подъ кровомъ ея, древняя святыня: здѣсь покоятся мощи основателя обители, преподобнаго Арсенія, подъ позолоченною стѣною, въ серебряной рактѣ, на поверхности которой вычеканено вынукло изображеніе угодника Божія въ-ростѣ, а съ боковъ — событія изъ его жизни. Здѣсь же, въ отдѣльномъ иконостасѣ помѣщается и святой образъ Богоматери, принесенный основателемъ обители съ Афона. Въ соборѣ сверхъ того сохраняются двѣ замѣчательныя древности: ковшъ преподобнаго Арсенія, оправленный въ серебро, 1679 года, принесенный некогда въ даръ Деревянницкому Монастырю, и покровъ, вышитый шелками и серебромъ, съ изображеніемъ

(*) Изъ митрополитовъ с.-петербургскихъ и новгородскихъ нѣкоторые посѣщали обитель на Валаамѣ, гдѣ памятуется имена владыкъ Михаила и Ипполита.

преподобнаго Арсенія и съ надписью о пожалованіи этой святыни на гробницу угодника Божія въ 1551 г. боярскими дѣтьми Щетиниными. Вообще ризница Коневской Обители обогащена утварью и облаченіемъ.

Совершивъ поклоненіе предъ ликомъ Богоматери и святыми мощами Арсенія, мы посѣтили еще двѣ небольшія церкви въ монастырѣ: одну во имя святителя Николая, освященную въ 1815 году, называемую кладбищенскою, такъ какъ она служитъ усыпальницею иноковъ, благодѣтельствовавшихъ обители, и другую — во имя преподобнаго Арсенія, освященную въ 1849 году. Не менѣе любопытенъ былъ для насъ обзоръ монастырской библіотеки, помѣщающейся въ одной изъ баненъ и сохраняющей собраніе книгъ духовнаго содержанія не позже XVII вѣка.

При Коневскомъ Монастырѣ, внѣ стѣнъ его, находится еще скитъ, устроенный на святой горѣ, съ небольшою каменною церковью, освященною въ 1796 году, въ честь казанской иконы Божіей Матери. Иноки, старцы и схимонахи, для помѣщенія которыхъ построены здѣсь кельи, проводятъ дни и ночи въ неуслышномъ чтеніи псалмовъ и въ поминовеніи усопшихъ.

Послѣднія минуты пребыванія нашего въ святой обители провели мы въ прогулкѣ по фруктовымъ садамъ, въ которыхъ растутъ роскошныя цвѣты, и въ осмотрѣ огородовъ и скотнаго двора, содержащихся въ порядкѣ.

Гостепримство иноковъ святой обители, оказываемое всѣмъ путешественникамъ на Коневецъ безразлично, призываетъ cadaго изъ нихъ выразить монашеству полную признательность. Кстати скажемъ, что штатъ братіи Коневского Монастыря, возведеннаго въ третій классъ въ 1825 году, состоитъ изъ начальника, въ санѣ игумена, іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ, рясофорныхъ и послушниковъ, въ числѣ неопредѣленномъ, но незначительномъ. Благочестивые иноки все время строгой жизни своей проводятъ на служеніи по древнему уставу, въ моленіи и постѣ, удѣляя свободные часы на ловлю рыбы въ озерѣ и на уборку овощей и хлѣба, для насущнаго пропитанія, и исправляя общія по монастырю работы.

Но приближалась пора отчала парохода къ продолженію плаванія путешественниковъ и богомольцевъ къ другой св. обители, процвѣтающей также на уединенномъ островѣ Ладожскаго Озера. Подъ вліяніемъ святаго впечатлѣнія на наше сердце отъ всего видѣннаго въ обители преподобнаго Арсенія, дальнѣйшій путь намъ казался незамѣтнымъ. Вдали, на безбрежныхъ водахъ сначала появляется полоса, какъ-бы подернутая туманомъ. По мѣрѣ приближенія парохода къ сѣверо-западнымъ берегамъ озера, видъ ея измѣ-

няется, и, наконецъ, пройдя 80 верстъ отъ Коневца, путешественникъ видитъ каменистую группу острововъ, покрытую хвойнымъ лѣсомъ. Эта св. земля — Валаамъ! — Въ былые годы наши грамотѣи увѣряли, что названіе свое островъ усвоилъ себѣ отъ какъ-то понавшагося туда идола Ваала. Нынѣ, во времена просвѣщенія, знатоки шведскаго и финскаго языковъ толкуютъ такъ: Островъ Валаамъ Финны называютъ *валлама*, отъ слова *варамма*, означающаго горную землю, или, что одно и то же, отъ шведскаго *валль* — высота и особаго слова — *ма*. Островъ этотъ, имѣющій въ окружности тридцать верстъ, есть огромная скала, выдавшаяся изъ озера и покрытая на поверхности напосною землею, обработанною неутомимыми трудами иноковъ до-того, что на островѣ разведены ими плодовые сады и огромные огороды, поля засяваются хлѣбомъ и на лугахъ косятъ сѣно. Растительность здѣсь естественно должна быть скудною: на каменистой почвѣ земли природныя острову растенія суть низко растущія сосны, березы и нѣкоторые кустарники (*).

Пройдя извилистыми заливами, образовавшимися между небольшими островами, сгруппированными около береговъ самаго Валаама и вѣроятно составляющими отрасли его, какъ общаго ихъ родоначальника, мы замѣтили на юго-западномъ берегу небольшую часовню во имя Апостола Андрея Первозваннаго, построенную, какъ рассказываютъ на Валаамѣ, въ память прибытія его на этотъ островъ (**), и на Крестовомъ Островѣ небольшую каменную церковь новой русской архитектуры, съ конической главою, во имя святителя Николая. На всемъ пути по окрестностямъ Валаама путешественникъ не можетъ отвлечь взоровъ своихъ отъ этой поразительно-дикой, но истинно-прекрасной природы! Растительность кустарниковъ и травъ, усаженныхъ цвѣтами, на каменистыхъ островахъ разныхъ формъ и величинъ — такъ и просится на полотно художника-пейзажиста. Наконецъ мы достигли до крутаго берега Валаама. Здѣсь, вступивъ на материкъ, молились у часовни, построенной на бе-

(*) Каменистое свойство острововъ Валаама монашество и прибрежные жители Ладожскаго Озера называютъ вообще *лудокъ*, отъ финскаго слова *лото*, что означаетъ камень. Соч.

(**) Преданіе о пришествіи Апостола Андрея Первозваннаго въ Новгородъ Великій сохраняется у Новгородцевъ до нашихъ дней. Они указываютъ на село Грузино, какъ мѣсто водруженія Апостоломъ св. креста. Въ древности Грузино было пожертвовано Валаамскому Монастырю. Отсюда понятно, почему и на Валаамѣ сохранилось тоже преданіе до нынѣ. Исторически извѣстно, что Апостолъ Андрей Первозванный, прибывъ въ землю Славянъ, доходилъ не далѣе Кіева. Соч.

регу, и потомъ поднялись по гранитной лѣстницѣ на дѣрогу, ведущую къ гладкой возвышенности, на которой сооруженъ монастырь. Совершенно неожиданно путешественники-богомольцы были привѣтствованы иноками св. обители при входѣ на берегъ; насъ встрѣтило духовенство въ облаченіи съ св. крестомъ, при умиленномъ пѣніи молитвъ. Какая благодатная предупредительность! Не вступая въ монастырь, мы повернули съ дороги на право къ гостинницѣ, помѣщающейся въ больномъ зданіи. Расположившись въ отведенныхъ намъ покоехъ весьма удобнаго устройства, мы предались отдыху при обязательной услужливости келіарха. До осмотра монастыря мы вознамѣрились прочесть нѣкоторые отечественные памятники, чтобъ предвари-

тельно познакомиться съ древними судьбами знаменитой обители, на уединенную землю которой вступили мы странниками.

Въ X вѣкѣ, когда отечество наше на югѣ воспріяло вѣру Христову, Равноапостольный Великій Князь Владиміръ, пригласивъ въ Кіевъ ученыхъ Грековъ для распространенія на Руси Евангелія, отпавилъ перваго епископа Іоанна, прибывшаго изъ

Кореуни, въ Новгородъ для обращенія язычниковъ въ христіанство. Дѣлю апостольства раздѣляли съ нимъ и другія лица духовнаго сана. Изъ нихъ благочестивые иноки Сергій и Германъ, люди неизвѣстные родомъ, но сильные волею и духомъ, посвятили себя на проповѣдь ученія Христова въ отдаленныхъ предѣлахъ Руси, погруженныхъ въ идолопоклонство. Они съ самоотверженіемъ дошли по трудному пути до береговъ Ладожскаго Озера и на утлой ладѣ переплыли на одинъ изъ большихъ острововъ, Валаамъ, гдѣ тогда же положили основаніе первому монастырю. Въ доказательство глубокой древности существованія Валаамскаго Монастыря приводимъ достовѣрное рукописное свидѣтельство о томъ, что въ обители Валаама отъ игумена Θεогноста принялъ св. крещеніе пришлецъ изъ языческаго города Чухомы, св. Авраамій Ростовскій, въ 960 году. По сказанію софійскаго лѣтописца подъ 1163 г., православною Церковью преподобные Сергій

и Германъ въ этомъ году причтены къ лику святыхъ. Шведы, неоднократно нападавая на Валаамъ, тревожили обитель. Постоянныя гоненія побудили иноковъ удалиться въ Новгородъ, куда перенесли съ собою и св. мощи, которыя возвращены на островъ въ 1180 году. Въ XII столѣтіи на Валаамѣ сооружена была игуменомъ Мартиріемъ каменная церковь во имя Всемилостиваго Спаса. 1580 годъ не менѣе былъ бѣдственнымъ для Валаама: тогда обитель подверглась новому разграбленію Шведами и въ ней побито 80 иноковъ фанатиками, дѣйствовавшими по внушенію папскихъ буллъ. Хотя иноки водворились на родномъ имъ Валаамѣ въ 1594 году, однако пребываніе ихъ здѣсь было непродолжительно: въ 1611 году, шведскій полковонецъ Делагарди, призванный на помощь Россіи, предательски обратилъ на нее все буйство своихъ войскъ, предавъ разоренію встрѣчавшіеся ему на пути въ Новгородъ города и села съ св. храмами. Гонимое монашество, взявъ съ собою святыню и утварь, переселилось въ Старую Ладугу, гдѣ попеченіемъ Царя Михаила Феодоровича водворили иноковъ въ Васильевскомъ Мона-



Рѣка и мощи Св. Сергія и Германа въ нижней церкви Валаамскаго Монастыря.

стырь, оставшимся упраздненнымъ (*). Преслѣдуемые и здѣсь врагами, иноки Валаама удалились чрезъ Тихвинъ въ Бѣлозерскъ. Въ эту бѣдственную эпоху Валаама, который тогда же заняли Шведы и расположились въ немъ на жительство, монастырь былъ упраздненъ подобно Коневцу, а братство подчинено великоновгородской святительской кафедрѣ. Надобно заключить съ полною вѣроятностью, что св. мощи Сергія и Германа были въ послѣднее время укрыты въ монастырь на Бѣлозерѣ, такъ какъ при перенесеніи ихъ на Валаамъ въ 1718 году участвовало монашество Бѣлозерской Обители.

Наконецъ возникъ новый періодъ процвѣтанія Валаамскаго Монастыря. Начало возобновленію обители положилъ бѣлозерскій архимандритъ Иринархъ, испросивъ на то соизволеніе Петра I въ 1715 году.

(*) Акт. Арх. Эксп. т. III № 96.

Всѣ въцѣносныя преемники Великаго усердно являли Валаамской Обители знаки своихъ царскихъ щедротъ. Въ 1811 году Валаамъ посетилъ Александръ Благословенный, наградившій впоследствии игумена золотымъ наперстнымъ крестомъ, осыпаннымъ брилліантами и донынѣ украшающими грудь настоятелей при богослуженіи. Послѣ того (въ 1822 г.) Валаамской Обители дарованы права первоклассныхъ монастырей. Къ современнымъ намъ событіямъ Валаама надобно отнести прїѣздъ сюда (въ 1844 г.) на пути въ Архан-

строений образовались двѣ ограды. Съ главной дороги вы входите въ святые ворота, надъ которыми помѣщается церковь Св. Апостоловъ Петра и Павла, и, продолжая путь, вступаете во внутренность двора другими воротами, гдѣ въ строеніи расположена зимняя церковь Успенія Богоматери. Внутри ограды, на восточной сторонѣ, воздвигнутъ каменный соборъ, строгой архитектуры, двухъярусный, надъ которымъ высется пять главъ. при входѣ пристроена высокая колокольня. Внутренность собора раздѣляется, по яру-



Скитъ Спасо-Преображенскаго Валаамскаго Монастыря.

гельскъ Генералъ-Адмирала, Великаго Князя Константина Николаевича, посвятившаго обители драгоценные сосуды для священнослуженія.

Въ глубокую полночь звукъ колокола призывалъ насъ ко всенощной службѣ, которая въ обители преподобныхъ Сергія и Германа совершается чрезвычайно продолжительно, со всею полнотою, по строгому уставу, заимствованному изъ Саровской Пустыни. Послѣ заутрени началась ранняя литургія, по окончаніи которой мы отправились осматривать Валаамъ въ сопровожденіи келарха. Вотъ нынѣшнее положеніе св. обители. Монастырь обнесенъ двумя рядами келейныхъ зданій, связанныхъ стѣнами, построенными въ разное время. Отъ этого расположенія

самъ, на два отдѣла или особые церкви, подъ сводами: нижнюю во имя валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа, открытую въ 1799 году, и верхнюю, посвященную Преображенію Господню, основанную въ 1794 году. Отъ этого главнаго престола и монастырь называется Валаамскимъ Преображенскимъ. Верхній храмъ во внутренности своей украшенъ величественнымъ рѣзнымъ иконостасомъ, покрытымъ позолотою, и замѣчательенъ образами древней и новой иконописи; нѣкоторые изъ нихъ въ серебряныхъ ризахъ. Въ нижнемъ храмѣ покоятся св. мощи Сергія и Германа, надъ которыми поставлены литыя серебряныя раки, устроенныя частными благотворителями. На поверхности гробницъ изображены преподобные Сергій и

Германъ, въ ростѣ, а на боковыхъ сторонахъ вычеканены въ изящныхъ украшеніяхъ нѣкоторыя событія святой ихъ жизни. Послѣ обозрѣнія собора мы постѣтили еще двѣ церкви: одну, устроенную въ зданіи келій южной стороны, во имя святителя Николая, и другую — больничную или кладбищенскую, посвященную Живоносному Источнику, празднество котораго совершается въ пятницу святой недѣли.

Не менѣе наша любознательность увлечена была къ обозрѣнію ризницы и библіотеки, обогащенныхъ драгоценною утварью и облаченіемъ, пожертвованнымъ отъ Императрицы Елисаветы Петровны и Императора Александра I, и собраніемъ книгъ духовнаго содержанія, изданныхъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Въ библіотекѣ замѣчательна еще мѣстная, т. е. монастырская, рукопись древняго времени, подъ названіемъ: «Оповѣдь» историческаго содержанія, о событіяхъ Валаамскаго Монастыря. Въ ризницѣ обращаетъ на себя вниманіе, по рѣдкости, древній шелковый набедренникъ, вышитый золотомъ, на которомъ надписи: «Отъ раба Димитрія.» Преданіе утверждаетъ, что это священное облаченіе

есть даръ, принесенный въ обитель Валаама Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, однимъ изъ спасителей Россіи въ 1612 году.

Оставалось побывать въ Валаамскомъ скитѣ, расположенномъ на сѣверной сторонѣ острова. Мы отправились въ пустыню на лодкѣ, желая насладиться еще однажды живописными видами на берегахъ острововъ Валаама. Зданіе скитскихъ иноковъ, построенное на гранитной площади, обнесено оградой. Здѣсь небольшой двухъярусный храмъ, изящнаго рисунка, новой русско-византійской архитектуры, сооруженный на пожертвованіе частнаго благотворителя, во имя Всѣхъ Святыхъ и Небесныхъ Силъ. Храмъ этотъ освященъ Митрополитомъ Санктпетербургскимъ Никаноромъ, во время пребыванія его на Валаамѣ, лѣтомъ 1850 года. Обязанности иноковъ въ скиту на Валаамѣ одинаковы съ тѣми, которыя соблюдаются въ скиту на Коневцѣ. Въ отдаленности отъ обители,

въ безмолвномъ лѣсу, спасаются отшельники-старцы, предпочтительно принявшіе схиму. Они проводятъ затворническую жизнь въ одиночествѣ и постѣщаютъ монастырь только по субботамъ и праздникамъ. Мы были даже въ древнемъ скитѣ, находящемся на Святомъ Островѣ, разстояніемъ отъ монастыря въ 7 верстахъ, иначе называемомъ Старый Валаамъ. Скитъ этотъ достопамятенъ тѣмъ, что въ немъ началъ иноческую жизнь преподобный Александръ Свирскій, спасавшійся здѣсь въ пещерѣ, изсѣченной въ скалѣ.

Записывая замѣтки наши о Валаамѣ, припомнимъ, по долгу справедливости, заслуги благочестивыхъ иноковъ здѣшней обители. По истинѣ, Валаамъ былъ на сѣверѣ Россіи разсадникомъ христіанства. Первыми

просвѣтителями языческихъ народовъ въ Кареліи и Финляндіи, по всей вѣроятности, надобно признавать преподобныхъ Сергія и Германа. Послѣ нихъ, какъ мы уже сказали, жилъ на Валаамѣ въ затворничествѣ преподобный Арсеній, основавшій обитель на Коневцѣ. Съ 1475 по 1485 года пребывалъ здѣсь въ иноческомъ подвижничествѣ св. юноша Александръ, основатель монастыря на Свири. Въ XVI



Домъ, въ которомъ жилъ Суворовъ.

вѣкѣ изъ валаамскихъ иноковъ извѣстны своею высокою духовною жизнію: Адріанъ, соорудившій Андрусовскій Монастырь; Аѳанасій, строитель Сендямской Пустыни, и Евфросимъ, основавшій Синозерскую Пустынь. Отъ дней глубокой древности иноки Валаама заслуживали уваженіе во всѣхъ предѣлахъ Россіи. Строгий и благочестивый образъ жизни здѣшняго монашества привлекалъ многихъ соотечественниковъ, безропотно покинувшихъ богатства міра, подъ кровъ св. обители, которой въ прежнія времена отказывали значительныя имѣнія. Не рѣдко государи русскіе являли монашеству обители Валаама знаки царскаго вниманія и щедрости. Стоитъ припомнить только древнія грамматы, извѣстныя намъ отъ царствованія Василя Іоанновича, на освобожденіе Валаама отъ всѣхъ повинностей или на владѣніе пожертвованными монастырю имѣніями и по рыбному промыслу на озерѣ. Не забудемъ дополнить наше сказаніе о здѣшнемъ монашествѣ

тѣмъ, что въ обители ихъ введено въ 1785 году общежитіе по весьма строгому уставу цареградской обители св. Маркелла, и церковное пѣніе иноковъ валаамскихъ умиляетъ молящихся своею стройностью и пріятностью напѣва, невольно призывающаго къ благоговѣнію. Но и внѣ стѣнъ Валаама иноки его охотно являлись на служеніе отечеству по первому призыву Царя или духовной власти. Приводимъ въ примѣръ одно достопамятное событіе: въ 1793 г. изъ валаамскаго и коневскаго монашества отправлены были 10 иноковъ въ сѣверо-американскія владѣнія Россіи для просвѣщенія народа, бывшаго въ язычествѣ, христіанскою вѣрою и для распространенія евангельскаго ученія. Апостольскіе труды ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: они, обративъ нѣскольکو тысячъ народа въ православіе, построили для новыхъ христіанъ св. церкви, и многіе изъ нихъ за вѣру Христову скончали дни своей жизни въ мученическихъ подвигахъ.

Обозрѣвая Валаамъ, путешественникъ приходитъ въ удивленіе при посѣщеніи монастырскаго кладбища, иначе называемаго усыпальницею, гдѣ погребаются игумены обители. Иноки показываютъ здѣсь могилу и надъ нею, на привѣщенной доскѣ, по временамъ подновляемой, эпиграфю о погребеніи шведскаго короля Магнуса въ 1371 году. Въ этой надписи кромѣ того сказано, что Магнусъ, бывъ побѣжденъ Русскими, носился по Ладожскому Озеру на корабельной доскѣ, и когда его волнами прибило къ Валааму, онъ водворился здѣсь, принялъ крещеніе и умеръ въ монашествѣ. Разумѣется, это выдуманно: исторически извѣстно, что Магнусъ ходилъ войною подъ Орѣховъ въ 1348 году, но онъ возвратился въ Швецію, гдѣ и погребенъ. Могло быть, что одинъ изъ военачальниковъ магнусовыхъ полчищъ, бродившихъ по берегамъ Ладожскаго Озера, нашелъ себѣ спасеніе на берегахъ Валаама.

Настало наконецъ время возвращенію нашему въ столицу, и мы, изливъ молитвы въ послѣдній разъ у гробницъ угодниковъ Божіихъ, отправились на пароходъ, напутствуемые благословеніемъ братіи св. обители. Нѣсколько дней пребыванія нашего на Валаамѣ освѣжили благотворно наши чувства и освятили духовно нашу мысль. — Валаамъ можно уподобить оазису, гдѣ усталый путникъ находитъ спасительное пристанище послѣ долгаго странствованія по пустынь міра, исполненнаго суеты.

Завѣхавъ на обратномъ пути въ Коневецъ, мы на другой день прибыли въ Шлиссельбургъ. Здѣсь до-

брые друзья пріисовѣтовали намъ осмотрѣть кстати еще одну изъ древностей сѣверной Россіи на берегахъ Волхова. Вечеромъ наняты были для насъ мѣста на трешкоутѣ, довольно большой крытой лодкѣ, въ родѣ барки, которую лѣтливо тянутъ бечевою. Пароходъ, къ сожалѣнію, прекратилъ тогда поѣздки къ Ладогѣ. На трешкоутѣ мы заняли отдѣльные покои, но, отъ душноты въ нихъ и отъ множества чернаго народа



Церковь Св. Георгія въ Новой Ладогѣ, построенная А. В. Суворовымъ.

на палубѣ, ѣзда ста четырехъ верстѣ по Ладожскому Каналу въ этой лодкѣ, которая ползетъ подобно черепахѣ, невыносимо скучна, тѣмъ болѣе, что на всемъ пути безпрестанно встрѣчаются тысячи судовъ и гонокъ. На другой день мы прибыли въ Новую Ладогу, гдѣ нельзя было не взглянуть на двухъэтажный домъ, по устройству своему впрочемъ не примѣчательный, въ которомъ жилъ временно великій русскій полковонецъ Суворовъ. Онъ, бывъ пожалованъ Екатериною II (въ 1762 г.) полковникомъ за геройскіе подвиги въ Пруссіи, поселился въ Ладогѣ при вѣренномъ его начальству Астраханскомъ Пѣхотномъ Полку, расположенномъ здѣсь на квартирахъ и ежегодно ходившемъ въ Петербургъ на маневры. Сохранилась въ Новой Ладогѣ и небольшая деревянная церковь Св. Георгія, уже разрушающаяся, и въ ней иконы, пожертвован-

ныя Суворовымъ, который имѣлъ обыкновеніе въ этомъ храмѣ пѣть на клиросѣ и читать апостолъ при совершеніи литургіи. Нанявъ экипажъ, мы немедленно отправились въ Старую Ладугу, по песчаной дорогѣ, идущей близъ береговъ Волхова.

Въ окрестностяхъ Старой Ладуги замѣтили мы нѣсколько кургановъ на берегу Волхова и древній каменный монастырь, оставленный въ запустѣніи. Грустно было видѣть покинутую обитель, въ которой нѣкогда совершалось священнослуженіе и возносились св.

щей по мѣстамъ бойницы, должно заключить, что подъ нею были ходы. Сооруженіе этой крѣпости Новгородцами, надобно полагать, производилось подъ руководствомъ греческихъ мастеровъ.

Среди крѣпости, на площади, воздвигнуть древній храмъ, во имя Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Зданіе храма не высокой постройки, видомъ четырехстороннее, обѣ одной круглой главѣ. Въ недавнее время храмъ поновленъ частнымъ благотворителемъ, и къ переднему входу, гдѣ прежде помѣщалась



Видъ части крѣпости Старой Ладуги и церкви Св. Георгія.

мольбы къ престолу Господню! Вскорѣ намъ представилась женскій монастырь, гдѣ, въ Соборѣ Успенія Богоматери, слушали мы литургію и послѣ службы поѣхали настоятельницу, почтенную старицу преклонныхъ лѣтъ, обязавшую насъ своимъ радушіемъ. Отсюда уже недалеко было до древней крѣпости ладожской или Рюрикова Городища, и мы поспѣшили къ стѣнамъ его, которыя нашли совершенно разрушавшимися и уцѣлѣвшими только съ трехъ сторонъ въ своемъ основаніи. Крѣпостныя стѣны, съ наугольными круглыми башнями, расположенныя правильнымъ квадратомъ, занимаютъ весьма малое пространство; онѣ сложены изъ плитняка. По признакамъ останковъ крѣпости, имѣю-

колокольная, пристроенъ притворъ. Внутренность храма подъ сводами, упирающимися на четырехъ столбахъ; алтарь устроенъ въ большомъ полукружій восточной стѣны; но двумъ сторонамъ его сдѣланы два малыхъ полукружія. Въ полукружій съ правой стороны сохранилась на стѣнѣ древняя фреска, изображающая Св. Георгія на конѣ. На сѣверной и южной стѣнахъ также уцѣлѣло нѣсколько фресокъ съ ликами святыхъ. Всѣ онѣ византійскаго рисунка и нѣкогда были покрыты штукатуркой, но по старанію Митрополита Гавріила восстановлены въ 1780 году.

Древній новгородскій лѣтописецъ подъ 6623—6624 годомъ свидѣтельствуетъ, что «посадникъ Великаго

Повгорода Павелъ заложилъ Ладогу, градъ камень» (*). Итакъ, слѣдуя достовѣрному историческому показанію, надобно отнести къ началу XII вѣка и сооруженіе храма Св. Георгія въ крѣпости Старой Ладоги, при которомъ нѣкогда былъ монастырь, называвшійся Георгіевскимъ Застѣннымъ отъ окружавшихъ его стѣнъ крѣпости.

На площади ладожской крѣпости, у стѣнныхъ, построена другая небольшая церковь, срубленная изъ дерева, также древняя, въ которой сохраняется рѣдкое старинное священническое облаченіе, шитое изъ полотна.

(*) И. С. Р. Л. — Повг. Лѣт. I, годъ 6624.

Священные древности, сохраняющіяся въ Старой Ладогѣ, погружаютъ насъ въ глубокія думы своею осмысленною историческою жизнью! Разрушающаяся твердыня ладожскаго дѣтства достопамятна пребываніемъ здѣсь перваго русскаго князя — Рюрика. Эта праматерь русскихъ крѣпостей, достойная изученія, какъ памятникъ древней отечественной фортификаціи, не поддерживаемая въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ исчезнетъ навсегда отъ всеразрушающей руки времени.

Ал. Толмачевъ.

ЛІСТКИ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Башня на Крестномъ пути, въ Іерусалимѣ.



Видъ Иерусалима съ дамасской дороги, отъ пещеры Пророка Іереміа.



Замокъ Давидовъ и купальня Вирсавіа, въ Іерусалимѣ.



Здѣшя, называемыя Домомъ Давыдовымъ, нынѣ мечеть, въ Иерусалимѣ.



Мѣсто исцѣленія Спасителемъ слѣпорожденнаго въ Иерусалимѣ.

ПЕТЕРБУРГЪ ЗАРЪЧНЫЙ.



Каждый годъ появленіе торговокъ березовыми почками на улицахъ Петербурга даетъ его жителямъ сигналъ къ переселенію.

Все, что трудилось и размышляло до поту мозговъ, что наслаждалось до усталости, хворало до совершеннаго истощенія силъ — все спѣшитъ за городъ обновиться вмѣстѣ съ природой, прячетъ лишнюю роскошь въ сундуки и отдаетъ на сохраненіе въ вѣрное мѣсто, или же закладываетъ послѣдній перстень, отказывается отъ единственной дюжины ложекъ и снаряжаетъ возы и лодки въ лѣтнюю экспедицію. Весенняя Одиссея

ежегодно повѣствуется въ петербургскихъ фельетонахъ; но, сколько помнимъ, никто изъ ея лѣтчиковъ не объяснилъ замѣчательнаго обстоятельства, именно: отчего житель Петербурга въ городѣ съ космополитскимъ равнодушіемъ переноситъ своихъ пенатовъ изъ пятнадцатой линіи Васильевского Острова въ Поварской Переулокъ, съ Бугорковъ къ Пустому Рынку, и напротивъ съ сердечною болью промѣнялъ бы лѣтній уголокъ свой въ Гражданскѣ на побережьи Черной Рѣч-

ки, или Рѣзвый на околки Колтовской? Не дѣйствуетъ-ли привычка сильнѣе подъ шелестъ березъ, нежели подъ лѣтныя зимней мятели? Или привязанности живутъ только на болѣе или менѣе идиллической почвѣ? Предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса психологамъ; но только дознано, что мы гораздо постояннѣе на муравѣ, нежели на плитномъ тротуарѣ. Связавъ пожитки для возвращенія въ городъ, дач-

никъ обыкновенно задаткомъ обезпечиваетъ себя покидаемый пріютъ на будущее лѣто; быть можетъ, еще навѣститъ его по санному пути пріятельскимъ пикникомъ, но при мартовской оттепели уже непременно пофываетъ въ немъ



Кафе въ Лѣтнемъ Саду.

подъ какимъ нибудь хозяйственнымъ предлогомъ, напримеръ со складнымъ аршиномъ для соображеній, сколько бы потребовалось обоевъ на реставрацію гостиной. Терентьичъ или Савельичъ съ тремя поклонами встрѣчаетъ своего лѣтняго постояльца, а жена домохозяйина, завидя гостя изъ окна, выплываетъ съ Сашей на рукахъ, что пріѣхалъ, молъ, крестный и дастъ на гостинцы. Родственные отношенія этого рода очень часто устанавливаются за городомъ. Есть,

правда, между дачниками и позднія птицы, которыя, выждавъ до половины іюня, нанимають оставшіяся незанятыя домики за половину, даже за четверть цѣны; но такихъ спекулянтовъ не много, и притомъ билетики на окнахъ и черныя дощечки съ бѣлою надписью на калиткахъ въ эту пору лѣта—рѣдкія исключенія.

На Югѣ солнце вещь обыкновенная, на Сѣверѣ оно подарокъ, которымъ спѣшать пользоваться, покуда оно еще бронзируетъ лица и руки, если только ему не помѣшаютъ всегдашніе завистники — облачка и тучки. Между тѣмъ какъ сторожъ или садовникъ, а чаще самъ хозяинъ съ бородкой, въ ожиданіи городскихъ гостей снимаетъ паутину по угламъ комнатъ и каморокъ, абонированныхъ еще въ великомъ посту, и расчищаетъ палисадникъ, заваденный октябрьскими листьями, счастливы, для которыхъ идутъ все эти приготовленія, надѣваютъ чехлы на стулья и диваны, завѣшиваютъ картины кисеей и безпрестанно справляются съ барометромъ. У сосѣда, черезъ дорогу, уже вынесли мебель—кровати, вольтеръ, пару ломберныхъ столовъ, трельяжъ—все, что нужно для дачи. Ему нечего ждать: вѣдь онъ десять лѣтъ сряду кочуетъ въ Волюнкиной; и Дмитрію Петровичу то же пора—онъ свилъ гнѣздо за Московской Заставой. Мадамъ Лилъенгерцъ тоже отправляетъ колониетскую телегу съ цвѣтниками и пожитками въ Улянку. Все эти люди могутъ ѣхать и постоянно уѣзжаютъ на дачу въ первыхъ числахъ мая: имъ ничто не препятствуетъ. Не трогаются только зарѣчные дачники—ждутъ, пока пройдетъ ладожскій ледъ и наведутъ мосты. Но вотъ настала блаженная минута и для васъ, образцы терпѣнья! Да будутъ блага ваши легки плечамъ носильщиковъ и дойдутъ въ цѣлости—все, до послѣдняго флакончика съ одеколономъ—къ мѣстамъ, которыя представляются вашему воображенію сквозь радужную призму надеждъ и воспоминаній! Да хранитъ васъ судьба отъ иѣсенъ сквознаго вѣтра и отъ визгливой скрипки музыкальнаго сосѣда, отъ комарихъ жалъ и навязчивыхъ знакомствъ, отъ проливныхъ дождей и ихъ спутниковъ—флюсовъ и насморковъ. Впрочемъ къ чему думать о смутномъ будущемъ, когда настоящее улыбается такою глубокой, синей, ослѣпительной лазурью? Къ чему напоминать страннику, что одинъ порывъ неожиданной бури можетъ переломить прекрасное дерево, подъ которымъ онъ отдыхаетъ? Древній, но вѣчно юный философъ совѣтовалъ ловить день на лету—*carpe diem*. Оно и лучше! Человѣкъ аналитическимъ умомъ своимъ отравляетъ самыя прекрасныя минуты и въ этомъ случаѣ очень похожъ на ребенка, который говоритъ: «Ахъ, какой красивый тюльпанъ! Еслибъ мнѣ дали этотъ тюль-

панъ!»—Возьми, отвѣчаютъ ему.—«А что подъ этимъ хорошенькимъ чернымъ листочкомъ?» спрашиваетъ мальчикъ,—и срываетъ листокъ. За чернымъ листкомъ видѣнъ красный, подъ краснымъ синій, и, опцинавъ все лепестки, и красные и синіе, что же наконецъ видитъ ребенокъ?... Зловонную луковицу... Великая мудрость жизни заключается въ умѣнии находить въ вещахъ хорошую сторону, какъ Гѣтевъ прохожій примѣтилъ у издыхающаго осла бѣлые, какъ слоновою кость, зубы.

Большая часть дачниковъ въ этомъ случаѣ настоянціе мудрецы. Ключекъ зелени въ пять-шесть квадратныхъ сажень; липа, сирень или просто рябина, вмѣсто бесѣдки, удовлетворяють ихъ притязанія на богатства природы; салоннаго комфорта не ищетъ постоялецъ въ бревенчатой избушкѣ: желанія унижены до средствъ, если не было возможности возвысить средства до желаній.

Въ концѣ мая все домики, называемые дачами, уже заняты своими обычными гостями; но главными пулсами лѣтней жизни Петербурга издавна были острова, и по удобству сообщенія съ центромъ города, и по развязности быта, за весьма немногими исключениями, веселаго и непритязательнаго. Лѣтъ двадцать тому началъ оживляться другой, прежде глухой, безлюдный, но сурово-живописный край—около Лѣснаго Института; теперь же онъ обратился въ цѣлый городокъ, съ прямыми, вытянутыми по шнуру аллеями, садами, парками, рощами, въ зелени которыхъ весело выдаются дома легкой, изящной архитектуры, и каждою весной привлекаетъ тысячи истинныхъ любителей природы наслаждаться смолистымъ ароматомъ своихъ пирамидальныхъ сосенъ.

И такъ, читатель, взгляните на нестрое лѣтнее кочевье, и пусть рисунки напоминаютъ вамъ живую дѣйствительность, по крайней мѣрѣ въ той степени, какъ высохшій листокъ въ гербаріи ботаника знакомитъ съ произведеніемъ вѣтки, иѣкогда изумруднымъ, сочнымъ и душистымъ. Если вы хотите сколь можно менѣе наглотаться пыли и ищете тѣни, мы совершимъ экспедицію въ гостепріимномъ ящикѣ на колесахъ, открытомъ для всехъ и каждого—по-латыни *omnibus*. Такіе транспорты всехъ цвѣтовъ—синіе, желтые, зеленые, кирпично-красные—стоятъ вереницей на Невскомъ Проспектѣ возлѣ Гостиного Двора и все назначены для зарѣчныхъ дачъ, кромѣ одного, который ходитъ къ Екатерингофу. Вокругъ каждого omnibusа группируются пассажиры, въ ожиданіи, пока возница, загорѣлый, какъ флорентинская бронза, вскарабкается на козлы и тройка поджарыхъ бѣгуновъ двинется тряскою рысцею съ веселымъ караваномъ. Впрочемъ, чита-

тель, перемените маршрут. Предвижу, что вы любите во всем систему, даже въ прогулкѣ, и мы начнемъ наше странствованіе по лѣтнимъ ландшафтамъ съ родоначальника петербургскихъ общественныхъ гуляній. До него не больше десяти минутъ гусиного шага.

Дойдемте до конца Садовой.... Вотъ онъ, Лѣтній Садъ, тѣнистый оазисъ пыльной Адмиралтейской Страны, первенецъ петербургскихъ гульбищъ, въ которомъ, почти за полтора вѣка, зарождалась наша общественная жизнь вокругъ Лѣтняго Дворца великаго преобразователя.

Съ тѣхъ поръ, какъ сады общественные обратились въ музыкальныя эстрады и ноги наши движутся только въ тактъ оркестрамъ, Лѣтній Садъ не болѣе, какъ кратчайшая линія къ паровой пристани, куда спѣшитъ петербургское человѣчество, не замѣчая ни статуи, ни переливовъ зелени, ни игры тѣней, и видитъ лишь черную струйку дыму, который вырывается вдали на невиской набережной изъ трубы парохода. Только въ началѣ весны, когда деревья едва опушились почками, лучшее общество отдаетъ визитъ этому великолѣнному саду, какъ оставляютъ визитную карточку почтенному родственнику. Въ эти дни вдоль



Лѣтній Садъ и домъ Е. П. В. Принца Ольденбургскаго.

Войдемте за эту легкую стѣнную рѣшетку. Вотъ мы въ другой атмосферѣ. Великолѣпная урна изъ эльбальскаго порфира, подарокъ шведскаго короля, останавливаетъ ваше вниманіе красотою формы, напоминающей помпейскія вазы. Широкая лента Фонтанки съ правой стороны, узенькая канавка съ лѣвой, обѣ окаймлены шпалерами акацій и защищаютъ садъ отъ уличной пыли. Передъ глазами тянутся длинные коридоры деревьевъ, почти сросшихся вершинами въ безконечный сводъ. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, ложатся на песокъ аллей круглыми пятнами. Вась окружаетъ бальзамическій сумракъ; душѣ какъ-будто становится шире въ этомъ ровномъ воздухѣ, освѣженномъ травянистыми испареніями.

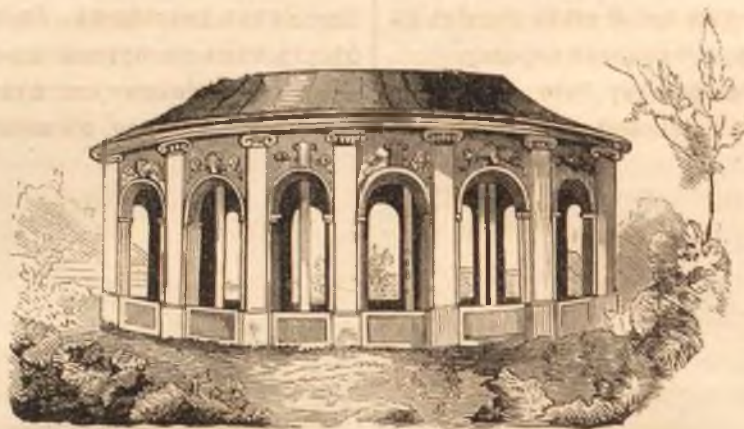
Рѣшетокъ единственнаго городского гульбища тянутся сплошными рядами экипажи, у воротъ блестятъ безчисленныя ливреи, боковыя аллеи изрыты кавалькадами, прорѣзаны колесами фаэтоновъ и кабриолетовъ; первые проѣкты весенней моды являются въ панорамахъ оживающихъ деревьевъ и на гладкихъ, какъ паркетъ, куртникахъ. Мраморныя нимфы и богини съ завистью смотрятъ съ пьедесталовъ на гиперборейскихъ красавицъ; Гераклитъ и Демокритъ, со слезами и усмѣшкой, осматриваютъ франта, одѣтаго по картинкѣ; Беллона опустила факелъ и съ лукавымъ взглядомъ преслѣдуетъ стройнаго кавалериста... Но къ пяти часамъ аллеи замѣтно пустѣютъ, въ пять часовъ вы не увидите у рѣшетокъ ни ливрей, ни экипажей, и въ саду

остаются только мраморные боги съ навѣянными на нихъ думами, да сторожа, заметающіе слѣдъ коней и колесницъ.

Въ первый теплый день, разбудившій сиреневую почку, весь этотъ изящный свѣтъ, а за нимъ и полусвѣтъ и четверть свѣта, устремляются на блѣдную, веръ-помъ, зелень окрестныхъ острововъ. Прощай, Лѣтній Садъ! Весенніе гости не воротятся подъ твои сплетенія, не будутъ унывать ароматомъ твоихъ скошенныхъ лужаекъ, ни даже твоимъ сентябрьскимъ золотомъ.

Отнынѣ будутъ искать твоей тѣни и проклады только безвыходные горожане соседнихъ улицъ и переулковъ, труженики, прикованные къ письменнымъ столамъ, верстакамъ и вырубкамъ. Два раза въ лѣто — въ Духовъ День и слѣдующее за нимъ воскресенье — аллеи твои обратятся въ сплошныя, едва движущіяся массы сибирокъ и шляпокъ съ невѣроятными букетами и гирляндами, кисейныхъ платьевъ и взъерошенныхъ касторовыхъ шляпъ, молодецки надвинутыхъ на правую бровь. Въ эти дни кора твоихъ кленовъ пропитается запахомъ всевозможныхъ помадъ и духовъ, которыми будутъ благоухать косы, локоны, прически à la что вамъ угодно, платки и наряды. Звукъ четырехъ оркестровъ едва слышны за волнами шопота и говора. Въ глазахъ рябитъ отъ гаммы цвѣтовъ, въ которые облеклась мода. Въ первое воскресенье послѣ Духова Дня въ этихъ аллеяхъ повторяется идиллическій обычай — смотреть невѣсть, преимущественно изъ купеческаго сословія. Розы и горлицы, робкія, взлѣтѣвшія теплотою изразцовыхъ лежанокъ, въ сферѣ необщительной осторожности, являются сюда подъ прозорливымъ окомъ матушекъ и тетюшекъ — искать будущаго. Дѣвичье сердце бьется, глаза потуплены, какъ у

дебютантки, выступающей передъ незнакомой публикой; щеки то алѣютъ, то блѣднѣютъ; а между тѣмъ молодежь, съ баснословными концами галстуховъ, чинно проходитъ картинныя галереи живыхъ портретовъ, напрягаетъ зрѣніе, рисуется и безпрестанно обмахивается надушеннымъ фуляромъ.



Открытая ротонда въ Александровскомъ Паркѣ.

— Дуня, — шепчетъ женщина, появившаяся пунцовой косыночкой, съ двумя бантиками на лбу, въ родѣ заячьихъ ушковъ — глянь-ко направо.... Еще къ дереву прислонился... Еще сморкается...

— Семень Васильичъ-то? Это не суть важность.

— Отмѣнный мужчина.... А что покраснѣла?...

Тетушка Прасковья Кондратьевна устремила взоръ къ предмету разсужденія, ухмыльнулась, а предметъ, скользя зигзагомъ поперекъ теченія публики, очутился позади ихъ скамейки. Позиція не сошлась удобная для разговора, но въ настоящемъ случаѣ была

очень кстати, потому что мѣшала встрѣчѣ глазъ и скрывала временное смущеніе.

— Наше почтеніе-съ, Прасковья Кондратьевна! произнесъ сладенькій тенорокъ надъ ухомъ, полузакрытымъ косыночкой.

Тетушка дюжимъ полуборотомъ очутилась лицомъ къ лицу съ собесѣдникомъ. Дѣвушка также описала какую-то линію, похожую на поклонъ. Семень Васильичъ держитъ надъ головой шляпу, за



Павильонъ въ Александровскомъ Паркѣ.

поля, съ боку, собирается что-то сказать, но слова не отдѣляются отъ губъ. Дамская развязность выводитъ его изъ затрудненія.

— А давненько не доводилось намъ видѣться, — замѣчаетъ Прасковья Кондратьевна.

— Да-съ, съ похоронъ Флегонта Андреича-съ! Умеръ покойничекъ, умеръ-съ! Вотъ наша и жизнь, Прасковья Кондратьевна!

— Эка жарынь-то стоит! — перебивает тетушка, чтобы переменить печальное начало разговора.

— Знобитъ! Хе-хе-хе!

И довольный удобной оказіей растряхнуть надутый платокъ, Семенъ Васильчъ обдаёт и тетушку, и Дуняшу необычайнымъ ароматомъ.

— Знатно пахнетъ, замѣчаетъ Прасковья Кондратьевна, внюхиваясь въ квинтъ-эссенцію начули.

— Нельзя-съ, ноничъ — ужъ такой шикъ пошелъ въ моду, — отвѣчаетъ Франтъ, поглаживая бородку.

И на перекуръ поэту, сказавшему, что, начавъ за здравіе, мы всегда сводимъ за упокой, бѣда переходить отъ похоро-

ронъ Флегонта Андренча къ веселымъ предметамъ, къ цѣли сегодняшней прогулки въ особенности. Тетушка тонкими намеками вызываетъ Семена Васильча на откровенность; къ дуэту присоединяется робкій сонрано Дуняши.... И смотришь, мѣсяца черезъ три, вдоль аркады Щукина Двора бородаки съ любопытствомъ читають

билетикъ съ золотой каемкой, о предстоящемъ бракосочетаніи Семена Васильевича Смердаева съ купеческой дочерью Авдотьей Платъевной Стульниковой.

Кромѣ этихъ двухъ исключительныхъ дней, въ которые стекается въ Лѣтній Садъ все, что вѣрно обычаямъ доброй старины, стройныя аллеи его рѣдко оживляются гуляющими. Утромъ, часу въ девятомъ, тамъ и сямъ подъ шпалерами акацій, вы встрѣтите дряхлую старость, которая въ раздумьи чертитъ на нескѣ тростью какіе-то гіероглифы; далѣе, молодое, но истощенное болѣзнію лице, принимающее какой-то мертвый оттѣнокъ отъ зеленой тѣни листьевъ. Угасающая жизнь обращается къ цѣлительному бальзаму природы; легкія съ жадностію втягиваютъ утренній воздухъ. Но избытокъ окружающей жизни еще грустнѣе отзывается въ сердцѣ больного. Придутъ ли сла-

быя ноги опять къ этой гостепріимной скамейкѣ? Пахнѣтъ ли еще на исхудалыя щеки вѣтерокъ, который теперь дробится межъ листьями? И, занятый своими думами, больной равнодушно, безъ зависти смотритъ на торопливую стаю перелетныхъ птицъ, съ портфелями, которыя прыгнули съ парохода и спѣшатъ къ своимъ дѣловымъ гнѣздамъ, не то гордо, не то съ состраданіемъ бросая взглядъ на смиренныхъ городскихъ домохозяевъ. Въ четыре часа дачники пробѣгутъ тѣмъ же путемъ по средней аллѣй къ пароходу, и это періодическое путешествіе взадъ и впередъ кончится, вѣроятно, въ концѣ августа.

Къ полудню являются въ саду розовыя личики, подъ широкими соломенными полями, кудрявыя головки въ фуражкахъ, курточки, блузы, пелеринки, мячи, куклы, обручи... Смѣхъ, ссоры, поцѣлуи примиренья. Вся эта дѣтская комедія разсынается на площадкахъ, усыпанныхъ пескомъ, противъ навильона, и особенно около монумента дѣдушки-



Домъ Заведенія Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ, въ Александровскомъ Паркѣ.

Крылова. Бронзовый старичекъ сидитъ, съ открытой головою, держа въ рукѣ разогнутую книгу житейской мудрости.

У ногъ баснописца во славѣ
Разсыпанъ звѣрей его міръ:
Квартетъ въ его полномъ составѣ,
Ворона (во рту у ней сыр)
И львы, и болотныя твари,
Цѣтутъ надъ жемчужнымъ зерномъ,
Мартышекъ лукавыя хари,
Барашки съ пушистымъ рукомъ.

Возвышенная площадка вокругъ дѣдушки звучитъ дѣтскимъ смѣхомъ; малютки становятся на цыпочки и протягиваютъ рученки къ бронзовымъ барельефамъ, радуясь, что нашли между ними знакомыя фигуры,

про которых или сами читали, или слышали от старших братьев и сестеръ.

Порой подойдетъ къ великану
И сѣрый кафтанъ съ бородой,
И скажетъ другому кафтану:
«Митюха! Сынишко-то мой
Читаетъ про львишку-мартышку
Давно ужъ: понятливъ, хоть малъ,
На память всю вызубрилъ кляжку,
Что этотъ хозяинъ писалъ!»
А тутъ толкованье начнется
Фигуръ и значеніе ихъ:
И басни стишокъ подвернется,
А если зартачится стихъ
И въ горлѣ засядетъ занозой,
Чтобъ въ грязь не ударить лицомъ,
Махнетъ толкователь и прозой,
Да съ рпмою, да съ краснымъ словцомъ.

Недавно, глухой и незамѣтный уголокъ Лѣтняго Сада, примыкающій къ Лебяжьей Канавкѣ, ближе къ Невѣ, обратился въ анфиладу прелестныхъ англійскихъ садиковъ, съ самыми прихотливыми извилинами аллей, клумбами цвѣтовъ, коврами дерну. Молодая, еще жиденькая растительность этихъ игрушекъ садовника-артиста составляетъ живопис-

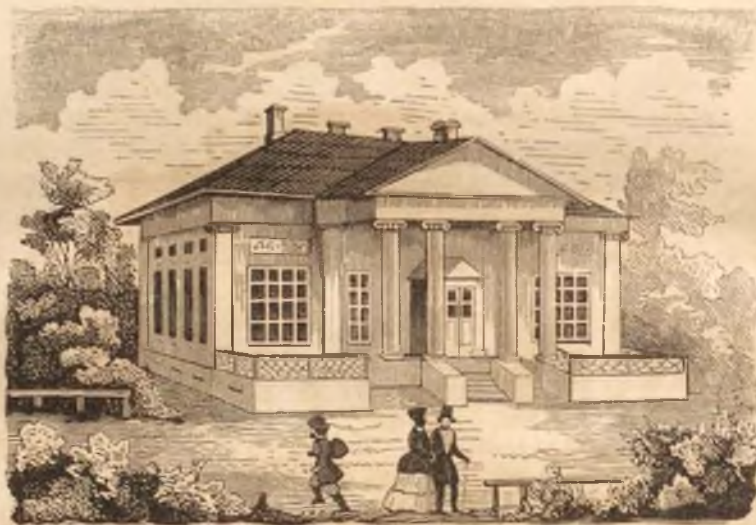
ную противоположность съ дремучею, непроникаемою для солнца зеленью современниковъ Екатерины, которые, какъ будто благословляя, простерли покровительственную тѣнь надъ молодымъ поколѣніемъ. Это самый уютный уголокъ для тихой бесѣды, для задумчивости, для условленныхъ встрѣчъ. Порой вы увидите здѣсь отдыхъ за вязаньемъ или вышивкой, мечтательность съ отложеннымъ на скамейку романомъ, въ которомъ вѣтерокъ перелистываетъ страницы. Порою, начитанный дѣдушка, настроенный контрастомъ тоненькихъ прутиковъ съ вѣковыми кленами, которыхъ не охватить руками, переносится воспоминаніемъ въ прошлое, и рассказываетъ внуку, а иногда и незнакомому слушателю, исторію этого гульбища.

Планъ Петербурга въ 1705 году, т. е. черезъ два года послѣ его основанія, представляетъ тѣсную семью островковъ, раздѣленныхъ рѣками и рѣчками, вѣтвя-

ми одной родоначальницы—Невы. Пустырь и болота избралъ геній мѣстомъ, гдѣ теперь возвышается громадный городъ, изумляющій богатствомъ и величіемъ своихъ зданій и памятниковъ, стройный, блестящій, роскошный, съ тысячею граней европейской цивилизации. Вся жизнь рождающагося городка, полтора столѣтій тому, группировалась на Петербургскомъ Острову, около царскаго жилища, да по сосѣдству батарей на островахъ Аптекарскомъ, Каменномъ и Васильевскомъ. Нынѣшній центръ столицы, богатая адмиралтейская сторона, лежала дикимъ пустыремъ, въ которомъ эхо повторяло только заунывную пѣсню Чухонца, да звенѣлъ топоръ о сосны и березы. По сторонамъ Фонтанки, теперь обузданной гранитомъ, тогда изрѣдка были разбросаны грязныя деревушки — Метилла, Кальюла, Камеюки, да лежали развалины древнихъ шведскихъ укрѣпленій... Но геній вдохнулъ

жизнь и порядокъ въ эти дебри и болота.

Любуясь орлинымъ взоромъ изъ своего домика на противоположномъ берегу Невы, Петръ Великій захотѣлъ заселить и адмиралтейскую сторону — и приступилъ къ дѣлу собственнымъ примѣромъ. Какъ разъ противъ своего домика, на томъ мѣстѣ, гдѣ вытекаетъ изъ Большой Невы Фонтанка, въ 1711 году онъ по-



Кофейный домъ въ Александровскомъ Паркѣ.

ложилъ основаніе новому дворцу, для лѣтняго своего пребыванія. Сначала дворецъ былъ построенъ безъ особыхъ украшеній, просто, но 2-го мая 1714 года Государь начерталъ собственною рукою слѣдующій указъ: «На Лѣтнемъ Дворцѣ въ палатахъ штукатурною работою дѣлать вновь между окнами верхними и нижними фигуры (какъ баудиректоръ дастъ); фреджи дѣлать такъ, какъ начата лѣстница, которую въ стѣнахъ сдѣлать столярною работою дубомъ, какъ шаръ; круглую лѣстницу (что на переходъ) сдѣлать голландскимъ манеромъ съ перилами, изъ дуба же; въ поварни выкласть плитками стѣны и на верху сдѣлать другую поварню и также плитками выстлать; желѣзо, которое въ поставкахъ, мѣдью покрыть; въ огородѣ сдѣлать гротъ съ погребамъ и ватеръ-кунтомъ, о чемъ пропорцію взять у баудиректора, о которомъ ему уже приказали; оранжереи отдѣлать по тексту,

каковъ дастъ онъ же, баудиректоръ.» Надъ верхними строками Государь написалъ: «Чтобъ сдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ.» Около дворца былъ разведенъ обширный садъ въ голландскомъ вкусѣ, съ плодовыми деревьями, занимавшій все пространство между Мойкой и Фонтанкой, отъ Невы до нынѣшняго Невскаго Проспекта; но большая часть его въ послѣдствіи была отдѣлена для постройки Михайловскаго Замка и принадлежитъ теперь къ Михайловскому Дворцу. На длинныхъ аллеяхъ Лѣтняго Сада были разставлены оловянные статуи, на сюжеты эзоповыхъ басенъ, и лѣтомъ въ торжественные дни народъ стекался сюда для общественныхъ увеселеній, при которыхъ присутствовавши самъ Государь.

Въ 1725 г., по приказанію Императрицы Екатерины I, при Лѣтнемъ Дворцѣ было построено отдѣльное зданіе для празднествъ по случаю бракосочетанія Царевны Анны Петровны съ герцогомъ шлезвигъ-голштинскимъ; но зданіе это въ 1734 году было сломано и замѣнено деревяннымъ домомъ, въ которомъ жила Императрица Анна Іоанновна, а по кончинѣ ея герцогъ Биронъ, и въ этомъ же домѣ онъ былъ арестованъ въ послѣдній часъ своего регентства. Наконецъ, по повелѣнію Елисаветы Петровны, всѣ строенія при Лѣтнемъ Дворцѣ разобраны и дворецъ возстановленъ въ томъ положеніи, какъ былъ при Петрѣ Великомъ, почему, вѣроятно, нѣкоторые и называютъ это зданіе Елисаветинскимъ Дворцомъ.

По повелѣнію Екатерины II садъ обнесень со стороны Невы огромною чугунною рѣшеткою, которая была начата въ 1778 г. и окончена въ 1784 г. По рисунку и позолотѣ рѣшетка эта принадлежитъ къ пре-

краснѣйшимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ, удивлявшимъ въ свое время Англичанъ и Французовъ. Гранитныя колонны ея выстѣнены изъ цѣльныхъ кусковъ, вышиною въ двѣ сажени, и утверждены на такихъ же пьедесталахъ, толщиною въ шесть футовъ. При Екатеринѣ II въ саду были пруды, фонтаны, каскады, искусственныя горы, гроты, китайскія и египетскія бестѣдки.... Но ничего этого не сохранилось до нашего времени, кромѣ павильона, въ которомъ нынче помѣщается кофейня и по воскресеньямъ петербургская публика наслаждается мороженымъ подъ аккомпаниментъ не хитраго квартета....



Дворецъ Петра I, на Петровскомъ Островѣ.

Кирпичъ сдѣлался болязнью нашего вѣка, онъ поглощаетъ пространство, заслоняетъ солнце и голубое небо, воздвигаетъ этажи надъ этажами, такъ что въ лабиринтѣ городскихъ улицъ не остается ни клочка земли для деревца или цвѣточной клумбы.

Слѣды патриархальнаго зодчества исчезаютъ съ каждымъ днемъ даже въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ. На мѣстѣ заборовъ и приземистыхъ деревянныхъ домиковъ магически растутъ четырехъ- и пятиэтажныя зданія съ византійскими карнизами, колоннами, чугунными подъѣздами: вмѣсто маленькихъ окошекъ, за которыми цвѣла дѣдовская ерань и настурція, явились зеркальныя стекла, драпированныя шелковыми занавѣсями, и гордые даіи раскинули листы въ блестящемъ фарфорѣ. Скромные берега Лиговки, роты Семеновскаго Полка, переулки около Владимірской и другія мѣста, которыя долго было бы пересчитывать, теперь соперничаютъ архитектурой съ главными артеріями столицы. Утѣшительно видѣть эти успѣхи искусства, предприимчивости, развитія утонченностей

быта; но какъ подумаешь, что объ эти стѣны, украшенные барельефами, по этимъ каріатидамъ, поддерживающимъ кружевные балконы, три четверти года хлещетъ то дождь, то снѣгъ, то блеститъ стеклянусомъ иней, не менѣе радуешься, когда заботливая рука насаждаетъ гдѣ-нибудь, вдали отъ этой роскоши, скромныя деревца и готовить прохладную тѣнь и свѣжую мураву для нашего отдыха послѣ невзгодъ климата.

Въ многолюдныхъ городахъ сады и парки необходимы даже

въ гигиеническомъ отношеніи, потому что очищаютъ воздухъ и напитываютъ его полезными для организма веществами. Въ фабричномъ Лондонѣ, который извлекаетъ стерлинги изъ каждаго шага земли, безпрестанно встрѣчаются скверы, то-есть площади съ садикомъ по срединѣ. Парижъ въ новопроводимыхъ улицахъ своихъ также сѣетъ эти зеленые оазисы. Полезный комфортъ этотъ необходимъ безвыходному городскому жителю, — уравниваетъ его силы, истраченные то въ напряженіяхъ ума, то въ работахъ обыденной жизни. Петербургское население, замкнутое въ душной сферѣ механическихъ работъ, особенно чувствуетъ необходимость въ обновленіи своихъ легкихъ свѣжимъ воздухомъ, запахомъ полей, напоминающихъ не одному труженнику покинутое деревенское приволье, и предусмотрительная заботливость отвѣчаетъ этимъ требованіямъ.

Десятокъ лѣтъ тому, за Троицкимъ Мостомъ, около крѣпостныхъ валовъ, тянулось, на сколько видить глазъ, запущенное поле съ бугорками, рывтинами, овражками, черезъ которые змѣнились отъ крѣпости къ разнымъ улицамъ сельскія тропинки. Лѣтомъ эта бѣдная зеленца представляла идиллическую картину. Обитатели окрестныхъ домиковъ выгоняли сюда козъ

и коровъ; отставной служивый или старушка хаживали сюда собирать клоповникъ; ребятишки ползали по колючимъ въ водѣ въ прибрежной зелени, собирая незабудки, рвали желтѣющую цикорію... А теперь? Какой огромный, живописный паркъ выросъ на этой пусты-

нѣ! И какъ скоро летитъ время! Жердочки разрослись кустами, окудрилились и тѣнь ихъ ложится на аллеи и лужайки широкимъ узоромъ; акаціи сплелись непроходимыми стѣнами, и въ жаркій июльскій полдень усталый итѣ-

шехоть, пробираясь изъ коатовской глуши въ городъ, или возвращаясь изъ пыльного лабиринта въ свою зарѣчную глушь, непременно зайдетъ подъ эту гостеприимную листву, сниметъ фуражку и освѣжитъ увлажненный лобъ. Есть тутъ для отдыха и ротонда, есть

и красивая бесѣдка; для невзыскательныхъ сластолюбцевъ помѣстились, въ куртинѣ, на лоткѣ самыя фантастическія превращенія пряничнаго тѣста, апельсинны «съ пятнышкомъ», смотря по времени года — ягоды, яблоки, нектаръ пересохнаго горла — квасъ «медовой» съ лимономъ, и неизмѣнныя пружины любопытства нянюшекъ, модистокъ и ихъ достойныхъ почитателей — леденцы на мятныхъ духахъ съ билетиками. Для влюбленныхъ и любящихъ въ этихъ двустиніяхъ кроются отвѣты на разные вопросы сердца, отвѣты иногда достойные Сезострисовой Пирамиды по таинственности, но всегда

или сладкіе, какъ амброзія, или рѣшительные, какъ стрихнинъ.

Нянюшка покупаетъ своему питомцу, или питомицѣ, леденчиковъ и, задобривъ дѣтскій ротикъ сладостями, говоритъ, подстрекая дѣтское самолюбіе:

— А что это, Надинька, давеча говорила Маша, будто-бъ она лучше вась умѣетъ читать?



Казармы на Петровскомъ Островѣ.



Сторожевская будка на Петровскомъ Островѣ.

— Маша? Ахъ, она лгунья! Дайка я прочитаю билетикъ.

Искусительница только этого и ждала.

Надинька читаетъ, едва разбирая буквы отъ при-
ставшей къ нимъ патоки:

«У...жас...ное мученье
Въ лю...бви и...мѣть тер...пѣе.»

— А вотъ тутъ что
написано? Прочитай-
те-ка, Надежда Нико-
лавна, — спрашиваетъ
экзаменаторша, для
которой, къ несчастію,
буквы остались вѣч-
ными гіероглифами.

Оракулъ вѣщаетъ:

«Ты видишь, что у насъ
совѣтъ несходны нравы:
Ты плачешь отъ любви,
и — вижу въ ней забавы.»

Но не хлопайте въ
ладони, Надинька, не
смѣйтесь такъ громко,
паяушка! Блѣдный
призракъ, въ драпо-
вомъ пальто, когда
жаръ пронимаетъ да-
же подъ коломенкой,
показался въ дверяхъ
курины и съ глухимъ
каніемъ садится на
ближайшую скамей-
ку. Призракъ усталъ —
да и какъ не устать!
Онъ совершилъ даль-
ній путь — сотню ша-
говъ отъ Заведенія Ис-
кусственныхъ Мине-
ральныхъ Водъ, которое въ этомъ паркѣ замѣняетъ
ключи Карлсбада, Киссингена, Эмса, Бадена и прочія,
не для всѣхъ доступны. Честь и благодарность наукѣ;
она разложила по атомамъ силы этихъ обновительныхъ
подъ, похитила ихъ тайны и, при помощи горькихъ,
соленыхъ, кислыхъ, странныхъ, желѣзныхъ и всякихъ
частицъ даетъ невской водницѣ новыя благодатныя
свойства. Этой химической подмѣси обязанъ призракъ
въ драповомъ пальто своимъ счастьемъ — двигаться
силою собственныхъ мускуловъ, а не кататься въ кре-
слахъ сидячею статуей. Пожелаемъ же призраку съ

каждымъ днемъ удлиннять свои прогулки и попросимъ
солнце, и амбру этихъ сочныхъ травъ, и деревьевъ
помочь усердію порошинокъ, которыя едва видны въ
микроскопъ, а управляютъ великимъ механизмомъ че-
ловѣка. Двухъ-этажный домъ Заведенія Искусствен-
ныхъ Минеральныхъ Водъ каждое утро, съ іюня мѣ-
сяца, наполняется паціентами, которые, выпивъ при-
личную дозу здоровья, потомъ разсыплются въ аллеяхъ

парка и помогаютъ ле-
карству движеніемъ.
Движеніе — одно изъ
первыхъ условій при
леченіи водою: кто-то
изъ англійскихъ пи-
сателей утверждаетъ,
что пользующимся
этою врачбною ме-
тодой необходимо ка-
рабкаться на горы;
впрочемъ, по нашему
мнѣнію, это просто
высокая идея.

По вечерамъ въ пар-
кѣ оживляется другой
домикъ, съ растворен-
ными настежь дверя-
ми, которыя говорятъ
проходимъ: «милости
просимъ!» И пригла-
шенные взбираются
черезъ двѣ ступеньки
на третью, по лѣстни-
цѣ. Что же влечетъ
ихъ туда? Что созва-
ло такую толпу зри-
телей на площадку пе-
редъ этимъ зданіемъ?
Что значитъ нетерпѣ-
ніе на всѣхъ лицахъ?

— Скоро, скоро! —

съ улыбкой шепчетъ стрѣнная креолка.

— Садятся, — прибавляетъ юноша въ лиловыхъ
фильдесовыхъ перчаткахъ.

— Пойдемте поближе.

Юноша въ лиловыхъ перчаткахъ подхватываетъ
стрѣнную креолку подъ руку, бѣгутъ черезъ доро-
гу — и внезапный аккордъ, подобный паденью фар-
форового сервиза съ подносомъ, обрушился на бал-
конѣ, подъ которымъ остановились наши друзья. Те-
перь вы, человѣкъ незнакомый съ мѣстностью, знаете
въ чемъ дѣло.



Воздушное путешествіе изъ сада Заведенія Минеральныхъ Водъ.

— Трамблянъ, трамблянъ! — пробѣжалъ между окружающими.

— И вчера тоже была трамблянъ.

— Всякій день играютъ трамблянъ! *Комъ сэтре бьенъ!* — восклицаетъ голубая шляпка съ полуопущенной воалью.

Такъ вотъ притягательная сила, по влеченію которой собралось передъ этимъ портикомъ столько шляпокъ, столько галстуковъ съ баснословными бантами! Какой же магнитъ притягиваетъ эти галстуки въ гостепріимныя двери? Взойдемте; впрочемъ, если вы подвержены флюсу, заткните правое ухо, когда будете проходить мимо этого свирѣпаго рожка съ клапаномъ.

О пивія! какіхъ бы наговорила ты каламбуровъ въ этой атмосферѣ, сгустившейся облакомъ отъ дубековъ, самсоновъ, ла-фамъ, кабалеровъ, мариландовъ, еслибы твои отрывочныя слова не заглушались звономъ стакановъ, шарканьемъ сапоговъ, шелестомъ платьевъ, смѣхомъ, говоромъ, пискомъ, столпотвореніемъ язы-

ковъ русскаго, финскаго и нѣмецкаго! Мірокъ этотъ называется кофейной, хоть собственно отваръ изъ моккскихъ бобовъ для нея статья второстепенная. Главная стихія здѣсь — лянсинъ, съ которою спорить о первенствѣ элементъ болѣе или менѣе виноградный. Впрочемъ невзыскательное небо не разбираетъ, не чмокаетъ тонкостей букета ни въ той, ни въ другой. Къ чему такое любопытство, когда каждый стаканъ, каждая рюмка приправлены букетомъ веселости и остроумія!

— Не пройтись-ли по чайку? — спрашиваетъ моншеръ у товарища въ касторовой шляпѣ.

— Я ужъ *отчался*; да пожалуй.

— А ты съ чѣмъ больше пьешь чай?

— Съ аппетитомъ.

— Ха-ха-ха! Вычиталъ, злодѣй! Ей-ей вычиталъ!

А вино какое любишь?

— Чужое.

— Бррраво! бисъ! Кузьма Медичисъ!... Митя, позволь тебя обнять. Честное слово, душа общества!... Лей хересъ — и черезъ....

Въ такомъ же родѣ эникурействуютъ и у другихъ столиковъ. Въ харибдѣ звуковъ нерѣдко прорывается, какъ лучъ свѣта сквозь дверную щель въ темный коридоръ, женскій голосокъ, и сквозь дымку густаго курева обозначается шляпка, въ послѣднее время совершенно унававшая на затылокъ. Многіе, вступивъ въ этотъ элизій, и не любонитствуютъ далыне балкона: какое дѣло имъ, что деревья превратились вечеромъ въ тысячи ароматныхъ курильницъ; что заходя-

щее солнце обли-
ваетъ ихъ перла-
мутровымъ свѣ-
томъ. Другіе,
сердца впечат-
лительныя, нату-
ры воспріимчи-
выя, широкія,
которымъ тѣ-
сень горизонтъ
буфета, углубля-
ются въ извили-
ны аллеи, пре-
имущественно
боковыхъ, рас-
полагающихъ къ
мечтательности.
Здѣсь уже нѣтъ
однообразной
циркульной пра-
вильности, осо-



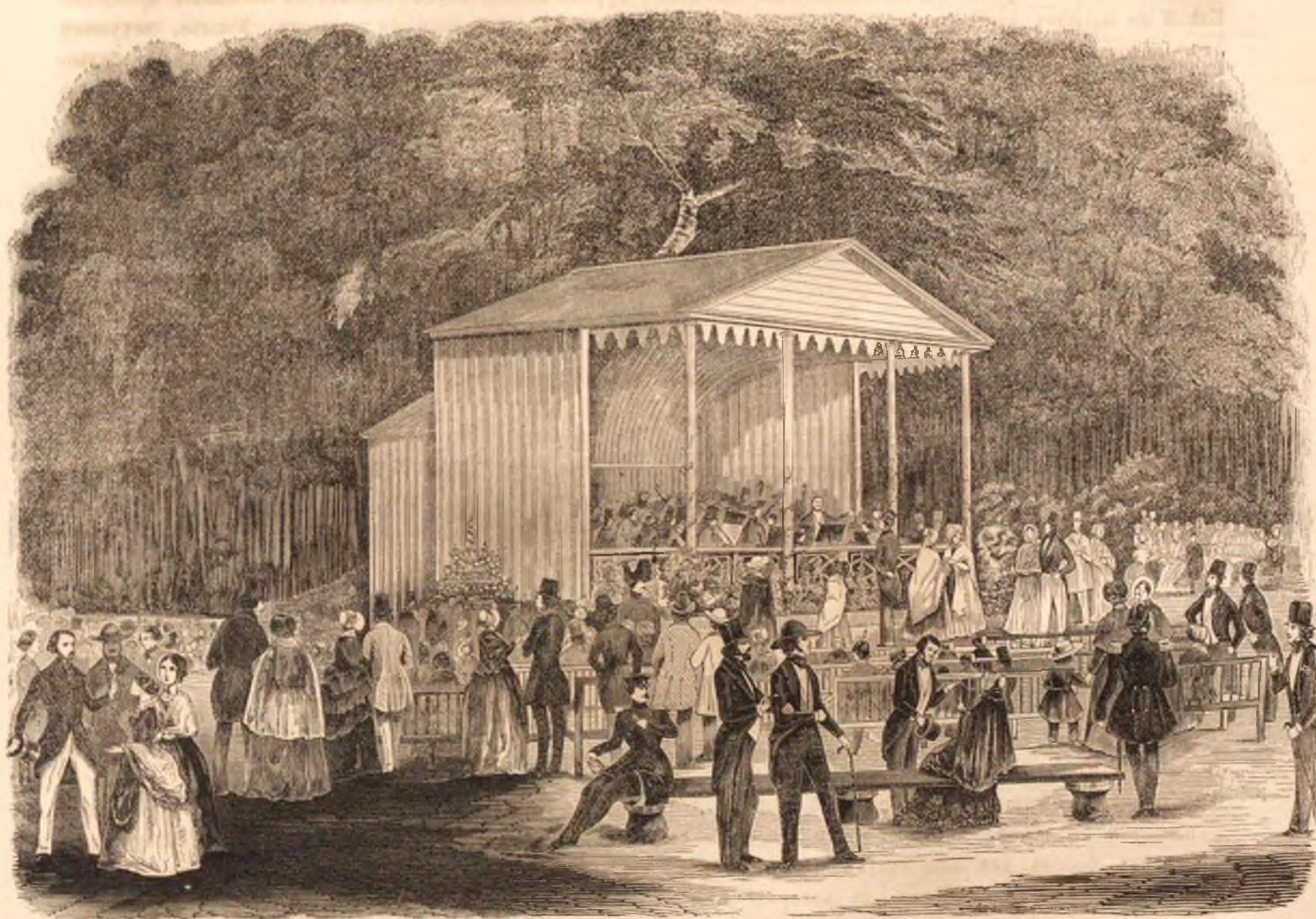
Домъ Князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, на Крестовскомъ

бенно ближе къ Невкѣ. Растительность то сгущается, то рѣдѣетъ; хватаетъ за шляпу, запускаетъ зеленые когти въ карманы, — словомъ, доставляетъ самыя пріятныя сюрпризы воображенію, особенно при луиѣ, когда свѣтъ ея пробивается дождемъ сквозь неподвижныя ткани вѣтвей и придаетъ ростъ палевоу колеръ. Путникъ идетъ, идетъ.... Наконецъ передъ его глазами раскидывается открытое пространство, уставленное вѣхами. Конецъ парку.... покуда. Еще нѣсколько лѣтъ — и распланированная мѣстность обратится въ такой же прекрасный садъ, и тогда весь изгибъ Невы отъ Тронцака Моста около крѣпости и до Тучкова Моста будетъ оноесанъ живописнымъ ландшафтомъ.

Александровскій и Петровскій парки сущее благодѣяніе для городского рабочаго населенія. Послѣдній впрочемъ пользуется большою популярностію: онъ

старше своего собрата, тѣнистые, гуще, и уже принадлежить къ дачнымъ широтамъ. Александровскій паркъ — дорога для безчисленныхъ экипажей, которые несутся отъ Троицкаго Моста на Каменноостровскій Проспектъ и во Введенской Улицѣ; оттого въ немъ вѣчное движеніе и въ полукруглой аллеѣ встревоженный песокъ рано ложится на окружающую зелень.

ми въ этотъ сурово-живописный паркъ, кочуетъ цѣлый день подъ наметомъ сосенъ, удить укайку и пи-скарей, а подъ вечеръ толпится вокругъ «Любека» и рукоплещетъ до мозолей нѣжной представительницъ прекраснаго пола, которая въ тактъ оркестру поднимаетъ мизинцемъ десяти-пудовыя гири и окончательно разить незаслуженную репутацію Геркулесса. Еще бо-



Оркестръ въ Тиволи, на дачѣ Графа Кушелева-Безбородко.

Петровскій Паркъ уединеніе; растительность его долѣе сохраняетъ свою свѣжесть, и притомъ, по своему положенію, на Петровскомъ Островѣ онъ богаче видами, прохладиѣ, — а чего же ищетъ путникъ при двадцати слишкомъ градусахъ жара, какъ не обновительной прохлады? Для искателя историческихъ воспоминаній есть на островѣ памятникъ петровскихъ временъ — каменный дворецъ, построенный Императрицею Екатериною II на мѣстѣ древняго деревяннаго, заложеннаго Петромъ Великимъ.

Въ праздничные дни рабочій людъ стекается толпа-

лѣ восхищаетъ почтенную публику блистательный фейерверкъ съ бриллиантовымъ освѣщеніемъ; но это наслажденіе глазъ и сердецъ дается въ видѣ исключенія: это червячокъ или муха на крючкѣ для приманки. Постоянный же магнитъ Любекцевъ — романтическая арфа, издающая нѣмецкія *Lieder* и цыганскіе романсы подъ перстами особы въ розовой юбкѣ и черномъ бархатномъ спенсерѣ. Юноша съ флейтой и серьезный господинъ съ альтомъ аккомпанируютъ металлическимъ струнамъ инструмента, который, по прландскому преданію, родился изъ трупа влюбленной си-

рены,—и послѣ каждой пѣсы артистка обходитъ слушателей со свернутыми, въ родѣ желобка, нотами. Талантъ, въ полномъ сознаніи своей предести, требуетъ отъ васъ дани удивленія. О! если на васъ еще дѣйствуетъ электрическая сила дѣвственной улыбки и томныхъ глазъ, — спрячьтесь куда-нибудь, хоть на балконъ, иначе вы, съ своею вамъ деликатностію, разоритесь на немолкающія мелодіи. Я даже рекомендовалъ бы вамъ положительно удалиться, потому-что вотъ тотъ господинъ, который клюетъ носомъ свѣчку, тщетно стараясь закурить сигару, кажется, намѣренъ приблизиться къ намъ, какъ заговаривалъ онъ съ прочими, знакомыми и незнакомцами, и обдать ваше обоняніе перегорѣлымъ дыханьемъ...

тущая панорама развернулась бы передъ вашимъ взоромъ! Но за неимѣніемъ водороднаго газа улетимъ на крыльяхъ воображенія; путешествіе это даже будетъ безопаснѣе и комфортабельнѣе: во-первыхъ, мы не подвергнемъ себя загадочной участи сѣвернаго Икара — Леде, который, выснававъ намъ на голову охапку розъ и георгинъ, раскланялся съ тѣмъ, кто еще могъ его видѣть въ зрительную трубку, и исчезъ... куда? знаетъ вѣтеръ; и во-вторыхъ, при фантастическомъ полетѣ мы можемъ унести въ сферы рѣдчайшаго воздуха, не закуты ваясь въ шубы.... И вотъ мы поднялись съ площади Петровскаго Острова, передъ будкой, и летимъ дальше и дальше, черезъ мостъ... Прямо подъ нами Крестовскій Островъ. Малая и



Развалины на дачѣ Графа Купчелева-Безбородко.



Оркестръ Шинлера, въ саду Заведенія Минеральныхъ Водъ.

Уфъ!... Прощай, Любекъ! Скорѣе на свѣжій воздухъ. Какъ жаль, читатель, что мы не можемъ сѣсть въ коробку воздушнаго шара и взлетѣть къ облакамъ, раскиданнымъ по небу, какъ тонкая вата! Какая цѣ-

Средняя Невка гладко обтекаютъ его эллиптическій очеркъ, а на западной сторонѣ Финскій Заливъ монотонно нлещетъ объ изгибы его лѣсовъ. Сюда-то любители роскошныхъ видовъ спѣшатъ въ юньскій ве-

черъ смотрѣть, подѣ говоръ тростника, на торжественный закатъ солнца; взморье покрывается въ эти часы станицами лодокъ, яликовъ и гичекъ. Берега острова унизаны домиками, въ которыхъ преобладаетъ нѣмецкое населеніе. Не ищите здѣсь архитектурной роскоши — колоннъ съ изящными капителями, кіосковъ, стрѣльчатыхъ оконъ; все въ этихъ домикахъ отзывается простотою: деревянные столбики, выкрашен-

торой зыблется флагъ, свиваясь и развертываясь въ голубомъ пространствѣ.

Къ сѣверу отъ Крестовскаго, соединяясь съ нимъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Среднюю Невку, зелѣнѣть окруженный съ двухъ сторонъ ея водами, а съ двухъ другихъ Большою Невой и Финскимъ Заливомъ, прелестный Елагинъ Островъ. Здѣсь совершенно другая мѣстность. Извилистая аллея парка безпрестан-



Булочникъ, ходящій по дачамъ.



Продавецъ сѣтъ.

ные бѣлой краской, скромно поддерживаютъ незамысловатыя балконы съ рустическими нафъзами; изъ маленькихъ оконъ, съ тиковыми полосатыми маркизами, не стѣняясь, вылетаетъ звонкій, большею частію нѣмецкій говоръ, а иногда дребезжанье дачнаго фортепіано. Въ крошечныхъ палисадникахъ, уставленныхъ левкоими и резедой, вамъ представляются картины семейнаго мира, тихаго домашняго быта, точь-въ-точь заглавная виньетка *Gartenlaube*, любимаго журнала этихъ дачниковъ. Уединяясь отъ этой безконечной вереницы приземистыхъ домиковъ, величественно отдѣляется бѣлизною стройныхъ колоннъ живописная вилла Князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, надъ ко-

но приводятъ къ новымъ ландшафтамъ: то лѣсъ, то опять открытыя площадки, то корридоры аллей, изъ которыхъ неожиданно выходишь на берегъ Невки, охватившей этотъ паркъ зыбкой целеною. И посреди этихъ красотъ природы взоръ съ восхищеніемъ останавливается передъ легкимъ, прелестнымъ произведеніемъ искусства — Елагинскимъ Дворцомъ, изъ котораго открывается глазамъ живописная панорама Финскаго Залива.

Будемъ держаться прямой линіи по направленію къ Невѣ.... Мы вступаемъ въ самый аристократическій центръ петербургской лѣтней жизни. Это Каменный Островъ. Архитектура и скульптура подали одна дру-

гой руку, чтобы создать здѣсь самые очаровательные пріюты для отдыхающаго довольства. Балконы и портики убраны оранжерейными растеніями. За рѣшетками, отдѣляющими эти видлы отъ дороги, рука садовника наполнила клумбы и вазы роскошными произведеніями Флоры. П утромъ, и въ полдень, и вечеромъ здѣсь царствуетъ какая-то волшебная тишина, прерываемая развѣ шорохомъ экипажей по укатанному шоссе, да крикомъ попугая, котораго изподтишка дразнить въ саду пестрая ливрея. Геній тишины раскинулъ лазурныя крылья надъ этимъ очаровательнымъ островомъ, и онъ представляется глазамъ, какъ виньетка англійскаго кишека.

Но если эта стройность не гармонируется вашимъ характеромъ, если вы предпочитаете ананасу острья пряности, — перенеситесь на противоположную сторону

Невки... Здѣсь совершенно иной міръ, сплошная колонія домиковъ, въ которыхъ гоститъ три или четыре мѣсяца самое пестрое и веселое населеніе. Говоръ, сигарный дымъ, пыль отъ дрожекъ, бродячіе квартеты, задушевный смѣхъ, доморощенные варьяціи на разныя оперы, отголосокъ цыганскихъ пѣсенъ — все это придаетъ колоніи какую-то радушную, открытую

физиогномію, хотя здѣсь нѣтъ ни пышныхъ декорацій зелени, ни гладкихъ аллей, раскидывающихъ широкую тѣнь, ни цвѣтовъ, кромѣ тѣхъ, какіе видимъ на шляпкахъ. Колонія эта — Новая Деревня. Двѣ компа-

нии омнибусовъ и легкіе пароходы каждый вечеръ высаживаютъ на ея песчаную почву толпы разнокалиберныхъ пассажировъ, которые, пересчитавъ дневную выручку, спѣшатъ сюда отдохнуть послѣ кройки, отмѣриванья, развѣшиванья, и утромъ, съ первымъ колесомъ, земледельнымъ или водоходнымъ, возвращаются къ своимъ вывѣскамъ, болѣею частію блестящимъ французскими именами.

При тѣснотѣ, съ какою нанизаны здѣшнія домики, и при нестѣсненности быта въ Новой Деревнѣ, живетъся какъ въ фонарѣ. Безъ всякаго любопытства съ вашей стороны вы можете знать всѣ важнѣйшіе



Мальчикъ съ обезьяною и шарманкой.

текущіе интересы вашихъ сосѣдей; и въ который номеръ носить букеты этотъ худенькій господинъ, живущій отъ васъ черезъ три дома; и по какому случаю у мадамъ Генріэтты сегодня настраивали фортепiano; и на сколькихъ столахъ будетъ игра у Бизикова; и много ли задолжали за фрукты разнощику сестрицы Вольбефинденъ и проч. и проч. Публичность ужасная для

несовѣтъ безукоризненныхъ репутаций. Вы знаете почти всѣхъ безъ знакомства, кромѣ развѣ того, что дорогою позаимствовались у господина Z' огонькомъ для папироски, а черной кружевной шляпкѣ уступили свой стулъ на пароходѣ.

Такимъ же откровеннымъ характеромъ славится и пріятное кочевье на Черной Рѣчкѣ, надъ которою по вечерамъ несутся звуки оркестровъ изъ заведенія Новодеревенскихъ Минеральныхъ Водъ; та же непри-
нужденность, но еще съ прибавкою танцевъ, привлекаетъ въ маѣ караванъ переселенцевъ въ гористую

идеи; организмы, алчущіе смолистаго запаха сосенъ и сахаристаго сока березъ,—селятся въ широтѣ Безбородкиной Дачи, къ Лѣсному Институту, въ Парголово. Особенно въ двухъ послѣднихъ лѣтомъ отдыхаетъ отъ совершенныхъ трудовъ и оживляетъ силы для новыхъ почти всѣхъ цвѣтъ петербургской науки и литературы, и не одинъ клочекъ зелены, обнесенный кольчатымъ заборомъ, за которымъ пріютились пара яблонь да десятокъ кустовъ смородины, въ прохладные часы вечера или послѣобѣденнаго кейфа, напоминаетъ здѣсь муирою бесѣдою сады Академа, съ тою разни-



Продавецъ статуекъ.



Собачья комедія.

Коломягу, до которой тянется отъ Черной Рѣчки дорога версты въ двѣ, представляющая путнику по обѣ стороны безконечныя поля и богатые огороды.

Въ каждомъ изъ этихъ центровъ дачной жизни свои неизмѣнные обитатели, свои удовольствія, даже свои привычки, но вообще въ нихъ группируется легкая веселость, которая не любитъ уединяться, не можетъ наслаждаться одними ландшафтами, если въ синемъ свѣжестъ воздухѣ не струится вѣчный человеческій говоръ. Люди съ другимъ взглядомъ, видящіе въ дачной жизни два или три мѣсяца вознагражденія силъ, изнуренныхъ въ остальные мѣсяцы кабинетнымъ трудомъ, головами, которымъ городской слухъ и суета мѣшали подарить міръ ученою, художественною или другою

цей, что мудрость подъ наметомъ сѣверныхъ яблонь какъ-то живѣе и практичнѣе, нежели въ аллеяхъ анти-
ческихъ миртовъ и олеандровъ.

Человѣкъ, по совершенству своей организаціи, уживается во всѣхъ градусахъ широты и долготы: алжирскіе Кабилы кувиркаются въ Новой Деревнѣ, даже не прикрывая оливковой кожи своей на росистомъ воздухѣ; житель Песковъ, гдѣ наводненія считаются мифомъ, спокойно переселяется на влажные берега Карповки. Физиологическіе факты эти извѣстны каждому. Въ то же время практическая философія поучаетъ, что разумное существо должно извлекать лучшее изъ каждаго положенія.

Вы уже знаете дачную топографію Петербурга.

Большая часть лѣтнихъ жилищъ — слѣдуя историческому расселенію народовъ по теченію рѣкъ и водныхъ путей—обвилась каймой около водъ, которыми прорѣзаны онѣ во всѣхъ направленіяхъ; инныя удалились въ лѣсныя пространства и очень, очень немногія поднялись въ гору. Должно ожидать слѣдовательно, что главное наслажденіе дачниковъ — вода, и вы не ошибетесь, сдѣлавъ такое заключеніе. Ванны, ямки, удочки и другіе подобные предлоги, до купанья собакъ включительно, постоянно привлекаютъ ихъ къ этой обильной стихіи, безъ которой не можетъ быть совершеннаго ландшафта. Бѣлыя палатки, назначенныя для прохладнаго *gar-niente*, прижались къ зелени береговъ, какъ сонныя лебеди, по всему протяженію Невокъ. Правда, въ этихъ полотнянныхъ помѣщеніяхъ нѣтъ простора для атлетическихъ упражненій, негдѣ поспорить быстрою съ окунемъ; но довольно мѣста, чтобы, по горло въ водѣ, по-нубійски, отписать на пловучемъ пробковомъ столикѣ пультуераша. Прибрежные жители, въ отношеніи этого удовольствія, имѣютъ великое преимущество передъ средиземными, которымъ часто предстоитъ путь въ нѣсколько верстъ для погруженія своихъ личностей въ освѣжительную влагу; но тѣмъ лучше. Прогулка, особенно черезъ лѣса, поля, роицы, послѣ купанья превосходно настраиваетъ аппетитъ къ утреннему кофе. Попечительный провіантмейстеръ Харитонъ между тѣмъ уже позаботился о вашемъ желудкѣ, принесть изъ Большой Морской цѣлую корзину благъ Цереры въ видѣ брошекъ, сухарей, кексовъ и прочаго; даже не забылъ соленой подковки съ анисомъ, о которой вы намекнули вчера по какому-то экспромту памяти.

Весьма немногіе изъ дачниковъ наслаждаются предельно ранняго утра.... Въ восемь часовъ еще все спитъ, или только протираетъ глаза. А птички уже давно свищутъ и чирикаютъ надъ окномъ сонливца, свѣжій вѣтерокъ шевелитъ опущенную штору или

смѣло врывается сквозь кисейную раму, эту китайскую стѣну, сооруженную противу комаровъ.... Привѣтствовать юньское утро съ волосяного матраца! Нѣтъ, господинъ дачникъ, вы достойны вѣчной изморози и нескончаемыхъ нѣсень осенняго вѣтра!... Но, уймись, мое справедливое негодованіе: сосѣдь Аркадій Николаичъ ужъ проснулся, то-есть, вѣрнѣе, еще не дожидая послѣ карточныхъ ажитаций у Бизикова и машинально переставляетъ горшки резеды въ насадики, соображая свои непростительные ремизы.

Добрый подполковникъ Ходуновъ ужъ успѣлъ выкупаться и любитъ изъ окошка на золотыя нескры, разсыпанныя солнцемъ по неподвижному зеркалу Невки. Англичанинъ Фибсъ, въ палевомъ жилетѣ и клеенчатой шляпѣ, уже выкупалъ неизмѣннаго террнева, который бѣжитъ какъ баранъ, отряхивая брызги со своей курчавой шубы къ великому удовольствію Эдварда Оомича Дудлея. Благородный инглишменъ этотъ, представляющій собою убѣдительный примѣръ полушарія, какое могутъ придать человѣческой фигурѣ регулярная жизнь и ростбичъ, каждое утро, заложивъ руки за спину, присутствуетъ при купаньи террнева и потомъ съ невозмутимою флегмой бѣгаетъ съ нимъ по



Косморамщикъ.

саду. Въ девять часовъ сонный городокъ оживаетъ совершенно. Все, что исполняетъ роль колеса, или по крайней мѣрѣ колеснаго зубчика въ механизмѣ общественной дѣятельности, втискивается въ омнибусъ, становится на пароходъ и отправляется на призывъ ежедневныхъ обязанностей. Люди незанятые, играющіе своимъ временемъ, какъ резиновымъ хлыстикомъ, высыпаютъ изъ своихъ стоянокъ во всѣ стороны: инныя такъ-себѣ на дорогу, собирать новости, другіе идутъ къ крамамъ минеральныхъ водъ въ Новую Деревню, или въ ванну; нѣкоторые остаются дома, поджидая газетъ и почты.... Разнощикъ газетъ снуетъ изъ дому въ домъ; гдѣ завернуть въ прихожую, гдѣ кинетъ листокъ въ окошко, гдѣ заткнетъ за коло-

кольчикъ. Его ждуть въ полтора часа домахъ разомъ: умственная пища сдѣлалась необходимою закуской послѣ парнаго молока и исландскаго моху. Подписчики всеобъемлющіе и обстоятельные обыкновенно начинаютъ читать каждый нумеръ съ числа, въ которое онъ вышелъ, и дочитываютъ его до послѣдней точки. Другіе, спеціалисты, ограничиваются какимъ-нибудь отдѣломъ исключительно. Люди честолюбивые вникаютъ преимущественно въ повышенія, награды, перемѣщенія и, встрѣтивъ знакомое имя, проходятъ мысленно его карьеру, что занимаетъ не мало времени. Пные останавливаются прежде всего на курсѣ

Любознательный читатель откладываетъ газету и высовывается изъ окошка, какъ-будто никогда не видалъ ни рѣшета, ни сита.

— А ты, братецъ, изъ Витебска?

— Витеньскіе, господинъ, витеньскіе. Купите, господинъ, сито.

Но, удовлетворивъ свою любознательность, господинъ увольняетъ продавца отъ труда развязывать связку, по той основательной причинѣ, что ему рѣшительно нечего просѣвать, кромѣ развѣ газетныхъ новостей, отдѣляя чистую муку отъ постороннихъ примѣсей.



Дача Грета Строгонова, со стороны сада.

акцій и числѣ пришедшихъ и вышедшихъ судовъ. Любители изящнаго ограничиваются болѣе или менѣе легкой и узорчатой бахромой — фельетонами. Политика, блюдо неудобоваримое, читается или вскользь, или, еще чаще, откладывается до другаго времени, потому что, откровенно говоря, всѣ эти *если въприти* — *полагаютъ* — *по слухамъ* — etc. etc. имѣютъ мало общаго съ нашими интересами, и намъ, право, все равно, подрались-ли дикари на какомъ-то островѣ Уаеіоа или мирно плетутъ пальмовыя рогожки, и живетъ-ли двадцати-именный испанскій депутатъ въ Малагѣ или ноѣхаль лечится отъ подагры на Мадеру. Да и какъ читать такія вещи, требующія мозгового напряженія, когда всевозможные звуки подъ окномъ безпрестанно развлекаютъ вниманіе?

— Сита, рѣшета хороши! — распѣваетъ носовымъ теноромъ Блоруссъ: — сита, рѣшета!

«Поѣдемъ дальше», думаетъ читатель: «на чемъ бишь я остановился?» И ищетъ глазами потерянную строчку, связываетъ разорванную нить мыслей — напрасно! Юный сынъ Авзоніи, бронзовый отъ солнца, черноглазый, съ черными, какъ смоль, и всключенными, какъ пенька, кудрями, угощаетъ слухъ шарманкой, въ которой вертятся кавалеры и дамы подъ арію изъ «Севильскаго Цирюльника» и очевидно любятъ на себя передъ зеркальными стѣнками своей залы. И куда мартышка, закованная какъ негръ, ежится на гармоническомъ ящикѣ, Итальянецъ выводитъ слѣдующую пѣсню, украденную у влюбленнаго соловья въ тѣ минуты, когда онъ оглашаетъ своими мелодіями безмолвіе весенней ночи:

«Тью, тью, тью, тью,
Спе тью з'ка!»

Корррорр... шии
 Тво, тво, тво, тво, тво,
 Ктьо, ктьо, ктьо, ктьо,
 Зко, зко, зко, зко,
 Зи, зи, зи, зи, зи, зи, зи, зи ...
 Корррорр... тьюу... ззка... кви, кви... »

Мелодии Россини, соловьиные рулады, аромат апельсиновъ, которые положили вы вмѣсто прессы-наше на афишки. .. О, зажмурьтесь, зажмурьтесь, счастливцы, чтобы окружающее не развлекало вашего взора — и вашему слуху, вашему обонянию предстанет очаровательная страна померанцовыхъ

лосъ пока на трехъ квадратныхъ футахъ, но чрезъ нѣсколько часовъ найдете образованныхъ цѣнителей, и бисквитный музей разбредется по одиночкѣ на книжныя полки, этажерки, спальные столики — по характеру предметовъ.

Вы бросили кусочекъ сахару обезьянѣ юнаго лѣвтя, приобрѣли синьора Джилле, и благодарите судьбу, что бесѣда съ разнощикомъ статуэтокъ избавила васъ отъ собачьей комедии. А она уже готова была остановиться предъ окошкомъ, но Францъ Карловичъ рассудилъ съ Шарлоттой Августовной, что лучше продолжать путешествіе далѣе и что нѣмецкому валь-



Прудъ (Пентунъ) и островъ съ гротомъ противъ внутреннего фасада дома на дачѣ Графа Строганова.

тисовъ, музыкальной рѣчи, безсмертныхъ художествъ...

— *Varia figura! varia figura!*

Вънецъ иллюзии. Землякъ похитителя соловьиныхъ нѣсенъ, но уже не юноша, а мужъ, убѣжденный лѣтами и гипсомъ, уроженецъ города, обаятельнаго по самому названію, — *Пиаченца*, — *piacere*, какъ извѣстно читателю, значить по-итальянски «нравиться», — предлагаетъ вашему артистическому вкусу цѣлую коллекцію великихъ людей и жрецовъ и жрицъ искусства.

— *Assez, m'sieur, que'que sauze...* Изыгранъ Палулеоне — Пошкѣно — синьора Гарсія — Александро Думасо — синьоръ Джилле (Шиллеръ).

И тутъ же, кетати, три граціи, ваза подъмалахить, съ плодами южной Помоны, Киприда, почивающая въ раковинѣ, лебедь Леды et caetera. Все это помѣсти-

су не соперничать съ итальянскою аріей. Возьмите, однакожъ, режиссершѣ четвероногой труппы крошечную серебряную дань моей признательности, потому что сердце пухнетъ отъ горести подъ веселые звуки шарманки вашего спутника и воскрешаетъ въ душѣ ваше прошлое. Розовый колоритъ его мутнѣетъ сквозь темное стекло настоящаго... Давно, лѣтъ тридцать тому, подъ этимъ чепчикомъ съ бантами канареечнаго цвѣта, то-есть, вѣрнѣе, покуда вы еще не надѣли чепчика, каштановые локоны живописно отгнѣляли задумчивое личико, матовое, съ слабымъ румянцемъ, какъ нѣсколько капель кармину въ чашкѣ молока; Францъ Карловичъ, тогда еще полный юношескихъ силъ, строившій волшебныя замки на декъ своей скрипки, полагалъ все свое блаженство въ безраздѣльномъ владѣніи тоненькою, алебастровою ручкой, которая тогда горѣла и леденѣла, выводя на бумажкѣ роковое: *Du*

oder Keiner!... Хижины и твоё сердце!.. Но хижина была разметана бурей — осталось только сердце. Четвёртая струна, на которую рассчитывал Франц Карлович, лопнула, и, покорный судьбе, он вертит теперь гамбургскую шарманку, между тем как Лотхенъ пристукивает высохшими пальцами въ бубны. И кто бы узналъ въ этой высохшей, жилистой, сморщенной рукѣ, изрѣзанной до рубцовъ веревкой, которую неудержимо тиснутъ три несчастные тонзора въ красныхъ поножахъ, иѣжную, блѣдную ручку, достойную Минервы? И кто бы угадалъ въ этихъ страдальческихъ чертахъ задумчивый типъ германской красоты?... Но глубокое страданіе терпѣливо. И куда мы смотримъ на собачій вальсъ, музыкантъ и его спутница, при извѣстной пѣснѣ, всегда одной и той же, всякій разъ обмѣниваются какою-то особенно грустной улыбкой: подъ звуки этой пѣсни добрые друзья или рейнвейны за супружеское счастье Лотхенъ и Франца.

Мелкая спекуляція на музыку и пѣніе — невинное, но безпокойное дитя нищеты и лѣни, ведетъ въ здѣшнихъ краяхъ неутомимую конкуренцію. Это борьба мухъ около порошники сахару... Но вотъ, одиночное дребезжаніе шарманки покрывается заморскимъ квартетомъ, прибывшимъ уладить вашъ слухъ съ тѣмъ самымъ парохомъ, который привезъ апельсины и устрицы въ угоду вашему желудку. Три смычка и кларнетъ будятъ прахъ Моцарта или Вебера. Не удивляйтесь: концертъ будетъ на солидномъ нѣмецкомъ фундаментѣ; *Aurora-Walzer*, *Sperl-Polka* и разные *Klänge* еще впереди: вамъ поднесутъ на серебряномъ блюдѣ... печеный картофель. Музыканты эти не полевые цвѣты, не самородная куриная слѣпота, выросшая безъ садовничьяго ухода. Они учились музыкальной грамотѣ, о чемъ свидѣлствуетъ свертокъ нотъ, выглядывающій изъ-за пазухи первой скрипки. Министрели идутъ не по неврѣнной зыби, но по твердому грунту, и — какъ знать? — быть можетъ, въ мѣшкѣ гороха найдется жемчужина и когда нибудь, въ не-

урожайное время, она очутится за пюнитромъ сидячаго оркестра и заблеститъ при великолѣпномъ освѣщеніи... Загородныя музыкальныя труппы, не исключая и той, которую дирижировалъ капельмейстеръ съ фантастическимъ анострофомъ въ серединѣ фамилии, не разъ дополнялись талантами изъ бродячихъ питомниковъ: ходитъ преданіе, что отсюда похищенъ шестнадцатилѣтній феноменъ, который игралъ на пяти различныхъ инструментахъ, и въ томъ числѣ на желѣзномъ листѣ, исполнявшемъ роль Зевсовой колесницы.

Для всѣхъ есть мѣсто на землѣ, — *Raum für Alle hat die Erde* — и для тебя, мой космографикъ, балагуръ затѣйный, машина заведенная. Сталъ себѣ подъ окошкомъ, спустился съ атлетической снѣжки на кресты трехпудровой ящикъ, въ видѣ избушки съ нарѣзами, вырѣзами, занавѣсочками, съ казачкомъ на крышѣ, откашлинулъ козлинымъ теоромъ, — и полилось красное русское словцо, что ваша нѣмецкая музыка! Прильнетъ глазомъ къ стеклышку и досужій лакей взглянуть за конейку на городъ Индію, гдѣ «ворота пряничныя, рѣки паточныя»; остановится и Карлъ Пивановичъ, чтобы потѣшить Юліуса, которому уже надоѣло дуть въ трубу,



Древняя гробница въ Строгановомъ саду.

и Анхенъ. Дополнительно остановиться двоимъ, троимъ передъ голубымъ домикомъ Пнатыча, чтобы около нихъ столпилась цѣлая толпа зѣвакъ и любопытныхъ и вотъ потекли изъ бѣлозубаго рта балагура прибаутки, одна другую погоняетъ, откуда слова берутся; слушатели только хватаются за бока отъ хохоту.

Такимъ образомъ, даже не перемѣняя мѣста, обитатель люднаго центра дачной жизни безпрестанно видитъ передъ глазами новыя сцены. Но я предпочитаю неподвижность другаго счастливица, который лежитъ навзничъ въ травѣ, утонувъ въ ней болѣе, нежели на половину тѣла, и, скрестивъ руки подъ затылкомъ. Густые листья березы образуютъ надъ нимъ прозрачный зеленый шатеръ, небо голубыми пятнами проглядываетъ между вѣтвями, комары тянутъ свой нескончаемый хоръ, играя мириадами въ солнечномъ лучѣ.

Но такихъ счастливцевъ не много; это оригиналы, аномалія въ принятомъ порядкѣ, чудачки, которые переселяются сюда искать травяныхъ букашекъ, не запасаясь даже лайковыми перчатками на перекуръ приличіямъ, и по цѣлымъ днямъ разбираютъ въ микроскопъ жилки, пыль и тычинки растений съ самыми невѣроятными греко-латинскими названіями.

Время летитъ даже для людей, ничего не дѣлающихъ.

Послѣ обѣда, за которымъ нѣбо и желудокъ насладились преимущественно шпинатомъ, спаржей, цвѣтной капустой и прочими дарами растительнаго царства, составляются планы вечера. Признано всѣми, что разнообразіе есть главная стихія удовольствій вообще и прогулокъ въ особенности. Есть, правда, привязанности неизмѣнныя, какъ гвоздь, вбитый въ половую доску; одно прекрасное семейство семь лѣтъ сряду проводить вечерніе часы въ бесѣдѣ, назы-

ваемой *гриболъ* и не покидаетъ этого подобія волнушки ни для какихъ общественныхъ гульбищъ, обвитыхъ гирляндами китайскихъ фонарей въ арабскомъ или итальянскомъ вкусѣ. За то другія съ телеграфической быстротой успѣваютъ поймать по вальсу, ноттурно, увертюрѣ, цыганской пѣснѣ въ четырехъ или пяти садахъ, разсылающихъ неотразимо — увлекательныя программы своихъ концертовъ и спектаклей съ сюрпризомъ изъ двухъ страничекъ нотъ, или микроскопической коробки драже, или букета изъ резеды и душистаго горошка.

Чернорѣченская публика отправляется по вечерамъ

преимущественно въ садъ Графа Строгонова, радушно открытый съ трехъ сторонъ для искателей прелестныхъ видовъ и широкой тѣни. Искусство, говорятъ, украшаетъ природу, — и это одинъ изъ не многихъ садовъ, соединившій въ своей гостепріимной оградѣ разнообразную растительность и произведенія искусства. Вниманіе ваше останавливается, то на статуѣ, то на древней гробницѣ, торжественномъ *memento mori* по-

среди цвѣтущей жизни. Обитатели Черной Рѣчки безпрестанно переправляются на паромъ на крутой противоположный берегъ, съ котораго летятъ нѣвъ-тру звуки оркестра, и около графскаго дома и пруда съ островкомъ и гротомъ собирается лучшее туземное общество.

Искатели сильныхъ ощущений, дачные и городские, блаженствуютъ въ элизиі Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ, воссѣятомъ на тысячу ладовъ одною признательною газетой. Дирижеру удоволь-



Точильщикъ, въ Строгановомъ саду.

ствій даже былъ посвященъ диониромъ въ сорокъ строчекъ и пять куплетовъ, изъ которыхъ каждый кончался благодарными словами: «Ты помнишь ли?.. Но не забудемъ мы!» Правда, что политическій восторгъ этотъ излился въ самую блистательную эпоху заведенія, когда умы, испуганные холерой, старались отвлечься отъ мрачной мысли и почерпали бодрость въ парѣхъ шампанскаго. Сохранилось преданіе, что никогда на Минеральныхъ Водахъ не откупоривалось такого множества бутылокъ, какъ въ то пожирающее время: изъ пробокъ редерера можно было тогда составить мозаичный полъ для всего буфета. Но все измѣняется, все про-

ходить, особенно охота видѣть и слышать одно и то же. Декораторъ истощился на транспарантахъ, пиротехникъ изстратилъ весь запасъ фонтановъ и букетовъ; чревовѣщатель, хожденіе фиגлярновъ вверхъ ногами на графинахъ, живыя картины, обезьяны прыжки Кабыловъ, таборный гикъ и гамъ — все это стало подъ конецъ приторно лакировано, и теперь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ распоряжается удовольствіями новое лице, хотя и подъ руководствомъ старыхъ профессоровъ чародѣйства, вечера и ночи Искусственныхъ Ми-

довали бы романисты, затруднявшіеся выборомъ заглавій для своихъ произведеній. Такія аффины въ состояніи создавать развѣ только американскій геній пуфа, Барнумъ, и достойный соперникъ его по изобрѣтательности, Французъ-Американецъ Жюльенъ. Каждый вечеръ новое разнообразіе, новое волшебство, новое очарованіе; не перемѣняется только прозаическая вещь, монета, цѣна—серебряный рубль: безкорыстіе, достойно воспитанное лицами, которыя наслаждаются имъ по даровымъ билетамъ. Ночи американскія,



Театръ на Каменномъ Острову.

неральныхъ Водъ не привлекаютъ и десятой доли прежнихъ своихъ друзей и почитателей. И ничто не воскреситъ бываго одушевленія, прежнихъ рукоплесканій и фурора въ этомъ нѣкогда популярномъ гульбищѣ... Впрочемъ, послѣ всѣхъ превратностей судьбы, даже послѣ возвыщенной въ газетахъ продажи скамеекъ его съ молотка, оно все-таки остается лучшимъ калейдоскопомъ увеселеній между полудюжиной разныхъ виля, тиволи, мон-плезировъ и пр., похожихъ на него, какъ всякое подражаніе похоже на оригиналъ. Одинъ мой знакомый, досужій чудакъ, бережетъ всѣ чрезвычайныя и бенефисныя аффины Минеральныхъ Водъ и составилъ изъ разноцвѣтныхъ листковъ коллекцію, которой въ бывое время позави-

багдадскія, китайскія, олимпійскія, празднества Флоры, вечера въ честь прекраснаго пола etc. etc., для всего этого нужно бы составить карманный лексиконъ, но въ сущности все это фокусъ промышленно-сти, изворотливость, знаніе правовъ и человѣческихъ слабостей къ диковинамъ, ловкость, которая изъ одного лоскутка бумаги дѣлаетъ и зеркальце, и лѣтучка, и корабль. По червячокъ былъ хорошъ, пока не поумнѣла рыбка. Дѣйствователи мало по малу сошли со сцены. Цыганскій таборъ снялся съ новодеревенскаго кочевья въ страны, еще не пресыщенныя его фуоромъ и болѣе гостепріимныя; Грекъ, говорившій къ общему удивленію животомъ по-англійски, по-французски, по-гречески, даже по-русски, также ступе-

вадся; тирольская гармоника не нашла себѣ резонанса въ петербургскомъ воздухѣ и воротилась къ роднымъ горамъ; даже вафли, и тѣ покинули свою душистую палатку. *Ubi fuit Troja*, гдѣ стояла Троя, уцѣлѣли только воспоминанія прошлаго. Иныхъ вовсе нѣтъ, другіе далеко; нѣтъ даже того поэта, который, восхитившись дивирамбомъ къ учредителю восточныхъ ночей, воздалъ дань благодарности и своему мелочному лапочнику слѣдующими стихами:

Ты помнишь ли, когда я для аффиши
Тебѣ писалъ про всякіе харчи
И превознесъ товаръ твой выше крыши,
А безкорыстѣе выше каланчи?
Ты мнѣ прислалъ, Иванычъ, двѣ селедки,
Ватрушки фунтъ и разные кормы,
И одолжилъ три гривны на подметки...
Ты помнишь ли?... Но не забудемъ мы!

Но не оскорбимъ развалины упрекомъ, не будемъ напоминать промотавшемуся игроку его прежнихъ тильбюри, севрскихъ фарфоровъ, каремовскихъ обѣдовъ. Для многихъ съ этимъ мѣстомъ связаны самыя дорогія впечатлѣнія сердца. Сколько нѣжныхъ клятвъ, упрековъ, обѣщаній вылетѣло здѣсь изъ-подъ изволнованныхъ корсетовъ, когда сумракъ аллеи волнебно освѣщался разноцвѣтными люстрами, гирляндами фонариковъ, вспышками бенгальскихъ огней, и оркестры покрывали своимъ звукомъ эти признанья!... Что стало съ этими клятвами? Продолжается ли это «навсегда», которое произносилось тогда съ такою увѣренностію, или срокъ его кончился съ новымъ увлеченіемъ? Пережила ли новая любовь свой первый залогъ — розу, снятую съ корсажа, или измѣнила прежде, нежели эта роза осыпалась и потеряла свою благоуханную душу? Но не станемъ углубляться въ рѣшеніе такихъ деликатныхъ вопросовъ, не будемъ трогать струнъ, которыхъ задумчивое *andante* вызываетъ рядъ блѣдныхъ призраковъ и растравляетъ въ сердцѣ раны, едва успокоенныя бальзамомъ забвенія. Удовольствуемся настоящимъ днемъ, будемъ смотреть на человѣческую комедію, которая разыгрывается передъ глазами безъ кулисъ и декораций! Впрочемъ, если эти безыскусственные діалоги, монологи, шутки, доморощенные каламбуры не утоляютъ вашей жажды, приглашаю васъ въ настоящій театръ, на Каменный Островъ, на прелестную дачную сцену, которая оживляется въ лѣтніе мѣсяцы и привлекаетъ любителей французской водевильной веселости. Каменноостровский театръ построенъ въ 1827 г. въ сорокъ рабочихъ дней, — скорѣе, нежели Скрибъ и Баяръ писали тогда водевили; 10 мая вбиты первыя сваи, а

1 іюля открылись представленія, что однакоже не помѣшало архитектору Шустову сдѣлать изъ импровизованнаго театра прелестное зданіе съ превосходнымъ портикомъ о восьми колоннахъ на главномъ фасадѣ и съ боковыми входами въ видѣ поднятыхъ палатокъ. Въ театрѣ можетъ помѣститься до восьми сотъ зрителей; впрочемъ публика при всей своей любви къ эстетическимъ наслажденіямъ вообще и къ французской труппѣ въ особенности рѣдко собирается въ этомъ числѣ. Пріятно забыться отъ осеннихъ дождей и зимнихъ мятелей, смотря на панораму сценической весны; но когда въ десяти шагахъ отъ балкона блестятъ мозаика изъ живыхъ цвѣтовъ, этого «праздника глазъ», какъ называли ихъ Греки; когда сладкій запахъ лннѣ струится въ освѣженномъ воздухѣ, какъ ароматъ изъ тысячи курильницъ; когда солнце, утоная въ оранжевомъ парѣ, превращаетъ облачка въ разноцвѣтныя полосы и глыбы перламутра — жаль мѣнять эти прелести на театральную лампу и жестяной мѣсяцъ.

Вѣроятно, читатель, вы помните халифа, который иногда покидалъ свои чертоги съ янмовыми колоннами и янтарными стѣнами и для разнообразія странствовалъ по рыбацкимъ хижинамъ. Бывали также случаи, что вкусъ, пресыщенный трюфлерованными перепелами, салми изъ бекасовъ на шампанскомъ, камбалою à la Перигоръ и подобными имъ утонченностями, искалъ обновленія въ горшкѣ гречневой каши. Ссылаясь на такіе примѣры и авторитеты, приглашаю васъ, хоть одинъ разъ въ лѣто, на Крестовскій, въ самое сердце его, къ русскому трактиру. Здѣсь еще не введенъ обычай брать пошлину за входъ: вознагражденіе за музыку и прочія удовольствія разсчитано на голодъ и жажду, въ особенности на жажду зрителей — и расчетъ не ошибся. Емкость желудковъ объясняется здѣсь очень просто: свойствомъ ихъ расширяться отъ теплорода, а жидкій теплородъ въ видѣ пунша, испанской горькой водки и прочихъ, болѣе или менѣе освѣжительныхъ веществъ, господствуетъ здѣсь абсолютно и наполняетъ своими спиртуозными атомами окрестности. Не оскорбляя тѣни почтеннаго тибурскаго помѣщика, Горація, можно сказать, что совѣтъ его Вару — садить прежде всего виноградъ — исполненъ буквально въ этомъ вертоградѣ удовольствій; потому, читатель, чтобы не подвергать себя отвѣтственности за рекомендацію, предоставляю вашему соображенію, вступитъ за кольчатую ограду, или остаться на благоразумномъ разстояніи. «Легче! — Куда лопишь! — Ай, стинули платокъ! Певѣжа! пускаетъ дымъ подъ шляпку!...» Въ самомъ дѣлѣ, стоимте на берегу. Пусть эта публика *смотритъ на музыку*: наше бѣдное зрѣніе еще не дошло до такой

провицательности. Но, увы! и нашъ слухъ даже не созрѣлъ для прелести этихъ звуковъ. А дивные, должно быть, звуки! Какой фуроръ, какія браво, фора, рукоплесканія!... А вотъ и атлетъ, въ розовомъ трико, въ красномъ суконномъ жилетѣ, съ серебряной мишурной повязкой на лбу, вскарабкался вверхъ по шесту съ быстротою и ловкостью бѣлки и, балансируя обѣими руками, пошелъ прогуливаться по канату. Пять,

васъ нѣкто, прищуривая правый глазъ: — а пройди ко ты по одной доскѣ? Берешься пройти, а?

— Да тутъ нѣтъ доски, а пройду, ей-ей пройду... въ заведеніи; биться объ закладъ, пройду.

Спорщики идутъ рѣшать вопросъ дѣломъ — и Семенъ Васильичъ проигралъ, проигралъ при гомерическомъ хохотѣ, послѣ трехъ сбоевъ, какъ лошадь на скачкахъ; сказываютъ однакожъ, что за проигранное



Чуховская деревня на Крестовскомъ Островѣ.

никогда солнечное затмѣніе съ такимъ напряженіемъ не вытягивало шеи у любопытства, какъ эти воздушные прыжки, вызывающіе вопросъ о жизни и смерти. — «А слетитъ! Бьюсь о закладъ, сломить ногу. — Не сломить: упадетъ на публику. — Эка важность! Съ наскокомъ-то всякій пройдетъ.» Мнѣнія раздѣляются, а между тѣмъ воздушный артистъ благополучно спустился къ изумленнымъ зрителямъ, гордый и довольный, какъ побѣдитель на олимпійской аренѣ.

Слава соблазнительна. Успѣхъ его пробудилъ конкуренцію между зрителями.

— Семенъ Васильичъ, Сеня! — восклицаетъ возлѣ

нари товарищи поднесли ему дипломъ на званіе «душа общества».

Есть на Крестовскомъ Островѣ пунктъ, не замѣчательный своими красотами, но пользующійся старинною популярностію между петербургскими Нѣмцами, Финнами и Шведами. Это пригорокъ Куллербергъ, куда съ давнихъ лѣтъ, вѣрные преданію отцевъ и дѣдовъ, отправляются они пировать въ Иванову почъ, собирать магическія травы и уиниваться пивомъ. Тогда весь Куллербергъ представляетъ огромное кочавье самага счастливаго племени. Сирадъ котелковъ и самоваровъ, нѣміе на все возможные тоны, съ аккомпани-

ментомъ скрипки, гармоники, варганы, пляска, споры, хохотъ, говоръ, вавилонское столпотвореніе. Здѣсь семья счастливицевъ отмежевала себѣ уголокъ двумя распущенными дождевыми зонтиками и пируетъ, какъ въ гостиной; рядомъ честная компанія раскинула наметъ изъ простыни, привязанной за четыре угла къ тѣнистымъ соснамъ; а вонъ тамъ бѣлѣтъ настоящая палатка съ пунцовыми каймами, похожая на сахарную голову.... Веселье продолжается цѣлыя сутки и черепки мисокъ, рюмокъ, бутылокъ, забытыя фуражки и шляпы долго свидѣтельствуютъ о гигантскомъ пированьи.

Но пора, мой спутникъ-читатель, и намъ воротиться къ пенатамъ. Почти не будетъ сегодня; противъ золотой каймы, охватившей западъ, скоро вспыхнетъ румянецъ на востокъ.... Пыль экипажей улеглась на дорогахъ. Музыканты идутъ по домамъ, довольные тароватостію Семена Васильича, который, проигравъ закладъ, бросилъ имъ синюю бумажку и «заказалъ»

отмахать вонурри изъ цыганскихъ пѣсень. Въ другой разъ, если вы не устали отъ сегодняшняго путешествія зигзагами, мы полетимъ прямо, на крыльяхъ пара, въ противоположную сторону, на дачу Графа Кушелева-Безбородко, любоваться руинами подъ звуки оркестра, пожалуй устроимъ даже кадрили для здоровья, въ залѣ Полюстровскихъ Минеральныхъ Водъ.... Время пройдетъ не сухо. Можетъ статься, тогда ужъ войдетъ въ моду новый танецъ — *lancers*, только-что изобрѣтенный въ Парижѣ Целларіусомъ.... Можетъ статься очень многое, пожалуй даже, послѣ нынѣшнихъ оркестровъ и пыли, вы согласитесь съ давнишнимъ моимъ убѣжденіемъ, что клочекъ домашнего запущеннаго садика, огороженнаго заборомъ отъ постороннихъ глазъ, непритязательный ноттурно въ кругу добрыхъ друзей и тихая бесѣда за корзинкой душистой клубники безконечно пріятнѣе всѣхъ купленныхъ прогулокъ.

И Домострой.

РАЗНЫЕ ВЫХОДЫ И ВХОДЫ.



Выходъ народа изъ церкви (въ селѣ).



Отпускъ изъ корпуса.



Выходъ изъ пансіона.



Нашіе.



Выходъ хозяевъ и сидѣльцевъ изъ лавки.



Выходъ изъ бани.



Выходъ разныхъ народовъ изъ кабака (въ городъ).

КОЕ-ЧТО О СИБИРИ.

Много было говорено въ разное время объ огромности пространства, занимаемаго Россіею. Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ полтора градуса въ долготу чуть не дають права говорить, что она «облегла полсвѣта» и что во владѣніяхъ Русскаго Царя никогда не заходитъ солнце. Но едва четвертая часть этого огромнаго и сплошнаго протяженія отъ востока къ западу падаетъ на Европейскую Россію; остальные же три четверти составляетъ Россія Азіатская, или Сибирь. Мы не вносимъ въ это измѣреніе — Русской Америки, которая отдѣлена моремъ отъ общаго, огромнаго протяженія, и сама по себѣ составляетъ довольно значительный отрывокъ американскаго материка.

Открытіемъ и первоначальнымъ завоеваніемъ Сибири Россія обязана предпримчивой храбрости

волжскаго казака—Ермака. За то имя Ермака Тимофеевича по справедливости пользуется завидной извѣстностью въ Русской Исторіи.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго восточная часть нынѣшней Европейской Россіи, т. е. прилегавшая къ Сибири, была поприщемъ промышленной и торговой дѣятельности именитыхъ людей Строгановыхъ, которые торговали съ Сибирью, заводили разные заводы и фабрики и имѣли даже отъ государей нашихъ позволеніе держать для защиты своихъ владѣній военную силу. Строгановы выселились изъ Новгорода-Великаго въ Двинскую область и главнымъ мѣстомъ ихъ владѣній былъ Сольвычегодскъ (нынѣ уѣздный городъ Вологод-



Вооруженіе Ермака.

ской Губерніи), въ которомъ до сего времени сохранилось еще много памятниковъ блестящаго времени

Строгановыхъ и, въ томъ числѣ, слѣды огромныхъ соляныхъ варницъ. Владычествовавшій въ Сибири въ то время (1580 г.) Киргизскій Ханъ Кучумъ весьма желалъ воспользоваться соседствомъ богатыхъ Строгановыхъ и распространить свое владычество надъ Пермью, гдѣ у Строгановыхъ были тоже соляныя варницы и гдѣ процвѣтала торговля, имѣвшая чрезвычайно удобный путь по Камѣ и Волгѣ къ Астрахани и Каспійскому Морю. Кучумъ, отказавшись вносить дань, которую онъ до того времени платилъ Россіи, дѣлалъ вторженія во владѣнія Строгановыхъ, стараясь распространить свое государство пріобрѣтеніемъ бо-

самой встрѣчи съ судами богатого и именитаго Строганова. Строгановъ, остановленный разбойниками, не приказалъ своимъ людямъ защищаться и самъ добровольно отдался въ руки Ермака, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгими, хотя и не укорительными словами, сталъ порицать его образъ жизни, указывая при этомъ на Сибирь, какъ на обширное поприще для храбрыхъ и сильныхъ людей. Рѣчь Строганова тронула Ермака и онъ тутъ же со всею своею шайкою поступилъ къ нему въ службу и всѣ вмѣстѣ они поплыли вверхъ по Камѣ, гдѣ у Строгановыхъ были богатые селенія и заводы. Тутъ казаки запаслись оружіемъ, порохомъ,



Остѣи.

гатой Перми. Но Строгановы не только оказали ему сильнѣйшее сопротивленіе, а еще преслѣдовали его даже въ собственныхъ владѣніяхъ. Въ 1582 году явился помощникомъ ихъ противъ Кучума казачій атаманъ съ Дону Ермакъ Тимофѣевъ — съ 540 казаками. Здѣсь къ простому разсказу исторіи, какъ и ко всему замѣчательному въ человѣческой жизни, примѣшалось нѣсколько поэтическихъ, или, лучше сказать, картинныхъ преданій. Говорятъ, что Ермакъ, будучи простымъ донскимъ казакомъ, убилъ сына своего атамана и долженъ былъ бѣжать. Скрываясь отъ преслѣдованій, онъ попалъ въ руки волжскихъ разбойниковъ, присталъ къ ихъ промыслу и за силу и храбрость былъ избранъ атаманомъ. Съ этою шайкою Ермакъ долго былъ ужасомъ всѣхъ судовъ, шедшихъ по Волгѣ къ Астрахани или отъ Астрахани, до

сѣбѣстными припасами и на ладьяхъ отправились вверхъ по рѣкамъ Камѣ и Чусовой къ Уральскому Хребту. Послѣ долгаго и труднаго странствованія казаки перевалили наконецъ за хребетъ и спустились по рѣкамъ, текущимъ къ Тоболу, на берегахъ котораго стояла столица Сибирскаго Царства, городъ Искеръ, почти на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Тобольскъ. При спускѣ съ горъ казаковъ непріязненно встрѣтили туземныя племена, Остѣи и Вогулы, бродячія отрасли сѣвернаго финскаго племени. Но храбрость казаковъ и невиданное дикарями огнестрѣльное оружіе торжествовали надъ многочисленностью туземцевъ и они всюду были побѣждаемы. Здѣсь преданіе въ добавленіе къ исторіи разсказываетъ, что судьба Сибирскаго Царства, занимавшаго пространство отъ Уральскихъ Горъ до рѣки Оби, рѣ-

нилась единоборствомъ Ермака съ Кучумовымъ братомъ, Маметъ-Куломъ. Единоборство это описано очень картинно Дмитриевымъ въ его поэмѣ «Ермакъ.» Въ этомъ единоборствѣ Ермакъ побѣдилъ своего соперника, Сибирь покорилась ему, а Кучумъ бѣжалъ за Алтай въ степи Средней Азіи. Искеръ тоже былъ взятъ. Тогда Ермакъ, сдѣлавшись полнымъ господи-

шубу съ царскаго плеча, тяжелый кованый панцырь, а чтобы усилить средства завоевателей и дать возможность продолжать начатое такъ удачно, послалъ еще въ распоряженіе Ермака стрѣleckую дружину.

Между тѣмъ Кучумъ не могъ такъ легко и скоро отказаться отъ обладанія своимъ Сибирскимъ Царствомъ, а потому, странствуя по киргизскимъ сте-



Алеуты поклонники Шамана.

номъ завоеваннаго даже, можно сказать, открытаго имъ царства, отпраздновалъ двухъ своихъ эсауловъ къ Царю Ивану Васильевичу Грозному съ тѣмъ, чтобы повергнуть къ стопамъ царскимъ новое владѣніе и вмѣстѣ принести свою повинную голову, прося милости и прощенія за свою прежнюю жизнь. Государь, получивъ это радостное извѣстіе, не только простилъ Ермака и его товарищей, но богато наградилъ посланныхъ и послалъ Ермаку многоцѣнные дары, — соболью

пямъ, изыскивалъ всѣ средства возратить утраченныя владѣнія. Собравъ разными средствами большія толпы, онъ неожиданно ночью напалъ на Ермака и истребилъ почти всѣхъ его казаковъ. Самъ Ермакъ погибъ въ этой кровопролитной битвѣ или, какъ говорятъ другіе, утонулъ въ рѣкѣ Иртышѣ, подавленный тяжестью панцыря, царскаго подарка. Въ нашей картинкѣ Ермакъ Тимофѣевичъ во всемъ вооруженіи, полученномъ въ даръ отъ Государя. Русскіе воеводы

Чулковъ и Воейковъ въ 1585 году окончательно овладѣли Сибирью, изгнали Кучума и въ тоже время положили основаніе крѣпостей Пелыма, Березова, Тобольска и др.

Какъ ни пространна и какъ ни богата Сибирь, но поселеніе въ ней долго никого не привлекало, не смотря на многія льготы, предоставляемыя добровольнымъ переселенцамъ; наконецъ въ 1829 году купецъ Поповъ сдѣлалъ открытіе, которое придало Сибири новое, чрезвычайно важное значеніе: въ этомъ году

ною примѣсю серебра, отчего названіе смѣси бываетъ или серебристое золото или золотистое серебро. Совершенно чистаго золота въ природѣ не встрѣчается; кристаллическое встрѣчается изрѣдка. Золото находится или въ твердыхъ каменныхъ породахъ, какова кварцъ, тогда оно называется *опалынымъ*, или въ пескѣ, перемѣшанномъ съ глинами, валунами и гальками, тогда оно называется *разсыпнымъ*, *песчанымъ* или *шелуховымъ* золотомъ. Это-то золото, то есть песчаное, или разсыпное, и отыскано въ Сибири въ 1829



Иркутскъ.

онъ случайно попалъ на золотоносныя розсыпи.

Въ нашемъ изданіи есть нѣсколько видовъ, снятыхъ съ этихъ временныхъ поселеній, которыя называются золотыми приисками, есть нѣсколько сценъ изъ жизни тѣхъ, которые населяютъ эти временные городки или деревеньки; но картинка, какъ бы она вѣрно ни была снята, не можетъ еще дать понятія объ особенностяхъ и случайностяхъ той жизни, какая проводится въ этихъ мѣстахъ. Поэтому, желая короче познакомить нашихъ читателей съ тѣмъ, что изображено на нашихъ картинкахъ, мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о золотыхъ приискахъ.

Золото находится въ природѣ въ чистомъ, металлическомъ видѣ, но всегда въ болѣе или менѣе замѣт-

ную примѣсю серебра, отчего названіе смѣси бываетъ или серебристое золото или золотистое серебро. Совершенно чистаго золота въ природѣ не встрѣчается; кристаллическое встрѣчается изрѣдка. Золото находится или въ твердыхъ каменныхъ породахъ, какова кварцъ, тогда оно называется *опалынымъ*, или въ пескѣ, перемѣшанномъ съ глинами, валунами и гальками, тогда оно называется *разсыпнымъ*, *песчанымъ* или *шелуховымъ* золотомъ. Это-то золото, то есть песчаное, или разсыпное, и отыскано въ Сибири въ 1829

году и привлекло такое множество людей въ ея лѣса и пустыни, называемыя *тайгами*. Золотоносныя розсыпи въ Сибири встрѣчаются обыкновенно не по одиначкѣ, но свитами по какой-нибудь рѣкѣ и ея притокамъ. Эти свиты называются *системами* и бываютъ большія и меньшія. Такихъ системъ съ подраздѣленіями весьма много и мы назовемъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ. Всѣ эти системы, о которыхъ мы хотимъ говорить, принадлежать къ Восточной Сибири, и первое золото открыто по рѣкѣ Бирикулу, принадлежащей къ нынѣшней Бирюсинской системѣ золотыхъ промысловъ.

Наши картинки представляютъ виды нѣкоторыхъ приисковъ *Питской* системы, или иначе сѣверныхъ

промысловъ и, по справедливости, эта система въ настоящее время занимаетъ первое мѣсто. Всѣхъ дѣйствующихъ нынѣ пріисковъ по Питской системѣ гораздо болѣе ста и въ сложности они добываютъ до 1000 пудовъ золота ежегодно. Рабочихъ людей на всѣхъ этихъ промыслахъ болѣе пятнадцати тысячъ человекъ; посудите же, какіе огромные капиталы обращаются на этомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ.

Рѣка Питъ, такъ богатая золотоносными притоками,

всего долженъ отправиться въ Енисейскъ, стоящій на лѣвомъ берегу р. Енисея. Переправившись на правый берегъ, вы вскорѣ попадаете на такъ называемую *таежную дорогу*, то есть путь, по которому отправляются на пріиски всѣ, кому въ этомъ предстоитъ надобность. Лѣтомъ другого способа ѣзды нѣтъ, какъ пѣшкомъ и верхомъ, да еще особенный, оригинальный способъ, состоящій въ томъ, что къ бокамъ лошади прикрѣпляютъ двѣ длинныя жерди, между которыми вѣшается родъ люльки, или качалки, и въ эту



Абалацкій Монастырь близъ Тобольска надъ р. Иртышемъ.

впадаетъ въ Енисей съ правой стороны; въ окрестностяхъ Пита и по самому Питу природа необыкновенно величественна; гигантскія обнаженія береговыхъ скалъ очень часто отвѣсными стѣнами смотрятся въ быстрыя и пѣнистыя воды Пита, который, хотя и не имѣетъ рѣшительнаго характера горнаго потока, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно быстръ и порожистъ. Всего теченія Пита слишкомъ двѣсти верстъ. Но, увлекшись картинностью береговъ этого новаго Пактола, мы забыли о томъ, что сдѣлало его знаменитымъ, — о золотѣ и его добываніи. Путешественникъ, желающій попасть на золотыя пріиски Восточной Сибири и именно системъ Подкаменной Тунгуски, Питской или какой-либо изъ сѣверныхъ системъ, прежде

качалку садится путешественникъ, не желающій ѣхать верхомъ. Но таежныя тропки такъ узки и по сторонамъ ихъ болота бываютъ иногда столь тонки, что стоитъ лошади немного забрать въ сторону, она увязнетъ, и ѣдущій въ качалкѣ между жердей очутится въ весьма непріятномъ положеніи. При переѣздѣ же чрезъ такія мѣста, какъ, напримѣръ, закрайна утеса на Питу, изображенная на нашей картинкѣ, такой способъ ѣзды вовсе невозможенъ, также какъ и при переходѣ черезъ рѣки и рѣчки, встрѣчающіяся въ тайгѣ почти на каждомъ шагу. Намъ, напримѣръ, случилось переѣзжать на разстояніи двухъ сотъ верстъ осьмнадцать разъ одну и ту же рѣку Тисъ, довольно широкую и быструю.

На Енисей, выше впадения въ него верхней Тунгуски, или Ангара, на мѣстности не болѣе пятид- на пріиски такъ называемая Голубковская дорога и первые замѣчательные пріиски, встрѣчающіеся на



Переездъ по карнизу утеса на р. Пить.

цати лѣтъ тому назадъ совершенно пустынной, нынѣ находится богатое селеніе Ермакъ, все сплошь за- пути, суть Платоновскій, компаніи Голубкова, и Ольгинскій, компаніи Малевинскаго. Видъ этихъ обоихъ



Видъ на р. Пить.

строенное золотопромышленниками и занятое ихъ конторами, складочными магазинами и домами для управляющихъ и прикащиковъ. Отъ Ермака ведетъ пріисковъ читатель найдетъ на нашихъ рисункахъ. Оба они занимаютъ очень картинную мѣстность и оба были весьма богаты золотомъ, но нынѣ они почти уже,

истоцены, оба они лежат по р. Актолику, впадающему въ Вангаши, а эта послѣдняя течетъ въ р. Чиримбу, которая изливается въ Большой Питъ. На Платоновскомъ пріискѣ г. Голубковымъ устроена церковь. На Актоликѣ очень много пріисковъ, но самые богатые изъ нихъ суть Платоновскій, Ольгинскій и Константиновскій; послѣдній принадлежитъ купцу Зотову. Ближайшій переѣздъ съ Актолика къ р. Севагдикону, по которой тоже много пріисковъ, и между ими самые замѣчательные: Отрадный—К. Малевинскаго и Викто-

какой цѣли она составляется? Вотъ два вопроса, на которые мы постараемся отвѣчать.

Поисковую партію въ Сибири называется небольшое число людей, соединенныхъ или соединившихся для того, чтобы отыскать какія-нибудь полезныя ископаемыя, въ Сибири же преимущественно и даже исключительно—золотоносныя россыпи.

Много надобно энергіи и силы характера для того, кто рѣшился идти съ поисковою партію, особенно съ такою, которая намѣрена зазимовать въ тайгѣ.



Спасскій Пріискъ.

ровскій—г. Базилевскаго (бывшій); оба они, доставивъ значительное количество пудовъ золота, нынѣ истощились. (Оба изображены на нашихъ рисункахъ).

Но мы увлеклись описательною частію интереснаго дѣла золотопромышленности и забыли о человѣкѣ, объ этомъ необходимомъ оживителѣ мертваго богатства природы, какъ бы щедро оно его не разсыпало, потому и возвратимся къ тѣмъ, кто населилъ и устроилъ эти пустыни, кто проложилъ дороги въ тайгу, отыскалъ сокровища, погребенныя въ теченіе многихъ вѣковъ, и извлекъ ихъ для столь разнообразнаго употребленія.

На картинкѣ у насъ представленъ бивуакъ поисковой партіи. Что значить это поисковая партія и для

Зимуютъ же партіи для того, что есть мѣста, на которыхъ зимняя развѣдка несравненно удобнѣе и благонадежнѣе лѣтней, и наконецъ есть такія мѣста, гдѣ лѣтомъ развѣдка вовсе невозможна. Ниже мы скажемъ причину этого. Поисковая или развѣдочная партія состоитъ обыкновенно изъ хозяина будущихъ золотыхъ промысловъ, или его повѣреннаго, и отъ десяти до тридцати человѣкъ рабочихъ.

Надобно быть или очень привычнымъ или очень терпѣливымъ человѣкомъ для того, чтобы первое впечатлѣніе дикой и пустынной мѣстности сильно не подѣйствовало на душу. Эта величавая и нетронутая природа, эти то мрачныя, то улыбающіяся горы; эти рѣчки, то шумныя и пѣнистыя, какъ горный потокъ,

то широкія, какъ море.... нѣтъ! наслажденіе охва-
тываетъ душу невольно только при одномъ воспоми-

Востока мирное сіянье
Надъ пробужденною землею



Перевозъ черезъ Агуль.

наніи о первомъ впечатлѣніи, производимомъ пусты-
нею, и мы рѣшаемся передать здѣсь написанные въ

Ужъ загоралось... Въ небѣ чистомъ
Кой-гдѣ мелькали облака



Видъ бивуака повской партіи.

то время однимъ изъ нашихъ товарищей стихи. На-
чала мы не помнимъ:

И было полно все созданье
Какой-то прелестью святой.

И, чуть журча, лилась рѣка,
Сверкая въ блескъ золотистомъ.
Кругомъ свѣтящаяся горы
Ветавали въ ясной епневъ

И разстилаясь по травѣ
 Цвѣтовъ роскошные узоры.
 Какъ—будто въ первый міра день
 Жизнь среди пустыни разливалась
 И какъ отверженная тѣнь
 Ночь передъ солнцемъ удалялась;
 Катился нарѣ съ стѣдъхъ высотъ,
 Проснулся вѣтеръ надъ скалами
 И тучки въ легкой хороводъ
 Свились, скользя подъ небесами!

Покой природы погубя.
 И святотатственной рукою
 Онъ снялъ таинственный покровъ
 Никѣмъ не тронутыхъ лѣсовъ
 Надъ этой дѣвственной землею!
 Онъ въ глубину ея проникъ
 Трудомъ упорнымъ, силой воли;
 Но счастья лучшаго тайникъ
 Онъ иссушилъ святой родникъ
 Безъ сожалѣнья и безъ боли!



Видъ Плагоновскаго пріиска по р. Актоляку.

Все было чисто и свѣтло, —
 И вотъ прекрасное свѣтило
 Вершины горъ озолотило
 И стройно въ небѣ потекло!
 Казалось, здѣсь бы счастіемъ жить,
 Творцу за міръ Его молиться,
 Душой природу полюбить
 И средь красотъ ея забыться;
 Но человека духъ суровый
 Въ обитель свѣтлую привнесъ
 Съ собою призракъ жизни полой,
 Страстей, опасностей и слезъ;
 Онъ первобытнаго творенья
 Разрушилъ міръ, чтобъ для себя
 Извлечь хоть каплю наслажденья,

Это однако поэзія, а мы хотѣли рассказать о томъ, какъ живутъ эти люди, брошенные въ пустыню и почти предоставленные собственнымъ своимъ средствамъ. Когда партія сформирована, начальникъ ея занимается компасомъ и, если возможно, картою мѣстности. Впрочемъ, карту въ большей части случаевъ замѣняетъ собственная смѣтка и навыкъ рабочихъ, но комнась совершенно необходимъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ и признаки мѣстностей такъ похожи одни на другіе. Запасовъ продовольствія партія беретъ съ собою, смотря по обширности площади, предполагаемой къ развѣдкѣ; время поисковъ можетъ продолжаться отъ двухъ недѣль до нѣсколькихъ мѣсяцевъ и, по возможности, на все это время партія должна быть

обезпечена продовольствіемъ, хотя въ пути она и можетъ встрѣтить случай для пополненія запасовъ помощью стрѣльбы птицъ и звѣрей, во множествѣ населяющихъ тайгу. Кромѣ пищи и одежды партіи берутъ иногда съ собою *коши* или *юрты*. Кошемъ называется киргизская войлочная палатка, стоящая на кольяхъ или, лучше, на рѣштинахъ; на верху палатки дѣлается круглое отверстіе, закрываемое круглою же войлочною крышкою и служащее для выпуска дыма отъ костра, разводимаго по срединѣ *коша*. Юрта эта тотъ же кошъ, только вмѣсто войлоковъ употребляются

сказъ обратится въ воинственную потѣху, когда какому-нибудь топыгину вздумается набрести на мѣсто стоянки поисковой партіи, и злополучный Мишка всегда платится своими шкурой и окороками за неумѣстное любопытство. Рабочіе поисковой партіи по большей части отличные стрѣлки.

Иногда партія останавливается въ какой-нибудь особенно удобной и благопріятной мѣстности на нѣскольکو дней и начинаетъ *шурфовать*.

Шурфовать, шурфовка, это и значить та самая операція, для которой снаряжаются партіи. Словомъ *шур-*



Видъ пріиска по р. Актолику.

звѣринныя шкуры. Въ этихъ кошяхъ иногда дѣлаются временные очаги изъ дикаго камня и на этихъ очагахъ стряпаются незатѣйливыя кушанья начальника поисковой партіи.

На одной изъ нашихъ картинокъ изображенъ отдыхъ такой партіи или ночная стоянка. На ночь раскидываются *коши* и раскладываются со всѣхъ сторонъ костры, какъ для тепла, такъ и для свѣта; усталые промышленники разсаживаются кругомъ, варятъ себѣ пиццу, состоящую обыкновенно изъ похлебки или кашницы, и потомъ начинаютъ, продолжаясь иногда по нѣскольکو часовъ, рассказы о мѣстныхъ преданіяхъ или о походахъ въ тайгѣ удачныхъ охотниковъ и золотоискателей.

Не рѣдко случается, что мирный ужинъ или раз-

фовать выражается понятіе о копаніи въ разныхъ мѣстахъ земли на пробу: содержитъ—ли земля или породы данной мѣстности золото или нѣтъ? Если работа идетъ удачно, если золото по пробамъ окажется удобнымъ къ разработкѣ, то бивуакъ поисковой партіи дѣлается зародышемъ будущаго пріиска и болѣе многолюднаго, болѣе дѣятельнаго населенія. Въ одинъ годъ вырастаетъ множество строеній, помѣщенія для промысловаго управленія, конторы, служащихъ, рабочихъ, конюшни для лошадей, насклаузы, складочныя магазины; строятся золотопромышленныя машины, шумятъ гидравлическія колеса, а иногда и высоко поднимается труба паровой машины, словомъ—образуется *пріискъ*, которыхъ нѣсколько образцовъ мы представили въ нашихъ картинкахъ.

Это при счастливомъ окончаніи поисковъ, когда прикосновеніе этого могучаго металла привлечетъ и

томъ, который руководить и нашими золотоискателями, и калифорнскими Гамбусинами и Роскодорами.



Жилы избы рабочихъ на золотыхъ сибирскихъ пріискахъ.

трудъ, и населеніе, и капиталы. Но если золота нѣтъ, если двухъ или трехдневные поиски не увѣчались

Но не одно только обиліе золота дѣлаетъ Сибирь интересною и замѣчательною страню; вся она такъ ши-



Видъ Викторскаго Пріиска по р. Севагликону.

желаемымъ успѣхомъ, то поисковая партія оставляетъ избранное мѣсто и идетъ далѣе, руководствуясь особенными соображеніями, или тѣмъ темнымъ инстинк-

роко раскинулась и вмѣстѣ такъ рѣдко населена, что изученіе ея болѣе точное, болѣе подробное откроетъ еще много такого, что достойно вниманія и присталь-

наго наблюденія. Ея огромныя рѣки, кишачія рыбою, ея неизмѣримые лѣса, наполненные безчисленными звѣрями—вотъ гдѣ истинное богатство Сибири, вотъ гдѣ ея будущее развитіе въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Сибирь въ правительственномъ отношеніи дѣлится на Восточную и Западную, и главными городами у ней, по мѣстожительству генералъ-губернаторовъ, считаются Омскъ — Западной и Иркутскъ — Восточной.

На одной изъ нашихъ картинокъ изображенъ Абацкій Знаменскій Монастырь, лежащій въ 20-ти верстахъ ниже Тобольска. Монастырь этотъ третьеклассный мужескій, основанъ уже очень давно; мы не можемъ сказать навѣрное, когда именно, но вѣроятно

бири, обширнѣйшей чѣмъ Западная, придаетъ ему особый блескъ. Такъ какъ Иркутскъ городъ новый, то къ нему не привязано никакихъ историческихъ воспоминаній; но за то немного найдется городовъ, которые имѣли бы возможность развиваться при такихъ благопріятныхъ условіяхъ.

Ангара съ Енисеемъ, въ которой будто бы она впадаетъ, хотя этотъ послѣдній уступаетъ ей во всемъ, есть одна изъ величайшихъ рѣкъ въ цѣломъ мірѣ, а центральное положеніе Иркутска относительно всѣхъ производительныхъ силъ при байкальской и забайкальской части Сибири, даютъ полное право надѣяться, что значеніе этого города съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться.



Ольгинскій Пріискъ на р. Ангарѣ.

около того времени, когда явилась здѣсь чудотворная икона Божіей Матери, а это явленіе послѣдовало въ 1636 году. Мѣстность монастыря необыкновенно красива, а пустынное его положеніе по берегу широкой и быстрой рѣки наполняетъ душу благочестивыми размышленіями и какимъ-то восторгомъ къ Творцу этой величественной и грозной природы.

Главный городъ Восточной Сибири — Иркутскъ на рѣкѣ Ангартѣ, въ сорока верстахъ отъ выхода ея изъ озера Байкала и при впаденіи въ Ангару р. Пркута. Иркутскъ есть если не самый красивый, то одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Сибири, и въ отношеніи цивилизации и просвѣщенія рѣшительно занимаетъ первое мѣсто.

Близость китайской границы дѣлаетъ его весьма важнымъ складочнымъ пунктомъ для кяхтинской чайной торговли, а средоточіе управленія Восточной Си-

На нашей картинкѣ Иркутскъ представленъ со стороны Ангары, и даже по этому маленькому образчику можно судить, какими прекрасными зданіями обладаетъ городъ и какъ картинно его мѣстоположеніе.

Хотя Сибирь вся вообще еще не можетъ называться страной хорошо населенною и обработанною, хотя по обширнымъ областямъ ея встрѣчаются во множествѣ бродячія племена туземныхъ дикарей, которыхъ образцы мы представили на двухъ картинкахъ, но въ Сибири есть еще часть, есть страна, которой дикость и недоступность пугаетъ даже коренныхъ Сибиряковъ—это Камчатскій Полуостровъ.

Занимая самую сѣверо-восточную часть азіатскаго материка, Камчатка отдѣляется Беринговымъ Проливомъ отъ русскихъ владѣній Сѣверной Америки. Это—земля снѣга и огня, если можно такъ выразиться, потому что на вулканической почвѣ полуострова поста-

влено множество вулкановъ, называемыхъ *сонками*, и первое мѣсто между ими занимаетъ Авачинская, стоящая въ самой глубинѣ Авачинской Губы, въ которой помѣщается и славное укрѣпленіе, называемое Петропавловскимъ Портъ или Авачею.

Камчатскія горы прорѣзываютъ полуостровъ грядою отъ сѣвера къ югу и оканчиваются въ Восточномъ Океанѣ мысомъ Лопаткою. Изъ рѣкъ, орошающихъ полуостровъ на сѣверѣ, есть Анадырь и южнѣе Камчатка, текущая обѣ въ Восточный или Тихій Океанъ. Географическое положеніе страны между 50° и 67° сѣв. шир. могло бы, кажется, придать климату Кам-

описанъ стихами, которые мы и выпишемъ для того, чтобы заключить статью нашу о Сибири.

Часовой.

Ты холодна, о Русь могучая!
Въ тебѣ границы вѣчныхъ льдовъ;
Но кровь сыновъ твоихъ кипучая
Не стынетъ въ холодѣ снѣговъ.
Тамъ далеко, гдѣ стѣною гладкою
Разостланъ Тихій Океанъ,
Двѣ трети года надъ Камчаткою
Лежатъ и холодъ и туманъ.



Видъ Петропавловскаго Пріиска по р. Шкарову.

чатки значительное разнообразіе, но восточность положенія (отъ 175° до 210° в. д. отъ Ферро) дѣлаетъ климатъ Камчатки болѣе суровымъ, нежели можно было ожидать по широтѣ мѣста.

Въ послѣднюю войну, Петропавловскій Портъ былъ въ блокадѣ военными судами и пароходами англійскаго-французскаго флота, но эта блокада разрушила только нѣсколько домиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представила случай выказаться русскому мужеству и стойкости характера. Мы говоримъ о томъ случаѣ, который сообщали иностранные журналы о часовомъ, ходившемъ около своего поста и ни разу не оглянувшись ни на право, ни на лѣво, во время канонады. Случай этотъ въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ

Туда-то злобою водимые
Вокругъ едва ли не всей земли
Враги свои знамена принесли!
То бѣдный Портъ безъ укрѣпленія,
Она же, слабыхъ палачи,
Внесли огонь и разрушеніе
Въ родъ бѣдныхъ хижинъ Авачи!
И тамъ подъ пушками, среди пламени
Надъ невысокою стѣной,
Какъ вѣра наша—твердь на камени
Стоялъ нашъ русскій часовой.
Ни громъ орудій въ часъ рѣшительный,
Ни битвы шумъ, ни визгъ свинца,
Ни грозныхъ бомбъ разрывъ губительный
Не возмущилъ молодца.

Спокоенъ духомъ средъ сраженія
Ходилъ онъ мѣрно вдоль стѣны,
Какъ за пять лѣтъ до нападенія
Среди привычной тишины

Среди враговъ Богохранимая
Стоитъ спокойна и сильна!
И не тревожатъ необъятную
Усилія злобы и враговъ.



Видъ въ Камчаткѣ.

И жарко вѣруя въ Подателя
Побѣды, слыша громъ и гулъ,
Ни разу онъ на непріятели
И головы не повернулъ!
Не такъ ли ты, о Русь родимая,
Святому Промыслу вѣрна

Одну молитву благодатную
Богъ далъ сердцамъ ея сыновъ,
И та молитва православная
Она все таже, что и встарь:
Да процвѣтаетъ Русь державная,
Да будетъ славенъ Русскій Царь!

Ю. В

ЛІСТОКЪ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Осетины въ горахъ.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЕНЬ ПРИ ПЕТРЪ I.

(1723 ГОДЪ.)



Солнце ярко горѣло на небѣ; но туманъ, едва отѣлившійся отъ сырой земли, перенималъ желтые его лучи и еще задергивалъ острые верхи черепичныхъ крышъ. Коровы бродили около домовъ, громко мыча; онѣ жад-

но ѣли свѣжую траву, пробивавшуюся по сторонамъ улицъ, на которыхъ не было мостовой; и вѣху смѣлымъ крикомъ только-что возвѣщали утро, а городъ, казалось, весь уже былъ жизнь и движеніе. Петербургъ въ то время просыпался очень рано.

Внизъ по Невѣ плыли къ Адмиралтейству отъ Смольнаго Двора лодки, тяжело нагруженныя бочками, снястями, дѣсомъ. Въ домахъ и дворахъ

замѣтна была чрезвычайная хлопотливость; у богатыхъ палатъ стояли огромныя фигурныя коляски, кареты, запряженныя цугами украшенныхъ пестрою сбруей коней, или пышно осѣдланныя лошади. Въ другихъ мѣстахъ, какъ ягоды, рисовались на зелени садовъ красныя одноколки. Изъ всѣхъ домовъ вы-

ходили люди разнаго званія и вида, кто въ богатомъ, кто въ бѣдномъ, но все въ чистомъ нарядѣ; одни шли къ церквамъ, другіе къ Невѣ, лѣвый берегъ которой осыпанъ былъ народомъ. На самой рѣкѣ множество судовъ разной величины непрерывно стремилось со всѣхъ сторонъ къ крѣпости. Противъ австеріи Меншикова отдѣльно стояли принадлежавшіе вельможамъ буеры и шлюбки, украшенные бархатомъ и тканями яркихъ цвѣтовъ, а въ воздухѣ между тѣмъ гудѣлъ, не умолкая, оглушительный звонъ колоколовъ. Въ смутномъ гулѣ два голоса, раздававшіеся съ двухъ противоположныхъ концовъ города, владѣли и покрывали другіе: одинъ своими важными, громкими, мѣрными, какъ пушечные выстрѣлы, ударами, другой рѣзкимъ и пронзительнымъ звукомъ, долго трепетавшимъ въ пространствѣ. Народу, видно, осо-

бенно знакомы были эти голоса; при каждомъ ударѣ въ толпахъ слышалось какое-либо привѣтствіе: «Славно! — Ай — да Иверскій — Валдайскій! — Рѣчисть, родимый — словно громъ!» или: «Не выросъ еще бѣдняга — Нѣмецъ! Куда — те, пискунъ свейскій, тануться за нашимъ русскимъ богаты-



бенно знакомы были эти голоса; при каждомъ ударѣ въ толпахъ слышалось какое-либо привѣтствіе: «Славно! — Ай — да Иверскій — Валдайскій! — Рѣчисть, родимый — словно громъ!» или: «Не выросъ еще бѣдняга — Нѣмецъ! Куда — те, пискунъ свейскій, тануться за нашимъ русскимъ богаты-

ремъ!» (*) и т. п. Около *Лытлаго Дома* солдаты и служители дворцовые, подъ распоряженіемъ собственныхъ Государевыхъ денщиковъ, выметали въ саду аллеи, ставили скамьи, накрывали длинные столы; словомъ видно было, что городъ съ утра готовился къ особенному празднеству.

На берегу Фонтанной-рѣки, находился въ то время, на широкомъ дворѣ, барскій домъ, изукрашенный фигурными, тонкими колоннами на тощихъ базахъ. Съ шестиступенной наружной лѣстницы дома сошли два человѣка, одинъ въ зеленомъ чекменѣ съ серебряными нашивками, въ цвѣтныхъ сапогахъ, казачьихъ алыхъ шароварахъ и четырехугольной шапкѣ, опушенной узенькимъ соболемъ; другой былъ средняго роста, худенькій, съ острымъ носикомъ, маленькими живыми глазами, въ плащѣ пыльнаго цвѣта, изъ-подъ котораго по временамъ выказывалось нѣмецкое, или, какъ называли тогда, *саксонское* платье. Онъ перекрестился, надѣлъ низенькую треугольную шляпу и, своротивъ налѣво со двора, пошелъ съ товарищемъ мимо *Форштата* или *Русской Слободы*, вдоль берега, который противъ домовъ укрѣпленъ уже былъ длинными сваями, въ другихъ же мѣстахъ еще неровнымъ извилистымъ откосомъ спускался къ рѣкѣ. Они взошли на первый мостъ; — въ это время гдѣ-то пробило шесть часовъ.

— Какова потѣха! — сказалъ человѣкъ въ чекменѣ, — колокола воютъ такъ, что я часовъ сосчитать не успѣлъ!

Человѣкъ въ плащѣ, вынувъ огромные серебряные часы изъ камзола, показалъ ихъ товарищу.

— Чортъ ли разберетъ это!

— Стыдно! Княжій конюшій и различать не можешь часовъ! Вотъ то-то братъ, Ермолай Андреичъ, я говорилъ тебѣ: ученіе свѣтъ, а неученіе тьма.... Шестъ било.

— Раненько же.

— Для тунеядцевъ, какъ мы съ тобою, раненько, а Государь Великій часа три уже трудится для насъ, недостойныхъ! Нѣтъ ему праздника: народъ гуляй себѣ, а онъ съ трехъ часовъ утра работай для него; да и спать-то онъ, отецъ, однимъ глазомъ, дай ему Богъ многія лѣта! — Тутъ онъ снялъ шляпу и набожно перекрестился.

Такъ разговаривая, они взошли на длинную гать, проложенную чрезъ тонкое пространство *Новой Невской Перспективы*, занимавшее почти всю средину

между Мѣей и Фонтанной-рѣкою. За деревьями, посаженными на обѣихъ сторонахъ улицы, мѣстами стояли широкія, болотныя дужи, между ихъ навалены были высокія груды булыжника, песка, фашинь, строеваго лѣса, глины и черепицы. Правая сторона *перспективы* была еще вовсе безъ строеній, на лѣвой и къ сторонамъ рѣкѣ, о которыхъ мы упомянули, торчало нѣсколько домовъ и выказывались изъ земли фундаменты, да тамъ и сямъ стояли разбросанныя на пустомъ пространствѣ мазаночныя избы. Рабочій народъ, покидая занятія, сѣдѣлъ къ Адмиралтейству.

— Взгляни, — сказалъ человѣкъ въ плащѣ, — взгляни на это мѣсто.... такимъ видѣлъ я весь Петербургъ! Вотъ, Ермолай Андреевичъ, что значитъ сила высокаго разума и могучей воли! Знаешь ли, что со временемъ имѣетъ быть на мѣстахъ сихъ?...

— Вонючее болото и кочки! Э! что ты ни толкуй, ученый графскій секретарь, а Питеръ вашъ — дужа дужей; богатъ, какъ говорили старики наши, — *только слезами*. Народъ морить, да деньги губить въ этомъ пустырѣ! То ли дѣло Москва бѣлокаменная? Ужъ подлинно, промѣняли вы кукушку на ястреба.

— Глаголы безумія! — сказалъ секретарь, пожамкая плечами; — прости имъ, Господи, не вѣдаютъ бо, что....

— Да какъ же не говорить этого, Федоровичъ, когда не народъ только, а и бояре все то же поютъ и въ Москвѣ, и по цѣлой Руси?

— Все? Нѣтъ, не все, слава Богу! Дворянинъ ты, Ермолай Андреевичъ, благородный, сердцу больно.... Умъ имѣешь зѣло изрядный, душу способную на все хорошее.... а тратишь молодая лѣта свои въ темной жизни, пристойной точію одной черни.

— Какой чудакъ! Что-жъ худаго въ томъ, чтобъ жить, какъ дѣды и отцы живали?

— Напротивъ, много въ томъ хорошаго; да все ли вы полно отъ отцовъ и дѣдовъ переняли? Развѣ водились они только съ жеребцами, псами и кречетами? Не гнѣви Бога; зналъ я покойнаго Андреяна Никонovichа: былъ человѣкъ полезный, понеже, съ достаткомъ уменъ и ученъ былъ для своего времени, а въ наше и вѣщее смышленіе потребно.... Не одни мы живемъ, дружище, на землѣ; не только-то свѣту, что въ окошкѣ.... Ну! да оставимъ это, говорено было и будетъ еще съ тобою о многомъ. Вспомни-ка лучше объ невѣстѣ и размысли о своихъ общаніяхъ.

— Мнѣ ли не помнить объ ней! Она моя жизнь!

— То-то же, а хорошо ли, что и она, еще мало-ученая, какъ все наши барышни, можетъ знаньемъ своимъ устыдить тебя, мужчину, на каждомъ словѣ? Любовь любовью, дружище, да и умъ нуженъ про

(*) Одинъ изъ колоколовъ, въ 800 пуд., привезенъ былъ изъ Иверскаго Валдайскаго Монастыря и посвященъ въ Александровскомъ; второй, находившійся въ Троицкой Церквѣ, взятъ въ Або.

всякую пору; отъ него въ семьѣ хлѣбъ и уваженіе; а уваженіе трость, говорилъ покойный графъ, любовь на нее опирается. Молодцовъ, какъ ты, найдется довольно; что же будетъ, если рѣчи людскія, рѣчи жены твоей останутся для тебя китайскою грамотою? Стыдъ да и только! Ни самому себѣ, ни другимъ отъ тебя не будетъ пользы; вѣрь, пріятель, коли не станешь уважать тебя жена, такъ не за что и любить ей такого мужа, какихъ сыщешь на каждой боярской конюшнѣ!

— Ну добро, полно, Феодоровичъ, ужъ обѣщано; сказалъ я, что для Ольги сдѣлаю все на свѣтѣ... буду учиться съ утра до ночи; знаю, знаю, что трудно....

— Гдѣ трудъ, тамъ и польза. Его Величество, — тутъ секретарь снова снялъ шляпу, — не только умомъ и духомъ, да и руками тяжело работалъ, болѣе всякаго раба своего. «Трудиться надлежитъ», — говорилъ онъ Ивану Ивановичу Неплюеву: «я и царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли; все это для того, чтобъ показать примѣръ другимъ».

— Сказано! сказано! буду трудиться; лишь бы Ольга любила меня, лишь бы я могъ быть полезенъ родинѣ, которую люблю, какъ Ольгу. За нихъ, клянусь тебѣ, я готовъ положить животъ. Потому-то и смущаетъ меня все иноземное, ваши наряды, да вычуры, да ваши....

— Э! дитя! дитя глупенькое, прости мнѣ слово! Да развѣ любить родину нельзя въ длиннополномъ кафтанѣ, безъ бороды, въ парикѣ? Развѣ Шереметевъ, Меншиковъ, Апраксинъ не лили за нее кровь, не били на голову тѣхъ, отъ которыхъ переняли нарядъ свой, отъ которыхъ изучились многому и хорошему?

— Но коли все равно, такъ зачѣмъ же покидать житье наше старое, и кафтанъ, и бороду?

— Конечно, не нужно бы было для многихъ, а для многихъ зѣло потребно! Сказалъ бы тебѣ; да видишь, молодъ ты больно.... Борода и чекмень твой, Ермолай

Андреяновичъ, словно кляпышъ, къ которому ты пристегнуть, какъ лихой кречетъ крѣпко-на-крѣпко; спусти съ него птицу, полетитъ въ поднебесье, подыметъ до солнца и взглянетъ на него и увидитъ сверху, чего и не видала, сидя на кляпышѣ, и не устоитъ противъ его груди никакая пернатая, что бывало нахально ругалась, кружась надъ его головою! Имѣй уши слышати, да слышитъ.... Вотъ до времени, а тамъ собственною рефлексіей поймешь болѣе!

— Понимаю рѣчи твои; готовъ на все, желаю, хочу учиться, хочу, чтобъ были во мнѣ прокъ и польза, а бороды, кафтана не сниму! Ей-же Богу не будетъ этого!

— Не говори, голова, будетъ!

— Ни во вѣки!

— Будетъ, говорю я, и скоро!

— Э! да что спорить? — отвѣчалъ Ермолай съ сердцемъ, — не сдѣлаю этой глупости.

— Вотъ такъ-то! мудрецы вы, мудрецы! не тотъ глупъ, Ермолаюшка, кому случится на вѣку сдѣлать и глупость, а глупъ тотъ, кому глупость людская не придается ума.

Между — тѣмъ они перешли за Мойку: путь по улицѣ, еще не застроенной и ма-

лообитаемой, былъ бы только скученъ по причинѣ грязи; но тутъ стеченіе народа, возовъ съ овощами, горшками, деревянною посудой и другими домашними потребностями, торонившихся къ близлежащему рынку и опереживавшихъ другъ друга, дѣлали дорогу совершенно непроходимую. Пѣшеходы ежеминутно подвергались опасности быть опрокинутыми въ тѣснотѣ. Монахи новаго Александро-Невскаго Монастыря, сопровождавшіе архимандрита своего Феодосія Яновскаго, ѣхавшаго въ тяжеломъ рыдванѣ, пробивались сквозь сѣрую толпу, почтительно снимавшую шапки. У вѣзда на большой лугъ къ Адмиралтейству народъ такъ тѣснился, что два наши путешественника, замученные труднымъ переходомъ и рѣшительно не



имѣвшіе уже возможности пробиться далѣе, рѣшились остановиться для отдыха.

Это мѣсто, теперь безподобное, тогда было довольно безобразно; на немъ возвышалось нѣсколько избъ: странно, пунктъ составлялъ средину двухъ заселенныхъ и уже довольно хорошо обстроенныхъ частей Адмиралтейскаго Острова, который со дня на день украшался въ то время, какъ первенецъ его, Петербургскій Островъ, если не пустѣлъ, то пріобрѣталъ мало новыхъ жителей. Выраво отсюда лежалъ путь мимо *Адмиралтейской Крѣпости* къ домамъ Государевымъ: Зимнему и Лѣтнему, къ иновѣрческимъ киркамъ, рынку и барскимъ палатамъ, а далѣе за Фонтанной-рѣкою къ бывшей *Русской Слободѣ* (Лѣтней Часті), многолюдной и хорошо обстроенной (*). Влѣво были расположены между Невою и Мьею слободы Адмиралтейская и Нѣмецкая съ чистыми домами; ниже, между Мьею и ручьемъ, обратившимся впоследствіи въ каналъ, и даже по лѣвому берегу Фонтанной-рѣчки, были разбросаны лѣтніе барскіе дома; наконецъ прямо находились Адмиралтейство, невскій берегъ и перевозъ на Васильевскій и Петербургскій Острова.

Изобразивъ подробно положеніе пункта, на которомъ движеніе народа остановило двухъ нашихъ пѣшиходовъ, мы спрашиваемъ читателя: почему на томъ прекрасномъ мѣстѣ не выстроили барскихъ палатъ, а поставили простыя избы? Потому—что промышленная смѣтливость въ 1723 году была нѣсколько не хуже нынѣшней: она привела въ извѣстность всѣ разряды жителей различныхъ частей города, сообразила ихъ взаимныя отношенія, исчислила пути, соединявшіе слободы, нашла, что эта точка есть именно точка пересѣченія, т. е. мѣсто *бойкое*, помножила всѣ эти данныя лѣтними жарами, осеннею сыростью, зимними морозами; приложила къ произведенію жажду, сродную каждому здоровому русскому или нѣмецкому человѣку, — и результатъ показалъ ей ясно, что тутъ именно, а не въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, надлежало выстроить *кабаки*. Сообразительность нашего вѣка по фактурѣ и духу нынѣшней публички, въ слѣдствіе подобной, но еще акуратнѣйшей выкладки, поставила бы здѣсь рестораціи, трактиры, дома для проѣзжающихъ и магазины.

Подъ широкимъ навѣсомъ одного и самаго обширнаго изъ кабаковъ пѣшиходы наши сѣли на деревян-

ную скамью, приставленную къ рѣзнымъ периламъ, загороживавшимъ промежутки четырехъ столбовъ съ нарѣзками, похожихъ на столбики птичьихъ клетокъ и составившихъ портики храма; надъ низкою дверью избы, на сторонѣ, обращенной къ Адмиралтейству, висѣла черная доска, на которой красовался двуглавый орелъ въ желтомъ кругѣ; онъ былъ намалеванъ столь отчетливо, что каждый посѣтитель могъ сосчитать безъ труда всѣ перья крыльевъ, которыми онъ осыпалъ бѣлую на черной доскѣ надпись: *Казенной питейной вольной домъ*.

Буквы надписи, казалось, только—что вышли изъ дома, ими украшаемаго: онѣ цѣплялись въ заманчивомъ безпорядкѣ и, съ своеюравною дружбой обнимая одна другую, какъ наши пьяные, позволяли зрителямъ предвкушать то блаженное положеніе, въ которомъ многіе изъ нихъ должны были быть по выходѣ изъ этого храма земныхъ радостей.

Здѣсь былъ совершенный хаосъ. Не смотря на ранній часъ дня, двери ломились отъ посѣтителей; довольно просторный домъ Гурьяныча, отставнаго преображенскаго унтеръ—офицера, вошедшаго въ право содержателя *питейной избы*, за усердную службу, по отобраніи этого права отъ *Жидовъ*, которые обратили его себѣ въ монополію, — кабакъ Гурьяныча, говоримъ мы безъ метафоръ, внутри былъ набитъ, а снаружи обтѣпленъ народомъ.

Купчины, адмиралтейскіе служители, люди въ армякахъ, нѣмецкихъ платьяхъ, длиннополыхъ кафтаныхъ, безъ бородъ и съ бородами, Чухны, плотники, денщики, бабы—стряпухи, со всѣхъ сторонъ проходившія мимо этого мѣста для закупки въ рынокъ жизненныхъ припасовъ, — все заходило или забѣгало въ главную *вольную избу*, одни за тѣмъ, чтобъ потолковать, другіе, чтобъ послушать, и всѣ, чтобъ продраться до обѣтованнаго поставца, гдѣ израненный герой Нейшанца и Полтавы, Гурьянычъ, за мѣдную деньгу наливалъ прихожанамъ большую чару зеленой амброзіи, порой подслащивая забирающую горечь вина ласковымъ словцомъ, разсказомъ о любопытной старинѣ или о важной новости; порой воздерживая огромнымъ кулакомъ своимъ рьяное нетерпѣніе горячихъ обожателей благодатнаго напитка.

Человѣкъ въ плащѣ сѣлъ и, устремивъ на присутствовавшихъ стрѣныіе глаза, съ особеннымъ вниманіемъ вслушивался въ рѣчи. Ермолай (такъ звали конюшаго князя Кесаря Ромодановскаго) хотѣлъ—было завернуть въ избу, но, одумавшись, остался; онъ поплевалъ въ руку, вычистилъ ею полы чекменя, опустил шаровары, которые, для охраненія отъ грязи, были осторожно подобраны въ голенища сапоговъ,

(*) Она составляла треугольникъ, боками котораго были: часть Фонтанки отъ нынѣшняго Аничкова Моста до Невы, часть Невы отъ истока Фонтанки до Смольнаго Двора, и линія, которую можно бы было протянуть мысленно отъ этой точки до Аничкова Моста.

потомъ погладилъ правою рукою усы, а лѣвою нѣсколько приподнимая богатую свою шапку, важно подошелъ къ людямъ, шумно толковавшимъ близъ угла избы, и приветствовалъ разговаривавшихъ слѣдующею рѣчью.

— Добрый день, честные люди!

— Добра и здоровья желаемъ! — отвечали ему.

Лице княжескаго конюшаго, въ нестрой и довольно грязной толпѣ, окружавшей кабакъ, было явленіемъ чрезвычайно важнымъ; шапки невольно снялись, сперва съ тѣхъ, которые находились близъ Ермолая и видѣли его, а послѣ и съ отдаленныхъ людей, видѣвшихъ только, что впереди ихъ были головы безъ шапокъ; многіе рты затворились изъ уваженія.

— Что новаго? не къ празднику ли изводите? — спросилъ Ермолай.

— Вѣстимо, милостивецъ. Какъ не помолиться, да не полюбоваться на Великаго Государя Императора? Дай Богъ ему, новорожденному, здравствовать!

— Дай Богъ! Да и новости, сказываютъ, будутъ.

— Слышали мы, слышали! раздавалось въ толпѣ. Одни кричали, что на Троицкой Площади Царь будетъ самъ держать рѣчь и объявить о милостяхъ народу. Другіе утверждали, что приказано раздавать послѣ обѣдин деньги; нѣкоторые говорили, что въ комедіантскомъ домѣ стануть даромъ показывать новаго звѣря; третьи толковали о повелѣніи, которымъ позволено всѣмъ носить попрежнему бороды и кафтаны; словомъ, каждый объявлялъ свою вѣсть, утверждая, что она справедливѣе прочихъ. Шумъ былъ общій, когда въ толпѣ громко прохрипѣлъ чей-то голосъ: — Все пустякъ, а вотъ что вѣрно, такъ вѣрно: Питеръ уступаютъ Шведамъ, а народъ гонять подъ Москву! да и слава Богу! давно бы пора!

Всѣ вдругъ замолчали; какое-то недоразумѣнье вы-

разилось на лицахъ; въ это время здоровый гарнизонный капралъ, растолкавъ стоявшихъ около Ермолая, врѣзался въ толпу.

— Питеръ уступаютъ Шведамъ? — спросилъ онъ громко и твердо, покручивая усъ и поглядывая кругомъ: — чтобъ отсохъ языкъ у бездѣльника, кто это выдумалъ! Не видать Шведамъ Питера, какъ ушей своихъ! слышите ли? Питеръ Шведамъ! Когда мы безъ мала не забрали всей ихъ землишки, разбили все войсчишко и чуть не положили самого короля. Или мало что-ли пролили крови? или не милъ уже Государю Питеръ? или не милъ нашъ Государь что-ли? А?...

— Намъ ли не любить Питера? Христосъ съ вами, кавалеръ! — сказалъ, крестясь и поплеывая, кунецъ съ складистою бороною. — Наше мѣсто свято, трудно было сначала въ новомъ городѣ, за то милостію Бога и Государя нажились и обжились мы въ немъ въ прокъ и веселье. Намъ ли не любить Питера? Здѣсь въ двадцать лѣтъ Богъ даровалъ намъ женъ, дѣтей и прибытокъ, и счастье, и славу. Кого не взыскалъ и не обласкалъ Государь нашъ милостивый? — продолжалъ кунецъ, обра-

щаясь къ слушающимъ его. Онъ самъ не разъ крестилъ у меня....

— Онъ купалъ у насъ хлѣба-соли, — закричали другіе — и у насъ и у насъ! Онъ выдалъ за-мужъ мою дочь; былъ на похоронахъ моего сына за службу его! Извоилъ плясать на моей свадьбѣ!... Дай Богъ ему, отцу нашему, здравствовать!

— Пошу борода, — продолжалъ тотъ же кунецъ: — и по указу Царя плачу за нее откупъ, потому что съда моя борода, не стоитъ и бритвы, а какъ бы моложе былъ, выбрилъ бы, какъ выбрилъ ее сыновьямъ: за Питеръ же лягу костями.

— Да кто же, — закричалъ капралъ, — кто тутъ смѣлъ врать этотъ вздоръ?



— Кто? ну, извѣстно дурные; забыли мы видно (сказалъ матросъ) рѣчь, сказанную Государемъ, какъ привели сюда свейскаго плѣннаго шубинахта.

— Шубинахта? А что это, отецъ? — спросили съ любопытствомъ стоявшіе возлѣ.

— Эге! мудряція головы, и этого-то не смыслите? Такъ называютъ по-нашему на флотѣ начальниковъ.

— Такъ-съ! да и нашъ-то батюшка не также ли на флотѣ-то величается?

— Ужъ конечно такъ: — подхватилъ Ермолай съ громкимъ хохотомъ: — конечно такъ; было бы только нѣмецкое имя, а ужъ по сердцу намъ прійдется! Вишь! вы, бѣдные, совсѣмъ онемечились.

Въ толпѣ опять установилось какое-то печальное молчаніе, Ермолаю не смѣли явно противорѣчить, ни дѣлать замѣчаній. Многіе, снова посмотрѣвъ, отделились отъ конюшаго, какъ люди, испуганные внезапнымъ появленіемъ змѣи; другіе, напротивъ, подошли къ нему, и въ то время, какъ флотскій служитель съ жаромъ рассказывалъ что-то отдѣльной толпѣ, въ которой онъ сталъ центромъ, къ Ермолаю подошелъ человѣкъ обритый, довольно неловко одѣтый въ нѣмецкое платье. «Видна птица по полету, — сказалъ онъ, низко кланяясь: — не трудно и по одеждѣ и рѣчамъ узнать, что ваша милость изъ дому Князя — Кесаря. Каковъ поинъ, таковъ и приходъ. То-то прямой русскій баринъ, братцы!»

— Подлинно такъ, — повторили нѣкоторые изъ близъ-стоявшихъ.

— Нѣтъ у князя въ палатахъ — продолжалъ купецъ громко — бусурманскихъ обычаевъ; все ведется по старинѣ родимой....

— Да ужъ и то правда, — сказалъ кто-то, — что отъ новаго житія подѣ-часъ тошно приходить.

— Не такъ, чтобъ тошно, а больно, — подхватилъ Ермолай важно; или не жили мы прежде безъ Нѣмцевъ на Руси православной? Нѣмецъ въ чести и при деньгахъ, а нашъ братъ только ломайся на нѣмецкій ладъ, да гни въ предъ Нѣмцемъ! Такъ и беретъ за живое!

— Правда, господинъ! правда! — повторилъ нѣскольکو голосовъ; — все по-бусурмански; легко ли дѣло; брей бороду, не подбивай гвоздями сапоговъ, тки широкія полотна, что съ вѣку не слышать было, оставляй родимый домъ, да строй по *новому манеру* избу на болотѣ, — чертямъ бы въ немъ жить, прости Господи! Все такъ плохо, что и земля-то сама, какъ закодланная, ничего не родить.

— А развѣ худы — сказалъ какой-то весельчакъ — нѣмецкія *огненные потѣхи*?

— Смѣйтесь! Вотъ уже будетъ вамъ потѣха, — про-ревѣлъ полуныяный мужикъ съ длинной рыжей боро-

дою, — будетъ вамъ потѣха! — Всѣ оборотились. Помните-ли старую ольху, что стояла у пристани возлѣ Троицы? — спросилъ онъ.

— Помнимъ!

— Знаете ли, зачѣмъ срубили ее?

— Не слышали! — кричали одни. — Знаемъ, знаемъ! — говорили другіе.

— То-то же! Предсказано смышленными, да и отыскано въ книгахъ церковныхъ, что въ этомъ году о сентябрь, къ зачатію Предтечи, съ моря опять нахлынетъ вода, всѣхъ бывалыхъ водъ выше, вплоть до маковки старой ольхи, изведетъ весь народъ, отнавший отъ православія, и весь городъ затопитъ (*).

Толпа зашумѣла. — Бѣда, бѣда! — кричали многіе. — Вреть онъ, не разъ слышали мы эти сказки, — говорили другіе: — отведемъ его въ канцелярію къ Антону Мануйловичу (**).

— Что шумите? — продолжалъ смѣло мужикъ.

— Ужъ и писанію не вѣрите, что-же, нехристи!

Секретарь зналъ народъ: боясь послѣдствій, онъ не могъ долѣе быть спокойнымъ. Подойдя къ мужику, онъ выхватилъ у него изъ-подъ руки шапку и показалъ ее народу. — Видите! желтый козырь! да здѣсь же спрятанъ и красный лоскутъ, споротый со спины (***).

— Раскольникъ! раскольникъ! — раздалось въ толпѣ.

— Вздоръ затѣялъ ты рыжій, — продолжалъ секретарь: — знаемъ мы васъ, мошенниковъ: нить, грабить, да народъ мутить, вотъ ваша работа! Не по плечу выбралъ себѣ дѣло; взгляни-ко, тутъ у каждого въ мизинцѣ ума болѣе, чѣмъ во всѣхъ вашихъ буйныхъ головахъ вмѣстѣ! Такъ-же, други?

Въ толпѣ послышался ободрительный ропотъ.

— Помнимъ мы и звѣзду съ хвостомъ, не обманешь, братъ! — Царь еще за мѣсяцъ до прихода объявилъ объ ней въ народъ указомъ, а какъ явилась, такъ собралъ всѣхъ на дугъ близъ сада, да самъ родимый показывалъ и растолковалъ все каждому. Мало-ль вы кричали, да мудрили тогда? Вотъ восьмой годъ истекъ,

(*) Въ 1720 году, въ народѣ сильно утверждалось предсказаніе, что въ сентябрѣ вода, нахлынувъ съ моря, подымется выше старой ольхи, стоявшей подлѣ крѣпости: многіе изъ встревоженныхъ жителей спѣшили заблаговременно искать спасенія на возвышенностяхъ около Петербурга мѣстахъ. Царь повелѣлъ срубить ольху и когда виноватый былъ отысканъ, заключить его въ крѣвость. Въ назначенный для наводненія день предсказатель былъ выведенъ, строго наказанъ, а жителямъ, собраннымъ на мѣстѣ, гдѣ стояла ольха, подтверждено, чтобъ впредь не вѣрили незбытымъ выдумкамъ.

(**) Графъ Антонъ Емануиловичъ Девіеръ, первый с.-петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.

(***) Отличительные знаки, которые повелѣно было (особымъ указомъ) нѣмцамъ раскольниковъ.

а бѣды не только не видали, да и, благодаренье Богу, войны кончили и славный миръ заключили.

— Увидите, еще увидите! — кричалъ мужикъ: — девятый годъ важный! будутъ бунты и пожары, вода и голодь: Иѣмцы хотятъ сгубить народъ, а Государь даетъ имъ надъ нами волю.

— Что! какъ? душите его, бейте! бейте! — кричала толпа: дерзаетъ на Государя хулу класть!

Тысячи рукъ поднялись. Пустите, онъ хмѣленъ, — говорили другіе. — Волненіе сдѣлалось общее: одни хотѣли непременно тащить раскольника, другіе стояли за него, кричали, бранились; пьяницы, выходившіе изъ кабака, шумѣли болѣе всѣхъ; наконецъ посыпались удары. — Государяхулять! Государяхулять! — раздавалось со всѣхъ сторонъ — и всѣ били другъ друга; драка завязалась не на шутку. Въ это время колокола зазвонили къ обѣднѣ. Секретарь, пользуясь удобною минутой, взлѣзъ на бочку и закричалъ громко: — Слышите, православные! Слышите! Въ церковь, молиться за отца-Императора! или забыли вы какой великій нынѣ день?

— Какъ забыть!

ура! ура! — раздалось

далеко кругомъ, — да здравствуетъ батюшка нашъ, да здравствуетъ новорожденный, великій Государь Петръ Алексѣевичъ!

Крикъ этотъ разлился по улицамъ, гдѣ былъ принятъ и повторяемъ новыми толпами. Черезъ нѣсколько минутъ преддверіе Гурьянычева нитейнаго дома осталось чисто, какъ ладонь, и молчаливо, какъ пустыня.

Тогда секретарь, все еще державшій за воротъ раскольника, который трясся, какъ осиновый листъ, обратился къ нему.

— Я бы могъ раздавить тебя, негодай, какъ ядовитую муху. Видишь — сказалъ онъ, показывая въ улицу къ зимнему дому: — идутъ уже на шумъ царскіе драгуны; если выдамъ тебя, ты погибнешь; но милую

именемъ милостиваго Государя. Ты новичекъ видно въ Питеръ; поди же, да скажи глухимъ учителямъ своимъ, что поздно взялись; прошло то время, когда они могли надѣяться взволновать народъ своею злобою; онъ понимаетъ великія дѣла Государя, онъ любитъ его, какъ Бога земнаго! Поди! да кричи громче: да здравствуетъ Государь, отецъ нашъ!

Драгуны были близко; освобожденный раскольникъ бѣжалъ, что было силы и кричалъ: «да здравствуетъ отецъ нашъ, Петръ Алексѣичъ!» расталкивая толпу, которая повторяла крикъ его.



Восемь часовъ давно уже пробило. Секретарь, не видя Ермолая, одинъ отправился къ Невѣ, чтобъ переѣхать на Петербургскій Островъ.

Замѣтивъ многочисленное собраніе въ австеріи Меншикова, онъ вошелъ, полагая найти тамъ своего товарища.

Въ верхнемъ ярусь дома находились богато убранныя комнаты: тамъ останавливался обыкновенно князь Меншиковъ, пріѣзжая съ Васильевскаго Острова на Адмиралтейскій; нижній былъ наполненъ поестителями; молодые боярскіе сыновья, офицеры гвардейскіе и

флотскіе, чиновники Морскаго Приказа, жители Пѣмецкой Слободы, фабриканты, иностранные шкиперы сидѣли, кто за большимъ столомъ, поставленнымъ по срединѣ комнаты, кто за маленькими отдѣльными столами; противъ нѣкоторыхъ стояли кофе и закуски, другіе читали Петербургскую Газету (надъ изданіемъ которой трудился самъ Государь); нѣкоторые занимались игрою въ шашки, другіе наконецъ курили табакъ изъ голландскихъ глиняныхъ трубокъ, глядя въ окна, изъ которыхъ открывался видъ Невы, части крѣпости, палатъ роскошнаго князя Меншикова, его церкви и богатыхъ господскихъ домовъ, занявшихъ на Стрѣлкѣ мѣста бывшихъ мельницъ. Вверхъ по рѣкѣ, отъ Галернаго Двора и отъ пристани Меншиковой, тянулось

къ окончности Петербургскаго Острова безчисленное множество лодокъ, наполненныхъ людьми всякаго состоянія; изъ австеріи многіе выбѣгали на пристань, нетерпѣливо ожидая, чтобъ сдѣлалось на ней просторнѣе, когда раздались голоса: «графъ Федоръ Матвѣевичъ!» Всѣ бросились на улицу.

Пріѣздъ генералъ-адмирала имѣлъ въ себѣ нѣчто царское: фигурный, открытый, цугомъ запряженный экипажъ его былъ окруженъ множествомъ слугъ и скороходовъ, одѣтыхъ по иностранному образцу; нѣсколько дворнягъ, его питомцевъ, сопровождали Апраксина: за ними слѣдовали его вершники. На полномъ благородномъ лицѣ графа выражалась доброта, въ глазахъ блестѣли остроуміе и проницательность, на открытомъ челѣ, какъ на небѣ подъ вечеръ прекраснаго дня, дышало особенное спокойствіе души: среди морщинъ, казалось, можно было уловить испытанную его опытность, плодъ долговременныхъ трудовъ и наблюдений.

Графъ вышелъ изъ экипажа и вѣжливо привѣтствовалъ собравшихся улыбкою, снятіемъ шляпы и низкимъ поклономъ. На немъ былъ тщательно причесанный парикъ, французскій кафтанъ фіолетоваго цвѣта, богато вышитый золотыми узорами, на груди блестѣлъ орденскій знакъ Андрея Первозваннаго. Гостепріимный вельможа-хлѣбосоль, узнавъ въ толпѣ нѣкоторыхъ изъ посѣтителей стола своего, ежедневно открытаго, подзывалъ ихъ, ласково протягивая къ нимъ руки, или обращалъ пріятное слово. Когда возвѣщено было, что лодки графа готовы, онъ снова поклонился и, окруженный свитою, сошелъ на деревянную пристань.

Сподвижникъ Петра, другъ фельдмаршала Шереметева (*), Апраксинъ былъ одинъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ Царя въ дѣлѣ смягченія нравовъ, введенія образованности и полезныхъ знаній. Въ домѣ его, какъ и въ домахъ Брюса, Голицына и многихъ другихъ, созрѣвшихъ въ школѣ Петра, замѣтны были благотворительность немущимъ, просвѣщенная роскошь, покровительство уму и талантамъ: изъ бесѣдъ ихъ изгнаны были кубки съ виномъ, а мѣсто ихъ заступили образцовая утонченность нравовъ, поучительные разговоры, пріятность и непринужденность въ обращеніи; власть этихъ умныхъ вельможъ украшалась добродушіемъ; они умѣли ласковостію смягчать блескъ высокаго сана и пріобрѣтать въ одно и то-же время любовь и уваженіе. Фельдмаршалъ Шереметевъ былъ всегда главою ихъ. Въ противоположность имъ, князь-кесарь, Федоръ Юрьевичъ Ро-

модановскій, былъ главою почитателей старины: Бутурлиныхъ, Лопухиныхъ, Нарышкиныхъ и другихъ. Такимъ образомъ Шереметевъ и Ромодановскій съ ихъ послѣдователями, казалось, изображали собою два вѣка. Оба богатые, умные, вѣрные сыны Россіи, они пользовались одинаково неограниченною довѣренностію Царя, но, по собственному убѣжденію или по своенравію, дѣйствовали различно; различіе это и по смерти лицъ, о которыхъ мы говоримъ, долго составляло двѣ яркія черты въ правахъ высшихъ сословій. Ромодановскій, гордый, грубый въ обращеніи, не измѣнялъ привычекъ своихъ ни для кого на свѣтѣ. Бѣда, если-бы кто осмѣлился сѣсть въ его присутствіи; бѣда, если-бы кто издумалъ не остановиться у тесовыхъ воротъ его дома и не идти чрезъ дворъ пѣшкомъ къ палатамъ! Ромодановскій смѣялся надъ нововведеніями, никогда не снималъ ни съ себя, ни съ людей, составлявшихъ его свиту и прислугу, русскаго кафтана; держа въ домѣ огромныхъ медвѣдей, нерѣдко закладывалъ ихъ въ сани для выѣздовъ по праздникамъ; одинъ изъ медвѣдей его подносилъ непремѣнно каждому посѣтителю чару перечной водки и, бросая на полъ подносы, вѣцплялся въ волосы гостя, ежели тотъ, по невѣдѣнію или по робости, не принималъ подносимаго! Въ хлѣбосольствѣ князя все дышало роскошью азіатскаго властителя; въ бесѣдахъ его не было ни ласки, ни сближенія; за пирами слѣдовала обильная попойка; только въ эти минуты терялось *мистицистство*, вино подводило подъ общій уровень всѣ сословія и своенравно перемѣшивало ихъ. Дворъ князя былъ дворъ царскій; охоты, продолжавшіяся по нѣскольку мѣсяцевъ, можно было назвать походами; кромѣ особыхъ тѣлохранителей, 500 человекъ въ нарядахъ, облитыхъ золотомъ и серебромъ, составляли постоянно его свиту!

Но возвратимся къ нашему предмету. Перебравъ съ прочими къ крѣпости, графскій секретарь встрѣтилъ Ермолая и вмѣстѣ съ нимъ искалъ уголка, откуда-бы удобнѣе было видѣть пріѣздъ Государя.

— Не стыдно-ли тебѣ, — сказалъ онъ Ермолаю, — не стыдно-ли тебѣ было смѣшаться съ чернью и необдуманными рѣчами причинять весь этотъ шумъ? Правдиво, что во многоглаголаніи нѣтъ спасенія.

— Думалъ ли я это!

— Въ томъ и бѣда, что мало вы думаете, а отъ чего? Въ палатахъ бояръ не ты одинъ изъ дворянъ, съ которыми обращаются, какъ съ холопами; васъ кормятъ до-сыта, поятъ до-пьяна, даютъ золота и довольствіе, — а вы за это позволяете презирать себя и, не учась ни чему сами, не уважая себя нисколько, принимаете привычки неучей-слугъ..... Стыдно! стыдно! зна-

(*) Умершаго въ 1719 году.

еще ли слово Царя про слугъ? Лакеи-шпионы; худо они слушаютъ, а еще хуже рассказываютъ слышанное.

— Повѣрь мнѣ, Федоровичъ, — отвѣчалъ Ермолай, краснѣя, — что и на умѣ не было ничего дурнаго; самъ не знаю, какъ лукавый опуталъ.

— Меня взялъ, — продолжалъ секретарь. — графъ Борисъ Петровичъ въ домъ свой, дай ему Богъ царство небесное! круглымъ сиротою, и первѣе всего велѣлъ посадить за указку. Когда наставили мой умъ чтеніемъ Святаго Писанія, а послѣ науками, и недостойные труды мои начали приносить малый плодъ, тогда графъ наградилъ меня своею довѣренностію, бралъ съ собою въ чужіе края, показалъ людей и безпрерывно занималъ, до конца дней своихъ, полезнымъ дѣломъ; и при кончинѣ не забылъ онъ сироты, хотя говаривалъ всегда, что «кто, просвѣтилъ свой умъ, тотъ не пойдетъ по міру.» Ну добро... я чуть не заплакалъ. — Тутъ старикъ отеръ слезы. — Вонъ твоя невѣста съ отцомъ; пойдѣмъ къ нимъ; на этотъ разъ я прощу тебя, никому не скажу.... а впередъ смотри, братъ....

Еще не окончились полуразвязныя, полудикія привѣтствія и поклоны Ермолая невѣстѣ и ея отцу, два старика не успѣли еще накрыть головъ шляпами, которыя держали правой рукою за средніе рожки, какъ раздалось на берегу: «Государь ѣдетъ!» Множество вельможъ вышло изъ церкви на пристань.

Точно, Петръ ѣхалъ отъ Лѣтнаго Сада въ большой баржѣ, или шлюбкѣ, которая подвигалась быстро отъ свѣжаго верховаго вѣтра. Баржа внутри была обита алымъ бархатомъ и украшена золотыми галунами; съ Государемъ сидѣли: Императрица, Цесаревны Анна и Елизавета Петровны, дѣти Царевича Алексѣя, Великій Князь Петръ (впослѣдствіи Императоръ) и Царевна Наталія. Баржа остановилась у пристани, устроенной близъ невскихъ крѣпостныхъ воротъ, гдѣ встрѣтили Императора губернаторъ столицы князь Меншиковъ, великій канцлеръ графъ Головкинъ, генералъ-адмиралъ графъ Апракинъ и другія знатнѣйшія особы государства.

Императоръ былъ въ треугольной шляпѣ, прострѣленной въ день знаменитой полтавской битвы, въ кафтанѣ изъ голубаго гродетюра, вышитомъ серебромъ рукою Екатерины, (*) съ орденскою чрезу плечо лентою Св. Андрея. Ступивъ на берегъ, Петръ остановился, снялъ шляпу, низко поклонился на всѣ стороны и, сопровождаемый семействомъ своимъ, за конемъ

слѣдовали всѣ присутствованіе, вошелъ въ церковь, гдѣ тотчасъ началось служеніе. На Троицкой площади, на пристаняхъ и въ окрестностныхъ улицахъ толпился между тѣмъ народъ.

Адмиралтейская сторона была уже, какъ мы сказали, важнѣйшею частію города, но на Петербургскомъ Островѣ жителей низшихъ сословій находилось больше; тамъ были еще коллегии, канцеляріи, квартировали войска, и на берегу Невы стояли каменные палаты Головкина, Гагарина, Шафирова, Зотова, Строева и другихъ царедворцевъ и сенаторовъ. Русско-финская слобода отличалась чистою и правильною постройкою домовъ: въ улицахъ Дворянской и Оружейной обращали на себя вниманіе красивые дома частныхъ людей и обширные дворы, Отдѣлочный и Оружейный; всѣхъ же примѣчательнѣе былъ (на углу, образуемомъ большими Невею и Невкою) домъ князя-паня, съ бакономъ и куполомъ, на которомъ стояла статуя Бахуса: предъ домомъ обыкновенно собиралось множество черни.

Петръ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ въ каждомъ случаѣ совершенно своимъ, особеннымъ, и часто весьма страннымъ образомъ: учрежденіе званія князя-паня было одно изъ подобныхъ дѣйствій. Кто можетъ знать причины, побудившія къ сему Царя? Судя по догадкамъ и свидѣтельству современниковъ, въ шутливомъ учрежденіи этомъ заключалось весьма многое. Петербургскіе жители низшаго разряда, стекавшіеся въ столицу изъ разныхъ мѣстъ Россіи, при многочисленныхъ важныхъ нововведеніяхъ, необходимо должны были находиться подъ сильнымъ влияніемъ иностранцевъ: но влияніе это, измѣнившее ихъ привычки, позволенное Петромъ и признанное полезнымъ для достиженія его намѣреній, не должно было простираться за границы, ему назначенныя. Оно не должно было трогать зачатыхъ чувствъ народа, неспровергать понятій его о предметахъ, касающихся до вѣры и т. п. Потому-то требовалось заблаговременно сдѣлать безплодными покушенія этого рода, а ихъ было не мало; требовалось искоренить только предразсудки, тѣмъ вреднѣйшіе, что они освящены были временемъ, уничтожить нелѣпыя мнѣнія, воздержать наклонность къ пьянству, чрезвычайно распространившуюся, и показать, что развратная и невоздержная жизнь должна быть предана всеобщему посмѣянію и презрѣнію.

Въ званіе князя-паня возводились люди чиновные, но лично извѣстные Государю преданностію своею къ стариннымъ причудамъ и страстью къ вину. Пана получалъ ежегодно 2000 руб. жалованья, онъ имѣлъ готовые дома въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

(*) Когда Екатерина поднесла Государю кафтанъ, онъ взялъ его въ руку, трихнулъ, нѣсколько канители и блескъ ушало осыпавшись: «смотри, Катенька» сказалъ Царь, «слуга смететъ это съ соромъ, а вѣдь тутъ дневное жалованье солдата.»

пользовался правомъ требовать изъ дворцоваго погреба столько вина и водки, сколько могъ выпить съ дворомъ своимъ, Коллегіумъ его состоялъ не только изъ первѣйшихъ, но изъ чиновнѣйшихъ пьяницъ; выбывшіе изъ положеннаго числа замѣняемы были достойными по балотировкѣ; ни богатство, ни званіе не избавляли. Низшая прислуга составлена была изъ людей, сверхъ необходимой любви къ вину имѣвшихъ всевозможные тѣлесные недостатки. Зотову, первому князю-панѣ, дача была дюжина слугъ взаемъ, глухихъ, кривыхъ и самыхъ безобразныхъ, выбранныхъ въ цѣломъ государствѣ; послѣ Зотова былъ Бутурлинъ; отъ него званіе это принялъ провіантскій чиновникъ Строгость, величайшій пьяница своего вѣка: въ послѣдніе годы царствованія Петра у Строгоста отнято было это званіе, послѣ чего оно уже не возобновлялось.

Литургія и молебствіе, совершенное новгородскимъ архіепископомъ Θεодосіемъ, были окончены: Императоръ съ семействомъ сѣлъ въ баржу, присутствовавшіе заняли мѣста въ своихъ бѣрахъ, и шлюнкахъ и поплыли къ Адмиралтейской Сторонѣ.

Безчисленное множество судовъ разнаго вида, обитыхъ внутри цвѣтными бархатами, позументами и шнурами, снаружи украшенныхъ рѣзбою, позолотою, управляемыхъ гребцами въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, рубашкахъ, перевязанныхъ поясами яркихъ цвѣтовъ, стройной флотиліею, слѣдуя отъ пристани, при звонкихъ и мѣрныхъ ударахъ веселъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости Адмиралтейства, яхтъ и фрегатовъ, разцвѣченныхъ флагами и вытянутыхъ въ линію по Невѣ при громкихъ кликахъ народа, при радостныхъ привѣтствіяхъ зрителей, наполнившихъ набережные дома, на окнахъ которыхъ развѣсались цвѣтныя ткани, — представляло взору картину истинно обворожительную.

У пристани противъ Лѣтнаго Сада встрѣтили Государя герцога голштинскій (впослѣдствіи супругъ Цесаревны Анны Петровны) и весь дипломатическій корпусъ. Принявъ ихъ поздравленія, Петръ пошелъ къ войскамъ, ожидавшимъ его на нынѣшнемъ Царицыномъ Лугу. Они построены были въ три фаса, обращенные лицомъ къ срединѣ луга и расположенные по сторонамъ его, прилежавшимъ къ набережной Большой Невы, нынѣшнимъ казармамъ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго Полка и Мойкѣ. Войска, находившіяся тамъ, состояли изъ девяти полковъ, постоянно квартировавшихъ въ С.-Петербургѣ, гвардейскихъ: Преображенскаго и Семеновскаго, армейскихъ пѣхотныхъ: Ингерманландскаго, С.-Петербургскаго и четырехъ гарнизонныхъ.

Они привѣтствовали Императора громкимъ, про-

должительнымъ ура! и бѣглымъ огнемъ изъ ружей. Проходя по фронту, Петръ здоровался не только вообще съ каждою командою, но особенно съ многими солдатами, извѣстными ему своею отличною службою. Осмотрѣвъ все полки, Государь велѣлъ угостить ихъ и вошелъ въ Лѣтній Дворецъ, гдѣ находилась вся его фамилія и нѣсколько знатныхъ особъ обоего пола, приглашенныхъ на обѣдъ и прибывшихъ во дворецъ тотчасъ по выходѣ на берегъ.

Гости Государя были люди самые приближенные; онъ не любилъ большихъ обѣдовъ, да и комнаты Лѣтнаго Дворца (нынѣ существующаго) не могли вмѣщать много людей. Для прислуги находились деньщики Аѳанасій и Алексій Татищевы, Орловъ, Мурзинъ, Писневъ, Бутурлинъ и Партовъ, учившій его токарному мастерству. За Государемъ и фамиліею его служилъ дежурный деньщикъ; у прибора его положены были деревянная ложка, вправленная въ слоновую кость, ножикъ и вилка съ зелеными костянными черенками; гдѣ бы ни кушалъ Петръ, у себя или въ гостяхъ, дежурному деньщику вѣнялось въ обязанность къ прибору его положить заблаговременно ложку, ножъ и вилку, которые онъ привыкъ употреблять.

Столъ былъ нѣсколько роскошнѣе обыкновеннаго, но простыя любимыя кушанья Петра не были забыты: для закуски лимбургскій сыръ, молодая рѣдька; за обѣдомъ щи, каша, студень, жареная утка въ кислотѣ соусъ, приправленномъ лимонами; вина мозельскія, венгерскія, и вино эрмитажъ, котораго бутылка стояла у Государева прибора. Стѣны кухни, чрезвычайно чистой, были обложены по-голландски бѣлыми маленькими кахлями съ голубымъ узоромъ; кухня находилась возлѣ самой столовой, и кушанья, чтобъ не простыть, передаваемы были сквозъ окошечко, сдѣланное нарочно для того въ стѣнѣ, раздѣлявшей обѣ комнаты.

Не станемъ говорить о бесѣдѣ Государя; она, по обыкновенію, оживлена была самою непринужденною откровенностью и веселымъ расположеніемъ высокаго хозяина; онъ много шутилъ, поилъ виномъ и подчивалъ лимбургскимъ сыромъ тѣхъ, которые причудничая, увѣряли, что не могутъ употреблять ихъ, шутилъ надъ трусливыми, воспоминалъ свою службу, путешествія и проч. Разговоръ, не прерываясь, кончился ассамблеи, назначенной ввечеру. Петръ вспомнилъ, что въ 1721 году, на балѣ генералъ-маіора князя Трубецкаго, онъ составилъ единственный въ своемъ родѣ кадрили — изъ восьми самыхъ молоденькихъ дамъ и столько же самыхъ старыхъ кавалеровъ. «Мы, молодцы», говорилъ Петръ, обращаясь къ дамамъ, «были все вмѣстѣ, только въ 25 разѣ старѣе нынѣшняго Петербурга; я сталъ съ Катенькой въ первую пару и

дѣлать самые трудные па; Адмиралтейцъ, Вице-Канцлеръ, Кантемиръ, Голицынъ, Долгоруковъ, Толстой и Бутурлинъ должны были подражать мнѣ, помните ли?

— «Помню», отвѣчалъ Апраксинъ: «это *дѣло* было мнѣ труднѣе битвъ со шведскими флотами». — Когда рѣчь отъ ассамблей перешла къ нарядамъ, и Екатерина, выговаривая супругу своему излишнюю бережливость въ одеждѣ, просила его позволить ей по крайней мѣрѣ *не шпонать больше его чулокъ* и приказать Посольству выбросить всѣ башмаки съ заплатами, Петръ рассказывалъ, что онъ не любитъ носить новаго платья, находя его всегда неловкимъ; что въ бытность свою въ

Парижѣ онъ рѣшился однакоже одѣться по тамошнему; но когда примѣрилъ нарядъ, голова его не могла выдержать тяжести парика, а тѣло утомлено было вышивками и разными украшеніями. Обрѣзавъ кудри парика по-русски, я пришелъ ко Двору (говорилъ Петръ) въ старомъ своемъ короткомъ сѣромъ кафтанѣ безъ галуновъ, въ манишкѣ безъ манжетъ,

со шляпою безъ перьевъ и въ черной кожаной черезъ плечо портупеѣ; что же? Одежда моя новая, странная и никогда невиданная Французами, восхитила ихъ: по моемъ отъѣздѣ они точно ввели ее въ моду. Впрочемъ, продолжалъ Петръ, обращаясь къ дамамъ, не вѣрьте женѣ моей и не сокрушайтесь: у насъ есть нарядныя платья; голубой кафтанъ мой съ золотымъ шитьемъ цѣлъ, я поберегаю его и надѣвалъ только два раза: первый разъ, представляясь Людовикъ XV, во второй же разъ, въ нынѣшнемъ году, для отпускнуой аудіенціи персидскаго посла Измаила-Бегъ, следовательно Западъ и Востокъ имѣютъ уже изрядныя понятія о моей роскоши.

— Ваше Величество, — сказалъ Меншиковъ, — говорите, что избѣгаете роскоши, однако же 25-го мая вы показывались жителямъ столицы съ неподражае-

мымъ великолѣпіемъ: вмѣсто скромной одноколки, въ золоченомъ фаэтонѣ, выложенномъ бархатомъ, цугомъ, съ отрядомъ гвардіи и съ многочисленной свитою въ самой пышной дивреѣ.

— Это мнѣ, Александръ Даниловичъ, случилось одинъ разъ въ жизни, и то ужъ тебѣ досадно. Вспомни, что я встрѣчалъ тогда пословъ своихъ, пробывшихъ около пятнадцати лѣтъ при многихъ иностранныхъ дворахъ; Головкинъ и Долгорукій привыкли къ европейскому блеску: мнѣ не хотѣлось испугать и даже устыдить ихъ излишнею уже простотою.

По окончаніи обѣда, гости перешли въ другую ком-

нату, а Государь удалился въ свою токарную; тамъ или на галерѣ, стоявшей противъ его дворца, онъ имѣлъ привычку отдыхать съ полчаса, отобѣдавъ, послѣ чего занимался дѣлами. На наружной сторонѣ дверей токарной комнаты находилась собственно ручная его надпись: «Кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда; не токмо посторонній, ни-

же служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное.»

Мы не сказали однако, что дѣлалось въ городѣ въ минуты отъѣзда Государева отъ крѣпости къ Лѣтнему Саду. Когда время переступило за полдень, привычный часъ обѣда столичныхъ жителей, толпы любопытствующихъ начали рѣдѣть: по мѣрѣ того, какъ улицы пустѣли, дома петербургскіе наполнялись. Нѣкоторые сѣвши въ свои семейства, другіе въ Лѣтній Дворецъ или на званые обѣды къ вельможамъ: послѣдніе ѣхали въ богатыхъ экипажахъ, въ пышныхъ нарядахъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Если мужчина встрѣчался на улицѣ съ дамою, то оба экипажа немедленно останавливались, кавалеръ выходилъ и, не смотря на погоду, съ обнаженной головой, приближаясь къ открытымъ дверцамъ другаго экипажа, привѣт-



ствовалъ даму рѣчью, прося позволенія поцѣловать у нея руку; подобныя сцены были видны на каждой улицѣ: таковъ былъ обычай.

Въ обширныхъ залахъ и садахъ богатѣйшихъ людей, по обыкновенію, накрыты были съ утра длинные столы, для званыхъ и незваныхъ, украшенные роскошною посудой, уставленные множествомъ яствъ, сахарныхъ закусокъ и напитковъ; на другихъ столахъ стояли ящики съ медами и винами, преимущественно рейнскими и венгерскими. Въ назначенный часъ хозяинъ выходилъ изъ своихъ покоевъ съ приглашенными, вѣжливо кланялся ожидавшимъ посѣтителямъ и пожималъ руку тѣмъ изъ нихъ, кого желалъ отличить особенно.

За столомъ, въ продолженіе котораго гремѣли валторны и флейты, хозяинъ помѣщалъ гостей своихъ возлѣ себя и если, въ числѣ ихъ находился кто-либо старѣе его лѣтами или чиномъ, то самъ никакъ не садился прежде него; (*) прочіе посѣтители занимали мѣста по желанію. Двери дома не затворялись въ продолженіи всего обѣда, всѣхъ безъ различія встрѣчалъ радушный пріемъ, знакомые и незнакомые входили, кушали и уходили, часто вовсе забывая о хозяинѣ.

Въ домахъ людей средняго состоянія замѣтна была нѣкоторая смѣсь быта древняго съ вновь привитыми привычками. Въ главномъ углу комнаты, подѣ иконою, предѣ которою теплилась лампада, по старому русскому обычаю, непремѣнно стоялъ столъ, съ утра до поздней ночи накрытый скатертью или кускомъ чистаго полотна: тутъ приготовлены были хлѣбъ, соль, вино, медъ и чарки. Возлѣ стола сидѣли хозяева. Родственники и гости, входя, трижды съ поклонами осѣняли себя крестомъ предѣ иконою, потомъ кланялись на всѣ стороны: тогда хозяйка и дочери (если онѣ были въ семействѣ), вставъ, подносили принадлежному съ поклономъ же хлѣба и вина; онъ долженъ былъ *выкушать чарку и откушать хлѣба-соли*, послѣ чего уже здоровался съ мужчинами пожатіемъ руки или дружескимъ поцѣлуемъ, а съ женщинами низкимъ поклономъ или поцѣлуемъ въ руку, по новому обычаю, который сдѣлался довольно употребителенъ. Когда входилъ старшій въ семействѣ, или старшій лѣтами въ обществѣ, хотя бы онъ былъ и не родственникъ, тогда разговоры прекращались, всѣ вставали, шли къ нему на встрѣчу, сажали его въ главный уголъ подѣ иконою и собирались около старца въ кружокъ: никто не садился, доколѣ не былъ къ тому приглашенъ. За обѣдомъ ему назначено было почетное мѣсто, женщины

помѣщались возлѣ и служивали во время стола. Рѣчь вполне ему принадлежала: онъ входилъ въ дѣла семейныя, которыя были предлагаемы на сужденіе его, какъ опытнѣйшаго; давалъ совѣты и не рѣдко, по просьбѣ другихъ, рассказывалъ про *былое стародавнее*. Разказы этого рода были-вообще любимы; когда же онъ молчалъ, то изъ уваженія къ лѣтамъ его никто не хохоталъ и не говорилъ громко, а спорить или кричать никому даже не входило и въ мысль: такъ противно было это тогдашнимъ понятіямъ, да и необходимымъ слѣдствіемъ подобнаго поступка была бы *дурная о челоѣкъ молва*, или пріобрѣтеніе названія *неуча*. Словомъ, старшій лѣтами дѣлался главою семейства или бѣсѣды; повсюду онъ угощалъ другихъ, посылалъ отъ стола *подачи* домочадцамъ или бѣднымъ, пользовавшимся благотѣяніями хозяевъ, по выгоднымъ отзывамъ ихъ хвалилъ слугъ, позволялъ старѣйшимъ изъ нихъ вмѣшиваться иногда въ разговоръ и цѣловать себѣ руку. Обѣды кончались тостами, въ которыхъ призываемо было благословеніе Бога и на отца-Государя и Россію, потомъ пили здоровье старшаго или хозяевъ; при каждомъ тостѣ вставали, при многихъ дружески цѣловались, но не садились за столъ и не оставляли его безъ громкой молитвы.

Послѣ обѣда являлись новыя лица, няньки, мамки, домашніе шуты, казаки съ торбанами, или балабачники: нестрое общество дѣлалось еще нестройѣе отъ разнообразія нарядовъ. Многія изъ женщинъ носили нѣмецкое платье, другія смѣсь нѣмецкаго съ русскимъ: тѣлогрѣйки, чепцы и башмаки на высокихъ каблукахъ; между дѣвицами уже весьма мало замѣтно было поясковъ. Мужчины наиболѣе носили нѣмецкіе кафтаны и парики: многіе говорили по-нѣмецки. Старики садились играть въ шашки, кости, короли, лантре, марьяжъ и проч., молодежь въ фанты или жгуты, или танцевали, или слушали балайщика, который *пѣлъ съ припѣскою*. Въ обращеніи была особенная принужденность и неловкость между мужчинами и женщинами; дѣвицы боялись еще говорить, отвѣчали болѣе словами *да-съ, нѣтъ-съ*, въ танцахъ нерѣдко не смѣли подавать кавалеру руку и не рѣшались танцевать съ однимъ мужчиною два раза сряду.

Такъ было въ то время во всѣхъ домахъ Петербурга. Но вы, можетъ быть, хотите войти хоть въ одинъ? Согласенъ: отворимъ дверь этого маленькаго домика, третьяго въ *линіи къ Галерному Двору* (*); онъ замѣчательнѣе уже тѣмъ, что былъ первый каменный домъ, выстроенный на этомъ мѣстѣ въ 1716 году.

(*) Почтеніе къ лѣтамъ, черта общая въ нравѣ всѣхъ состояній. 60-лѣтній князь М. М. Голицынъ всегда вставалъ предѣ старшимъ братомъ своимъ.

(*) Линія къ Галерному Двору есть нынѣшняя Англійская Набережная.

Въ чистой комнатѣ о трехъ окнахъ, обращенныхъ къ Невѣ, на стѣнахъ развѣшены узенькія дубовыя рамы съ изображеніемъ кораблей въ различныхъ видахъ и положеніяхъ: здѣсь они рѣжутъ черныя волны, — вы это видите по бѣлымъ округленнымъ парусамъ, рисующимся на темномъ небѣ, какъ крылья морской птицы; тамъ хвастливо выказываютъ намъ стройность своихъ членовъ и ловятъ глазъ стѣю снастей, перестѣкающихся въ запутанномъ порядкѣ. Далѣе, вы видите: они стоятъ безъ мачтъ съ крышами, будто огромные гробы; далѣе, они на сушѣ съ обнаженными хребтами и ребрами, лежатъ, какъ остовы великановъ; все это искусная работа голландскихъ мастеровъ; нѣкоторыя картины собственной руки славнаго Адама Сило, учившаго Петра I теоріи кораблестроенія. Влѣво отъ входа, въ углу, широкая четырехгранная печь, изъ мелкихъ израсцовъ темно-рыжаго цвѣта, на кирпичныхъ подставкахъ или столбахъ такой вышины, что подъ печью довольно просторная канурка, въ которой ляжешь на рогожѣ, въ углу, волченокъ, привязанный цѣпью къ одному изъ столбовъ. У другой стѣны крутая деревянная лѣстница: съ одной стороны ея, вмѣсто поручня, протянута между двухъ толстыхъ желѣзныхъ столбиковъ веревка. Верхъ лѣстницы вставленъ въ заднюю сторону четырехугольнаго отверстія, вырубленнаго въ потолокъ, обитомъ толстымъ полотномъ; тамъ укромный теремокъ, комнатка дочери хозяина дома. Между печью и лѣстницей дверь, а въ боковомъ покоѣ за дверью видны толстыя книги, большія бумаги, линейки, математическіе инструменты, валяющіеся по столу и на полу. Возлѣ двери вбиты въ стѣну три длинные корабельные крюка: на одномъ виситъ суконный зеленый плащъ и натянута маленькая треугольная шляпа; на двухъ другихъ, обвитыхъ исписанною бумагой, бережно положены зрительная труба, завернутая кожею, и толстая трость съ костянымъ набалдашникомъ. У противоположной стѣны между оконъ, въ первомъ простѣнкѣ, узенькій шкафъ желтаго цвѣта; сквозь стекла видны серебряныя кружки, чисто вымытыя, и возлѣ нихъ положены согнутые листы бумаги; въ другомъ простѣнкѣ зеркало въ поларшина, съ обрѣзаннымъ остроконечно верхомъ, въ рамѣ изъ желтой мѣди; на четвертой стѣнѣ, противъ входа, висятъ вѣшанныя въ черную деревянную доску медали съ изображеніями флотовъ, крѣпостей и рѣзко обозначенныхъ въ воздухѣ параболъ, оканчивающихся съ одной стороны мортирою, а съ другой бомбою; на двухъ среднихъ медаляхъ одинаковыхъ и на видѣ новѣе прочихъ, обращенныхъ наружу разными сторонами, изображено на одной море съ плывущимъ по волнамъ ковчегомъ,

надъ нимъ летитъ голубь, несущій вѣтвь, вдали два города С.-Петербургъ и Стокгольмъ, соединенные радугою, съ надписью: *«Союзомъ мира связуемы; внизу подпись: въ Нейштатѣ по потопѣ шведской войны 1721 г. На другой сторонѣ надпись: Государю Петру I, именемъ и дѣлами предивными, Великому Россійскому Императору и отцу, по двадцатилѣтнихъ триумфовъ Шведскъ умирившему, сія изъ золота домашняго медалія усерднѣе приносится.»*

На серединѣ комнаты накрытъ продолговатый столъ; за нимъ сидятъ: на главномъ мѣстѣ — хозяинъ, старикъ высокаго роста, широкоплечій, здоровый; сѣдые, коротко стриженные его волосы мѣстами еще чернѣются; на открытомъ челѣ выражено спокойствіе чистой совѣсти, въ глазахъ добродушіе и откровенность. По лѣвую его сторону — дѣвушка лѣтъ девятнадцати, стройная, непрекрасная, но привлекательная миловидностью, съ маленькимъ, нѣсколько вздернутымъ носикомъ, съ свѣжими, правильно очерченными губами, голубыми большими очами; волосы ея свѣтлокаштановые, обстриженные вокругъ головы по-русски, ровною полоскою лежатъ на вершинѣ лба, а по сторонамъ съ висковъ длинными локонами спускаются на плечи; бѣлое платье, нѣмецкаго покроя, закрываетъ дѣвственную ея грудь до самой шеи. Влѣво отъ нея — Ермолай; напротивъ — мужчина лѣтъ тридцати-пяти, въ мундирѣ морскаго капитана, съ медалью на цѣпочкѣ; на лѣвой щекѣ его длинный рубецъ, слѣдъ желѣза, которое когда-то прошло по этому мѣсту. Рядомъ съ капитаномъ — старушка, полугорбая, полужелтая, сморщенная, какъ печеное яблочко, въ высокоповязанномъ черномъ платкѣ, подъ которымъ виднѣтъ платокъ бѣлый, а изъ-подъ него бѣлые же волосы, и въ черной тѣлогрѣйкѣ, застегнутой подъ самой бородой. Наконецъ противъ хозяина — знакомый намъ секретарь.

На столѣ стоитъ изрѣзанный кусокъ мяса, приправленнаго тертымъ хрѣномъ съ лукомъ и остатки кашки съ кашею; служанка подаетъ сахарную закуску.

Мы въ домѣ корабельнаго строителя Ивана Нѣмцева; это его дочь, ея няня и гости, одинъ — сынъ его двоюроднаго брата, другіе двое намъ знакомые.

— Досказывай-же, — говорилъ Нѣмцевъ, обращаясь къ капитану, — люблю я слушать дивныя потѣхи нашего флота; клянусь *Старымъ Дубомъ*, кабы лѣтъ десятка два съ плечъ, пошелъ бы опять въ море.

— Я не помню, гдѣ остановился...

— Не поминишь! — Повѣрь слову, ты остановился на важномъ мѣстѣ: за Гангудомъ за линіей пробитаго, смятаго, одураченнаго шведскаго флота; ты остановился передъ самымъ носомъ Эреншильда и послалъ ему приказъ сдаться.

— Да, точно.... не приказъ, а прошенъе, котораго храбрый шаубинахтъ не принялъ. Тогда мы двинулись, Царь впереди на галерѣ, на которой и мнѣ Богъ привелъ....

— Постой, знаешь ли, что эта галера моей постройки? Что, братъ? легка, смѣла, увертлива; то юлить, какъ ласточка, то летить соколомъ, отважно съчесть волну грудью... Только Старому Дубу позволяю съ нею равняться.

— Царь велъ насъ прямо на адмиральскій фрегатъ, исполняя попеременно должность пушкаря, командира, кормщика и матроса. Мы приближались быстро и въ порядкѣ, при противномъ непріятномъ встрѣ. Эреншильдъ готовился къ отчаянному отпору; еще минута и мы сѣпились, но....

— Говори, говори же!

— Это былъ адъ! Команды нельзя было слышать за два шага, воздухъ стоналъ, члены галеръ и фрегата скрипѣли, трещали, ежеминутные выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ громили ихъ, рвали, ломали снасти и уносили цѣлые ряды сражавшихся. Наконецъ мы взлетѣли на фрегатъ; тутъ каждый вершокъ былъ купленъ кровью, смертью; люди рѣзались съ остервенѣніемъ, били другъ друга топорами, схватывались по одиночкѣ, боролись, падали вмѣстѣ въ море и тамъ продолжали отчаянно биться, доколѣ одна искра жизни теплилась въ ихъ груди! — Свистъ, стонъ, вопли, пламя по временамъ охватывавшее фрегатъ, дымъ, переходы отъ мрака къ свѣту, нестерпимый жаръ, все это утомляло, приводило въ какое-то необыкновенное отчаянно-равнодушное положеніе. Я чувствовалъ, что голова моя горѣла и кружилась. Русскіе одолѣвали; я силился быть близъ Царя, но не знаю, какъ попалъ въ толпу офицеровъ, окружавшихъ Эреншильда, стоявшаго у мачты; рѣшась лучше умереть, нежели быть въ плѣну, я стиснулъ рукоять сабли и бросился на непріятеля. Мнѣ памятно только, что въ эту минуту сѣдой Эреншильдъ взмахнулъ рукою; въ ней что-то блеснуло и я безъ чувствъ упалъ на палубу. Очнувшись, я узналъ, что раненъ самимъ шаубинахтомъ предъ глазами Царя и что нахожусь на взятомъ нами фрегатѣ Элефантъ! — Вотъ исторія моей раны; въ ней ничего нѣтъ особеннаго.

— Славное дѣло! славная рана! — кричалъ Нѣмцевъ! — повѣрь слову, я завидую тебѣ! А Царя за эту побѣду по истинѣ стоило наградить вице-адмиральскимъ чиномъ.

— Тѣмъ болѣе, — сказалъ секретарь, — что еще въ 1713 году Его Величество желалъ быть награжденъ онымъ и просилъ Коллегію, но она отказала, найдя достойнѣйшаго, которому дала сіе званіе.

— Коллегія отказала Царю? — спросилъ удивленный Ермолай, — что же Царь сдѣлалъ?

— Онъ искалъ случая заслужить чинъ, и заслужилъ его; повѣрьте слову, я за одинъ Старый Дубъ далъ-бы ему всѣ чины разомъ.

— А за Старый Дубъ ему именно ничего не дали, — сказалъ секретарь съ неудовольствіемъ.

— Ничего! — возразилъ Нѣмцевъ; — то-то, братъ, хвастаешься, что знаешь все и всему ведешь еще записки, а не вѣдаешь, что когда Государь спустилъ этотъ корабль, чудный и, можетъ, лучшій въ свѣтѣ корабль, при постройкѣ котораго въ потѣ лица трудился съ начала до окончанія, то князь-кесарь наградилъ его, какъ строителя, не одною, по обычаю, а двумя серебряными кружками съ пивомъ, такими какъ у меня; — тутъ онъ показалъ на шкафъ. Подарокъ этотъ, свято хранимый Царемъ, по словамъ его, пріятнѣе ему всѣхъ другихъ.

— Князь-кесарь, говорите вы, наградилъ Царя? — спросилъ опять Ермолай.

— Да, — отвѣчалъ Нѣмцевъ: — чтобъ показать примѣръ повиновенія, Государь строго подчинялъ себя властямъ; онъ прошелъ всѣ степени, узналъ всѣ трудности, служилъ матросомъ, солдатомъ, бомбардиромъ, все испыталъ на себѣ, всему изучился....

— И показалъ свѣту и намъ, — сказалъ капитанъ, — чтѣ возможно человѣку.

Нѣмцевъ всталъ.

— Да здравствуетъ Петръ безсмертный! — закричалъ онъ, поднявъ рюмку съ виномъ.

— Да здравствуетъ, — повторилъ капитанъ, — Государь-работникъ — на верфи Остѣ-Индской Компаніи; плотникъ — у Саардамца Рогге; кузнецъ — на заводѣ Миллера, близъ Истецкихъ Водъ, гдѣ онъ выковывалъ желѣзо, за пудъ по алтыну; механикъ — въ мастерской фанъ-деръ-Гейдена; хирургъ — у Рюйша; естествоиспытатель — съ Бургавомъ!

— Да здравствуетъ, — говорилъ Нѣмцевъ, — человекъ, до 14-ти лѣтняго возраста питавшій непреодолимое отвращеніе къ морю и послѣ создавшій флотъ, съ которымъ лично побѣдилъ первѣйшихъ адмираловъ своего вѣка! Да здравствуетъ строитель Старого Дуба!

— Строитель величія нашего и славы! — громко сказалъ секретарь, изъ глазъ котораго лились ручьемъ слезы, а изъ устъ слова, когда рѣчь шла о Петрѣ. — Да здравствуетъ, — продолжалъ онъ важно (*), — Священнаго Россійскаго Государства священнѣйшій автократоръ, Вѣры Православныя всебодрственнѣй-

(*) Слѣдующія слова взяты изъ посвященія Петру Кантемиромъ книги.

пий защититель, злодѣянія прогонитель, добродѣтелей же и свободныхъ наукъ и художествъ насладитель, славянскихъ народовъ вѣчныя славы начальникъ, авторъ, враговъ побѣдитель, падшихъ возстановитель, царства прибавитель и распространитель, войска верховный Марсъ, нашего вѣка державнѣйшій Пентунъ.... Онъ не могъ продолжать отъ избытка чувствъ.

— Что же ты, — спросилъ Нѣмцевъ, обращаясь къ дочери, — не сдѣлаешь привѣтствія въ честь новорожденнаго?

— Я? — отвѣчала тихо Ольга, — я могу только кончить привѣтствіе Андрея Фѣдоровича и повторить съ Кантемиромъ: — Да здравствуетъ Государь, отецъ отечества, повелитель всемілостивѣйшій и прекраснѣйшій!

— Прекрасно! Аминь! — сказалъ секретарь, — исчислять достоинства Петра не достанетъ жизни; я велѣлъ бы однако, — прибавилъ онъ, садясь и поглядывая на Ермолая, — каждому Русскому выучивать дѣла Великаго Императора и помнить свято: во-первыхъ — письмо его Сенату изъ лагеря при Прутѣ, во-вторыхъ — рѣчь, сказанную имъ предъ народомъ въ 1714 году при спускѣ корабля «Парва», и наконецъ все подробно торжества нейштадтскаго мира! Выучивать и долго разсуждать надъ этимъ.

— Я велѣлъ бы, — сказалъ Нѣмцевъ, — изучать каждый его шагъ, всякое дѣйствіе, всю жизнь и всѣ минуты этой жизни! клянусь Старымъ...

— А что? — перебилъ капитанъ, — неужели Императоръ и помнитъ дѣятели, неусыпнѣ, какъ предъ отъѣздомъ своимъ съ фонъ-Верденомъ къ берегамъ Каспійскаго Моря?

— Всегда тотъ же: болѣзненные припадки, къ несчастію въ нынѣшнемъ году усилившіеся, требовали бы, — сказалъ, вздыхая, секретарь, — нѣкоторой перемѣны въ образѣ жизни, но Государь тѣмъ неусыпнѣ и дѣятельнѣе.

— Андрей Фѣдоровичъ, — спросилъ Ермолай, обращаясь къ секретарю, — вы общали мнѣ давно разсказать объ ежедневныхъ занятіяхъ Государя.

— Занятій, дружнице, не перескажешь, и слишкомъ ихъ много, и слишкомъ они важны; а вотъ выслушай, какъ проходитъ день для Петра Великаго. Встаетъ онъ въ три часа, до пятого держитъ корректуру издаваемой въ С.-Петербургѣ газеты и прочитываетъ рукописи книгъ, поступающихъ въ печать. Въ пять часовъ, выпивъ рюмку анисовой водки и положивъ въ карманъ футляръ съ математическими и другой съ хирургическими инструментами, Государь беретъ трость, записную книжку и ѣдетъ на лодкѣ, въ

одноколѣ, или идетъ пѣшкомъ, осматриваетъ работы; въ седьмомъ часу заходитъ въ Сенатъ, переходитъ изъ одной коллегіи въ другую, слушаетъ дѣла, подписываетъ свои рѣшенія, излагаетъ мнѣнія о важныхъ государственныхъ предметахъ и любитъ участвовать въ преніяхъ, открывающихъ ему образъ мыслей и степенъ способностей каждаго. Въ одиннадцать часовъ, выпивъ опять рюмку анисовой водки и скушавъ крекель, Государь идетъ домой, тамъ записываетъ все замѣченное и тотчасъ даетъ просителямъ аудіенцію. Онъ, не различая чиновъ и званій, терпѣливо выслушиваетъ каждаго; по окончаніи аудіенціи садится съ семействомъ за столъ; отобѣдавъ, читаетъ иностранныя газеты, отмѣчая на поляхъ, что должно переводить для Петербургскихъ Вѣдомостей; потомъ отдыхаетъ съ часъ, и въ 4 часа сидитъ уже въ токарной, которую называетъ мѣстомъ отдыха; здѣсь, какъ извѣстно вамъ, производятся всѣ государственный дѣла. Окончивъ эти занятія, Государь свѣряетъ приказанное и исполненное съ замѣтками записныхъ своихъ книгъ, потомъ пишетъ письма, указы, составляетъ проекты, разсматриваетъ самъ многія дѣла, вникаетъ во все, орлинымъ глазомъ смотритъ изъ своей комнатки на Имперію и видитъ все отъ мала до велика; остальную часть вечера онъ посвящаетъ семейству.

— Чудесно! непостижимо! — сказалъ капитанъ, — не говоря уже о способахъ, умъ не можетъ понять, какъ достаетъ времени, чтобъ совершать все, сдѣланное Петромъ.

— Не забудьте, — отвѣчалъ секретарь, — что Государь нерѣдко веселитъ народъ торжествами, въ которыхъ самъ участвуетъ; что онъ обѣдаетъ, креститъ, пируетъ, бываетъ на похоронахъ у многихъ подданныхъ; что онъ собственною рукою пишетъ иногда по двадцати писемъ вдругъ и производитъ множество работъ столярныхъ, токарныхъ, рѣзныхъ.

— Никитична, — сказалъ Нѣмцевъ, обращаясь къ старушкѣ, которая во все это время сидѣла неподвижно, сложивъ руки на грудь, перебирая пальцами и не спуская глазъ съ Ольги; по временамъ она только шевелила губами, какъ-будто читая про себя молитву. — Никитична! такъ ли живали цари во время оно?

— Не знаю — съ, батюшка, — отвѣчала старуха, вставъ, опутивъ руки и низко кланяясь.

— Она вашего поля ягода, — продолжалъ Нѣмцевъ съ улыбкою, обращаясь къ Ермолаю: — больно не правится всякая новизна, правда-ли бабушка?

Никитична со вздохомъ повторила свой поклонъ и отвѣтъ: «не знаю-съ, батюшка.»

— Тьлогрѣйки никогда не хотѣла снять.
 — Теплѣе въ ней, Иванъ Ивановичъ.
 — Мимо Опернаго Дому проходя, плюетъ и крестится.
 — Крестъ нигдѣ не мѣшаетъ, государь мой.
 — Отъ Нѣмцевъ чурается, сырскиваетъ Ольгу водою съ уголька, если случится, что на нее взглянетъ кто-либо не изъ родныхъ.
 — А какъ же, отецъ мой? глазъ дивное дѣло....
 — Съ мужчинами до-сихъ-поръ говорить стыдятся и боится.
 — Смолода не учена была, родимый.
 — На ассамблею и калачемъ не заманишь.
 — Воля милости вашей; а туда, пока жива, не загляну, Иванъ Ивановичъ.
 — Да хоть-бы изъ любопытства, — можетъ, тебѣ и понравится.
 — Охъ! отецъ мой, Христосъ съ тобою, слушать больно! Плачу, что и красавицу нашу ненаглядную ты водишь въ этотъ вертепъ.
 — Да о чемъ же плакать, коли ей тамъ весело?
 — Какое веселіе! развратъ, батюшка, развратъ! Наше мѣсто свято, видана-ли экая неучтивость: мужчина незнакомую барышню держитъ за руку, да говорить съ нею, еще и по-нѣмецкому, да такъ ей въ глаза и смотреть, да прыгаетъ, а матушки-то посядять себѣ гдѣ-нибудь въ углу, какъ куклы! Стыдъ, стыдъ сущій!
 — Что же худого, Никитична, коли вездѣ...?
 — Вездѣ, батюшка мой, не то, что здѣсь, мы вѣдь крещенные, православные. Охъ! приходятъ послѣднія времена, настаетъ царствіе Антихристово. Бывало, дѣвушка, какъ алмазъ, бережена, да лелѣяна, сидитъ въ теремочкѣ, окны на дворъ, да и тѣ завѣшаны наглухо простынькою, — а нынѣ выдумали на прохожую улицу — глядите, добрые люди, кто хочетъ! Мало еще: на показъ изволятъ выходить въ какую-то, прости Господи, ассамблею, да въ оперу; все искушенія, да завели порядки такіе, что всякому встрѣчному подавай цѣловать свою руку! Безстыдство какое! Охъ, родимый мой, дурныя времена!
 Секретарь вынулъ свои огромные часы. Вечерѣтъ, — сказалъ онъ протяжно, — а инымъ прочимъ дѣя вышерѣченной ассамблеи надлежитъ еще и принарядиться.
 — Точно, точно, — сказалъ Нѣмцевъ, вставая, — мы и заболтались.
 Всѣ послѣдовали его примѣру. Секретарь громко прочиталъ молитву, послѣ которой гости поклонились другъ другу и обняли хозяина.
 — Ну, до свиданія! — сказалъ онъ.

Капитанъ взялъ шляпу и подошелъ къ Ольгѣ, возлѣ которой стоялъ Ермолай.

— Надѣюсь видѣть васъ и танцевать съ вами, если позволите. При этихъ словахъ, онъ поцѣловалъ ей руку, и, сказавъ что-то по-нѣмецки, вышелъ изъ комнаты.

Ермолай покраснѣлъ. — Вы не пойдете на ассамблею, Ольга Ивановна?

— Пойду-съ, я общала батюшкѣ.

— Но если меня тамъ не будетъ?

— О, вы вѣрно....

— Но если я рѣшился не идти?

— Я уже общала танцевать съ....

— Съ этимъ.... храбрымъ капитаномъ.

— Пора одѣваться, Ольга, опоздаешь, — сказалъ Нѣмцевъ, разговаривавшій съ секретаремъ.

Ольга, закрывъ лицо платкомъ, вышла на лѣсенку, сопровождаемая нянею. Секретарь вышелъ, Нѣмцевъ заперся въ своей комнатѣ. Ермолай остался одинъ; вдругъ онъ какъ будто очнулся и побѣжалъ изъ комнаты опрометью, но принужденъ былъ воротиться за шапкой, которую забылъ — вѣрно отъ разсеянности.

Нагнавъ секретаря, Ермолай въ продолженіе всей дороги говорилъ безъ умолка, но говорилъ какъ чело-вѣкъ въ бреду: то онъ восхищался разсказами о Государѣ и великихъ его дѣлахъ, слышанныхъ имъ со времени его пребыванія въ С.-Петербургѣ; то бранилъ нововведенія; то прельщался храбростію войска и флота, — хотѣлъ тотчасъ же вступить въ службу, чтобъ сдѣлаться извѣстнымъ, отличиться, обратить на себя вниманіе и похвалы; то утверждалъ, что всѣ военные невѣжливы, хвастливы и вѣрно также не нравятся женщинамъ, какъ и ему. Онъ божился, что говорить по-нѣмецки непристойно, что танцевать есть совершенная глупость и что онъ не только не хочетъ самъ этого дѣлать, но не хочетъ даже видѣть, какъ другіе дурачатся; что цѣловать руку дѣвицъ болѣе нежели невѣжливо; что онъ чувствуетъ въ головѣ жаръ, будетъ боленъ и даже можетъ умереть; что онъ свадьбу намѣренъ отложить и ѣхать въ Москву; что Ольга очень хороша; что морской капитанъ долженъ быть чрезвычайно дерзокъ и проч. и проч.

Секретарь молчалъ и улыбался. Пришли домой. Ермолай сѣлъ въ уголъ. Секретарь началъ одѣваться; онъ разсказывалъ о пышности Двора; о вельможахъ, которыхъ увидитъ на ассамблеѣ, о любви къ нимъ Царя и народа, упоминалъ объ ученыхъ, объ иностранцахъ, о занимательности ихъ разговоровъ, съ особеннымъ жаромъ описывалъ красоту дѣвицъ, ловкость кавалеровъ, которые съ ними танцуютъ, и толковалъ о непринужденномъ веселіи ассамблей.

Ударило пять часовъ; пушечный выстрѣлъ съ Адмиралтейства прогудѣлъ надъ городомъ, въ разныхъ мѣстахъ раздался барабанный бой и подняты были флаги: то былъ сигналъ собраться въ Лѣтній Садъ на ассамблею, о которой жители были уже предварительно извѣщены прибитыми къ угламъ домовъ объявленіями.

Секретарь вышелъ, а съ нимъ и Ермолай. Надѣвая шапку, онъ сказалъ разсѣянно: «Я доведу васъ до сада, Андрей Федоровичъ.»

Улицы начали наполняться экипажами и пѣшеходами. Нѣва покрылась безчисленнымъ множествомъ рѣчныхъ судовъ, — шлюбокъ, шорнгоутовъ, буюровъ и вереекъ; какъ стая птицъ, они, налетая со всѣхъ сторонъ, то длинными полосами тянулись одна за другою, то путались, сближались; изъ стѣсненныхъ рядовъ по временамъ отдѣлялись лодки, управляемые искусными, удалыми гребцами; они при крикѣ испуганныхъ пассажировъ, сильно разсѣкая веслами невскія струи, съ громкимъ смѣхомъ обгоняли другъ друга, стремясь наперерывъ къ цѣли своего плаванія.

Набережная передъ садомъ чернѣла отъ скопившихся на ней посѣтителей ассамблеи; богатымъ и пышно одѣтымъ сопровождавшимъ ихъ слуги въ цвѣтныхъ Liveries расчищали дорогу, становясь въ два ряда и тѣмъ ежеминутно полосили толпу, разступавшуюся съ почтеніемъ. Издали берегъ можно было бы принять въ эти минуты за темную волнистую ткань, по которой вдругъ раскатывались ленты яркихъ цвѣтовъ, засыпанные золотыми блестками.

Ермолай и секретарь молча достигли деревяннаго моста, ведшаго къ дверямъ построенныхъ на берегу галерей; здѣсь полицейскіе офицеры и служители рачительно оглядывали входившихъ; ибо для однихъ только *порядочно одѣтыхъ* открывались врата этого храма веселія.

Путеводимый опытностію, осторожный секретарь удобно и свободно совершилъ трудный переходъ подъ прикрытіемъ обширной спины колоссальнаго голландскаго шкипера, беззаботно прорѣзывавшаго себѣ широкую дорогу съ хладнокровною смѣлостію корабля, пріучившагося бороться съ волнами.

Онъ былъ впущенъ въ садъ, а послѣдъ за тѣмъ вошелъ и секретарь, *порядочно одѣтый*, потому что, по случаю ассамблеи, на немъ былъ довольно рыжій парикъ и довольно заношенный свѣтлозеленый нисовый саксонскій кафтанъ, изъ-подъ котораго гордо выглядывалъ длинный камзолъ, или *жилетъ*, горчичнаго цвѣта. Ермолай, слѣдившій секретаря, зная или не зная, что дѣлаетъ, приготовился уже переступить порогъ, но рѣшетчатая дверь, едва не отдавивъ ему

ноги, неучтиво затворилась передъ самымъ его носомъ. Въ эту минуту рука высокаго полицейскаго сержанта въ желтой длинной рукавицѣ, схвативъ конюшаго за плечо, поворотила его такъ искусно, что онъ очутился лицомъ къ Невѣ, а спиною къ саду; только громкое «*не можно*» пролетѣло сквозь его уши, какъ молнія.

Все это сдѣлалось такъ быстро, что Ермолай не могъ еще порядочно сообразить случившагося, какъ между нимъ и садомъ находилась уже густая, ежеминутно возрастающая толпа, которую пробить, казалось, не достало бы ни силъ, ни терпѣнія. Удивленный конюшій, осмотрѣвшись, спросилъ довольно робко у сосѣда:

— Можно ли мнѣ?

— Куда-съ?

— Въ садъ, — куда всѣ идутъ.

Сосѣдъ, взглянувъ ему въ лицо, отвѣчалъ, качая головою: «не можно-съ» — и продолжалъ пробираться далѣе.

— Скажите, неужели мнѣ не можно дойти до этого сада? — спросилъ Ермолай съ сердцемъ у другаго.

— Дойти до дверей сада можно, а въ садъ войти нельзя.

— Отъ чего жъ, ради Бога, я вижу здѣсь солдатъ?

— Еслибъ вы были солдатомъ, васъ пустили бы тутчасъ.

— Это очень странно; я дворянинъ и, кажется, одѣтъ *порядочно*, золотыхъ галуновъ съ моего чекменя достанетъ двадцати гвардейскимъ сержантамъ и дорогая бобровая опушь моей шапки не хуже ...

— Не опушь шапки, сударь, а опушь вашего поборода претить вамъ....

— Какъ! борода?

— Указано: съ борокою никого не впускать.

Новое движеніе толпы раздѣлило разговаривавшихъ. Ермолай задумчиво отошелъ къ берегу; онъ прислонился къ ряду кольевъ, къ которымъ привязаны были шляпки, и безмолвно смотрѣлъ на галереи. Желаніе проникнуть въ садъ волновало его душу; онъ забылъ нелюбовь свою къ ассамблеямъ; садъ казался ему волшебнымъ мѣстомъ, къ которому преграждена была дорога; досада рвала его сердце. Въ окнахъ средней галереи мелькали хорошенькія женскія головки; глаза Ермолая бѣгали, лицо пылало; онъ крутилъ усы, щипалъ бороду и говорилъ такъ громко, что окружавшіе его оборачивались.

— Нельзя! потому что я съ борокою и не похожу на этихъ чучелъ; потому что на мнѣ красивый чекмень, а не тряпки, которыя болтаются, какъ на нищемъ! И мнѣ не сказали этого, они хотѣли... Завтра

же, сейчас вонъ изъ Питера и клянусь, что никогда нога моя....'

Онъ поднялъ глаза: у открытаго окна средней галереи морской офицеръ, съ жаромъ о чемъ-то разговаривавшій съ дѣвицею, въ эту минуту цѣловалъ ей руку. Ермолай узналъ ихъ, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и закусилъ губы; ревность кинѣла въ его сердце, она тѣснила ему грудь и жгла голову. Ермолай былъ весь себя.

— А! понимаю те перь! все это сдѣлано съ намѣреніемъ: обманъ, притворство—сказалъ онъ гробовымъ голосомъ.—Зная, что меня не впускаютъ, они хотѣли не только обмануть, но осмѣять, одурачить; они все были въ заговорѣ! Не удастся-же; увидимъ, кто надъ кѣмъ будетъ смѣяться; о! я отомщу жестоко имъ и этому хвату!

Онъ надвинулъ шляпу на брови и почти опрометью побѣжала въѣзъ по набережной.

Пользуясь отсутствіемъ ревнивца, посмотримъ, что дѣлается въ саду.

Секретарь, опытный знагокъ человеческого сердца, въ какой бы оно ни было груди, подъ чекменемъ или французскимъ камзоломъ, былъ почти увѣренъ въ успѣхѣ испытанія; онъ зналъ, что Ермолай пожелаетъ быть въ саду и что его не впускаютъ; переступивъ черезъ порогъ, секретарь, не останавливаясь, шелъ далѣе; онъ хотѣлъ отыскать Нѣмцева и, въ ожиданіи рѣшительныхъ послѣдствій, утѣшить дочь его, сердечно любившую своего жениха.

Пробѣжавъ сперва по тремъ галереямъ, секретарь наиболѣе останавливался въ средней, назначенной для дамъ и лучшаго общества. Здѣсь приготовлены были сахарныя закуски. Императрица и Царевна, какъ хозяйки, сами встрѣчали знатныхъ гостей, поднося имъ по чаркѣ вина или меду. Въ боковыхъ галереяхъ стояли холодныя блюда для мужчинъ; отъ галерей тянулись на 250 сажень три аллеи, перерѣзанныя дру-

гими подъ разными углами. Возлѣ сохранившагося понынѣ дворца была дубовая, довольно тѣнистая роща; нѣсколько далѣе, къ сторонѣ Фонтанки, находился гротъ, обложенный внутри раковинами; тамъ, на поставленныхъ кругомъ скамьяхъ гуляющіе находили прохладу и отдохновеніе. Очищенная предъ гротомъ квадратная площадь обставлена была хорошо выбитыми изъ мѣди изображеніями любимыхъ Петромъ I Эзоповыхъ и Федоровыхъ басенъ (*), съ написаннымъ внизу ихъ истолкованіемъ каждой: тутъ собралось множество гостей: одни съ любопытствомъ

прочитывали толкованіе басенъ, другіе ожидали Императора, который обыкновенно чрезъ это мѣсто проходилъ изъ дворца въ главную аллею. На лужайкахъ, окружавшихъ площадку, разставлены были маленькія скамьи и столы, на которыхъ находились шашки, трубки, табакъ, кружки съ пивомъ и проч. На площадкахъ главной аллеи, украшенной нѣкоторыми изъ сохранившихся понынѣ мраморныхъ фигуръ, стояли также столы съ играми, питьями и закусками. Площадки эти назывались, по званіямъ собиравшихся на нихъ лицъ:

Дамскою, Шхитерскою и т. д. Между двумя водометами было очищенное мѣсто для танцевъ; далѣе, возлѣ прудовъ, на длинныхъ столахъ, приготовлены были закуски; наконецъ, въ сторонѣ отъ главныхъ аллей, стояли открытыя бочки съ пивомъ, водкою и винами, изъ коихъ посѣтителі низшихъ разрядовъ черпали по желанію. Въ различныхъ мѣстахъ сада гремѣла музыка, состоявшая изъ трубъ, фоготовъ, гобоевъ, литавръ, валторнъ и тарелокъ; по временамъ раздавались звуки польскаго рожка, привлекавшаго вниманіе гуляющихъ: онъ введенъ былъ Пе-

(*) Петръ чрезвычайно уважалъ эти басни и весьма часто приводилъ ихъ въ разговорѣ.



тромъ въ тогдашніе хоры и до того былъ любимъ Государемъ, что онъ не только постоянно имѣлъ при себѣ музыканта съ этимъ инструментомъ, но и самъ перѣдко игривалъ на немъ.

Секретарь обошелъ всѣ части сада, тщетно отыскивая Нимцева и его дочери. Между тѣмъ было уже около семи часовъ. Императоръ вышелъ изъ дворца и гулянье оживилось еще болѣе. При появленіи Петра двери сада затворились, по обыкновенію, и никто не могъ уже съ той минуты покинуть собранія, безъ особеннаго на то позволенія.

Чрезвычайный жаръ дня начиналъ умѣряться вечернею прохладой; гости, разсыпавшись по аллеямъ, безъ всякаго стѣсненія, предавались веселью, каждый былъ, какъ у себя дома: присутствие Петра, отбрасывающаго въ этихъ случаяхъ всякій этикетъ и обходившагося со всѣми, какъ съ равными, поддерживало непринужденную веселость и простоту въ общении, которыя были отличительными чертами подобныхъ обществъ въ его царствованіе. Нѣкоторые изъ гостей слушали музыку, другіе громко разговаривали, смѣялись, гуляли подъ ручку, играли въ шашки, пили пиво, курили табакъ и т. п. Около пруда собралось множество зрителей: тамъ Государевъ карликъ тѣшилъ присутствовавшихъ своими шутками и островами, то въ одеждѣ Нептуна съ огромнымъ трезубцемъ въ рукѣ, то въ нарядѣ какого-нибудь сказочнаго чародѣя, являлся въ маленькой раззолоченной лодкѣ и кружился по пруду, на серединѣ котораго была устроена, на небольшомъ островкѣ, бесѣдка на шесть человѣкъ; въ нее забирались самые страстные любители даровъ Бахуса. Словомъ, всѣ разряды посетителей наслаждались, всѣ имѣли здѣсь свои удовольствія, можетъ быть, нѣсколько грубыя, свойственныя духу времени, но въ которыхъ никогда не



нарушались благопристойность и приличіе. Разность состояній во время ассамблей забывалась совершенно. Петръ показывалъ примѣръ: то взявъ трубку, онъ садился къ круглому столу, гдѣ толковалъ съ матросами о мореплаваніи, съ военными пилъ вино и рассказывалъ о своихъ походахъ; то приветствовалъ гуляющихъ дамъ, шутилъ съ ними, самъ подчивалъ ихъ сластями и знакомилъ съ кавалерами; то, встрѣтивъ шкиперовъ или фабрикантовъ, бралъ ихъ подъ руку и, широкими шагами проходя аллею, съ жаромъ говорилъ о пользѣ ихъ занятій, публично благо-

дарилъ ихъ хвалилъ предпримчивыхъ, входилъ въ подробности ихъ дѣла и любилъ выслушивать ихъ мнѣнія и совѣты. Въ шашечной игрѣ онъ не находилъ себѣ равнаго, но игралъ со многими; перѣдко, обыгравъ какого-нибудь доку изъ канцелярскихъ служителей, онъ шелъ къ большому фонтану разсуждать съ иностранными министрами о политическихъ дѣлахъ, или давалъ приказанія своимъ. Такимъ образомъ, утѣлая среди самыхъ праздниковъ время на пользу, онъ былъ среди народа своего, какъ внимательный, ласковый

наставникъ, какъ добрый отецъ среди дѣтей.

Вскоръ начались танцы. Всѣ, *улыбшіе танцевать*, заблаговременно заняли мѣста на скамьяхъ, поставленныхъ вкругъ той части главной аллеи, которая для того была назначена; здѣсь былъ приготовленъ особый оркестръ, составленный по образцу привезеннаго въ Петербургъ герцогомъ голштинскимъ; онъ состоялъ изъ клавикорда, нѣсколькихъ скрипокъ, виолыдамура, альты, виолончеля, контрбаса, флейтъ и валторнъ. Танцы заключались въ польскомъ и англійскомъ контрдансахъ; отличительный характеръ первыхъ состоялъ въ надутой степенности, важномъ выраженіи лицъ, гордой поступи, въ целовкѣ шарканьѣ и фигурной осанкѣ танцоровъ; во вторыхъ замѣтны были полу-

смѣшная развязность и странное прыганье; каждая пара дѣлала свои фигуры и почти каждое лицо танцовало по-своему; дамы приглашаемы были тремя церемоніальными, низкими поклонами съ шарканьемъ въ обѣ стороны. Эти учтивости производились кавалерами въ приличномъ отдаленіи. Окончивъ танецъ, кавалеръ почтительно цѣловалъ своей танцоркѣ руку, до которой едва смѣлъ дотрогиваться кончикомъ пальца, и учтиво провожалъ ее къ мѣсту, послѣ чего церемоніально откланивался. Секретарь отыскалъ Нѣмцева съ дочерью на мѣстѣ, назначенномъ для танцевъ.

Среди общаго веселія, одна только Ольга задумчиво сидѣла на скамьѣ возлѣ своего отца: сложивъ руки на костяномъ набалдашникѣ высокой своей трости, а на рукахъ утвердивъ подбородокъ, онъ внимательно смотрѣлъ на танцовавшихъ. Казалось, въ подвижныхъ, измѣнявшихся чертахъ его лица можно было попеременно читать всѣ его мысли: Нѣмцевъ то задумывался, то, глядя на молодыхъ людей, расправлялъ морщины и глаза его блестѣли; иногда на челѣ его пробѣгало, какъ тѣнь, сожалѣніе или безпокойство: тогда онъ, не говоря ни слова, бралъ руку дочери и крѣпко сжималъ ее своею рукою. Секретарь сѣлъ возлѣ дѣвушки, она вздрогнула. Онъ началъ ей говорить въ полголоса, желалъ ее въ чемъ-то убѣдить, но слова его видимо были ей непріятны; она недовѣрчиво качала головой и часто, отворачиваясь отъ него, подносила платокъ къ глазамъ.

— Сердитесь, какъ хотите, а я увѣряю васъ, Ольга Ивановна, — говорилъ секретарь, — что это необходимо; онъ васъ любитъ, какъ душу, но этого мало: ему насильно должно открыть путь. Онъ упрямъ, настойчивъ; ревность, ревность, вотъ единственное средство! Съ его природнымъ умомъ, съ его доброю душою, ему стыдно пропадать въ неизвестности. Вамъ Царь будетъ обязанъ новымъ полезнымъ слугою, вы будете причиною, что женихъ вашъ переродится, что....

— Но, — говорила дѣвушка, — если опытъ не удастся, признайтесь, кого не обидитъ подобное поведеніе? Если онъ, не ожидая объясненія, уйдетъ? Ему неизвѣстно, что капитанъ мнѣ родственникъ; если онъ подумаетъ.... что я обманула его..... что я хотѣла смѣяться надъ нимъ, устыдить его, — это неучтиво, это ужасно!...

— Не бойтесь, не бойтесь....

— Однако, — отвѣчала дѣвушка, — девятый часъ, его нѣтъ; онъ не прійдетъ, онъ уѣхалъ.... какъ могли вы думать.... Ахъ! еслибъ вы знали, какъ я его.... уважаю!

Тутъ она покраснѣла и, почти заплакавъ, опустила глаза. Секретарь смотрѣлъ пристально въ толпу; онъ самъ начиналъ уже очень безпокоиться. Во время этого разговора стройный гвардейскій сержантъ, желая танцевать съ Ольгою, ставъ въ приличномъ отъ нея отдаленіи, давно, по обыкновенію, шаркалъ, фигурно округлая руки и перегибая спину; вмѣсто необходимыхъ трехъ поклоновъ, онъ, вѣроятно, сдѣлалъ болѣе тридцати; онъ даже покашливалъ при каждомъ, чтобъ быть замѣченнымъ. Но Ольга ничего не видѣла; на потупленныхъ глазахъ ея блестѣли двѣ жемчужныя слезинки, а думала она вовсе не о гвардейскихъ сержантахъ. Къ счастью, его замѣтилъ отецъ дѣвушки.

— Что же ты, Олянька, — сказалъ онъ, легонько толкая ее локтемъ, — помилуй! молодецъ болѣе получаса кланяется!

— Ахъ, виновата-съ!

Она вскочила съ лавки, быстро подошла къ кавалеру и, желая скрыть свое смущеніе, протянула уже къ нему руку, но музыка вдругъ замолкла, танецъ былъ оконченъ. Бѣдная дѣвушка стояла одна, почти на срединѣ площадки; робко озираясь, она краснѣла болѣе и болѣе; замѣшательство ея дошло до высшей степени, когда увидѣла, что Государь, стоявшій недалеко съ нѣкоторыми изъ придворныхъ, пристально глядѣлъ на нее въ эту минуту; нужно было сѣсть на мѣсто, нужно было пройти пространство, отдѣлявшее ее отъ лавки подъ наблюдательными взорами Петра, окружавшихъ его гостей и сотни молодыхъ мужчинъ, шептавшихъ и съ улыбкою смотрѣвшихъ на хорошенькую дѣвушку, которая дрожала и была болѣе мертва, нежели жива. Почти не помня, что она дѣлаетъ, Ольга оборотилась лицомъ къ скамьѣ, переступила нѣсколько шаговъ, но поднявъ глаза, вскрикнула и чуть не упала на колѣни отца, сидѣвшаго на прежнемъ мѣстѣ.

— Что ты, что ты, дитя мое? Богъ съ тобою! — говорилъ испуганный Нѣмцевъ, поддерживая дочь и осѣняя ее крестнымъ знаменіемъ.

— Что случилось съ прекрасной дѣвицею? Не ушиблась ли? Кто она? — спрашивалъ Петръ, съ участіемъ подходя къ Ольгѣ и помогая Нѣмцеву посадить ее.

— Государь! это моя дочь; не знаю, что сдѣлалось, занемогла видно.

— Доктора! — сказалъ Государь, оборотясь.

Всѣ засуетились, одни принесли воды, другіе укусу, нѣкоторые ржаного хлѣба съ солью.

— Ломтикъ хлѣба съ солью, или спыренуть водою съ молитвою, — говорили многіе. — Она такая красавица, видно съ чьего глаза приключилось.

— Ничего-съ, я здорова только ступила неосторожно, — робко произнесла дѣвушка.

— Очень радъ, но не зашиблась ли? можетъ испугалась? — спросилъ Государь.

— Я одинъ всему виноватъ, — сказалъ молодой человекъ, красивый и щегольски одѣтый въ богатое нѣмецкое платье. . . . Я испугалъ Ольгу Ивановну.

— А кто твоя милость? чѣмъ испугалъ?

— Я женихъ ея.

— Поздравляю, но что же?

— Я стоялъ за этой скамьей; она не ожидала меня видѣть здѣсь, Государь: за два часа передъ этимъ я былъ съ бородою.

Секретарь не могъ утерять.

— *Viva! viva!* — закричалъ онъ.

— А! старый знакомый, — сказалъ Петръ, ударивъ по плечу; потомъ, обратясь къ собравшимся, — продолжайте веселиться, — сказалъ онъ, — а мы разберемъ эту загадку.

Государь сѣлъ возлѣ Ольги, посадилъ съ другой стороны секретаря, поставилъ противъ себя Ермолая и требовалъ подробнаго объясненія. Когда каждый въ свою очередь рассказалъ все, когда Ермолай признался, что любовь и ревность заставили его исполнить искусное предначертаніе секретаря и что слышанный имъ разговоръ Ольги съ секретаремъ, на этой самой скамьѣ уничтожилъ смутное его подозрѣніе, тогда Петръ всталъ.

— Спасибо вамъ, спасибо и тебѣ, — сказалъ онъ Ермолаю, ударивъ его по плечу: — бороду бросилъ ты не изъ ревности ко мнѣ, а отъ ревности къ невѣстѣ;

но все равно, я доволенъ: ты этимъ сдѣлалъ мнѣ пріятное, а себѣ несомнѣнную пользу.

— Государь! — сказалъ секретарь, — онъ не себѣ только желаетъ быть полезнымъ. . . .

— Весьма радъ, жалую тебя солдатомъ въ Преображенскій Полкъ: надѣюсь скоро видѣть капитаномъ.

— Государь! — я не заслужилъ твоей милости. . . .

— Заслужишь, я увѣренъ; женись на Ольгѣ

Ивановнѣ, будь вѣренъ намъ обоимъ, а если кто изъ насъ измѣнитъ, то бороду всегда успѣешь отrostить. Ну! прошу же веселиться, покажите ему наши ассамблеи.

Ласково поклонясь, Петръ отошелъ, Ермолай былъ внѣ себя отъ восторга.

Въ одиннадцатомъ часу съ луга извилась блестящая ракета и, лопнувъ, рассыпалась яркими звѣздочками надъ садомъ. Тогда лучшая публика наполнила галереи; остальные гости вышли на набережную.

На Невѣ, на плоскихъ судахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ прамовъ, со-

жгли великолѣпный и разнообразный фейерверкъ, продолжавшійся болѣе получаса.

Этимъ окончилось празднество тезоимениства Петра I. За полночь садъ опустѣлъ совершенно; скоро движеніе пѣшеходовъ и экипажей на улицахъ и лодокъ на Невѣ прекратилось и городъ заснулъ; только слышались мѣрные шаги полицейскихъ патрулей и оклики караульчиковъ и десятскихъ, да изрѣдка раздавался стукъ рогатки, отодвигаемой на концѣ улицы для запоздаемаго гостя ассамблеи.

А. Б.



ЛИСТОКЪ ИЗЪ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА.



Группа на Аничковомъ Мосту.



ОЧЕРКИ БИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

осмотрите на эту массу домовъ, расположенныхъ по скату холма на берегу рѣки Урала, посреди необъятной степи, и обведенныхъ кругомъ каменною стѣною. Это—Оренбургъ. Городъ издали походить на коробъ съ домами, которые почти все походят другъ на друга и стоятъ плотно рядами, какъ солдаты во фронтъ. Трудно отыскать для пребыванія мѣсто болѣе скучное, болѣе унылое. Самая рѣка не можетъ оживить этой картины. Уралъ кажется такъ малъ, такъ ничтоженъ посреди этой необъятной пустыни, окружающей городъ. Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ могучихъ рѣкъ, которыя, пробѣгая по странѣ, способны оживить самую мертвую природу, украшая ее своимъ широкимъ блестящимъ разливомъ и внося въ самую отдаленную, глухую пустыню жизнь и дѣятельность.

Нѣсколько тысячъ верстъ пробѣгаетъ онъ одинокой, тонкой ленточкой по этой однообразной степи и на такомъ огромномъ протяженіи принимаетъ въ себя скудную воду только нѣсколькихъ ничтожныхъ рѣчекъ. Ни одно судно не оживляетъ сонныхъ водъ его, и только весною, во время разлива, нѣсколько дѣсныхъ плотовъ пройдетъ по немъ внизъ, пронося матеріалъ на постройку жилищъ въ этомъ краѣ, столь бѣдномъ растительностію. Подъ Оренбургомъ даже нѣтъ рыбной ловли на этой рѣкѣ.

Промыселъ этотъ оживляетъ Уралъ въ его низовьяхъ отъ г. Уральска къ морю. Растительность здѣсь бѣдна, садовъ нѣтъ, да и городъ построенъ такъ тѣсно, что имъ негдѣ было бы помѣститься. На другомъ берегу Урала, противъ Оренбурга, есть ветловая рошица, но съ перваго взгляда видно, что это искусственное насажденіе. Страя зелень деревь придаетъ еще болѣе грустный видъ всей картинѣ. Посудите теперь, какова должна быть жизнь въ этомъ городѣ, лишенномъ общественныхъ удовольствій, въ желѣзномъ климатѣ, губительномъ даже для растительности, гдѣ лѣто такъ же жарко, какъ въ южныхъ степяхъ Европейской

Россіи, а зима такъ же жестока, какъ въ Архангельскѣ.

Проходя по здѣшнимъ улицамъ, вы постоянно встрѣчаете глазами крѣпостную стѣну, которая закрываетъ передъ вами горизонтъ. Вы ходите какъ-будто по огороженному двору; правда, городъ не лишенъ нѣкотораго движенія, но это движеніе слишкомъ однообразное, слишкомъ машинальное, отзывающееся полнымъ отсутствіемъ живой, свободной дѣятельности. Въ одни и тѣ же часы, вы всегда встрѣчаете гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, всегда занятыхъ, всегда озабоченныхъ чѣмъ-то. Вы привыкаете наконецъ въ извѣстное время встрѣчать постоянно одни и тѣ же лица, одни и тѣ же костюмы, вы поневодѣ сживаетесь съ этимъ однообразіемъ жизни, съ этимъ вѣчнымъ повтореніемъ одного и того же, какъ въ заведенной машинѣ.

Есть, конечно, и здѣсь люди, которые, когда они свободны отъ занятій, скучаютъ отъ недостатка духовныхъ эстетическихъ наслажденій. Но для многихъ это—ничего не значить....

Я впрочемъ не ставлю въ вину городу его скуки. Люди стеклись сюда искать не наслажденій, а труда. Жизнь ихъ поглощена здѣсь или службою, или торговою дѣятельностію. Этотъ маленькій, повидимому столь незначительный пунктъ служитъ центромъ администраціи края, превосходящаго обширностію иное государство, соприкасающагося съ Хивою, Бухарою, Коканомъ и Персіею, и вмѣщающаго въ себя болѣе двухъ милліоновъ самаго разнообразнаго населенія. Здѣсь обитаютъ Русскіе, Башкирцы, Татары, казаки, Киргизы, Калмыки, различающіеся между собою по вѣрѣ, языку, образу жизни и самому способу управленія. Для обезопасенія этого края онъ выставляетъ многочисленное войско. Эта сила разставлена двухтысячверстной цѣпью отъ сибирской границы до предѣловъ Каспія и Арала. Оренбургъ составляетъ главное звено ея. Оренбургъ служитъ оплотомъ про-

тивъ враждебныхъ покушеній варварскихъ народовъ Востока на Россію. Это—окно, прорубленное въ стѣнѣ, отдѣляющей Европу отъ Азіи, чтобы бросить свѣтъ просвѣщенія на дикія племена, разбѣянные по пространству среднеазіатскихъ степей. Онъ стоитъ, какъ часовая, на рубежѣ Европы и Азіи и слѣдитъ за движеніемъ Востока. Но оставимъ этого суроваго исполнителя великаго, тяжкаго долга и посмотримъ на край, который ввѣренъ его охраненію. Перейдемъ за Уралъ въ эту стѣну, которая разстилается теперь передъ нами, необъятная какъ океанъ.

Если странствовать по степи, то надобно странствовать верхомъ: экипажъ неудобенъ тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ дорогъ. И такъ на маленькихъ казачьихъ лошадахъ мы переѣзжали черезъ рѣку, по деревянному мосту, который служить здѣсь звеномъ, соединяющимъ Европу и Азію. Мы очутились въ предѣлахъ Средней Азіи; Европа осталась за Ураломъ. Весна. Степь цвѣтетъ и благоухаетъ. Красные цвѣты, какъ огоньки, горятъ на зеленой безконечной равнинѣ. Наши кони, отъѣдавшіе весенней сочной травы, дышатъ бодростію. Быстра и спокойна ихъ рысь. Вы почти не чувствуете тряски и сидите спокойно, какъ въ креслѣ вагона на желѣзной дорогѣ. Долго вы ѣдете по зелени и по цвѣтамъ, и ни одинъ предметъ не возвышается передъ вами на пути. Но вотъ вдали показался небольшой холмъ, въ сторонѣ явилась *аба*, киргизская могила. Она похожа на миниатюрную крѣпость съ башенками, въ двѣ-три сажени въ окружности и аршина полтора въ вышину. Далѣе впереди, на окраинѣ степи, блеснуло озерцо. Это единственные предметы, которые разнообразятъ степь. Они служатъ указателями въ пути. Вотъ сзади догоняетъ насъ на гнѣдой лошади Киргизъ въ красномъ хивинскомъ халатѣ и въ остроконечной бѣлой шапкѣ, съ полями, подбитыми пестрой шелковой матеріей. На ремнѣ у него въ кожаныхъ ножнахъ виситъ ножикъ, въ правой рукѣ онъ держитъ толстую ногойку. Не нугайтесь, онъ подѣхалъ къ намъ просто изъ любопытства. Теперь не то, что было 20 лѣтъ назадъ. Въ Киргизской Стенѣ никто теперь не смѣетъ тронуть Русскаго. Простой торговецъ смѣло ѣдетъ въ самую глубь степи, держитъ путь свой посреди самыхъ дикихъ племенъ, ни мало не опасаясь нападений и грабежа. Киргизъ только спроситъ васъ, куда и зачѣмъ вы ѣдете. Вы отвѣтите, что вы ѣдете такъ, *степемъ гуляете*, и онъ будетъ этимъ совершенно удовлетворенъ. Онъ и самъ обыкновенно не умѣетъ дать отчета, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. Когда онъ заѣдетъ въ какой-нибудь аулъ, и тамъ накормятъ его бараниной, значитъ, онъ и ѣхалъ именно въ этотъ аулъ; если же его тутъ не накормятъ,

значитъ, онъ не сюда ѣхалъ, а куда-то въ другое мѣсто, но куда именно — онъ опредѣлить не можетъ. Изъ тысячи Киргизовъ, которые попадутся вамъ на встрѣчу, можно смѣло считать только одного, который знаетъ, куда ѣдетъ, прочіе 999 человекъ только *степемъ гуляютъ*.

Спутникъ вашъ Киргизъ находится въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Онъ подучетъ васъ изъ своего рожка табакомъ, спрашиваетъ васъ, какой вы имѣете чинъ, есть ли у васъ жена, дѣти, рассказываетъ вамъ о томъ, что у него есть знакомые чиновники въ Пограничной Коммиссіи (*), заводитъ тонкимъ голосомъ пѣсню; унылые звуки долго тянутся, изрѣдка повышаясь и понижаясь; каждый куплетъ оканчивается низкимъ тономъ, который постепенно замираетъ въ воздухѣ. Въ звукахъ киргизской пѣсни выражается картина безконечной степи, которая равно стелется вдаль, лишь изрѣдка вставая буграми и потомъ снова сглаживаясь, и наконецъ сливается съ горизонтомъ. Но вотъ Киргизъ прерываетъ свою пѣсню на половинѣ и предлагаетъ вамъ скакать. Когда вы здоровы, когда у васъ конь лихой, можно ли отказаться отъ подобнаго предложенія? Киргизъ гикаетъ, кони разомъ рванулись впередъ и вы понеслись по зеленому коврау. Въ упоеніи вы мчитесь, не замѣчая какъ быстро мчится съ вами время. Холмъ, бывший далеко впереди, теперь очутился за вами; аба, стоявшая въ сторонѣ, давно исчезла изъ виду; озерцо, синѣвшее вдали передъ вами, давно пропало; а вы скачете по-прежнему среди необъятной степи. Но вотъ показались табуны коней—признакъ, что близко аулъ, и наконецъ, подѣзжая ближе, вы видите киргизскія кибитки. Это круглыя большія кѣтки, покрытыя кошмами, съ двумя отверстіями: одно вверху—для прохода дыма изнутри, другое съ боку, замѣняющее собою дверь. Кругомъ этихъ кибитокъ пасутся киргизскія стада, васъ оглушаетъ мычаніе коровъ и барановъ. Высокіе верблюды переважно расхаживаютъ между кибитокъ. Это киргизскій аулъ или деревня. Здѣсь все ихъ хозяйство. Кромѣ скота вы здѣсь ничего не увидите. Стада даютъ Киргизамъ пищу, одежду, топливо, даже матеріалъ для покрытія ихъ жилищъ—кошмы (войлоки), которые валяются изъ овечьей шерсти. Киргизы не долго заживаются на одномъ мѣстѣ. Вчера на этомъ самомъ

(*) Пограничная Коммиссія управляетъ всю Киргизскую Стену Оренбургскаго Вѣдомства. Степь раздѣлена на 3 части: восточную, среднюю и западную, подчиненныя каждая особому султану-правителю. Каждая часть раздѣлена на дистанціи, состоящія подъ управленіемъ дистанціонныхъ начальниковъ, а дистанціи — на мѣстности, имѣющія своихъ мѣстныхъ начальниковъ. Всѣ эти начальники изъ природныхъ Киргизовъ.

мѣстѣ было пусто, сегодня пріѣхали они съ своими стадами, разбили свои шатры, и явился цѣлый городъ. Черезъ нѣсколько дней здѣсь опять будетъ пусто, и городъ будетъ перенесенъ за тридцать или сорокъ верстъ. Посмотрите, какъ здѣсь скудна трава: стада, которыя вы здѣсь видите, всю ее выщипали. Еще нѣсколько дней,—и скоту нечего будетъ есть; а если пасть скотъ, то эти люди умрутъ съ голода. «Вотъ матушка степь—то, кономна сторонка, навозныя дрова,» сказалъ мнѣ разъ казакъ, подъѣзжая со мною къ одному

также безъ сожалѣнья отнять у ближняго его послѣдній кусокъ; онъ не понимаетъ, что значить законъ. Не имѣя ничего, кромѣ скота, онъ думаетъ, что нѣтъ ничего дороже его и что все можно купить этою цѣною. На скотъ онъ покупаетъ женщину, такъ же какъ покупаетъ чай, хлѣбъ и халаты. Женщина у него вещь, стоящая нѣсколькихъ лошадей и барановъ. Онъ даже не знаетъ цѣны жизни и думаетъ, что можно ее продать за 1000 барановъ и 40 лошадей. Эта цѣна называется у нихъ *кунъ*. Жизнь, по его понятіямъ, есть



Киргизская скачка.

киргизскому аулу. Слова эти заключаютъ въ себѣ довольно мѣткую характеристику края. Эта страна дѣйствительно не похожа ни на одну изъ странъ Европы. Этотъ народъ живетъ совершенно особою жизнью. У него нѣтъ ни исторіи, нѣтъ прошедшаго, не смотря на то, что надъ нимъ прошли тысячелѣтія. Онъ живетъ только настоящимъ. Этотъ народъ еще не знаетъ, что такое трудъ. Онъ не обливаетъ потомъ земли, за него производитъ сама природа. Онъ только ведетъ счетъ ея дарамъ, и потому еще не имѣетъ яснаго понятія даже о собственности; онъ готовъ безъ сожалѣнія раздѣлить послѣдній кусокъ съ ближнимъ и нерѣдко точно

не иное что, какъ возможность пользоваться чувственными наслажденіями. Будущая жизнь для него есть тоже наслажденіе земными удовольствіями, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Какъ мусульманинъ, Киргизъ считаетъ добродѣтель необходимымъ средствомъ для достиженія именно этой цѣли.

Еще не подъѣхали вы къ аулу, нѣсколько человѣкъ уже встрѣчаютъ васъ. «Зачѣмъ пріѣхали?» спрашиваютъ они съ любопытствомъ. — Такъ въ гости. — «Какой чинъ?» — Эсаулъ. — «А! Джесаулъ, ладно. Поѣдемъ къ мѣстному начальнику Байдусу.» Всѣ они возвращаются вмѣстѣ съ вами въ аулъ, одинъ поскакалъ впередъ, что-

бы поскорѣе разсказать Байдусу о случившемся. Въ аулѣ происходитъ нѣкоторое движеніе. Вы подъѣзжаете къ кибиткѣ, которая больше и бѣлѣе другихъ. Старикъ Байдусъ выходитъ вась встрѣчать изъ кибитки, привѣтствуетъ, какъ стараго знакомаго, и проситъ войти въ кибитку, — «А!» вдругъ вскрикаетъ онъ, какъ-будто вспомнивъ что то, «сейчасъ, сейчасъ!» и бѣжитъ къ сундуку, а вась приглашаетъ сѣсть на бѣлую, разостланную кошму. Вслѣдъ за вами цѣлая толпа Киргизовъ. Байдусъ отпираетъ сундучекъ и вынимаетъ какую-то бумагу. «Читай,» — говоритъ онъ, подавая ее вамъ. Эта бумага не иное что, какъ данный ему отъ русскаго начальства похвальный листъ, за поимку троихъ бѣглыхъ; въ ней прописано, что за это ему данъ отъ пограничной комиссіи рожокъ въ 3 рубля серебромъ.

Байдусъ не медля показываетъ и рожокъ, высыпая изъ него вамъ на ладонь табакъ, который непременно надобно понюхать. «Хорошъ рожокъ,» говорятъ вы. «Коммиссія дала,» — отвѣчаетъ онъ съ самодовольствіемъ. «Коммиссія меня больно знаетъ.» Развалился въ кибиткѣ, въ которой приподняты кошмы и свободно проходитъ вѣтеръ, пріятно выкурить сигару; вы вынимаете и закуриваете; благовонный дымъ ея пріятно щекотитъ туповатые киргизскіе носы, каждый проситъ у вась сигары для себя; вы не можете отказать, — всѣ закуриваютъ; иной обжегся, но это ему ни почемъ. Будь у вась хоть нѣсколько сотенъ сигаръ, у вась будутъ просить всѣхъ, и если вы не будете имѣть столько же характера, чтобы отказать, то весь аулъ выкурить ихъ въ одинъ день. Но посмотрите, вотъ за кибиткой разводять огонь: это Байдусъ хочетъ вась угостить; онъ рѣжетъ цѣлаго барана, который весь, безъ остатка, будетъ сѣденъ этимъ почтеннымъ обществомъ, какъ-будто въ честь вашего посѣщенія. Взгляните, сколько еще гостей собралось тамъ вокругъ огня. Едвали даже достанетъ для всѣхъ одного барана; но у нихъ уже таковъ обычай: къ хозяину пріѣхалъ гость одинъ, а у него безъ зова является въ гостяхъ весь аулъ. Если вы даже останетесь не совсѣмъ сыты, это не бѣда: Байдусъ можетъ зарѣзать другаго барана. Онъ богатъ, ему Богъ далъ — и богатство одного какъ-будто принадлежитъ здѣсь цѣлому роду. Они вѣдь не трудомъ наживаютъ богатство, а счастьемъ. И точно, толькобы десять барановъ сначала завести, и если зимы не холодны, то Киргизъ можетъ легко вскорѣ увеличить свой достатокъ — разумѣется, если не сѣсть своего имущества; а сѣсть его не трудно при такихъ нецеремонныхъ гостяхъ, и если у него не украдутъ ихъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что барановъ, коровъ и верблюдовъ Киргизы другъ у друга крадутъ

очень рѣдко, и это имущество довольно прочно сохраняется. Гораздо больше крадутъ лошадей: эта вещь очень соблазнительна для нихъ; трудно найти Киргиза, который въ теченіе жизни не укралъ бы ни одой лошади, по крайней мѣрѣ не тѣхъ бы краденой, зная, кѣмъ и у кого она похищена. Украсть лошадь считается даже не воровствомъ, а удальствомъ. Киргизъ крадетъ лошадей пострасти къ искусству, увлекаясь прелестью опасностей. Но пока баранъ варится, не худо вамъ познакомиться съ семействомъ и съ нѣкоторыми изъ гостей Байдуса. Вотъ его жена Балике Бачентаева, дочь почтеннаго бѣя Черкесова рода, нѣкогда бывшаго дихимъ батыремъ, отличившагося на барантахъ, а теперь скромно досыпающаго свой вѣкъ около лииы. Балике была когда-то красавицей и еще теперь на ея лицѣ замѣтны слѣды прежней красоты. Много хлопотъ стоила она своему отцу и роду: отецъ сватовалъ ее за своего однородца, но ей нравился Байдусъ, который въ молодости странствовалъ много по степи; она бѣжала съ нимъ изъ роднаго аула. Военственныхъ Черкесовъ родъ вступился за оскорбленнаго жениха. Но у Байдуса нашлось много друзей. Онъ былъ настигнутъ въ одномъ изъ преданныхъ ему ауловъ. Произошла кровавая схватка, но Байдусъ успѣлъ увезти свою красавицу. А вотъ этотъ двадцатилѣтній паренъ въ красномъ хивинскомъ халатѣ, уже выкурившій у вась три сигары, это сынъ Байдуса, генераль, или, по киргизскому произношенію, дженераль. Вамъ кажется страннымъ его имя. Но оно точно принадлежитъ ему. Когда у Киргиза родится сынъ или дочь, отецъ выходитъ изъ кибитки, и какой предметъ первый попадется ему на глаза, именемъ того назоветъ онъ свое дѣтище; а то и просто называютъ такъ, какъ на умъ взбредетъ. Такъ вы слышите нерѣдко у нихъ русскія названія: табакъ, китайка, купецъ, носовой (носовой т. е. нюхательный табакъ), кабакъ, ураль, адъютантъ, буранъ (буря со снѣгомъ).... Генераль лихо ѣздитъ верхомъ и умѣетъ балагурить съ прекраснымъ поломъ. Байдусъ прочитъ его въ мѣстные начальники послѣ себя: чины, медали и степенныя должности — это страсть Киргизовъ. Степной чиновникъ ничѣмъ не можетъ такъ обрадовать Киргиза, какъ взявъ его въ толмачи, или рассыльные. О, какъ гордъ онъ новымъ званіемъ! съ какимъ самодовольствіемъ показываетъ онъ своимъ товарищамъ конвертъ, который онъ долженъ куда-нибудь доставить! Если же какой-нибудь изъ этихъ дѣтей степи получаетъ похвальный листъ, или рожокъ, какъ Байдусъ, — восторгу его нѣтъ предѣловъ; онъ показываетъ драгоценный даръ встрѣчному и поперечному. О медаляхъ и чинахъ и говорить нечего.

Это однакожъ не мѣшаетъ должностнымъ лицамъ

жаловаться на обременительность лежащих на них служебныхъ занятій.

— Ай, ай, — говорить какой-нибудь мѣстный начальникъ, — сколько дѣла, бѣда! право не знаю какъ быть!

— Да въ чемъ же твое дѣло? — спросишь его, — кибиточную подать собрать, это вѣдь разъ въ годъ.

— А это мало развѣ? Свою лошадь гонять надо; никто мнѣ своей лошади не дастъ.

— Да вѣдь все равно, — я говорю, — вѣдь ты ѣдишь же куда-нибудь безъ всякаго дѣла, такъ лучше по дѣлу съѣздить.

— Да не однѣ кибитки; султанъ правитель людей къ себѣ требуетъ; вотъ недавно бумагу прислалъ. — При этомъ онъ вынимаетъ изъ своего кошомнаго портфеля засаленную и истертую бумагу, которая у него лежитъ съ полгода.

— Что же ты не исполнишь ее? Вѣдь человека, котораго по этой бумагѣ требуютъ, и я, и ты сегодня оба видѣли, что же ты его не послалъ?

— Да я посылалъ, а онъ говоритъ, что ему недосужно... Вотъ то-то и есть, — заключаетъ онъ, — самъ видишь, — кругомъ въ хлопотахъ. И такихъ дѣлъ у меня не одно: у меня есть еще бумага, двѣ-три.

— Охота же тебѣ служить, — говорю я, смѣясь, — самъ принялъ на себя заботу. Отдыхалъ бы себѣ на старости лѣтъ въ кибиткѣ, и никакихъ заботъ не узналъ бы.

— Какъ же не служить, — отвѣчалъ онъ. — Не станешь служить, такъ надо мною какая-нибудь-дрянь Киргизъ смѣяться станетъ; вотъ дескать мы служимъ, мы чиновники, а ты простой Киргизъ, ты дрянь, это обидно будетъ....

Но будемъ продолжать нашъ обзоръ гостей Байдуса. Посмотрите на эту красивенькую дѣвочку съ черными глазами, которая, подгорюнившись, сидитъ въ сторонѣ и съ любопытствомъ смотритъ на вашъ костюмъ. Она еще въ первый разъ видитъ русскаго человека. Ей всего три года; но она уже сосватана. Ея женихъ еще не умѣетъ ходить, а за нее уже отдана половина калыма, — нѣсколько коровъ, лошадей и барановъ. Весь калымъ назначенъ за нее отцомъ: 8 коровъ, 10 лошадей и 40 барановъ. Не правда-ли невѣста порядочно дорога; но бываетъ еще гораздо дороже.

Байдусъ и Балике забыли свою молодость и также запродали свою дочь, не зная, будетъ ли она любить своего жениха, когда вырастетъ.

Но спрашивается, что понуждаетъ отца искать невѣсту еще грудному мальчику и платить заранѣе тягостный, даже разорительный калымъ? — Обычай. Киргизъ просто питаетъ дружескія чувства къ кому-

нибудь изъ своихъ знакомыхъ и, желая съ нимъ сближиться еще болѣе узами родства, сватаетъ его дочь за своего сына. Тутъ также есть и расчетъ съ обѣихъ сторонъ. Отцу невѣсты выгодно получить даромъ порядочное количество скота, пока дочь его растетъ, а отцу сына въ теченіе 15 или 20 лѣтъ легче заплатить калымъ, чѣмъ въ одинъ годъ. Въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ сосватанныхъ калымъ возвращается назадъ. «Но если не понравится потомъ сосватанные другъ другу?» спросилъ я разъ одного Киргиза, сосватавшаго своего маленькаго сына. «Что дѣлать, отвѣчалъ онъ, какъ же можно узнать впередъ, будутъ ли они любить другъ друга, или нѣтъ?» Семейные раздоры между ними очень часты. Разъ въ пути я разговаривалъ съ однимъ Киргизомъ, уже довольно старымъ. Слово за слово, — «женатъ ли ты?» спросилъ я его. — Женатъ. — «Давно?» — Нѣтъ, съ годъ. — «Стало быть, твоя жена молодая?» — Молодая. — «Какъ же она вышла за тебя, за старика?» — Да она и не хотѣла, такъ я султану-правителю жаловался, онъ ее заставилъ. — «Я думаю, она много плакала, когда вышла за тебя?» — Пожалуй плачь, мнѣ-то что? Я семь лѣтъ работалъ у Русскихъ, чтобъ отдать за нее калымъ, такъ неужто моему калыму пропадать? А назадъ его мнѣ не отдали бы. — Но дѣло кончается не всегда однѣми слезами. Если сосватанная почувствуетъ любовь къ человеку, не бывшему ея женихомъ, и внушить ему тѣже чувства, то случаются такіе же происшествія, какъ и съ Балике. Но такіе случаи, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, очень рѣдки.

Познакомимся еще съ нѣкоторыми изъ одноаульцевъ Байдуса. Вотъ Карасартъ, который такъ задумчиво глядитъ въ котелъ, гдѣ варится баранина. Это одинъ изъ почтенныхъ бѣвъ. Онъ имѣетъ порядочное состояніе, у него до ста лошадей. Прежде онъ былъ еще богаче, но суровая, продолжительная зима лишила скотъ подножнаго корма и Карасартъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ день за днемъ разрушается его достатокъ. Онъ радъ былъ бы въ это время отдать половину своего скота, чтобъ снасти остальную; но въ эту ужасную пору никто у него не возьметъ ея даже даромъ; всякій тяготится излишкомъ своего богатства. Чѣмъ болѣе скота, тѣмъ труднѣе его содержать, тѣмъ скорѣе и значителнѣе потеря. Имѣвшіе запасы сѣна оставили свой скотъ погибнуть голодною смертію и продавали его по высокой цѣнѣ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Карасартъ постепенно бѣднѣлъ и къ веснѣ сталъ совершенно нищимъ. У него не осталось ни одной скотины. Случись подобное несчастіе съ русскимъ крестьяниномъ, онъ остался на долго бы нищимъ, до тѣхъ поръ, пока собственнымъ трудомъ не нажилъ бы

достатка вновь. Но у Киргизовъ уважаемый ими человекъ не останется въ нищетѣ. Цѣлый родъ (*) сложился, чтобъ помочь обѣдѣвшему бѣю и Карасартъ теперь, хотя правда, не прежній табуны имѣть, но все-таки уже не бѣднякъ. Родъ не рѣдко состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ кибитокъ, но связь между Киргизами этого рода также тѣсна, какъ и между членами небольшой семьи. Цѣлый родъ готовъ присягнуть за отъявленнаго изъ своей среды вора, чтобъ его спасти, и если воръ пойманъ на дѣлѣ, родъ платитъ за него деньги, чтобъ выручить его. Дѣла о преступленіяхъ не выше 30 руб. сер. рѣшаются по киргизскимъ обычаямъ.

Вотъ другой бѣй, Миндыной Таживаевъ, одинъ изъ начальниковъ дистанціи. Онъ имѣетъ слабость къ благопріобрѣтенію. Если случится кража, то онъ всегда съ вора возьметъ половину, и проситель никакъ не можетъ получить свое. Онъ большой гастрономъ; конокрады его дистанціи всегда стараются доставить ему случай покушать молодаго жеребенка, или *казы*—конскую колбасу, считаемую въ степи самымъ лакомымъ кускомъ. Посмотрите еще сюда, на этого оборваннаго старика съ вислобоченной бородой. Это одинъ изъ первыхъ богачей въ степи. У него до 3000 барановъ, но ему своя баранина не нравится и онъ предпочитаетъ чужую. Киргизы очень часто держатъ скотъ въ огромномъ количествѣ безъ всякой надобности, изъ одной славы. Для славы болѣе держатъ лошадей. Разъ я спросилъ одного богатаго Киргиза, зачѣмъ онъ держитъ столько лошадей, которыя ему не приносятъ никакой пользы. — «Не хорошо,» отвѣчалъ онъ, «кто подѣдетъ къ моему аулу, а у меня косяка не видать будетъ. Я почетный бѣй.» — А рядомъ съ старикомъ сидитъ молодой, лѣтъ тридцати, Киргизъ, одѣтый въ прекрасный, шелковый халатъ и щегольскіе сапоги. Это Наурубай Агамжановъ. У него все взято въ долгъ: онъ кругомъ долженъ и не имѣетъ даже надежды когда-нибудь заплатить, потому что у него ничего нѣтъ. Онъ ищетъ мѣста въ толмачи или разсылные, чтобъ составить себѣ состояніе. Много, много сидитъ здѣсь почетныхъ мужей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою отличительную сторону; но разсказывать обо всѣхъ было бы долго и утомительно.

Вотъ наконецъ баранъ сварился. Заботливый хозяинъ съ домочадцами укладываетъ въ деревянные чашки вареные куски и раздаетъ гостямъ; вы, какъ важнѣйшій гость, будете ѣсть вмѣстѣ съ хозяиномъ

баранью голову. Идетъ умываніе рукъ, обычай чрезвычайно полезный, потому что вилокъ и пожей не употребляютъ, а ѣдятъ руками, бульонъ же пьютъ, — чему и вы должны послѣдовать. Тридцать, сорокъ человекъ сидятъ въ одной кибиткѣ; это похоже на званный пиръ, а между тѣмъ гостей никто не звалъ.

Но ѣдятъ только мужчины, а женщины сидятъ въ сторонѣ и жадными глазами смотрятъ на нихъ. Вотъ Байдушъ, обглодавъ кость такъ, что, кажется, не осталось ни одного куска мяса, передаетъ ее женѣ, та беретъ ее и гложетъ и сосетъ кость, стараясь найти нитательные атомы, укрывшіеся отъ вниманія ся мужа. — «Эй,» кричитъ Байдушъ, «Атаніязи, поди сюда!» Изъ группы глотающихъ встаетъ одинъ и подходитъ къ нему, наклоняется къ Байдусу и отворяетъ ротъ. Байдушъ кладетъ ему туда полную горсть мяса и тотъ старается ее разжевать всю разомъ. Ротъ Атаніяза полонъ до-нельзя, такъ что куски мяса готовы изъ него вывалиться; но между Киргизами считается невѣжливостію поправить во рту данный кусокъ рукою. Долго возится Атаніязи съ своимъ гостинцемъ и наконецъ остается побѣдителемъ. — «Карасартъ!» кричитъ Байдушъ, и знакомый уже намъ бѣй встаетъ и тѣмъ же порядкомъ получаетъ гостинецъ. Точно такія же приглашенія дѣлаютъ и другія изъ почетныхъ персонъ своимъ пріятелямъ. Обѣдъ оканчивается, чашки убираются и голодные женщины кидаются отыскивать въ нихъ оставшіеся микроскопическіе кусочки мяса.

Богатые Киргизы послѣ обѣда пьютъ обыкновенно чай. Онъ способствуетъ пищеваренію и прогоняетъ сонливость. Чай въ степи есть неоцѣненный Божій даръ. Тамъ онъ важнѣе хлѣба. Безъ хлѣба вы можете обойтись, питаясь однимъ мясомъ; чай замѣнить нечѣмъ. Во многихъ мѣстностяхъ степи вода негодна и ее иначе нельзя пить, какъ сваренною съ чаемъ. Проѣхавъ пятьдесятъ, шестьдесятъ верстъ верхомъ и, разумѣется, утомившись, вы, напившись чаю, снова можете проѣзжать такое же пространство.

Напившись чаю, надобно ѣхать далѣе. Не нужно заживаться у Киргиза въ гостяхъ слишкомъ долго. Самый долгій срокъ для гостя—три дня; если жить далѣе, то можно вынудить неудовольствіе хозяина. Вы выѣзжаете изъ аула; хозяинъ съ нѣсколькими своими одноаульцами васъ провожаетъ до слѣдующаго аула. Тамъ тотъ же простодушный пріемъ, то же угощеніе. Проводившіе васъ угощаются здѣсь точно также, какъ сами угощаютъ въ своемъ аулѣ. Вездѣ на пути встрѣчаете вы праздничную лѣнь; все населеніе или гуляетъ, или отдыхаетъ. Незамѣтно пролетаетъ время въ беззаботномъ странствованіи. Картины новой, невиданной вами доселѣ природы и жизни постоянно

(*) Киргизскій народъ дѣлится на роды, происходящіе каждый отъ одного родоначальника. Бѣй почетное лицо въ степи, пользующееся вліяніемъ въ известной части рода.

привлекаютъ ваше вниманіе, освѣжая душу отрадными, неиспытанными впечатлѣніями. Ясно здѣшнее лѣто. Въ теченіе цѣлаго дня солнце горитъ надъ вами и рѣдко, рѣдко скроется за тучку. Стенъ ярко освѣщена вокругъ, и вы съ наслажденіемъ смотрите на нее, не смотря на все ея однообразіе, изрѣдка прерываемое какими-нибудь новыми предметами, которые по дѣйствію миража принимаютъ фантастическія очертанія; напр., по утрамъ вы часто видите вдругъ огромную рѣку, которая стелется вдали синими волнами. Вы не предполагали тутъ рѣки и скачете къ ней, но рѣка и не думаетъ быть къ вамъ ближе; къ полудню она исчезаетъ: это было ни что иное, какъ туманъ. Далѣе передъ вами поднимаются бѣлыя башни, оканчивающіяся вверху круглымъ сводомъ. Ужъ не остатки-ли это какого-нибудь древняго города, построеннаго жившими здѣсь и исчезнувшими съ лица земли народами? Ваше воображеніе разыгрывается. Вы подъѣзжаете ближе, полные любопытства, и находите, что это просто ничтожный киргизскій аулъ. Простыя кошомныя кибитки въ жаркій полдень кажутся издали высокими башнями. Это обыкновенное физическое явленіе въ южныхъ стенахъ. Вотъ по окраинѣ горизонта проходятъ, покачиваясь, одинъ за другимъ, нагруженные верблюды, скачутъ всадники на лихихъ коняхъ, обгоняя другъ друга. Это перекочевываетъ аулъ. Наступаетъ вечеръ, — вы чувствуете, что на васъ повѣяла прохлада; аулъ близко, — время отдохнуть. Вы остаетесь въ аулѣ и пьете чай, на открытомъ воздухѣ, сидя на бѣлой кошмѣ, разостланной на зеленой травѣ. Солнце закатывается, обливая красными лучами все пространство степи. Медленно погасаетъ заря въ одной части, между-тѣмъ какъ другая противоположная постепенно одѣвается мракомъ. Вотъ за рѣкой послышалось движеніе. Другой аулъ подкочевываетъ къ этому же мѣсту. Въ темнотѣ вечера неясно рисуются странныя формы людей и животныхъ. Слышны крики Киргизовъ, понуждающихъ скотъ перейти черезъ рѣчку, визгъ верблюдовъ и мычаніе коровъ. Тамъ и сямъ разведены на степи огни. Киргизскія женщины устанавливаютъ надъ ними котлы. Внутренность нѣкоторыхъ кибитокъ тоже освѣщена огнями. Сквозь приподнятую кошомную дверь видны люди, сидящіе кругомъ огня и бесѣдующіе; надъ верхнимъ отверстіемъ кибитки видно въ темнотѣ зарево ночи. Наконецъ огни одинъ за другимъ гаснутъ и голоса смолкаютъ.

Всякій путникъ, желающій видѣть киргизскую жизнь въ полномъ блескѣ, долженъ непременно побывать на баирамѣ, извѣстномъ мусульманскому праздникѣ. На открытой степи собраны тысячи молодыхъ всадниковъ

въ новыхъ шелковыхъ халатахъ и всадницъ, разряженныхъ въ новыя платья съ красными платками на головахъ.

Киргизы торжествуютъ баирамъ скачкой. Всѣ стоятъ толпами въ ожиданіи; впереди на лихомъ конѣ вылетаетъ на степь дѣвка и, остановившись, смотритъ, кто изъ парней поскачетъ за ней. Одинъ отдѣляется отъ толпы... Она тотчасъ несется во весь духъ. Онъ за ней. Амазонка выказываетъ много искусства. Она безпрестанно на всемъ скаку оборачивается назадъ, посмотрѣть — не настигаетъ ли ее противникъ, и если видитъ, что онъ уже близко и готовъ схватить ее рукою, бьетъ его по рукѣ нагайкой и кидается въ сторону. Вслѣдъ за этой парой выносятся на степь другая, третья пара и вся степь покрылась бѣгущими и догоняющими. Всадникъ не всегда остается побѣдителемъ, и многіе, измучивъ коней, съ побитымъ глазомъ и со стыдомъ возвращаются назадъ. Иные, догнавъ, возвращаются съ торжествомъ. Послѣ скачки обыкновенно обѣдъ, какъ и всегда, но въ эту пору онъ бываетъ въ громадныхъ размѣрахъ и населеніе не всегда умѣщается въ кибиткахъ. Послѣ обѣда вы можете прослушать киргизскую импровизацію. Между Киргизами очень много импровизаторовъ. Конечно, хорошихъ немного. Импровизаціи ихъ — мѣрная проза, произносимая на распѣвъ. Два такихъ пѣвца нерѣдко заводятъ споръ другъ съ другомъ: въ этихъ спорахъ участвуютъ и женщины. Знаменитѣйшій между импровизаторами есть Моровой Кулаевъ, Табинскаго рода; заставъ пѣвуна случайно, что называется въ ударѣ, можно иногда слышать импровизацію весьма удачную. Достоинство ея, конечно, зависитъ отъ таланта пѣвца (*).

Бывшій совѣтникъ Оренбургской Пограничной Комиссіи, Лазаревскій, сообщилъ мнѣ доставшуюся ему одну весьма интересную киргизскую импровизацію. Сочинитель ея, мулла Китинскаго рода, Ай-дилова отдѣленія, Имрніязъ Нязовъ. Во время посѣщенія Оренбурга, въ 1837 году, Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, тогда еще Наслѣдникомъ престола, Имрніязъ имѣлъ счастье быть избраннымъ въ число трехъ ординарцевъ изъ Киргизовъ, назначенныхъ состоять при особѣ Его Высочества. Тренетный восторгъ объялъ сына степи въ эти сладкія для него минуты, и онъ испросилъ дозволеніе излить свои чувства предъ Царемъ. Прилагаю эту импровизацію во всей ея простотѣ. Въ ней не нужно

(*) Нѣкоторыя подробности о киргизскихъ пѣвцахъ изложены мною въ статьѣ: «Татарскій пѣвецъ Капакбай». *Библ. для Чтенія*, февраль 1856 года.

искать высокаго поэтическаго достоинства; она заключаетъ въ себѣ одну безпредѣльную преданность простодушнаго народа къ Русскому Монарху.

Желаемъ Тебѣ здравія, Государь!
 Да пребудетъ Твоя милость надъ нами.
 Прости мои рѣчанья,
 Произнесенныя мною, неискуснымъ въ словѣ.
 Издревле родъ Твой повелѣвалъ народами,
 Державная рука Твоя
 Простерлася отъ Запада къ Востоку.
 Горы не въ состояніи устоять противъ Твоей силы,
 Могуцъ, справедливъ и счастливъ Ты,
 Враги Твои трепещутъ одного Твоего слова.
 Много-ли на свѣтѣ дѣлъ,
 Которыхъ Ты не въ состояніи исполнить?
 Всѣ, сколько есть между Киргизами
 Людей достойныхъ и способныхъ,
 Всѣ мы, больше и малые, слуги Твои,
 До тѣхъ поръ, пока не ослабнемъ, какъ мухи.
 Да будетъ угодна Всевышнему Твоя молитва!
 Всевышній да растворитъ врата счастья Государя,
 Подобнаго въ блескѣ своемъ
 Цвѣтамъ рубина, изумруда и брилльянта.
 Боже! Исполни Его здравія на многія лѣта!
 Заключая этимъ желаніемъ рѣчь свою,
 Прошу прошенія у своего Великаго Монарха.

Къ сожалѣнію, весьма много импровизаций, произносимыхъ въ разныхъ случаяхъ киргизской жизни, пропадаетъ по недостатку между ними грамотности. Помня только одну мысль, пѣвецъ перѣдко чрезъ нѣсколько лѣтъ сочиненную имъ пѣсню поетъ иначе, чѣмъ прежде. Эта участь постигаетъ и самыя преданія (*тунау*), переходящія изъ рода въ родъ. Пѣсенъ и импровизаций чрезвычайно много; если ихъ собрать, то составятся цѣлыя томы, и въ этой массѣ могли бы отыскаться вещи, истинно поэтическія.

Быстро пролетаетъ жаркое степное лѣто. Осенью Киргизы начинаютъ подкочевывать къ своимъ зимовьямъ, гдѣ у нихъ заготовлены на это время года запасы сѣна, и съ наступленіемъ зимы останавливаются на мѣстахъ. Зима проходитъ здѣсь особенно скучно. Стень, кинѣвшая жизнь и дѣятельность, пуста и мертва; ночь и сонъ преобладаютъ надъ міромъ. Рѣдко, рѣдко пройдутъ Киргизы изъ аула въ аулъ. Страшные морозы оцѣвѣняютъ всякую дѣятельность.

Но въ степи всего страшнѣе бураны, когда вся атмосфера наполняется летящимъ снѣгомъ, который кружится вихремъ. У путника захватываетъ дыханіе; залѣпленные снѣгомъ, глаза не могутъ ничего различить въ нѣсколькихъ шагахъ. Слѣды, съ трудомъ про-

лагаемые по вязкому, глубокому снѣгу, чрезъ нѣсколько минутъ исчезаютъ. Вѣрная гибель угрожаетъ страннику. Дѣйствительно, даже цѣлыя стада, застигнутыя бураномъ, перѣдко гибнутъ совершенно. Киргизъ, застигнутый бураномъ, или ложится въ снѣгъ, или стоитъ, прислонившись къ лошади, зацѣпивъ себя отъ вѣтра. Съ какимъ нетерпѣніемъ Киргизъ ждетъ окончанія зимы, чтобъ снова начать кочевую жизнь!... И едва лишь начинаютъ показываться проталинки, Киргизы трогаются съ своими стадами въ путь.

Трудно представить себѣ, чтобъ Киргизы могли сдѣлаться когда-нибудь осѣдлымъ народомъ. Что можетъ замѣнить ему видъ яснаго неба, утренней и вечерней зари, зелени травы, синевы рѣчекъ, съ которыми онъ неразлученъ съ самаго дѣтства, и вмѣстѣ заставить его забыть сладкую лѣнь и обратиться къ тягостному, упорному труду! Надобно впрочемъ замѣтить, что и между ними начала проявляться наклонность къ осѣлости: нѣкоторые изъ нихъ уже начали заниматься земледѣліемъ. Я видѣлъ посѣвы въ глубинѣ степи, въ Байбактинскомъ родѣ, въ 150 верстахъ отъ Линіи. Многіе стали строить на зиму землянки; иные давно построили бы дома, еслибъ были къ тому средства. Наиболѣе склонные къ принятію осѣлости киргизскіе роды суть Кердеринскій и Томинскій и частію Тобинскій. О Кердеринцахъ сами Киргизы говорятъ, что они на половину Русскіе.

Не мѣсто здѣсь говорить о томъ, болѣе или менѣе выигралъ бы киргизскій народъ, сдѣлавшись земледѣльческимъ.

Тутъ весьма много условій и различныхъ сторонъ, съ которыхъ этотъ вопросъ долженъ быть разсматриваемъ. Но, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что свѣтъ истинной религіи много бы улучшилъ ихъ нравы, устранивъ дурные обычаи и развитъ многія добрыя, таящіяся въ нихъ отъ природы наклонности. Они пока еще плохіе мусульмане, не проникнуты фанатизмомъ, любятъ Русскихъ, и потому теперь для этого предстоить болѣе удобства, чѣмъ когда-либо. И надобно замѣтить, что изъ нихъ многіе крестятся охотно, особенно въ восточной части орды. Но когда разовьется здѣсь мусульманскій фанатизмъ, въ особенности съ распространеніемъ между ними татарской грамотности чрезъ татарскихъ муллъ, тогда будетъ это труднѣе. Примѣръ Индіи долженъ быть для насъ поучителенъ. Выше я сказалъ, что доселѣ у Киргизовъ не было прошедшаго, а есть одно настоящее; но у нихъ должно быть будущее — и это будущее дастъ имъ Россія, принявшая на себя воспитаніе народа.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ.



нижний — Новгородъ съ самаго начала своего существованія имѣлъ важное значеніе, служа охраннымъ пунктомъ Россіи на Востокъ. До XIII столѣтія въ предѣлахъ нынѣшней Нижегородской Губерніи жили Мордва и Черемисы. Суздальскіе, рязанскіе и владимірскіе князья

великій князь Георгій послалъ сильное войско на Мордву, которое отомстило за прежніе набѣги и надолго остановило ихъ покушеніе. Когда Россія подпала подъ иго Татаръ, и Нижний-Новгородъ подвергся общей участи и въ 1257 году на него наложена была дань. Въ 1364 году городъ былъ постигнутъ моровою язвою, которая свирѣпствовала три года. При князѣ нижего-



Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ.

вели съ ними постоянную борьбу. Въ 1222 году князь Георгій II Всеволодовичъ, послѣ победы надъ камскими Болгарами, воздвигъ при слияніи Оки и Волги Нижний-Новгородъ. Мордва была прогнана и частью истреблена. Берега Оки и Волги населились Русскими. Нижний-Новгородъ составлялъ часть Княжества Суздальскаго до 1350 года, въ которомъ князь Константинъ Васильевичъ перенесъ свою резиденцію изъ Суздаля сюда. Княжество Нижегородское существовало до 1392 года и потомъ потеряло свою самостоятельность. Положеніе Нижняго по соседству съ хищными обитателями заволжья было весьма опасно отъ ихъ хищническихъ набѣговъ. Современи основанія города десять лѣтъ сряду продолжались нападены Мордвы на русскія поселенія. Мордовскій князь Пурчасъ въ 1229 году наналъ на Нижний-Новгородъ и сжегъ даже монастырь Святой Богородицы; но въ 1232 году

родскомъ Димитріи, утвердившемъ свою власть въ 1368 году, Мордва снова начала дѣлать набѣги на эту область, а также и Болгары, но Русскіе въ отмщеніе сами врывались въ ихъ земли, производили тамъ опустошенія и уходили съ добычею. Въ 1374 году прибывшіе въ Нижній послы Мамаевы за оскорбленіе тамошняго князя были убиты, при чемъ истреблено бывшее съ нимъ войско. Въ отмщеніе за это Мамай приказалъ опустошить землю нижегородскую. Бояринъ Пареній, сторожившій здѣшній край, былъ разбитъ на голову; въ 1377 году нападены было повторено. Русское войско вышло на встрѣчу Татарамъ, но, неопытности предводителей своихъ, стоявшихъ на рѣкѣ Цыанъ, было совершенно истреблено непріателемъ. Мордва подвела татарскую рать, которая напала на Русскихъ врасплохъ, когда предводители занимались соколиной охотою. Во время преслѣдова-

ния большая часть русскаго войска потонула въ рѣкѣ Пьянѣ. За тѣмъ непріатели ворвались въ Нижній и истребили въ немъ множество оставшихся жителей, особенно женщинъ и дѣтей. Въ 1378 году было произведено на Новгородъ новое нападеніе Татаръ. Жители Нижняго, оставивъ дома свои, сами ушли за Волгу и враги безпрятственно вошли въ городъ, сожгли его и разорили окрестности. Князь Дмитрій Константиновичъ, соединившись съ войсками московскаго князя, въ 1373 году отправился подъ Казань, съ намѣреніемъ отомстить и принудилъ Казанцевъ заплатить ему дань. Съ этихъ поръ Нижній уже не подвергался подобнымъ бѣдствіямъ. Независимости Нижегородскаго Княжества угрожалъ великій князь московскій, который въ 1392 году и овладѣлъ Нижнимъ. Потомки бывшаго нижегородскаго князя Бориса защищали свои права, но безуспѣшно. Около половины

телемъ Москвы и всей Россіи. Раздался монотонный голосъ благороднаго мѣщанина нижегородскаго, Минина, сзывавшаго народъ на защиту родины. «*Буде намъ*», говорилъ онъ, «*похотѣть помочь Московскому Государству, то не пожалѣть намъ и животы своихъ, и дворы свои продавать, и жены и дѣтей закладывати и бити челомъ, чтобы кто вступился за вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ?*» Весь Нижегородскій Край вооружился и отправился на освобожденіе Москвы. Начальникомъ собравшагося священнаго ополченія былъ другой Новгородецъ—Пожарскій. Козьма Мининъ получилъ званіе думнаго дворянина, но не былъ допущенъ въ кругъ вельможъ.

Свершивъ великій подвигъ освобожденія Россіи, Нижній теряется на страницахъ исторіи въ ряду другихъ второстепенныхъ русскихъ городовъ. Въ 1708 году онъ былъ причисленъ къ Казанской Губерніи, а



Панорама нижегородской ярмарки.

XV вѣка оно вошло окончательно въ составъ Московскаго Государства. Въ 1422 году былъ въ Нижнемъ ужасный голодъ, хлѣбъ продавали по неслыханной цѣнѣ. Въ 1500 году царь казанскій Магметъ-Аминъ съ 60,000 войска подступилъ къ городу, но былъ отбитъ. Триста содержавшихся въ немъ пленныхъ Литовцевъ спасли его, отстрѣливаясь изъ пищалей. Въ 1606 году Мордва подступила—было къ Нижнему, но была отбита. Наступили тяжелыя времена междоусобицъ. Обуреваемая внутренними безпорядками, Россія подвергалась опустошеніямъ отъ Поляковъ, которые, вмѣстѣ съ толпами русскихъ бродягъ, грабили безнаказанно русскіе города и селенія. Въ 1608 году толпы бродягъ Русскихъ, Поляковъ, казаковъ и Черемисовъ произвели нападеніе и на Нижній, но, потерпѣвъ пораженіе, отступили. Между тѣмъ событія становились все печальнѣе: Москва была въ плѣну, вся Россія гибла; враги готовились наложить на нее свои цѣни. И въ это трудное время Нижній явился спаси-

въ 1719 году самъ сдѣлался губернскимъ городомъ. Выгодность положенія его въ торговомъ отношеніи служить причиною того, что онъ и въ настоящее время имѣетъ большую важность, такъ какъ въ немъ происходитъ ежегодно ярмарка, которой нѣтъ подобной въ цѣлой Европѣ. Она содѣйствуетъ процвѣтанію самаго города. Нижній довольно населенъ и обширенъ (болѣе 26,000 жителей). Промышленность очень развита, какъ въ самомъ городѣ, такъ и во всей Нижегородской Губерніи. Въ Нижнемъ считается до 26 фабрикъ и заводовъ, на которыхъ находится до 1200 рабочихъ. Издѣлій готовится ежегодно на сумму до 700,000 рублей. Главная отрасль здѣшней промышленности есть производство канатовъ, которыхъ на 9 заводахъ выдѣлывается на 450,000 руб. Нижегородскіе канаты предпочитаютъ всѣмъ прочимъ и сбываются въ Рыбинскъ, Саратовъ, Астрахань и другіе поволжскіе города. Кромѣ канатныхъ, въ немъ существуютъ заводы: кирпичные, пивова-

ревные, водочный, восковыхъ свѣчъ, солодовный, стальной, колокольный, мыловаренный, шляповалаля-

По пріятности мѣстоположенія и красотѣ строеній, Нижній можетъ стать на ряду съ лучшими городами



Церковь Рождества Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ.

ный и крашенниный. Кромѣ того въ немъ 3 типогра-
фій и 2 литографіи. Нижній-
Новгородъ, какъ губер-
скій городъ, весьма замѣча-
теленъ по числу учебныхъ за-
веденій. Кромѣ гимназій и
семинарій, которыя есть въ
каждомъ губернскомъ городѣ,
здѣсь находится Александров-
скій Дворянскій Институтъ,
Училище для дѣтей канцеляр-
скихъ служителей, Училище
Удѣльнаго Вѣдомства, уѣзд-
ныя и приходскія училища и
перанжированный батальонъ
4-го Учебнаго Карабинернаго
полка. Сверхъ этихъ заведе-
ній для мальчиковъ здѣсь су-
ществуетъ еще Маріинскій
женскій институтъ и кромѣ
того предполагается учрежденіе женской гимназій.
Есть также публичная библіотека.



Одно изъ оконъ церкви.

Расположенный по скату
высокой горы, у подошвы кото-
рой сливаются двѣ могучія рѣ-
ки, Ока и Волга, онъ издалика
открывается изорамъ путника
съ своими храмами, домами и
садами, увѣнчанный кремлев-
скою стѣною, которая окайм-
ляетъ вершину горы. Здѣш-
ній кремль есть одинъ изъ
древнѣйшихъ городскихъ на-
матниковъ. Построеніе укрѣ-
лений приписывается одному
изъ нижегородскихъ князей —
Борису Константиновичу, ко-
торый положилъ основаніе
кремлевской стѣнѣ въ 1370
году. Она окончена по пове-
лѣнію великаго князя Василія
Ивановича уже въ 1568 году.
Здѣсь въ соборѣ поконится тѣло великаго русскаго мѣ-
щанина Минина. Петръ Великій, посѣтивъ здѣшній

еоборъ, поклонился до земли гробницѣ Минина и сказалъ: «Здѣсь лежитъ освободитель и спаситель Россіи.» Подлѣ губернаторскаго дома возвышается обелискъ, посвященный памяти Минина и Пожарскаго и украшенный по сторонамъ барельефными изображеніями ихъ и народнаго схода въ Нижнемъ въ 1612 г. Памятникъ этотъ имѣетъ 75 футовъ вышины. Онъ состоялъ изъ одного цѣльнаго куска, но, къ сожалѣнію, по его тяжести невозможно было взвести его на такую высокую гору, не разбивъ на части, и оттого теперь онъ составленъ изъ трехъ кусковъ. Изъ крѣпости открывается чудесный видъ на окрестности. Нижняя часть города у вашихъ ногъ; за нимъ ярмарка между двухъ огромныхъ рѣкъ, нестрѣющихъ судами разныхъ размѣровъ.

Одно изъ лучшихъ украшеній города составляютъ его церкви, какъ почти во всѣхъ русскихъ городахъ и селахъ. Одна изъ красивѣйшихъ церквей здѣсь—церковь Рождества Богородицы, находящаяся въ нижней части города, называемой Нижнимъ-Базаромъ, въ Рождественской улицѣ, которая можетъ быть названа одною изъ самыхъ лучшихъ въ городѣ. Нижний-Базаръ простирается по берегу Оки отъ превосходно устроеннаго спуска, прорѣзаннаго въ горѣ и ведущаго изъ верхней части города къ рѣкѣ и за тѣмъ до моста, соединяющаго чрезъ Оку городъ съ ярмаркой, расположенной на косѣ между Окою и Волгою. Со стороны ярмарки открывается великолѣпный видъ на переднюю рѣчную часть города. Высокая, покрытая зеленью гора, по которой лѣзутъ, какъ гнѣзда, каменные и деревянные строенія, спускаясь къ широкой рѣкѣ, обрамлена двумя рядами прекрасныхъ каменныхъ строеній, между которыми возвышается на массивномъ контрафорсѣ, устроенномъ террасой, разри-сованной яркими малиновыми и темно-красными цвѣ-

тами, двухъярусная церковь съ пятью главами, устѣянными золотыми звѣздочками и съ высокой колокольною. Рисунокъ этой церкви, приложенный здѣсь, можетъ дать понятіе объ архитектурѣ зданія, совмѣщающаго въ себѣ самое счастливое сліяніе готическаго и византійскаго стиля. Эта церковь долгое время называлась Строгоновскою. Еще въ XV вѣкѣ существовала на томъ самомъ мѣстѣ деревянная церковь, построенная соликамскимъ промышленникомъ Семеновъ Задоринымъ. Она нѣсколько разъ горѣла и вы-

страивалась вновь: прихожанами ея были постоянно строгоновскіе прикащики, жившіе подѣлами въ Нижнемъ-Новгородѣ. Наконецъ именитый человекъ Григорій Ивановичъ Строгоновъ, въ царствованіе Петра Великаго, построилъ церковь Рождества въ томъ видѣ, въ какомъ она находится нынѣ. Петръ Великій, проѣзжая чрезъ Нижний, молился здѣсь у всеицѣной.

Кромѣ значительнаго числа церквей здѣсь три монастыря: два мужскіе—Печерскій и Благовѣщенскій и третій женскій—Крестовоздвиженскій, недавно возведенный



Церковь Воскресенія въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ Монастырѣ.

въ 1-й классъ, основанный около 1600 года.

Печерскій Монастырь съ иконою Печерской Божіей Матери находился прежде на другомъ мѣстѣ. Онъ стоялъ на берегу Волги въ полуторѣ. Юля 12 дня 1597 г. по вершинѣ горы оказалась разѣлина на верету и скатъ ея къ Волгѣ, на которомъ находился монастырь, вдругъ опустился, гора осыпалась. Въ монастырь отъ этого паденія каменный храмъ Вознесенія Христова разрушило до основанія; остался только верхъ надъ жертвенникомъ. Одна колокольная разрушилась. Теплый храмъ во имя Божіей Матери расшатало и одною стороною онъ опустился въ землю. Святые врата и въ монастырь кельи, поварни и погреба обвалило, ограду надломило, а на берегу стоящій деревянный

храмъ Николая Чудотворца сдвинуло съ мѣста и паперти обломало. Въ слободѣ, принадлежавшей монастырю и близъ него расположенной, многіе дворы потрясло. Явленіе это объясняютъ тѣмъ, что Волга быстрымъ теченіемъ подмыла гору. Иѣкоторые, стоявшіе въ это время у берега, упавшею на нихъ землею были потоплены. Благовѣщенскій Монастырь, который находится въ двухъ верстахъ отъ кремля вверхъ по рѣкѣ Окѣ, противъ самой нижегородской ярмарки, воздвигнутъ по поводу одного изъ самыхъ благопріятныхъ для Россіи событій. Святой Алексій, митрополитъ московскій, по возвращеніи своемъ изъ орды отъ хана Джанибека, гдѣ чудесно исцѣлилъ жену его, Тайдулу, въ память сего случая, ознаменованнаго Божественною благодатью, положилъ въ 1370 году основаніе этому монастырю. Въ немъ находятся пять церквей: 1) церковь соборная Благовѣщенская, построенная въ 1647 году вмѣсто воздвигнутой основателемъ самаго монастыря; 2) церковь во имя Святителя Алексія, митрополита московскаго, основателя обители, сооруженная ризничимъ патріарха Іосифа, иродіакономъ Іоасафомъ (церкви изображены здѣсь на одномъ рисункѣ); 3) церковь во имя Успенія Божіей Матери; 4) во имя Андрея Первозваннаго (надъ воротами); обѣ находятся на одномъ рисункѣ (см. стр. 216).

Къ монастырю принадлежитъ часовня, называемая Алексіевскою (она изображена здѣсь на особомъ рисункѣ).

Эта часовня воздвигнута купцемъ Верониковымъ въ древнемъ стилѣ, взамѣнъ часовни, построенной въ 1725 году архимандритомъ этого монастыря Лаврентіемъ, въ память существованія древнѣйшей часовни, воздвигнутой самимъ митрополитомъ Алексіемъ. На часовнѣ Св. Лаврентія на камнѣ, вѣланномъ въ стѣнѣ, была надпись, изъ которой видно, что какъ этотъ монастырь, такъ и часовня, воздвигнуты были Алексіемъ митрополитомъ по тому самому поводу, какъ было объяснено выше.

Въ этомъ же монастырѣ замѣчательна по своей древности икона корсунской Божіей Матери, писанная, какъ видно изъ сохранившейся на ней греческой надписи, въ лѣто отъ сотворенія міра 6501, какимъ-то

іеромонахомъ Симеономъ, слѣдовательно въ 993 году по Р. Х. 5) Церковь Воскресенія Господня (изображенная здѣсь на особомъ рисункѣ) воздвигнута недавно, именно въ 1821 году. Она довольно красива.

Но перейдемъ отъ этого благочестиваго дома поста и молитвы, отъ этой обители тишины и мира, за рѣку, гдѣ находится знаменитая нижегородская ярмарка, гдѣ раздается звонъ золота, заглушаемый шумомъ торговой суеты, гдѣ является самая кипучая жизнь и дѣятельность съ начала іюля до конца августа. Къ этому времени сюда свозятся произведенія почти со всѣхъ частей свѣта. За 10,000 верстъ чрезъ дикія пустыни: Китай шлетъ сюда свои чаи, Хива, Бухара

и Персія по степямъ и чрезъ Каспійское Море высылаютъ сюда мѣха, шелкъ, марену, хлопчатую бумагу и издѣлія изъ нея; европейскія мануфактурныя издѣлія, вина, колоніальныя товары мчатся сюда отъ Финскаго Залива, по желѣзной дорогѣ и московскому шоссе. Наконецъ почти со всѣхъ концовъ Россіи, по дорогамъ и рѣкамъ, везутъ сюда все, чѣмъ издавна обильна русская земля: хлѣбъ, соль, металлы, мѣха, рыбу, кожи и сало; идетъ по степямъ и живой товаръ—скотъ, и свозятся русскія мануфактурныя и заводскія издѣлія, которыхъ количество и цѣнность возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Положеніе ярмарки указываетъ здѣсь самымъ удобствомъ мѣстности. Волга, по крайней мѣрѣ до устройства желѣзныхъ дорогъ, остается важнѣйшимъ торговымъ путемъ въ Россіи, и потому ярмарочный характеръ торговли на этой рѣкѣ, существующій издревле, доселѣ не теряетъ своего значенія. Съ XV вѣка до 1524 года ярмарка находилась въ Казани, составлявшей тогда независимое татарское владѣніе. Но въ 1805 году Магметъ-Аминъ перерѣзалъ на ярмаркѣ всѣхъ русскихъ купцовъ, а въ 1523 году тоже сдѣлалъ Сайпъ-Гирей. Великій князь Василій Ивановичъ, въ намѣреніи уронить торговлю Казани, запретилъ туда ѣздить русскимъ купцамъ, и пунктомъ для разнѣна товаровъ назначилъ городъ Макарьевъ. Внутреннія смуты въ Россіи и набѣги Татаръ долго препятствовали упроченію здѣсь торговли, но въ 1624 году, по возобновленіи здѣсь прежде существовавшаго и разрушеннаго ханомъ Улу-Магметомъ Макарьевскаго



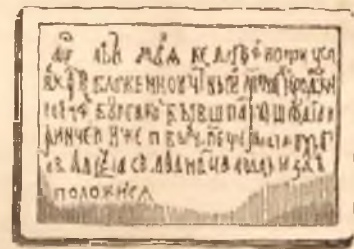
Алексіевская часовня близъ монастыря.

Монастыря, вновь открыта была существовавшая здѣсь ярмарка. Съ этихъ поръ торговля здѣсь усиливалась постепенно: уже въ XVII столѣтіи сюда съѣзжались иностранцы. Въ первый разъ о макарьевской ярмаркѣ упоминается въ грамотѣ Михаила Феодоровича въ 1641 году, которою онъ пожаловалъ макарьевскому Желтоводскому Монастырю право собирать пошлины съ торговцевъ, пріѣзжающихъ на эту ярмарку, продолжавшуюся только одинъ день, именно 25-го іюля. Въ 1667 году она продолжалась уже двѣ недѣли и на нее съѣзжались торговцы со всей Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ было ярмарочныя пошлины собирать въ казну, но въ 1681 году снова от-

по 28,000 руб. Императоръ-Александръ I повелѣлъ уничтожить откупъ Евреинова и построить на казенный счетъ гостинный дворъ. Онъ былъ отстроенъ въ 1809 году и состоялъ изъ трехъ каменныхъ корпусовъ и 24-хъ деревянныхъ съ 1800 лавокъ. Въ 1815 году издержки казны были уже покрыты ярмарочнымъ сборомъ. 18-го августа 1816 года, когда купцы уже разъѣхались, гостинный дворъ сгорѣлъ. Этотъ случай послужилъ въ перенесенію ярмарки на другое, болѣе удобное мѣсто, такъ какъ грунтъ земли здѣсь не былъ способенъ къ устройству на немъ каменныхъ зданій, и ярмарка была перенесена въ Ниланій-Новгородъ, гдѣ она и теперь находится. Милліоны были употреблены



Гробница Іоасафа.



1. Надпись надъ гробницей Іоасафа.
2. Камень съ надписью.

далъ ихъ монастырю. Въ 1700 году Петръ Великій повелѣлъ снова взять ярмарку въ казну, но вскорѣ послѣ этого было повелѣно только нѣкоторыя статьи ярмарочнаго дохода взимать въ казну, а другія предоставить монастырю. Въ 1751 году ярмарка окончательно сдѣлалась собственностію государства. Въ 1755 году былъ поставленъ здѣсь гостинный дворъ, съ котораго получалось дохода до 1000 рублей. Императрица Екатерина Великая въ 1766 году отдала ярмарку на откупъ купцу Барсову, но это оказалось стѣснительнымъ для торговли. Въ 1799 году, при открытіи Нижегородскаго Намѣстничества, макарьевская ярмарка поступила въ вѣдѣніе Нижегородской Казенной Палаты подъ главнымъ начальствомъ губернатора. Обветшавшія зданія надобно было поправить. Императоръ Павелъ I повелѣлъ отдать ярмарочныя сборы на откупъ купцу Евреинову, который обязался за то построить гостинный дворъ и платить ежегодно въ казну

на построеніе здѣсь торговыхъ помѣщеній. Цѣлый городъ каменныхъ лавокъ, расположенныхъ въ стройномъ порядкѣ и раздѣленныхъ на 60 корпусовъ, окруженъ съ трехъ сторонъ каналами, имѣющимъ сообщеніе чрезъ Мещерское Озеро съ Волгою. Барки съ товарами изъ рѣкъ могутъ подходить прямо къ зданіямъ для склада своихъ товаровъ. Ярмарка эта имѣетъ всѣ учрежденія, необходимыя для облегченія торговли. Здѣсь есть почтовая контора для ежедневнаго приѣма писемъ, кременная контора Коммерческаго Банка, своя полиція, словесный судъ для разбирательства словесныхъ неважныхъ жалобъ, есть даже и больница. Для христіанъ устроены церкви грекороссійскаго и армянскаго исповѣданій, для Татаръ—мечеть. Обороты ярмарки возрастаютъ съ каждымъ годомъ. Чтобы не утомлять вниманія читателей слишкомъ длиннымъ рядомъ цифръ, я приведу для сравненія данныя только за нѣсколько годовъ.

Во время существованія ярмарки у г. Макарьева количество товаровъ было въ привозѣ:

въ 1697 году на	80,009 руб. ассигн.
» 1741 » »	489,000 » »
» 1790 » »	30,000,000 » »

Въ 1824 году, когда ярмарка была перенесена въ Нижний, было привезено товаровъ на сумму 23.753,326 руб. сер.

въ 1834 году на	40.150,000 руб. сер.
» 1844 » »	50.187,374 » »
» 1855 » »	63.784,795 » »
» 1856 » »	69.593,780 » »

Но въ этой массѣ русскихъ товаровъ постоянно обращаетъ на себя вниманіе увеличеніе количества русскихъ товаровъ, въ которыхъ главнѣйшую цѣнность составляютъ русскія мануфактурныя издѣлія. Русская мануфактурная промышленность возрастаетъ и улучшается съ каждымъ годомъ. Привозъ ихъ на нижегородскую ярмарку увеличивается съ каждымъ годомъ, особенно въ годы войны. Но въ 1856 году привозъ ихъ былъ нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 1855 году. Причина тому заключалась частію въ томъ, что въ концѣ зимы, предшествовавшей ярмаркѣ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ внутренней торговли, бы-



Церковь соборная Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Сузда — церковь во имя св. Алексія.

Въ теченіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ привозъ на ярмарку возвысился чуть не втрое.

Среднимъ числомъ ярмарочный оборотъ ежегодно возрасталъ на миллионъ рубл. сереб.

Наибольшую цѣнность въ этомъ количествѣ товаровъ составляютъ наши русскіе товары, которая постоянно возрастаетъ.

	Русскихъ товаровъ.	Европейск. и колоніальн.	Азіатскихъ.
въ 1839 г. около	28 миллион.	6 1/2 миллион.	7 1/2 миллион. р.
» 1843 » »	35.366,106	5 »	6.885,992 »
» 1848 » »	39.181,578	4.930,871	7.570,298 »
» 1854 » »	44.061,050	7.638,310	8.455,885 »
» 1855 » »	48.420,355	5.883,515	8.547,675 »
» 1856 » »	52.152,615	5.216,800	8.841,700 »

ло необыкновенно большое требованіе этихъ товаровъ, такъ что фабриканты не успѣвали выработать соответственно требованію, почему и думали, что сбытъ ихъ на ярмаркахъ будетъ незначителенъ, тогда какъ въ дѣйствительности оказалось противное; частію въ увеличенномъ привозѣ, по случаю мира, иностранныхъ издѣлій.

Хлопчатобумажныхъ издѣлій въ 1856 году было привезено на нижегородскую ярмарку на 5.927,770 рубл., шерстяныхъ на 3.866,150 рубл., льняныхъ и пеньковыхъ на 2.691,450 рубл., шелковыхъ и полупелюшковыхъ на 3.000,700 рубл. Цѣны на мануфактурныя издѣлія были большею частію выше прошлыхъ лѣтъ.

Всѣмъ за русскими мануфактурными издѣліями,

въ числѣ прочихъ русскихъ товаровъ должно сказать о мѣхахъ. Успѣшный или безуспѣшный ходъ торговли этого рода на нижегородской ярмаркѣ зависитъ преимущественно отъ большаго или меньшаго требованія нужныхъ товаровъ на западную границу и на Кяхту. Для Кяхты пушныхъ звѣрей вовсе не куплено, но зато низшіе сорта мѣховъ и также мѣха невыдѣланные и шкуры проданы были безъ остатка, по цѣнамъ весьма выгоднымъ, на западную границу, преимущественно для лейпцигской ярмарки. Успѣшная торговля въ теченіе послѣднихъ лѣтъ значительно вознаградила пушныхъ торговцевъ за прежнія неудачи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, когда эта торговля была совершенно невыгодна и даже убыточна.

Торговля кожами бываетъ на здѣшней ярмаркѣ довольно значительна. Привозъ въ 1855 году былъ на 2.780,200 рубл., болѣе противъ 1854 года на 133,780 руб., а въ 1856 г. на 2.461,040 рублей.

Торговля разной посудой, стеклами и зеркалами русскаго издѣлія на нижегородской ярмаркѣ постоянно увеличивается.

Въ 1843 году глиняныхъ и стеклянныхъ издѣлій было привезено сюда на 341,490 рубл., въ 1847 году на 567,907 рубл., а въ 1855 году на 956,500 р. Значитъ въ двѣнадцать лѣтъ привозъ увеличился почти втрое. Въ 1856 году привозъ ихъ былъ на 916,150 рубл., на 40,150 р. меньше противъ 1855 г.

Одинъ изъ важнѣйшихъ русскихъ товаровъ есть металлъ. Въ царствованіе Петра Великаго, когда развилось горнозаводское дѣло на Уралѣ, начали привозить на макарьевскую ярмарку разные металлы въ большомъ количествѣ.

Нынѣ доставляется на нижегородскую ярмарку поч-

ти весь запасъ желѣза и мѣди, добываемыхъ на заводахъ Уральскаго Хребта.

Въ 1843 году металловъ было привезено на нижегородскую ярмарку на 1.177,680 рубл., въ 1845 году на 8.366,909 руб. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ торговля желѣзомъ, въ числѣ прочихъ металловъ, была въ застоѣ, но въ 1855 году во время войны оживилась; въ этомъ году привозъ металловъ и металлическихъ

издѣлій простирается на 9.061,045 руб. Цѣны были высокія. Потребность желѣза для оружія и огромныя заказы рельсовъ, сдѣланныхъ правительствомъ на заводахъ Яковлева и Демидова, возвысили на него цѣну. Въ 1856 году привезено было на 10.412,400 рубл., въ томъ числѣ одного желѣза на 4.295,000 пуд., кромѣ 900,000 пуд., отправленныхъ заводчиками вверхъ по Окт. и Волгѣ. — Цѣны на желѣзо были при этомъ несравненно выше цѣнъ предшествовавшихъ лѣтъ. Привозъ мѣди и металлическихъ издѣлій также былъ въ 1856 г. значительно прочихъ годовъ и цѣны на нихъ были значительныя.

Привозъ хлѣба на

нижегородскую ярмарку возрастаетъ постоянно.

Въ 1843 году было привезено хлѣба на 1.897,550 рубл., въ 1844 году на 1.574,634 р., въ 1848 году на 2.456,720 р., въ 1855 году его привезено на 4.777,740 р., въ 1856 г. на 8.832,630 руб. Привозъ соли въ 1855 году былъ на 3.300,000 руб., въ 1856 на 5.766,000 рубл.

Привозъ рыбы на нижегородскую ярмарку, соленой и сѣжей, былъ прежде незначителенъ и даже уменьшался постепенно. Въ 1843 году было привезено рыбы на 619,077 рубл., въ 1844 году на 450,619 р., въ 1845 г. на 418,747 р., въ 1845 г. на 263,115 рублей.



Церкви: во имя Успенія Божіей Матери и во имя Андрея Первозваннаго (надъ воротами).

Отъ продажи ея всегда былъ остатокъ, хотя и незначительный: въ 1855 году рыбьяго товару было привезено на 819,400 руб., и все количество было продано безъ остатка, а въ 1856 г. на 1.203,440 рублей. Но замѣчательнѣе всего въ привозѣ сюда рыбы—появленіе совершенно новаго товара, до 1855 г. здѣсь невиданнаго. Это — *волжская сельдь*. Она была извѣстна подъ названіемъ *бѣшенки*, которая топилась на жиръ и хотя солилась; но въ маломъ количествѣ и весьма неудовлетворительно — въ ларяхъ, а не въ бочкахъ. Академикъ Беръ, начальникъ экспедиціи для изслѣдованія каспійскаго рыболовства, научилъ астраханскихъ рыбаковъ солить эти сельди по голландскому способу. Онѣ вышли отличнаго достоинства и раскупались на нижегородской ярмаркѣ въ 1855 г. по тройной цѣнѣ противъ норвежской и шотландской, а въ Москвѣ отъ 20 до 28 рубл. за бочку въ 900—1000 сельдей. Въ 1856 г. было волжскихъ сельдей въ привозѣ на ярмарку въ восемь разъ болѣе прошлогодняго и все-таки онѣ продавались отъ 15 до 20 руб. за бочку. Но всего поразительнѣе въ этомъ явленіи то, что еще въ 1720 году Петръ Великій, указомъ отъ 26 октября, повелѣвая между прочимъ объ устройствѣ въ Астрахани аптекарскаго огорода, виноградныхъ, конныхъ и овчарныхъ заводовъ, предписываетъ дѣлать опыты соленія красной рыбы и затѣмъ говорить: *опробовать солить сельди, которыя въ Каспійскомъ Морѣ*. Солить сельди! Мы ежегодно на нѣсколько милліоновъ выписываемъ сельдей изъ-за границы, тогда какъ у насъ есть своя, ничѣмъ не хуже голландской, на которую 136 лѣтъ тому назадъ указывалъ намъ всеобъемлющій геній Петра.

Привозъ крѣпкихъ напитковъ на нижегородскую ярмарку до 1855 года возвышался. Въ 1844 году было привезено ихъ на 482,736 рубл., въ 1848 году на 1.018,658 р., въ 1854 году на 1,172,000 р., а въ 1855 году привозъ простирался только на 806,575 р., и это количество не все было продано, чему причиною были военныя обстоятельства; въ 1856 году привезено было на 854,705 рублей.

Въ числѣ разныхъ русскихъ товаровъ, какъ-то: воска, дѣса и дѣсныхъ издѣлій, табаку, сѣна, сахару, меду, соли и проч., замѣчательно на здѣшней ярмаркѣ торговля сахаромъ: въ 1848 году было привезено его на 1.026,000, а въ 1855 году на 1.680,000 рубл.; въ 1856 году привезено было его 40,000 пудами мѣнѣе. Это произошло отъ неудовлетворительнаго урожая свекловицы въ Россіи и малаго ввоза сахарнаго песку изъ-за границы.

Торговля лошадьми и рогатымъ скотомъ вообще

незначительна; она производится въ огромныхъ размѣрахъ другими путями.

Торговля иностранными европейскими и колоніальными товарами на нижегородской ярмаркѣ бываетъ довольно значительна. Но потребность въ нихъ, кромѣ аптекарскихъ товаровъ и москотильныхъ, необходимыхъ для нашихъ фабрикъ, становится мѣнѣе значительна по причинѣ усиленія нашей фабричной производительности. Въ 1855 году, во время войны, иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій было привезено на здѣшнюю ярмарку:

бумажныхъ	на 395,000 руб.
льняныхъ и пеньковыхъ	» 405,000 »
шерстяныхъ	» 334,000 »
шелковыхъ	» 600,000 »
всего	на 1.734,000 руб.

Въ 1856 году, когда миръ былъ заключенъ и препятствія ко ввозу иностранныхъ товаровъ, были устранены, привезено было этихъ издѣлій немногимъ болѣе:

бумажныхъ	на 400,400 руб.
льняныхъ и пеньковыхъ	» 399,600 »
шерстяныхъ	» 301,100 »
шелковыхъ	» 752,300 »
всего	на 1.851,300 руб.

болѣе противъ 1855 года на 119,300 руб.

Изъ числа азійскихъ товаровъ на нижегородской ярмаркѣ, безъ сомнѣнія, должно упомянуть прежде всего о чаѣ. Русскій человѣкъ, который не употребляетъ этого иностраннаго продукта, какъ-будто не похожъ на Русскаго. Чай услаждаетъ досугъ его, оживляетъ его бесѣду, укрѣпляетъ его во время труда, оживляя умственные и физическія силы и прогоняя дремоту. Всякій порядочный человѣкъ на Руси непременно потребляетъ ежегодно 6 фунт. чаю, слѣдовательно въ теченіе 60 лѣтъ жизни 9 пудовъ; полагая среднюю цѣну розничной продажи по 8 руб. ассигн., на 14 руб. сер. въ годъ, или на 800 руб. сер. въ теченіе цѣлой жизни. Если въ Россіи только милліонъ людей пьетъ чай, то ежегодно для нашего отечества требуется до 15,000 пудовъ, за которую потребители платятъ ежегодно до 14.000,000 руб. сер. Цифры припоза чаю въ Россію въ настоящее время доказываютъ, что потребленіе его у насъ гораздо значительнѣе. На одну нижегородскую ярмарку привозится чаю отъ 35 до 60,000 и болѣе ящиковъ, каждый ящикъ отъ 2½ до 3 пудъ., слѣдовательно отъ 100,000 до 200,000 пудовъ. Прежде чай былъ важенъ не только для потребителей, но и для мануфактурныхъ производителей. Ихъ дѣятельность тѣсно связывалась съ интересами любителей чая. По словамъ г. Мельникова,

на нижегородской ярмаркѣ торговля до прибытія чайныхъ каравановъ не начиналась.

Если бы, по какому нибудь несчастному случаю, чай не посетилъ въ Нижній-Новгородъ, то коммерческія дѣла на ярмаркѣ неминуемо должны были бы остановиться, и большое разстройство постигло бы не только ярмарочную торговлю, но и наши мануфактуры въ Московской, Владимірской и другихъ губерніяхъ. По прибытіи каравановъ все купечество ожидало исхода совѣщаній главныхъ распорядителей чайной торговли (Колосова, Шестакова, Лобкова, Рудакова, Корзинкина, Куманина, Крупенниковыхъ, Юнусовыхъ и друг.), отъ которыхъ зависѣла вся участь ярмарки. Съ продажей чаевъ разливались деньги на ярмаркѣ, устанавливались цѣны на товары и торговля принимала правильный ходъ. Вслѣдъ за продажей изъ первыхъ рукъ начиналась общая ярмарочная торговля, основанная преимущественно на продажѣ и куплѣ товаровъ въ кредитъ на продолжительные сроки. Кяхтинскіе купцы, продавъ чай, закупали все, что нужно для вымѣна на чай въ Кяхтѣ: сукна, вельвереты, мѣха и другіе товары, отпуславшіеся въ Китай, также запасались разными мануфактурными издѣліями, винами и сахаромъ и пр. для Сибири. Нынѣ значеніе чая, какъ товара, идущаго въ обмѣнъ на наши мануфактурныя издѣлія и мѣха, нѣсколько упало. До 1853 года покупка для Кяхты мануфактурныхъ товаровъ простиралась отъ 5 до 7 милліоновъ. Въ ярмарку же 1855 года куплено было для промѣна на чай въ Китай товаровъ не болѣе какъ на 1,670,000 руб. сер., въ издѣліяхъ на 550,000 руб.

Въ 1856 году, съ разрѣшеніемъ вывоза въ Кяхту и золота, русскихъ мануфактурныхъ товаровъ куп-

лено было для обмѣна на чай еще менѣе, всего на 500,000 руб. сер.

Привозъ бухарскихъ, хивинскихъ, персидскихъ, грузинскихъ и армянскихъ товаровъ на нижегородскую ярмарку незначителенъ; они состоятъ въ шелкѣ, хлопчатой бумагѣ, маренѣ, мѣхахъ и сушеныхъ плодахъ. Въ 1855 году было привезено ихъ на 2.887,575 руб. Въ этомъ случаѣ было замѣчательно необыкновенное увеличеніе привоза бухарскаго и персидскаго хлопка, въ особенности бухарскаго. Это произошло въ слѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ привозу въ Россію изъ Америки этого товара моремъ, тогда какъ онъ необходимъ для нашихъ мануфактуръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился привозъ и марены. Въ 1856 году торговые обороты съ этими странами, по случаю мира съ европейскими державами и чрезъ то свободнаго ввоза хлопчатой бумаги были менѣе значительны.

Вотъ краткій очеркъ нижегородской ярмарки. Въ полтора ста лѣтъ обороты ея достигли отъ 80,000 руб. до 69 милліоновъ. Что будетъ, когда усовершенствуются въ Россіи сообщенія и Нижній сдѣлается главнымъ узломъ желѣзныхъ и водныхъ путей,—это рѣшить трудно. При первомъ требованіи товары съ мѣста производства могутъ быть тогда прямо доставляемы, куда нужно, и ежегодное rendez-vous товаровъ и капиталовъ при сліятіи Оки и Волги будетъ ли нужно? Это разрѣшить будущность. Можно только сказать, что во всякомъ случаѣ Нижній не долженъ потерять отъ этого. Положеніе его такъ выгодно, что онъ останется всегда важнымъ торговымъ пунктомъ внутри Россіи.





Кургаров, зах. А. Илья, в. Мастерск. у. д. № 1/42.

Домаш. Цинзурило 10-11-1874 года. Петербург.